

СИНФЕССУРА
И БУРХАРД

ДНЕВНИКИ

СИНФЕССУРА
И БУРХАРД

ДНЕВНИКИ

ОГИЗ-ГАИЗ

STEPHANI INFESSURAE
CIVIS ROMANI

DIARIA RERUM ROMANA-
RUM SUORUM TEMPORUM

DIARIUM SIVE RERUM URBA-
NARUM COMMENTARIJ

1483-1506

IOHANNIS BURCHARDI

СТЕФАНО ИНФЕССУРА
ИОГАНН БУРХАРД

ДНЕВНИКИ

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ
ПАПСТВА
XV-XVI вв

Вводная статья и примечания
проф. С. Г. ЛОЗИНСКОГО

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

1954

Книга содержит сокращенный перевод дневников секретаря римского сената Инфессуры и церемониймейстера папского двора Бурхарда, описывающих современные им события в Папской области. Книга дает много материала для характеристики пап, папской политики и политической жизни XV века и начала XVI века.

«ДНЕВНИКИ» ИНФЕССУРЫ И БУРХАРДА КАК ПАМЯТНИКИ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

1

Дневники Инфессуры и Бурхарда, предлагаемые советскому читателю в сокращенном виде на русском языке, написаны на рубеже XVI века, — в эпоху, «которая создала монархии Европы, разрушила духовную диктатуру папства, воскресила греческую древность и вместе с ней высочайшее развитие искусства в новое время, которое разбило границы старого мира (orbis) и впервые, собственно говоря, открыло землю...»*. Италия раньше других европейских стран «разбила границы старого мира» и вступила на путь развития буржуазных отношений еще в XIII веке. Это было результатом оживленной торговли с Востоком, усилившейся в связи с крестовыми походами. Но эта ранняя вспышка капитализма уже потухала к моменту составления обоих «Дневников», и Италия отчасти даже откатывалась к старым разрушенным феодальным рамкам. Завоевание турками Константинополя в 1453 г., наравне с социально-экономическими причинами европейского характера, сыграло решающую роль в потухании ранней вспышки капитализма в Италии в рамках феодальной формации. Период бурной ломки старых отношений, расцвета новых, но еще в рамках старого феодального общества, обычно называют эпохой итальянского Возрождения, Гуманизма, Ренессанса. Многогранность и диалектичность продолжавшегося три века процесса не были доступны пониманию его современников; но проявления его ярко сказывались в мыслях и поступках выдающихся деятелей этой эпохи. Они отразились и в «Дневниках» обоих наших авторов, типичных представителей этого сложнейшего переломного времени, не блещущих, правда, особыми дарованиями. В Инфессуре «старина» вызывает гнев, в Бурхарде — презрение. Хотят ли они или не хотят, их что-то толкает от феодального средневековья к капиталистическому, новому времени.

«Возрождение» в Италии характеризуется в первую очередь национальным подъемом итальянской торговой буржуазии. Богатейшие коммуны и республики, чувствуя свою экономическую мощь, не хотели более мириться с вмешательством в их жизнь Германской империи и Французского королевства, этих «северных варваров», которые так тормозили «свободное», т. е. торговое, развитие наиболее культурных центров Европы. Итальянские летописцы и историки, писавшие в

* Энгельс — Диалектика природы. Партиздат 1936. Стр. 22.

XIV—XVI веках и выражавшие интересы торговой буржуазии, характеризовали гуманистическое движение, как стремление «итальянской нации освободиться от варваров», причем вслед за гуманистами эти историки вели начало несчастий Италии с момента разрушения варварами Римской империи.

История Италии, начиная с эпохи варваризации древней Римской империи, представлялась гуманистам сплошным несчастьем, и даже император Константин I подвергался нападкам гуманистов за то, что перенес свою резиденцию в Константинополь и тем умалил величие «Вечного города». Обманным путем, по словам некоторых гуманистов, Константин заставил римских сенаторов стать греками; введенное им христианство было будто по существу арианством, а сам он был не римлянином, а чужим, путем убийства достигшим власти. Италия может быть счастлива, если она оживит, возродит доварварскую империю и окупится в ее золотой век после ряда столетий (*post multa saecula auream aetatem*). Пусть будут прокляты имена тех, которые способствовали «варваризации» Италии, и Данте посылает в ад папу Бонифация VIII, этого верховного главу фарисеев, за то, что он призвал во Флоренцию Карла Валуа и тем нанес страшный удар национальным чаяниям итальянцев. Но этот же глава фарисеев берется Данте под защиту, когда Бонифаций VIII становится объектом нападения со стороны французского короля, этого северного варвара, ведущего традиционную политику всех исторических разрушителей Италии. Теперь Данте вспоминает, что «этот представитель Гаэтани» обстроил Капитолийский дворец, Латеранскую базилику, Латеранский баптистерий, праздновал с большим торжеством юбилейный 1300-й год, воздвиг свою статую в Риме, во многих итальянских городах и даже церквях и тем поднял Рим на ту высоту, на которой он стоял в золотые дни Августа и его ближайших преемников. И Бонифаций, недавний глава фарисеев, становится в глазах Данте национальной фигурой, а его чванство и честолюбие превращаются в *immortalis fama* (бессмертную славу), родную сестру бессмертия Рима.

В «славный» год юбилея стеклось столько народа в Рим, что посетители его, среди которых были и Данте и Джованни Виллани, грезили видениями великого прошлого, и свое путешествие в рай через ад и чистилище Данте приурочил к этому знаменательному году. Он поступил именно так потому, что по определению юбилейной буллы и официальному объявлению о юбилейном годе, сделанному кардиналом Яковом Стефанески-Гаэтани и подкрепленному авторитетом гуманистического историка Феррето из Виченцы, этот первый светский праздник в Риме должен был означать мировое омовение, которое омыло бы все человечество от его грехов и возродило бы его к новой жизни. Так идея освобождения Италии от вмешательства иностранцев, стремление торговых коммун центральной и северной Италии к самоуправлению, к свободному развитию экономических сил на почве растущей торговли — получили мистическое название Возрождения и переплелись с церковным, религиозным обрядом, свидетельствуя о том, что не бесследно прошло для Италии многовековое господство в ней церкви. Так даже «языческое» итальянское движение именем своим

соприкасалось со всемогущей церковью. И Бонифаций, на миг сделавший Рим центром мира и за счет Иерусалима одаривший его «крещальной баней» (*lavacrum baptismi*), оказался за столь великие благодеяния у истоков национальной идеи Италии, у ее освободительного движения. Большого противоречия нельзя найти даже в столь богатой противоречиями эпохе Возрождения!

//

Под гуманизмом следует разумеать не простое изучение античного мира с его литературой, философией и искусством, изучение, в той или иной степени имевшее место в Италии на протяжении всего средневековья, а стремление к такому изучению древнего мира, которое создало бы у изучающих его новое мировоззрение и новую программу жизни, работы и деятельности, черпающие свои силы из литературно-философских и художественных памятников античного мира. Гуманист не есть обычный знаток древней культуры: он насквозь проникнут ею, влюблен в нее и — что особенно важно — сливается с творцами античной культуры, с ее человеком (*homo*), со стилем, специфическими чертами, достоинствами и недостатками этого человека. Возрождение этого именно человека, который жил до наступления варварской эпохи и был свободен от влияния всего, что было создано в промежутке целого тысячелетия, — таков был идеал торговой буржуазии итальянских республик и коммун, боровшейся за воображаемую античную жизнь и протестовавшей против навязывания ей «чужой» культуры, «чуждого» ей общественного уклада со стороны варваров, под грубой силой которых стонала Италия вот уже тысячу лет.

Эта бывшая античная жизнь, по мнению гуманистов, — единственно человеческая (*humana*) культура; только погружение в греко-римский мир может опять возродить человеческую культуру. Так понятие человечность, гуманизм, сливается с классицизмом, с античностью. Греко-римское искусство, литература, греческий и латинский языки и наука признаются самыми совершенными, единственными образцами идеального типа человеческой культуры вообще*. Гуманизм и Ренессанс сплетаются друг с другом, не отделимы один от другого и своими корнями далеко уходят в потребность крепнувшей средневековой буржуазии изменить и возродить существующий строй по образцу прошлого золотого века. Недаром *renovatio*, *reformatio* и *rinascita* являются однозначными понятиями и ими пестрит уже средневековье.

Возрождение и гуманизм в истоках своих слиты, и книга Георга Фойгта (*G. Voigt*) «Возрождение классической древности», изолированно изучавшая эти явления и отводившая им во времени две разных области проявления, справедливо считается после работ Якова Буркгардта устарелой, несмотря на ее выдающиеся достоинства. Возрождение и гуманизм — это в Италии единый процесс протеста против «низших» веков, как пазывал Гете в «*Italienische Reise*» средние века, которые

* А. Дживилегов — Начало итальянского Возрождения. 1924. Сборник «Средневековый быт» (очерк А. Хоментовской о Лукке). 1925. А. Дживилегов — Очерки итальянского Возрождения. 1929.

будто упизили, уничтожили старый прекрасный мир и стали непроходимой стеной между ним и новым человечеством, новым временем*.

Разумеется, изучение античной культуры не явилось результатом наплыва в Италию латинских и греческих книг, рукописей и художественных произведений в связи с наступлением мусульман на Византию, как то обычно утверждают буржуазные исследователи Ренессанса. Вряд ли серьезно можно в настоящее время повторять слова эпохи Ренессанса: *Ex Aristotelismo natus est Machiavellismus*. Менее всего изучение «аристотелизма» могло вызвать то общественное движение, которое связано с гуманизмом. Книги сами по себе не создают широкого общественного движения, и увлечение изучением античной культуры явилось выражением потребности в новой жизни. Эту потребность буржуазия надеялась удовлетворить путем возрождения общественного строя в направлении золотого века, который будто лежал за пределами варварской эпохи, уничтожившей идеальнейший античный мир. Так итальянский национализм со стремлением буржуазии освободиться от вмешательства «варварских» королей был причиной, толкавшей коммуны северной и центральной Италии на путь изучения античной культуры. Национализм коммун двигал вперед гуманизм, являлся выражением социального сдвига внутри итальянских коммун, создавшегося в силу роста торговых сношений Италии с центрами торговли на Востоке. Так как сдвиг этот носил длительный характер, отражая долгий период процветания отдельных итальянских территорий, то и стремление к преобразованию общественного строя, находившее свое проявление в гуманизме-ренессансе, имело длительный характер. Корни его восходят к начальному накоплению богатства внутри коммун и тянутся даже за грань между XIII и XIV веками**. Зачатки требования преобразования Италии в духе давнопрошедшего золотого века можно найти и в XII веке.

Уже в то время замечалось начало возрождения римского права; греко-римской философии, естествознания и медицины. Стоит вспомнить университеты в Болонье и Салерно. Еще в XII веке в болонской школе свободных искусств с большим успехом подвизался светоч права (*lucerna juris*) Ирнерий, основатель школы глоссаторов, требовавший от своих учеников точного знания *Corpus juris*. Ирнерий считал его высшей юридической мудростью и в своих комментариях заповедал потомству как непререкаемый авторитет***. Пизанец Леон Фибоначчи в своих сочинениях «*Quadrati numeri*» и «*Liber abaci*» связывал интерес к математике с финансами. Прославлялась в XII веке и римско-греческая медицина в знаменитой школе в Салерно, в так называемом *civitas Hippocratica*, а «Анатомия» Мондино, профессора XIV века, указывала уже новые пути в медицине. Монах Аматус из Монте Кассино горюет, что не обладает талантами Цицерона, Вергилия и Овидия, чтобы должным образом изобразить страшное норманское разрушение 1084 года.

* R. Stadelmann — Jacob Burckhardt, «Hist. Zeitsch.» 1930. Вып. 3.

** М. Гукровский — К вопросу о сущности т. наз. Итальянского Возрождения. Сб. «Памяти К. Маркса», 1933.

*** С. Муромцев — Рецепция римского права на Западе. 1886.

Национальная свобода, о которой мечтала итальянская буржуазия еще до XIV столетия, нисколько не означала господства демократии и не исключала режима, при котором власть была бы сосредоточена в руках тирана. Демократическая идеология при дальнейшем обострении классовых противоречий не соответствовала интересам крупной торговой буржуазии, которой все более и более невыгодно было господство плебейских элементов коммуны. Уже Данте идеализировал монархический строй и выступал в защиту Юлия Цезаря, отправляя Брута и Кассия в царство Люцифера. Многочисленные гуманисты служили при различных дворах больших и малых тиранов XV века и особенно XVI, когда в связи с обострившейся классовой борьбой идея диктатуры капитала с острием, направленным против ремесленника и бедняка, стала особенно популярна в среде богачей. Так гуманисты, считавшие себя «солью земли», лучшими людьми (*homines spirituales*), не только группировались вокруг тиранов, но являлись их идеологами и певцами. Еще Петрарка уютно чувствовал себя под крылышком деспота; Колуччо Салютати ограничивает по возможности точной юридической формулировкой понятие о тирании; Петрарка — на словах тираноборец, а на деле ищет защиты у тирана.

Но проблема тираноубийства все же стояла в центре внимания Ренессанса. В дискуссии «Цезарь — Сципион» два республиканца — Поджо из Флоренции и Пьетро дель Монте из Падуи — защищают идею важности насильственного устранения тирана. Гуарино стоит на стороне Цезаря и предпочитает тирана заговорщикам типа Катилины, причем Гуарино склонен думать, что заговорщик ничем, помимо Катилины, быть не может. В этом споре по существу сталкивались два мировоззрения — буржуазное и феодальное. Буржуазное защищает тирана, а феодальное настаивает на насильственном его устранении. Ведь еще Иоанн Салисберийский (XII в.) в «Поликратике» называет убийство недостойного правителя «справедливым и правильным делом» (*aequum et justum*) и для большей авторитетности ссылается на библию, Цицерона, Плутарха, Созомена Саламанкского. Францисканец Жан Пти в XV веке поддерживает мнение о необходимости покончить с несправедливым тираном, причем, подобно Иоанну Салисберийскому, он приводит в подтверждение правильности этой мысли многочисленные авторитеты; кроме библии и Аристотеля, он ссылается на Фому Аквината. Так гуманизм-ренессанс своими корнями и в вопросе о тираноборстве далеко восходит в средневековье, обнаруживая свой переломный характер — от разлагающегося феодализма к развивающемуся торговому капиталу, от господства крупного землевладения к царству движимого капитала.

IV.

Нередко отождествляют борьбу, которую вела итальянская буржуазия ряда республик против иностранного вмешательства, с политической свободой, которая была лозунгом либеральной буржуазии Западной Европы со времени французской революции. Причина этого

смещения двух разных общественных движений отчасти объясняется книгой Симонда де Сисмонди «Histoire de la liberté en Italie», вышедшей в 1832 г. Сисмонди был первым крупным историком, подробно и любовно описавшим движение итальянских коммун и их борьбу против вмешательства иностранных государей. Будучи сторонником «Молодой Италии» первой половины XIX века, он приписал идеи современной ему либеральной буржуазии Италии ее далеким предкам. Его толкали на эту ошибку не только влечение его либерального сердца, но и многочисленные итальянские исследования, которые зачастую применяли старый термин «возрождение» к новому явлению, к политической свободе. Затемнялось при этом, что идеологи Ренессанса говорили лишь о «лучших людях», о крайне ограниченной касте крупной торговой буржуазии, боявшейся широкого народного движения. Так, Леоне Баттиста Альберти, задавшийся целью увековечить крупного богача Джованни Ручелли, в своих нравственно-философских и полуполитических наставлениях говорил: «Не следует ни стоять, ни находиться среди толпы; не следует с ней якшаться, — ведь она тебя будет толкать; только это она умеет и знает».

Духовная аристократия чувствует влечение к тому общественному строю, в котором нет места господству «портных и сапожников» и нет шума тех массовых народных собраний, которые на поводу ведут «хитроумные эгоисты». Даже Боккаччо, который осуждал Петрарку за его связь с Висконти, чувствовал «внутреннее» отталкивание от «флорентийской грязи». Точно так же другому принципиальному противнику тирании — Колуччо Салютати даже самое маленькое свободное, в смысле демократическом, государство кажется «многоголовым чудовищем». В демократическом государстве часто бывает трудно, по мнению Альберти, укрыться от глупости толпы и спокойно заниматься чтением интересной и поучительной книги. Неудивительно поэтому, что Альберти в восторженных выражениях говорит о феррарском маркграфе: в его владениях он понял, как приятно жить в государстве, где царствует спокойствие и где все беспрекословно повинуются отцу отечества.

В глазах Понтано важнейшей основой всякого человеческого общества является повиновение, диктуемое и проводимое в жизнь разумом.

Плебейские массы трудно держать в повиновении, и Франческо Сфорца пугается при чтении представленного ему в 1464 г. архитектурного романа-трактата, в котором Антонио Аверлино, под псевдонимом Филарете, предлагал построить резиденцию «Сфорцинду» и в 8—10 дней окружить ее стенами с помощью 103 200 рабочих. «Такого множества людей, — восклицает Сфорца, — еще никто не держал в страхе и повиновении. Люди в таком числе не уважают ни своего повелителя, ни Мадонны». В качестве гуманиста Аверлино-Филарете так проучает своего повелителя: во-первых, надо проводить строгую разбивку рабочих масс на небольшие отряды, не общающиеся друг с другом; во-вторых, выдавать своевременно заработную плату; в-третьих, содержать в полном вооружении и наготове княжеские войска. Город должен быть построен так, чтобы в нем войска могли легко маневрировать с целью недопущения волнений.

«И чтобы князь не очутился в положении Цезаря, необходимо построить в главном зале государственного совета особый ход для князя, с которым непосредственно никто не сообщается».

В глазах знаменитого Альберти архитектор был необходимым гражданином государства, в котором «торжествуют постоянство, порядок, достоинство и красота». Но не только монументальность государственных зданий является изображением силы и могущества господствующего класса, олицетворяемого центральной властью, — этой же цели служит всякого рода украшение внешнего и внутреннего вида как государственных, так и частных домов, за исключением пролетарских домиков, которые Альберти и другие гуманисты-художники «щадят» как «*modi e misura*». Так возникла «до небес возвышавшаяся проповедь в резце и кисти, в камне и картине», и под муниципальной красотой даже самых маленьких коммун крылось сознание какой-то силы, менее всего напоминавшей стремление к демократическому строю в духе карбонариев эпохи Сисмонди.

V

Но в стремлении к украшению жизни сказался и протест против того «варварского» времени, которое относилось с фанатической враждой ко всякому проявлению красоты, изящества и художественности в жизни человека. «Варварский» мир избегал красоты; ее культивировала «национальная» империя, античный мир; и античная пластика, скульптура, живопись, архитектура, музыка, декорация и орнаментация овладевают умами и сердцами рвавшихся к национальной свободе и независимости от варварства идеологов окрепшей буржуазии итальянских коммун. Уродливым формам жизни «грубых варваров» противопоставлялась «прекрасная в своем изяществе и изящная в своей красоте» жизнь греко-римского мира, и с упоением гуманисты черпали из «своего национального» прошлого не только сюжеты для вдохновения, но и форму для их воплощения. Античное искусство в широком смысле этого слова должно было ожить, возродиться на родной итальянской почве, и гуманист Филипп Виллани рассказывает, с каким изумлением даже наиболее выдающиеся граждане Флоренции отнеслись к тому, что из глины создаются живые образы, живые люди. Пред очами флорентийцев предстал легендарный Прометей, смысл сказания о котором приобрел в их глазах новый характер. Прометеями стали также и Джотто, и Чимабуэ. Всех прометеев объединяет то, что они дают настоящих людей, а не вымышленных, по примеру варваров, какие-то идолы, иконы, святые и не святые изображения, всего менее напоминающие живого, естественного человека в том виде, как его создала природа, — и Виллани говорит, что художественное произведение должно жить и дышать и искусство должно соревноваться с природой (*pictura aemulatrix naturae*). Так именно творили древние; это понял и Джотто, а потому Виллани относит его к основоположникам того подъема искусства, который им характеризуется словом *rinascita*, возрождение.

Естественный, наиболее близкий к природе человек, свободный от всяких наростов варварского и иных миров, не знающий мирской

печали и мудрости, переходящей в глупость, был и есть Адам до своего падения и изгнания из рая, и возрожденческое искусство, соперничающее с природой, отводит одно из центральных мест в своей деятельности Адаму и его спутнице Еве. И в их оголенности сказывается тот же протест против тяжелого варварского прошлого, которое так давит идеологов итальянской буржуазии, жаждущей новой жизни. Эту новую жизнь идеологи буржуазной мысли ищут в золотом веке, находящемся далеко в прошлом — даже не в античности, а в «семядневном сотворении мира», где «первый человек», радостный и веселый, беззаботный и беспечный, наслаждался жизнью, которая нам «дана для наслаждения». Так «адамово искусство» в своеобразной форме являлось решительным отрицанием того средневекового религиозно-мистического аскетизма, который принес на землю варварский мир. «Вернемся к состоянию Адама» [*redeamus ad statum Adae (Adamae)*] — это был лозунг на библейско-христианском языке, но звавший к посюсторонней жизни и отвергавший жизнь потустороннюю. Это был призыв буржуазии, которая, помимо национальной свободы, чувствовала потребность в умственной свободе, в свободе человека. Так свобода итальянской буржуазии, требовавшая от «низов» одной лишь покорности, предоставляла «лучшим людям», тем, которые управляли коммунами, право на индивидуальное наслаждение, на личное счастье, на свободу от умственного, религиозного и нравственного гнета, который всей тяжестью небесных и земных кар давил средневекового человека на «некогда свободной римской земле»*.

VI

Ярким проявлением стремления к освобождению человека от варварского средневекового умственного ига была борьба гуманистов против господствовавшей в обществе того времени рационалистической схоластики, которая пронизывала всю философию и религию, а также против той литературной формы, в которой велось изложение тех или иных светских и церковных мыслей. Средневековье игнорировало требование красоты стиля, языка. Оно обезличивало форму изложения, механически нанизывало одну фразу на другую, покрывая все густым слоем монотонного монастырского-церковного елеса. Литературный язык средневековья был тягуч, тяжел, неудобочитаем и трудно поддавался пониманию. Зигзагообразная схоластическая мысль искусственно сшивала рвавшиеся тонкости формально-логических выкладок, и многочисленные *fiorite* и *tesoretti*, затемняя убожество мысли и заполняя неизбежные прорехи, доводили читателя до иступления. Решительным и энергичным протестом против этого «чужеземного варварства» была эпоха Ренессанса, требовавшая «естественной» формы изложения всякой мысли, — научной, философской или религиозной, и видевшая в этой «естественной» форме «облегчение духа». «Естественная» форма представляет «сладкий новый стиль»

* Konr. Burdach — *Der Dichter des Ackermann aus Böhmen*. 1919.

(dolce stil nuovo); она напоминает Вергилия, Овидия и Горация и по красоте и легкости своего ритма соревнуется с природой, любовное изучение которой является триумфальными воротами, через которые человек вступает в область истинного знания и высшего искусства. Не отклоняться от природы, идти с ней нога в ногу — таков лозунг и искусства и литературы.

Вместе с литературной формой произведений средневековья отбрасывалось в значительной степени и их содержание, причем наиболее ожесточенным нападкам гуманистов подверглась перипатетическая философия, тесно связанная с христианскими догмами. Последним противопоставлялось античное язычество. Ранние гуманисты, как Петрарка и Боккаччио, уже отчасти определили путь, по которому пошли позднейшие, более радикальные. Среди последних виднейшее место принадлежит Лоренцо Валла, чья книга «О сластолюбии» (1431 г.) явилась «буревестницей литературной революции». Книга эта распадается на три диалога: в первом Бруни защищает стоическую философию, во втором Беккадели стоит на платформе Эпикура, а в третьем диалоге Никколи борется за «истинное добро» (*verum bonum*). Хотя Валла не становился ни на одну из трех различных точек зрения, но у читателей книги не могло быть сомнения, что симпатии Валла на стороне эпикурейской философии, и «истинное добро» по-христиански настроенного Никколи введено в книгу из-за цензурных соображений, из боязни оказаться в когтях инквизиции. Неудивительно поэтому, что Лоренцо Валла стал символом языческого философа в духе проповеди свободной любви и наслаждений, хотя книга его заканчивалась тем, что участники спора признали «христианского гуманиста» Никколи победителем: слова, имевшие, по видимому, целью отогнать призрак инквизиционной опасности.

Эта предосторожность дала Валла возможность выступить с новым диалогом «Об обете монахов». В нем, помимо обычных в устах гуманистов нападок на монахов и общего издевательства над духовенством, Валла отвергает принцип обета и в корне подрывает католическое учение о смысле жизни и о той цели, к которой должен стремиться человек. С такой же решительностью и принципиальной смелостью Валла выступил против притязаний папства на светскую власть, а разоблачение подложного характера пресловутого «Константинова дара» под пером Лоренцо Валла приобрело поистине историческое значение, ни в какое сравнение не идущее с теми сомнениями относительно подлинности этой грамоты, которые до Валла были высказаны Николаем Кузанским и епископом Регинальдом Пекоком. «Раз Константинов дар подлог более позднего времени, — резюмирует Валла свою книгу, — то папе ничего другого не остается, как отказаться от власти, которую он насильственным путем захватил... Сказка о Константиновом даре стала причиной разорения и опустошения всей Италии... Папа жаждет чужого имущества и из своих подданных высасывает последние соки. К нему применимы в прекраснейшей степени слова Ахиллеса об Агамемноне — царь, пожирающий свои народы».

Эти заключительные слова оттачивали направленное против папства оружие и придавали книге революционный характер: недаром ее в 1517 г. опубликовал Ульрих фон Гуттен со специальным обращением к папе Льву X, полным издевательства и сарказма по адресу как лично Льва X, так и папства вообще. Через год книга появилась на немецком языке и во время Великой крестьянской войны 1525 г. играла, по выражению Давида Штрауса, роль дубинки в руках повстанцев*.

Если Валла мог так смело выступить против папы, не боясь очутиться в пасти инквизиции, то объясняется это и тем, что он находился при дворе неаполитанского короля Альфонса Арагонского, против которого боролся тогдашний папа Евгений IV, поддерживавший притязания династии Анжу на неаполитанский престол. Эта недостижимость Валла не исключала того, что Евгений IV принял меры борьбы с книгой: под страхом отлучения от церкви было запрещено ее чтение. Особенное усердие обнаружил в этом деле кардинал Чезарини: собственной рукой бросал он в костры произведения гуманистов, а проповедники Бернардино из Сиены и Роберто из Лечче публично в Милане и Болонье сжигали портреты и книги многих писателей-гуманистов. Вместе с тем велась и «идейная» борьба против «преступных» гуманистов. Францисканец Антонио да Ро, картезианец Мариано да Вольтерра и минорит Альберто да Сартеано были наиболее рьяными опровергателями «неприличных» памфлетов-язычников и обращались то к молодежи, то к матерям, то к государственным мужам с просьбой и увещанием не внимать голосу врагов религии, семейной жизни и нравственности, а заняться чтением произведений, исходящих от разоблачителей гуманистической безнравственности и неверия. Ведь безбожники навлекут, без сомнения, на Флоренцию и Сиену ту же участь, которая некогда постигла Содом и Гоморру.

Во избежание подобной кары начались инквизиционные розыски безбожных гуманистов, и заплестрели именами последних многочисленные донесения, поступавшие то в папскую канцелярию, то в иные инстанции, связанные с курией. Жертвами этих доносов стало огромное количество лиц, хотя далеко не все заплатились одинаково жестоко за свою «гуманистическую безнравственность» и за увлечение «языческой философией». Так, известный флорентийский государственный деятель Ринальдо дельи Альбицци был обвинен в том, что в разговоре с одним философски образованным врачом поднял вопрос, совместима ли наука с христианской религией, и пришел к выводу, что христианство противоречит науке. Свое заявление Ринальдо подтверждал авторитетом Аристотеля. Другой флорентийский государственный деятель Карло Марсуппини из Ареццо будто бы открыто презирал христианскую религию и столь же открыто проповедывал язычество. Такие же донесения поступили на Кодро Урчео, болонского профессора, с кафедры заявившего, что никто не знает, что будет с его душой после смерти, а потому все разговоры о

* Д. Штраус—Ульрих фон-Гуттен. 1897. D. Strauss — Sechs Theologisch-politische Volksreden. 1848.

потусторонней жизни являются пугалом, которое страшит лишь старух. «Серьезнее» было преступление Сигизмунда Малатесты, владельца Римини, политического врага папства, не раз открыто нападавшего на Папскую область. Он был отлучен от церкви, но отнесся к этому наказанию «в духе гуманизма»: иронически спрашивал он авторитетных людей, теряют ли отлученные от церкви вкус к хорошему вину и приятным развлечениям. Мало того, он в виде протеста против церковного наказания однажды после ночной оргии наполнил церковные сосуды чернилами, чтобы потом издеваться над верующими, окрашенными в чернильный цвет. Он поместил в капелле св. Иеронима целый языческий Олимп: здесь фигурировали Марс, Сатурн, Венера и др.

При таких обстоятельствах папа двинул войска против владельца Римини, надеясь его разбить. Но Сигизмунду Малатесте удалось 2 июля 1461 г. нанести поражение папской армии. В ответ на это во всех городах Папской области было устроено торжественное сожжение портрета Сигизмунда. На портрете была надпись: «Это — Сигизмунд Малатеста, король изменников, враг бога и людей; решением святой коллегии он приговорен к сожжению». Отказавшаяся от огненного празднества Болонья впала в папскую немилость*.

С владетельным князем трудно было справиться, — гораздо легче было действовать против философа-писателя Бартоломео Сакки из Пиадены (древняя Платина), более известного под названием Платина. Он выступил с памфлетом против Павла II. Поводом к памфлету Платина послужило устранение папой со службы (купленной за определенную сумму денег) ряда лиц, в том числе многих гуманистов. Платина готов был идти на примирение с папой и потому закончил свой памфлет словами: «Слуга вашего святейшества, если ваше распоряжение будет отменено».

Эта условная готовность служить папе ввергла Платина в тюрьму, в которой он провел четыре месяца, испытав все прелести средневековых пыток. Он был выпущен, когда уже «едва мог стоять на ногах». Арест Платина навел папскую бюрократию на мысль ударить по очагу «языческого гуманизма», по той «гуманистической академии», руководителем которой был Юлий Помпоний Лэтус (Лэто, Джулио, 1425—1498), ученик Лоренцо Валла, считавший «античный мир действительностью, а окружающую среду окаменелой».

Вокруг Лэто группировалось несколько молодых писателей, отмечавших свои литературные произведения датами не христианского летосчисления, а римского, от года основания Рима, и праздновавших день 21 апреля как день «рождения» города Рима. Эта группа организовала Римскую академию, деятели которой называли себя латинскими именами так часто, что в истории они сохранились только под этими вымышленными именами. Против «академиков» было выдвинуто обвинение, что они настолько презирают христианство, что не хотят называться именами христианских святых.

* Ch. Iriarte — Un condottière au XV-me siècle. Paris. 1882.

По решению Павла II начались аресты — «каждую ночь по одному академику»: их обвиняли в язычестве, материализме, отрицании бога, презрении к папе и духовенству и других преступлениях.

Поэтому всякое воспоминание о Римской академии должно было быть уничтожено, и в 1468 г. учителям в Риме было запрещено, под угрозой обвинения в ереси, заниматься древними поэтами*.

VII

Будучи переходной эпохой, эпоха Ренессанса вся проникнута противоречиями и пронизана исключаящими друг друга элементами. В ней все новое носит явные следы старого, а старое включает немало нового. Даже столь характерный для нее национализм не выдержан, и о национальном объединении Италии мало кто и думал. Вместо единой национальной итальянской идеи налицо имелся национализм отдельных республик, герцогств и коммун. Каждая единица мечтала и боролась за свою «национальную независимость», за которой скрывались ее экономические и политические интересы, и менее всего защищала интересы национальной идеи во всеитальянском масштабе. В результате подобного развития национализма раздробленность Италии не уменьшалась, а закреплялась и принимала более устойчивый и длительный характер. На почве захвата новых рынков для торговли, в интересах усиления политической и экономической мощи велась конкуренция между отдельными территориальными организмами — в тем более острой форме, чем «национальнее» они были. Одинаковые экономические интересы направляли эти территориальные единицы по одному и тому же руслу, и естественно, что здесь они сталкивались друг с другом с особой силой, обнаружившей всю эфемерность идеи единой национальной Италии при существовании множества конкурирующих между собою «национальных» организмов в пределах Италии.

Мало того, направленное против «варваров» национальное острие притуплялось в процессе межитальянской борьбы, и «самые национальные» республики и коммуны, подчас не располагая достаточными средствами для расправы с соседями-соперниками, обращались за помощью к «чужим», борьба против которых так торжественно провозглашалась на национальном знамени. И чем более отсталым было иностранное государство, чем более «варварским» оно было, чем менее оно могло конкурировать с итальянскими республиками, тем безопаснее было его вмешательство, и тем чаще к нему именно обращались национально настроенные государства северной и отчасти центральной Италии. Так «самое дикое варварство» становится оплотом движения, шедшего под лозунгом освобождения Италии от иностранных варваров. Насколько эта внутренняя борьба подрывала возможность осуществления единой Италии, видно из того, что «рожденное из пламени и света слово» Макиавелли, призывавшего «действовать по-сумасшедшему» и общими объединенными усилиями изгнать из

* L. Pastor — *Geschichte der Päpste*, т. II. 1904. H. Janitschek — *Die Gesellschaft der Renaissance in Italien und die Kunst*. 1879.

«Я — папа»
(Средневековая карикатура)

Италии «варваров», не нашло отклика даже во Флоренции, этом центре национализма, и целиком повисло в воздухе.

Подобно национализму, и идея свободы была полна противоречий и уживалась с режимом тирании, с мыслью о всевластии папства и даже о господстве германского императора над Италией. При тиранах в значительном количестве состояли гуманисты, певшие гимны деспотическим порядкам и нередко проводившие тираническую политику не за страх, а за совесть. Немало было среди гуманистов также защитников остатков ранее сильно распространенной гвельфской* партии, которая все еще продолжала доказывать благотворительную роль папства в Италии и утверждала, что национальная свобода итальянского народа много выиграет, если главою Италии будет папа римский.

Не отжили своего века среди гуманистов и гибеллинские* идеи. В глазах приверженцев императорской партии идея свободной национальной Италии совмещалась с императором как ее воплощением. Имя Фридриха II Гогенштауфена было окружено в кругах гуманистов ореолом. «Варварами» в их глазах были лишь те иностранные государи, которые преследовали чуждые республикам интересы. Если «варвары» умели отождествлять свои интересы с интересами городских олигархов, то забывалось их иноземное происхождение и их приветствовали на территории Италии. Для борца за свободу Кола ди Риэнцо папа был желанным светским главою Италии, и народный трибун XIV века причислял себя к партии гвельфов. Но стоило папе высказаться против пламенного патриота, как Кола ди Риэнцо во имя той же национальной свободы стал под знамя императора**. Так своеобразно понимались и национализм, и свобода в эту переходную эпоху.

Ведь не следует забывать, что Италии незнакомы были крупные революционные крестьянские движения, которые потрясали Англию, Францию, Испанию и Германию, — незнакомы были потому, что в сравнительно значительной части Италии крестьянство рано было раскрепощено и не могло служить буржуазии союзником в ее борьбе против феодализма. Городская буржуазия, не имея крестьянского революционного резерва, вынуждена была в большой мере сосредоточить свою борьбу с феодализмом внутри города, в стенах коммун. С другой стороны, и крупные феодалы сгруппировали свои силы в том месте, где должна была развернуться борьба с буржуазией, и создали себе феодальную армию в очень значительной степени из городских элементов отчасти деклассированных, отчасти в той или иной степени зависевших от обычно проживавших в городе представителей крупного землевладения. Не будучи крестьянской, эта армия играла нередко в руках городских синьоров роль защитницы феодальных порядков. Так борьба с феодализмом приняла в Италии с внешней стороны городской характер, переплетаясь в причудливый клубок противоречий классовых, политических, партийных, фракционных и даже индивидуальных интересов. Отдельные роды, магнаты

* См. примечание 1-е, стр 144—145.

** В. Максимовский — Кола ди Риэнцо. 1936.

крупнейших поместий и обладатели огромных капиталов выступают на общественную сцену и зачастую заставляют классовую борьбу, острую, разумеется, и в Италии, как и везде в переходную эпоху, но имеющую особый городской колорит и как бы загнанную в ограниченный круг отдельных коммун, не ищущих помощи у сельского населения. Так социальная борьба не всегда носила в Италии в эпоху Ренессанса отчетливый, в классовом смысле, характер.

VIII

Печать противоречивости лежит и на умственном, художественном и религиозном облике эпохи Ренессанса, — и разумеется, динамика эпохи отражается весьма различно и на этих ее произведениях. При античной, так называемой языческой форме произведений великих мастеров значительное число этих произведений по своему сюжету, относится, тем не менее, к религиозным. Леонардо да Винчи, Микель-анджело, Рафаэль, Донателло, Гибerti и другие громкие имена Возрождения с одинаковым правом могут быть причислены к выразителям как светской, так и религиозной мысли. Если античный мир, его история и мифология открыли необыкновенно богатый источник для фантазии художников, то сюжеты, заимствованные из Ветхого и Нового завета, во много раз количественно превосходили то, что было художниками почерпнуто из греко-римского мира. По определению исследователя Мюнтца, число христианских сюжетов эпохи Ренессанса относилось к античным сюжетам, как 20 : 1. Церкви и капеллы в это именно время богато изукрасились многочисленными художественными произведениями религиозного содержания. Этому натиску церковного искусства на обрядовую монотонную жизнь в немалой степени, вероятно, обязано то пробуждение религиозного чувства, которое констатируется в части образованного общества эпохи Возрождения и которое шло вразрез с одновременным усилением стремления этих же кругов к светской жизни, наслаждениям и удовольствиям.

В одном и том же гуманисте рядом уживались «язычество» и католицизм, увлечение античной философией и поклонение религиозным догматам, и еще Петрарка, несмотря на свою любовь к классической древности, говорил, что евангелие в его глазах выше, чем мудрость античного мира, и что нужно «любить школы философов и соглашаться с ними лишь тогда, когда они не отклоняются от истины и не отвлекают нас от нашей главной цели». Последняя, как это видно из контекста письма Петрарки на имя его друга Джованни Колонна, состоит в повиновении тому, о чем говорит евангелие: «Если бы какой-либо философ, будь это даже Платон или Аристотель, попытался сделать нападение на евангелие, он подвергся бы решительному осуждению и был бы уничтожен: никакая сила логических доказательств, никакая красота языка, никакое величие имени не могли бы нас ввести в заблуждение, — ведь эти философы были лишь людьми, учеными, поскольку вообще человеческому уму доступна ученость; они блистали своим красноречием, были богато одарены всякими спо-

собностями, но, к сожалению, они были лишены высшего блага, не подлежащего выражению словами».

Не только Петрарка, но даже Боккаччио, автор «Декамерона», «Корбаччио» и «Амето», несмотря на всю меткость и остроумие своих нападок на лиц духовного звания, не был принципиальным противником католической церкви, отказался впоследствии от многих резких выражений по адресу священников и завещал свою библиотеку августинскому монаху Мартино да Синья под условием, что он будет молиться за упокой его души. И такой резко выраженный поворот в сторону католицизма не был редким явлением среди гуманистов.

Своеобразный нейтралитет к религии в течение всей жизни замечался у людей, которые, казалось, в силу своего увлечения античным мировоззрением должны были относиться враждебно к христианской церкви. Никакое «язычество» не мешало им исполнять в точности обрядовые требования религии и считать себя одновременно поклонниками классической культуры и последователями христианской веры. Эта двойственность, поскольку она не была лицемерием, вызывавшимся страхом перед инквизицией, была проявлением того противоречия, которое лежало в основе переломного характера эпохи Возрождения, и накладывала на все стороны тогдашней жизни особую печать, отличающую эту эпоху и от средневековья, и от нового времени.

Эта религиозная нейтральность способствовала тому, что христианские писатели восприняли в значительной степени и манеру писать и фразеологию гуманистов. Так, религиозный поэт Якопо Саннацаро в своих элегиях и эклогах пользовался языческими образами, называя небо Олимпом, Христа отцом богов и людей, и упоминает среди чудес Христа изгнание фурий в Тартар и подавление гнева богини Дианы. Но не только поэты заражались «язычеством» от гуманистов, — широкие круги незаметно втягивались в круг идей и выражений античного мира. Так, члены городского совета стали обозначаться термином *patres conscripti*, монахини — *virgines vestales*, кардиналы — *senatores*, кардинальский декан — *princeps senatus*, отлучение — *dirae*, святой — *divus* и т. д. Мало того, богословские трактаты, резко полемизировавшие с языческим гуманизмом, не могли освободиться ни от фразеологии, ни от многих навешенных на богословов мыслей эпохи Ренессанса. Павел Кортезий, апостолический протонотарий, в догматическом компендиуме, во многих местах направленном против вольностей гуманистов, называет Августина богом теологов, Фому Аквината — Аполлоном христианства, а ад — Тартарским царством, где текут Стикс, Кокит и Аверн. Учение о грехопадении Кортезий начинает с мифа о Фаэтоне. Так проникла в догматическое исследование христианского богослова языческая мифология.

Кортезий не был единственным представителем среди теологов, увлекавшимся античным миром: он насчитывал немало приверженцев среди высшего духовенства. Кардинал Бранда слыл за искреннего друга нового искусства и в своем родном городе Кастильоне д'Олона, как и в Павии, организовал богатые библиотеки, даже школу для студентов. Поклонником древней культуры был и кардинал Джордано Орсини, разукрасивший стены своего дворца прорисовками Си-

виллами^{*}, отдельные изречения которых виднелись на стенах приемного зала. За большую сумму Орсини приобрел во Франции знаменитый «Алмагест» Птолемея^{**}, который он хранил в своей библиотеке вместе с 12 комедиями Плавта, и за год до смерти передал церкви св. Петра свои литературные изыскания во всеобщее пользование.

Во многом Джордано Орсини напоминал папу Николая V, с которым Ренессанс пришел на папский престол. Разумеется, это было возможно только потому, что между идеями языческими и христианскими был как бы заключен своеобразный нейтралитет, в силу которого одни идеи не очень влияли на другие, и мир языческий уживался в голове представителя эпохи Возрождения с христианским миром. Такое мирное сосуществование враждебных сил свидетельствовало о глубоком противоречии, которое пронизывало этот переходный исторический момент: новое, не имея возможности вытеснить старое, молча мирилось с ним, живя своей жизнью и игнорируя жизнь своего противника. По существу папа-гуманист не был ни папой, ни гуманистом, как не был Ренессанс ни средневековым, ни новым временем. В мещанатах на папском престоле ярко сказалось сплетение исключаящих друг друга общественных сил Возрождения.

IX

Борьба двух миров получила отражение и в росте различных суеверий, источники которых лежали как в язычестве, так и в христианстве. Астрология сделалась популярнейшим предметом изучения, и в Падуе, Милане и Болонье усердно распространяли с университетских кафедр и с церковного амвона астрологические взгляды. При каждом итальянском княжеском дворе были астрологи, и ни одно значительное предприятие не обходилось без изучения звезд, предсказывающих тот или иной исход предприятия. Почти все папы Ренессанса были поклонниками астрологии, а Александру VI было посвящено сочинение о «божественной науке, называемой астрологией».

Ландино, представитель платоновской школы при дворе Медичи, по звездам изучал будущие судьбы христианства, а естествоиспытатель Тосканелли исполнял обязанности астролога при флорентийском дворе. Набожный Доминико де Доминики специально выступал в защиту истинности астрологии и опровергал «ложные» взгляды ее противников. Самые смелые кондотьеры и полководцы, как Альвиано, Бар-

---

* Сивиллами в древней Греции назывались странствующие пророчицы. Особенной известностью пользовалась Кумская Сивилла, пророчества которой были записаны в девяти Сивилиных книгах. Они находились в Капитолийском храме. Из Греции Сивилины книги попали в Рим.

** Клавдий Птолемей — великий геометр, астроном и географ из Александрии, жил во II в. н. эры. Его главнейшее произведение «Великое собрание» (*Syntaxis megale*) астрономических и геометрических сведений и положений. В IV в. эта книга была переведена на арабский язык под названием «Алмагест» (al — араб. слово, *magest* — испорч. греческое). До появления Коперника «Алмагест» был основным источником знаний по тригонометрии и астрономии.

толомео Орсини, Вителли и др., не решались вступать в бой, не испросив заранее звездного благословения. Народные массы слепо шли за образованными кругами общества, и, по словам Роберто из Лечче, многие не решались надеть новое платье, поест и выпить, не взглянув предварительно на звездное небо*.

Грозные размеры приняла в эту эпоху вера в дьявола. «Исследования о ведьмах», принадлежавшие перу Варфоломея де Спины, получили в начале XVI века особенно большое распространение. «Каждому ведь ясно, — говорит де Спина, — что почти весь земной шар полон дьявольских преступлений». «И кто может, — восклицает он, — сомневаться в реальности дьявола, когда в одном лишь округе инквизитора Бернарда Комо ежегодно берется в плен свыше 1000 ведьм, из коих свыше сотни сжигается? Как можно еще сомневаться, когда мне лишь недавно врач из Феррары рассказывал, что в его поместье один крестьянин собственными глазами видел шабаш из 6000 женщин и мужчин, предававшихся кошунственному разврату?» Рост веры в дьявола был настолько велик, что пред главою католической церкви стал вопрос о том, кто сильнее — бог или дьявол, удастся ли последнему погубить мир, или бог выйдет победителем из этой страшной схватки. На помощь богу в его борьбе с дьяволом была двинута инквизиция, и папа Иннокентий VIII буллой *Summis desiderantes* (5 декабря 1484 г.) открыл эру самых суровых наказаний лиц, заподозренных в колдовстве, причем девочки в возрасте семи лет оказались среди ведьм, боровшихся с богом и подлежащих сожжению**.

Так в эпоху умственного подъема выплыли наружу самые дикие суеверия. В этом причудливом сплетении живых и мертвых мыслей отразился переломный этап эпохи, и подобно тому как феодализм напрягал все усилия, чтобы отстоять свое существование в борьбе с торговой буржуазией, точно так же и идеологическая надстройка уходящего мира в своем предсмертном надрыве повела судорожную атаку на новые умственно-религиозные течения, являвшиеся неизбежными спутниками рождения нового капиталистического мира. И в умственной области, как и во всех других, Ренессанс представлял собою такой клубок противоречий, такую пестроту старого и нового, такую смесь пережитков старины и ростков новой жизни, что не только современнику этой эпохи, но и исследователю гораздо более позднего времени почти невозможно дать полную и исчерпывающую картину того, чем в сущности была эпоха Возрождения. Всякая ее характеристика является в большей или меньшей степени односторонней, больше улавливает либо старые элементы, либо новые, переплет же их остается зачастую недостаточно уловимым. Не приходится поэтому удивляться, что до сих пор эпоха Ренессанса не получила всестороннего научного освещения в исторической литературе. Менее всего разгадать ее могли современники, и «Дневники» Инфессуры и Бурхарда, с которыми ныне в самых общих чертах знакомится совет-

* F. r. B e z o l d — Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, t. VIII.

** Joseph Hansen — Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und Hexenverfolgung. 1901. «Молот ведьм» Инститорица и Шпренгера с предисловием С. Г. Лозинского. 1932.

ский читатель, не претендуют на полную характеристику эпохи Возрождения, — они дают лишь некоторые черты ее, помогают заглянуть в такой своеобразный уголок, каким был накануне XVI века папский двор, где все противоречия принимали сугубо уродливую форму, так как «Великим интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь»*. В эту скрытую от посторонних взоров «интернациональную» обстановку дают нам некоторую возможность заглянуть «Дневники» Инфессуры и Бурхарда, — отсюда и значение их издания на русском языке.

Х

Стефано Инфессура, автор первого «Дневника», происходил из зажиточной римской чиновничьей семьи; его отец Джованни Паоло Инфессура, по образованию аптекарь, был в 20—30 годах XV века районным префектом в Риме. Он был, повидимому, усердным службистом и ничем, кроме службы, не интересовался. За исключением Стефано, никто из членов этой семьи ничем не выделялся, и ни о ком из них не имеется никаких сведений. Мы не знаем ни года рождения, ни года смерти Стефано Инфессуры; известно лишь, что в 1500 г. его уже не было в живых: в январе этого именно года его сыновья Марчелло и Маттео заказали еженедельно служить за упокой по их отцу в церкви Санта Мария на Виа Лата. Здесь, повидимому, он был похоронен, как и его отец, умерший в 1483 г. Из «Дневника» Инфессуры мы узнаем, что он был совсем ребенком, когда был казнен 9 января 1453 г. Поркаро. Казнь Поркаро произвела в Риме сильное впечатление. О ней в доме Инфессуры часто говорили, и разговоры об этой казни сохранились в памяти мальчика, которому тогда было около 12 лет. Поркаро был республиканцем-гуманистом и звал себя древнеримским именем Порций. Он занимал высокое положение в разных городах Папской области, был даже генерал-губернатором. Однако он не скрывал, что будет приветствовать приход императора в Рим, так как вместе с императором восторжествует в Италии «свободная республика». За эти слова Поркаро был отправлен в Белонью, где находился под надзором властей, но в 1453 г. он тайком бежал в Рим и был обвинен в заговоре против папы Николая V; вместе с значительным числом других «заговорщиков» Поркаро был повешен в замке Ангела.

Разговоры о казни Поркаро в семейном кругу Инфессуры — единственное биографическое сведение, которым мы располагаем о жизни Инфессуры до 1478 г., когда он получил в Орте место подеста, которое он занимал в течение трех лет. В 1481 г. он стал лектором в римском университете и читал, повидимому, юридическую казуистику. Написанный им в это время труд «*Liber de communiter accidentibus*» сохранился лишь по названию. Педагогическая деятельность Инфессуры была не особенно продолжительной: в 1487 г. он стал секретарем сената и занимал этот пост в течение ряда лет, повидимому, до самой смерти. Должность эта была и ответственной, и очень влия-

* Энгельс — Анти-Дюринг. Партиздат 1936. Стр. 283.

тельной: два секретаря сената, вместе с нотариусом, вели протоколы муниципальных заседаний, формулировали постановления, редактировали важнейшие городские решения и дважды в неделю публично на базарной площади читали перед народом правительственные распоряжения. Как секретарь сената, Инфессура имел обширные связи в Риме, приходил в контакт с самыми различными слоями населения, получал официальные и неофициальные сведения по разнообразным вопросам и был в курсе всех дел в Риме. Это давало ему возможность знать многое, что другим было недоступно, и собирать сведения и о том, что не входило в круг его обязанностей. Он в частности интересовался папской курией, жизнью в Латеране и общей религиозно-политической линией папства. С самого начала отношение Инфессуры к папству было враждебным. Корни этой вражды лежали в своеобразной, полной противоречий структуре коммунального уклада Папского государства, в особенности его столицы.

Римская конституция была мешаниной из республиканских и монархических принципов, разбавленных светскими и духовными началами. Везде замечался параллелизм; каждый муниципальный орган сопровождался параллельным папским. Так, городскому префекту, являвшемуся представителем папской власти и распоряжавшемуся военными силами Рима, соответствовал сенатор, выбираемый коллегией имбоссулаторов и утверждаемый папой. Административная и юридическая власть находилась в руках губернатора (в XV веке эту должность занимал вице-камерленго), представлявшего папскую власть, а бок-о-бок с губернатором функционировали три консерватора со своими 13 префектами, представлявшими 13 районов города Рима. Губернатор и консерваторы имели почти те же функции. Но источники власти у них были разные: консерваторы были светской властью, губернатор представлял интересы папы, назначившего его на этот пост. Во главе полиции стоял баргелло, папский ставленник, которому соответствовали синдики и иные чиновники светской власти. Рим, как и все государство, имел монархическую, даже абсолютистскую форму правления; но в то же время высшая власть как бы принадлежала народному собранию (*consilium publicum*), состоявшему из всех граждан Рима мужского пола, достигших двадцатилетнего возраста. Народное собрание выбирало избирательную коллегию, так называемую коллегию имбоссулаторов, которая путем выборов определяла чиновников на все муниципальные должности; чиновники эти в совокупности составляли малый совет (*consilium secretum*), в который входили 3 консерватора, 13 районных префектов и 26 районных приставов, судьи Капитолия, синдики, смотрители дорог и городского благоустройства. Председателем малого совета являлся сенатор, соперничавший по объему своей власти нето с префектом, нето с губернатором, нето с баргелло.

Этот крайне сложный и двойной аппарат отражал древний муниципальный дух столицы мира в его борьбе за коммунальную независимость с папским самодержавием, с абсолютизмом духовной бюрократии. Результат этой борьбы в XV веке уже давно свидетельствовал о поражении муниципальной свободы, но призрак последней еще реял

над Римом, и чиновничья иерархия ненавидела духовных чиновников, ставила палки в колеса духовной машины и еще более расстраивала и без того тяжелое и неуклюжее функционирование папско-муниципального аппарата. Инфессура был видным звеном в светской цепи управления Римом и не только тормозил деятельность конкурировавшей папской администрации, но и ненавидел и презирал ее: он был республиканцем, полагал необходимым устранить из муниципального аппарата и всего римского строя влияние папства и считал себя поэтому гибеллином, приверженцем феодальной группировки, враждовавшей с папами и руководимой богатейшим родом Колонна.

Как сторонник республиканского Рима, Инфессура в постоянном вмешательстве папы в жизнь Рима видел зло, не дающее Риму жить здоровой жизнью, и его симпатии были на стороне противников папского режима. Неудивительно, что его «Дневник» пропитан враждебным духом к курии, и род Орсини, традиционно связанный с партией гвельфов, является для него олицетворением несчастий, преследующих «Вечный город» с момента господства в нем папской бюрократии. Однако предвзятость Инфессуры не умаляет качества его «Дневника». Наоборот, она придает ему особый колорит. Инфессура — не безличный летописец. Резкий тон его «Дневника» скорее подкупает читателя; «Дневнику» как бы дается задание: быть глашатаем республиканского идеала и молотом, дробящим папский режим. Поскольку Инфессура не искажает фактов и старается передавать, что сам наблюдал либо узнавал от пользующихся доверием лиц, «партийность» его изложения придает живость «Дневнику». Этим объясняется успех, который выпал на долю Инфессуры, и тот факт, что он находил поклонников среди людей, которые вообще не читали летописей и дневников и делали исключение лишь ради Инфессуры.

Не за партийность и страстность нужно упрекать Инфессуру, а за его односторонность, за игнорирование тех значительных сторон жизни Ренессанса, которые не получили в его «Дневнике» отражения. Кто может сказать, каково было отношение Инфессуры к гуманизму, к новым литературно-художественным веяниям? Эта сторона Ренессанса осталась закрытой для Инфессуры; повидимому, он ею не интересовался. Но в этом не его вина. Эпоха Ренессанса слишком многогранна, и современники не могли охватить сложность этой эпохи. Односторонность является общей чертой всех, кто в XIV—XVI веках писал об итальянской общественной жизни. В этом отношении Инфессура не делает исключения. Инфессура, правда, не безгрешен в области географии и истории и не решается выходить далеко за пределы Рима и XV века. Он не тверд в хронологии и местами путает Базельский собор с Констанцским. Его латинский язык не блещет красотами и классическими оборотами; его цитаты из Овидия и Ювенала являются истрепанными, — сказывается средний по умственному уровню человек эпохи Ренессанса, не поражающий эрудицией, но и не ошеломляющий невежеством и грубостью. Инфессура не был гуманистом, знал юридическую казуистику, которую преподносил своим слушателям, и в науке не видел своего

призвания. Но он горел потребностью к общественной работе: здесь у него были принципы; здесь он любил и ненавидел, боролся и страдал, и много души вложил он в свой «*Diario della città di Roma*», достойный памятник борца великой и богатой эпохи. Пусть его республиканский идеал, припаянный к Колонна, вызывает у нас скептически-недоуменную улыбку, — ее относить надо не к Инфессуре и его «Дневнику», а к сложности той задачи, которая выпадала на долю людей, бравшихся описывать события, не поддававшиеся пониманию современников. Строгого осуждения последние не заслуживают.

Основная мысль Инфессуры о том, что счастье Рима зависит от республиканской формы правления, находящейся в руках светского правительства, и что всякое уклонение в сторону папского, церковного управления чревато для Рима несчастьями, проходит красной нитью через весь «Дневник», начиная с первой главы и кончая последними строками. Книга открывается понтификатом Бонифация VIII, этого решительного сторонника гвельфской партии и закоренелого недруга республиканского дома Колонна. С высоты своего величия, олицетворенного претенциозной буллой *Unam sanctam*, Бонифаций VIII так стремительно, молниеносно падает в бездну французского плена, что, по Инфессуре, в этой превратности судьбы фигуры Бонифация нужно видеть небесную кару, божий перст, указующий преступный путь, по которому вел Бонифаций свое папское государство. Эта мысль не покидает Инфессуры до конца книги, и заключительные строки «Дневника» являются как бы предупреждением по адресу Александра VI, колебавшегося в своей политике между Орсини и Колонна: Александру следует всегда помнить, что на одном из Орсини лежит страшная ответственность за переезд в 1305 г. кардиналов во Францию, переезд, послуживший исходным пунктом «авионского пленения» папства в Авиньоне. Как некогда Шиарра Колонна бежал от преследования Бонифация VIII во Францию, чтобы оттуда вернуться мстителем за поправное право и божескую справедливость, так и теперь — в 1494 г. — ищет во Франции спасения кардинал Санто Пьетро в Винколи (Джулиано дела Ровера), который раньше или позже явится мстителем за несправедливости режима Александра и уготовит ему участь, какая постигла Бонифация VIII. Пока не поздно, пусть Александр VI чувствует меч, который висит над его головой.

Желая иллюстрировать свою мысль о роковой роли, которую играли в судьбах Рима и Италии представители дома Орсини, Инфессура подчеркивает, что именно один из Орсини некогда заявил народу, что кардинальская коллегия после смерти Урбана V не хочет избрать ни римского, ни итальянского папу и что поэтому пришлось снова выбирать в Авиньоне французского папу. И этот папа — речь идет о Григории XI — невольный ставленник рода Орсини, немало повинен в том, что немедленно после его понтификата начался в церкви тот великий раскол, который нанес неисчислимый ущерб католической вере и который возник вследствие преступных интриг и ложных заявлений Орсини, что кардиналы ненавидят римлян и не хотят иметь папу римского и даже итальянского происхождения.

В годы этого раскола и господства кондотьеров, доказывает Инфессура, «великий» гибеллин Владислав, король неаполитанский, вместе с родом Колонна стремился дать Риму счастье, но этому мешали папы в союзе с Орсини. Констанцкий собор возвел на папский престол Мартина V, члена рода Колонна. И нашему летописцу, жившему в тяжкую годину правления Иннокентия VIII, век Мартина кажется золотым: хлеб был тогда дешев, бунты редки, разбойничество прекратилось, вера крепла, жизнь становилась приятной. Но, увы, за Мартином последовал гвельф Евгений IV, и опять начались для Рима черные дни. Казалось, что «чернее черного» ничего быть не может; но Сикст IV умудрился опровергнуть эту истину и показать, что нет предела злу и что можно перещеголять в злодеяниях даже Евгения IV.

В глазах Инфессуры Сикст был олицетворением самых гнусных и отвратительных преступлений, какие только может себе представить человеческая фантазия, и ненавистью к этому врагу дома Колонна дышат страницы «Дневника», посвященные Сиксту IV. В них Инфессура местами поднимается до пафоса общественного негодования, и перед нами идейный борец, который заслоняет обрз хроникера.

Разумеется, такая предвзятость накладывает густой слой тенденциозности на «Дневник» Инфессуры. Последний даже вынужден обойти молчанием республиканское движение, связанное с именем Кола ди Риэнцо и подавленное папством в союзе со столь дорогим сердцу Инфессуры родом Колонна, на этот раз «изменившим» своим республиканским традициям и своей враждебности папству. Бледны также и страницы, посвященные правлению Иннокентия VIII, очевидно, потому, что этот папа не был связан с Орсини. Читатель почти жалеет, что Иннокентий VIII не был ни гвельфом, ни родственником Орсини и лишил кисть Инфессуры ее лучших красок: как скромно выглядит преемник Сикста IV! Его портрет как-будто нарисован не рукой Инфессуры.

Немало досталось Инфессуре от его многочисленных критиков за это пристрастие к одним историческим персонажам и ненависть к другим. Без особого труда можно было показать, что среди отверженных Орсини были отдельные праведники в неменьшем числе, чем в Содоме и Гоморре, и что поэтому они не заслуживают сурового приговора Инфессуры. С другой стороны, не слишком блещет республиканской верностью дом Колонна, давший на протяжении истории достаточно свидетельств измены республиканскому знамени. Особенно жестоким нападкам в последнее время подвергся Инфессура со стороны католического историка папства Людвига Пастора, указавшего и на ряд неточностей в изложении Инфессуры, и на неправильность значительного числа его суждений.

Критика Пастора, однако, не поколебала значения «Дневника» Инфессуры. Что «суждения» нашего автора субъективны и далеко не безгрешны, — с этим нельзя не согласиться; но при всей их односторонности они не искажают действительности, а фактическая сторона более всего нас интересует в «Дневнике». Освещение событий, отдельные суждения автора зависят от его общественно-политических взглядов, которые характеризуют последнего в большей степени, чем

преподносимый им материал. К материалу мы должны предъявлять строгие требования. В этом отношении Инфессура нас удовлетворяет: ведь и придирчивые критики, за исключением деталей, не вносили серьезных коррективов в его изложение. От насыщенности же субъективизмом «Дневник» Инфессуры скорее выигрывает: перед нами идейное произведение, вылившееся из-под пера темпераментного человека, знающего, что он любит и что ненавидит.

Литературное оформление книги не отличается достоинствами: автор попеременно пишет то на латинском, то на итальянском языке, причем латинский язык преобладает над итальянским, в частности начало и конец написаны по-итальянски, и эти именно части «Дневника» подверглись более тщательной обработке и имеют даже какой-то новеллистический характер. Впрочем, о начале «Дневника» трудно говорить: по существу его нет, и к фрагменту, начинающемуся словами: «по-папски — сказал ему», сделано чужой рукой страничное добавление, как бы вступление к книге, мало оригинальное, составленное из цитат из Виллани, Бернарда Гюн и Толумео да Лукка и посвященное последнему году понтификата Бонифация VIII. Не имеющая начала книга не имеет и литературного конца и обрывается на полуслове. Однако не смерть Инфессуры оборвала нить его рассказа, а скорее какое-то разочарование, сомнение в пользе и целесообразности заносить на страницы «Дневника» виденное и пережитое. Пессимизмом веет от последней части книги, и с грустью Инфессура заносит слова: «28 августа умер император Фридрих, и этой смертью был положен конец всем ожиданиям». Нечего больше ждать: слишком тяжело давила обстановка, а кругом не видно было, кто бы мог спасти Рим от нахлынувших бедствий. Постепенно вырождался род Колонна, а новый император Максимилиан не думал короноваться в Риме императорской короной... Откуда же придет спасение?..

Лучшая редакция «Дневника» Инфессуры принадлежит Оресту Томмазини. Она была им сделана по поручению Istituto Storico Italiano и помещена в V томе «*Fonti per la storia d'Italia*», Рим, 1890.

XI

Иным типом хроникера был Иоганн Бурхард, родившийся около 1450 г. в Гаслахе, близ Страсбурга*. Как рассудительный человек, карьерист до мозга костей, Бурхард, по окончании юридического факультета в Страсбурге, быстро сообразил, что юридическая деятельность менее выгодна, чем духовная, и уже в 1479 г. он стал каноником страсбургского кафедрального собора св. Фомы и получил очень недурную пребенду. В эти годы получение пребенды вызывало бесконечные споры и тяжбы, так как Рим широко практиковал спекуляцию пребендами: каждая более или менее выгодная пребенда сразу продавалась десяти и более лицам, которые, словно коршуны, налетали на приобретенную добычу и рвали ее друг у друга по частям, предъяв-

* L. Thua's ne в III томе «*Diarium sive Rerum urbanarum commentarii*» (1483 — 1506).

ляя «законные» на нее права, засвидетельствованные курией. Нужно было исключительное юридическое крючкотворство, чтобы доказать свое преимущественное право на ту или иную пребенду, и только прожоренные тяжбысты становились счастливыми обладателями купленной в Риме пребенды. Юридическое образование Бурхарда оказало ему огромную услугу в деле вытеснения многочисленных претендентов на его страсбургский пирог — пребенду.

Обеспечив место за собой, Бурхард отправился на самый театр публичного торга духовными благами, чтобы там, в Риме, выгодно реализовать свои юридические познания в умении становиться единственным обладателем проданного многим лицам добра. Уже в 1481 г. можно было видеть в Риме Иоганна Бурхарда в роли юридического советника, у которого «дел было по горло» ввиду огромного наплыва покупателей, причем «дела» оказались настолько выгодны, что страсбургская пребенда составляла лишь самую скромную долю в доходном бюджете Бурхарда. Кормила его юридическая деятельность в Риме. Бурхард, однако, тяготился ею. В его глазах она была недостаточно почетной, и в 1483 г. он поспешил за 450 золотых дукатов купить место церемониймейстера главной папской капеллы, впоследствии названной Сикстинской. Бывший церемониймейстер Агостино Патрици, отягощенный годами и болезнями, отказался от должности и получил от папы два епископских места, и Бурхард вступил в отправление функций главного церемониймейстера в последний год правления папы Сикста IV.

С этого времени — с 1483 г. — Бурхард замыкается в «великой капелле», как он называет папскую капеллу, и лишь изредка ее покидает, чтобы отдохнуть в знойные летние дни в Эльзасе или собрать следуемую ему духовную дань с двух епископий, которые он получил в 1504 г. В своем духовном гробу он с исключительной кропотливостью и терпением работает над созданием сложнейшего и до мельчайших подробностей разработанного церемониала церковной службы и торжественных приемов высокопоставленных лиц всякого ранга. С характерной немецкой точностью, с непоколебимой суровостью, невзирая на лица и на их положение, он каждому указывает, где сидеть во время торжества и где стоять, что говорить и когда молчать, целовать ли папе руку, уста или благоговейно перед ним преклониться и разостлаться. Ничто не в состоянии заставить его смягчить эти правила, и сам папа, нарушая церемониал, призывается Бурхардом к порядку в вежливом, но суровом тоне, беспрекословное повиновение которому является законом для всех присутствующих в великой капелле. В ней есть лишь один законодатель — Бурхард. Здесь он царствует безгранично и ни с кем не делит власти. Безстрастно, холодно и объективно описывает он самые ужасные и отвратительные ночные оргии в курии, прибавляя от себя: «все это ради чести и славы святой церкви». И читатель в недоумении: ирония ли это загробного человека, или убеждение, что все земное служит к вящей славе церкви. Но «на челе его высоком не отразилось ничего».

Тон беспристрастия, моральное равнодушие и холодный индифферентизм проходят через весь «Дневник» Бурхарда, составляя резкий кон-

траст манере письма Инфессуры. Один пишет кровью сердца, другой водит равнодушной рукой по бесконечным мертвым страницам своей летописи. Он заносит сюда в первую очередь все, что имеет какое-либо отношение к церемониальному ведомству, им созданному и возвращенному. Но он не остается глухим и к тому, что происходит вне стен капеллы и находит отклик внутри папского двора. Этим «Дневник» его приобретает характер первоклассного источника, дающего ценный материал по истории папства на пороге двух веков — XV и XVI.

«Дневник» Бурхарда начинается изложением событий, последовавших за смертью Сикста IV, когда конклав 1484 г. приступил к выработке избирательной капитуляции, столь же обязательной для каждого нового папы, сколь часто нарушаемой всеми представителями святого престола. Разумеется, и Иннокентий VIII, наследовавший Сиксту IV, принял капитуляцию, обязался ее исполнять и делал все, чтобы не соблюдать ни одной ее статьи. Католические историки, в том числе и сравнительно новый исследователь папства Людвиг Пастор, оправдывают это нарушение торжественного слова тем, что самое составление капитуляций противоречит неограниченному всевластию папства. Эти историки забывают, видимо, что с 1452 г. по 1692 г. функционировала практика капитуляций и, следовательно, целых 240 лет авторитетнейшие кардиналы занимались составлением противоречащих понятию о папстве капитуляций.

В поведении Иннокентия VIII Бурхард находит «темное пятно», мимо которого не может безучастно пройти даже его столь равнодушное перо. Причина волнения Бурхарда лежит в том, что пышная свадьба папской внучки Теодорины «не соответствовала церемониалу», — этого простить уже никак нельзя! Обычно папских детей называют племянниками. Иннокентий же открыто говорил о своей дочери и внучке, — и Бурхард сожалеет о том, что этот папа рассеял полезную иллюзию, тем более, что она входила в программу выработанного раз навсегда церемониала. С другой стороны, Бурхард спокойно рассказывает о приобретении Иннокентием VIII турецкого принца Джема у французского короля ради вымогательства денег у турецкого султана Баязета II. Из желания угодить папе Баязет послал ему прежде всего подарок — священное копье, которым якобы на кресте был пронзен Иисус Христос и которое попал в руки турок при взятии ими Константинополя. Священное копье — несомненно серьезная и ценная реликвия, но папе было известно, что один экземпляр его находится в парижской Sainte Chapelle, а другой в юрнбергском соборе. Можно ли после этого верить искренности «турка», подносящего подобный подарок? Был собран специальный совет кардиналов, на котором вынесено было решение — признать присланный Баязетом II подарок подлинным священным копьем, и Бурхард составил церемониал торжественного его приема. Последний должен был носить «народный» характер, т. е. торжество, согласно авторитетному разъяснению Бурхарда, должно было сопровождаться обильной раздачей народу вина: «винные фонтаны для поднятия народного настроения». Мнение Бурхарда было представлено Иннокентию VIII. Он утвердил его, и все протекало так, как было начертано господином церемониймейстером. То была победа

Бурхарда над кардиналами, предлагавшими устроить пост по случаю прибытия священного копы в Рим. Смерть Иннокентия VIII и избрание нового папы Александра VI рассказаны Бурхардом по Инфессуре, причем копиисты бурхардовской рукописи приводят целые страницы из «Дневника» Инфессуры. Хотя избрание Александра VI имело место 11 августа 1492 г., рассказ Бурхарда начинается со 2 декабря, — промежуток же в 3½ месяца наполнен инфессуровским содержанием.

В центре «Дневника» Бурхарда стоит понтификат Александра VI, причем наш автор излагает не только придворные события, но и политическую и дипломатическую деятельность этого папы, останавливаясь и на частной его жизни, а также на семейной жизни его детей. Бурхард повествует, как Александр VI обратился за помощью против французского короля к турецкому султану Баязету II. Из этих тайных переговоров ничего не вышло, и Бурхарду было предложено выработать церемониал въезда короля Карла VIII в Рим. Король проделал всю бурхардовскую программу и направился в Неаполь, захватив с собою турецкого принца Джема и папского сына Чезаре Борджиа, кардинала Валенсии. Через два дня Чезаре бежал из лагеря Карла VIII, а недели через три умер Джем. Эти события, с одной стороны, расстроили план французского короля вызвать с помощью Джема гражданскую войну в Турции, а с другой — вырвали из рук Карла VIII залог папской покорности в лице пленного Чезаре. Обо всем этом Бурхард лишь коротко и, пожалуй, многозначительно для посвященных в папские интриги замечает: принц «умер от пищи или напитка, которые были не подходящими для его желудка».

О придворной жизни в дни Александра VI Бурхард говорит часто и подробно, но и тут он соблюдает особенную внутреннюю дисциплину и холодность, которые не дают возможности узнать его отношение к происходящему на его глазах. «Когда Лукреция вышла замуж за старшего сына феррарского герцога, была устроена торжественная кавалькада, в которой участвовало четверо епископов... В Ватикане происходила вечеринка 50 куртизанок, сопровождавшаяся самыми веселыми чувственными и фантастическими танцами... На ней присутствовали папа Александр VI и его любимая дочь... В последние дни октября начались маскарады, которые продолжались до великого поста» и т. д. В приданое своей дочери папа дал 100 тысяч золотых дукатов, кардиналы и епископы, проживавшие в Риме, должны были передать Лукреции при ее отъезде из Рима лошадей и мулов, «которые, однако, не были доставлены». Это тоже нарушение церемониала, но на этот раз Бурхард переносит такой «скандал» без особенной боли, хотя он всегда крайне чувствителен в отношении церемониала.

С поразительным хладнокровием рассказывает он, как папский сын Чезаре сосватал французского короля Людовика XII с Анной Бретонской, вдовой Карла VIII, хотя Людовик XII был женат на Жанне, дочери Людовика XI. Этот брак был расторгнут, и Людовик XII женился на Анне Бретонской, а мастер всего этого Чезаре Борджиа, кардинал Валенсии, получил от короля герцогство Валентинуа. Так бывший кардинал Валенсийский (Испания) стал называть себя валенсийским герцогом (Дофинэ), женился на сестре короля Наварры, а

23 мая 1499 г. папа узнал о состоявшемся браке. По случаю такого радостного события Чезаре, уже валенсийский герцог, был назначен генеральным капитаном и гонфалоньером святой церкви. В качестве такового он воевал с теми, которые не платили папе следуемых денег, и в результате все завоеванные места, за исключением двух, очутились в руках валенсийского герцога. Исключение составляли: герцогство Сермонета, уступленное сыну Лукреции, и герцогство Неппи, переданное Хуану, сыну папы «от какой-то римлянки», когда Александр VI уже был на папском престоле. Отцовская любовь Александра VI была такова, что он роздал земли, которые в течение целых восьми веков принадлежали церкви. «Пипинов дар» был нарушен. От него ничего не осталось бы, если бы ближайший преемник Александра VI, папа Юлий II, не взялся за трудную задачу восстановления Папского государства. Юлий II успешно справился с этой задачей, и «святая церковь» имеет основание гордиться таким первосвященником.

Однако деятельность Юлия II лишь в незначительной степени отразилась в «Дневнике» Бурхарда: Бурхард умер 16 мая 1503 г. и мог говорить лишь о первых трех годах понтификата Юлия II. Он питал к нему глубокое чувство благодарности, позидимому, главным образом за то, что папа дал ему сразу две епископии — в Орте и Чивита Кастелляне, а также множество других доходных мест. Мечтам Бурхарда о кардинальской шляпе не суждено было осуществиться.

«Дневник» Бурхарда был переписан впервые в 1562 г. по распоряжению флорентийского профессора-теолога Онуфрия Панвинио, библиотекаря папской библиотеки. Панвинио проверил копию «Дневника» по оригиналу, тогда еще полностью имевшемуся. В настоящее время эта копия «Дневника» находится в Мюнхенском архиве и подробно описана в Каталоге рукописей Мюнхенской библиотеки (т. III, 25—26). Ввиду того, что копия эта является полной, переписана с манускрипта Бурхарда и просмотрена авторитетным лицом, каким был Онуфрий Панвинио, она считается лучшим экземпляром «Дневника». Обычно ее называют рукописью Бурхарда. Собственно рукописи Бурхарда нет; имеются лишь отрывки. Так, в Ватиканском архиве хранится небольшая часть «Дневника», от 12 августа 1503 г. до апреля 1506 г. Эта часть написана рукой Бурхарда. В Ватикане имеется еще одна рукопись «Дневника», написанная Бурхардом; это — рукопись под № 5632. Но и она неполная: охватывает период от 2 декабря 1492 г. до конца 1496 г. Эта неполная рукопись была найдена в 1900 г. Энрико Челани. В ряде итальянских библиотек и в Париже имеются неполные копии «Дневника», так как в XVI и в XVII веках многие его частично копировали. Дени Годфруа в 1649 г. напечатал отрывок «Дневника», касающийся Савонаролы. Сын Дени Годфруа в «Observations sur l'histoire de Charles» (1661 г.) поместил длинную выписку из «Дневника», касающуюся похода в Италию короля Карла VIII, а также турецкого принца Джема, причем сделана следующая ссылка: *Extrait du Journal d'un maistre des cérémonies de la cour de Rome.*

В 1696 г. Лейбниц опубликовал отрывок «Дневника», рукопись (неполную), которую он нашел в библиотеке городка Вольфенбюттель

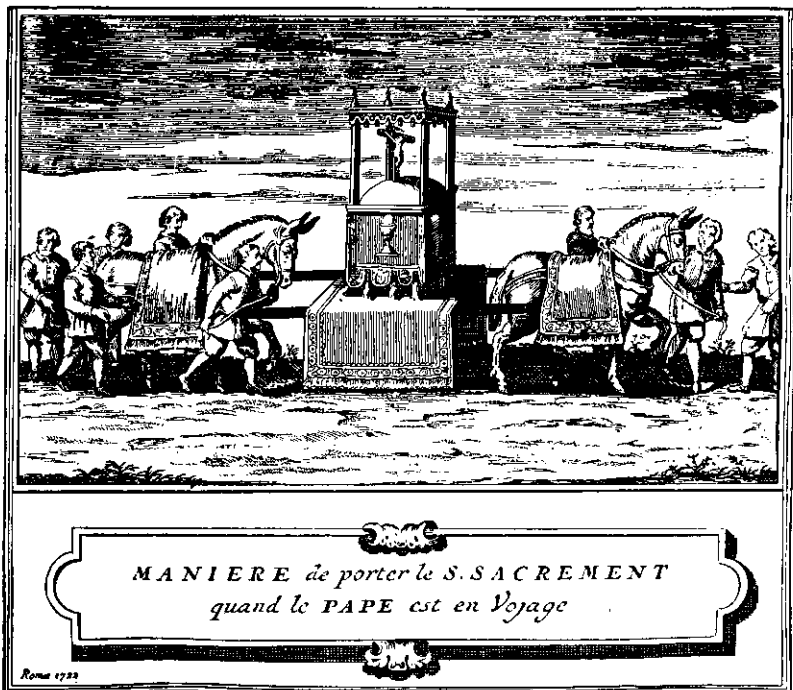
в Брауншвейге. Книжка вышла в Ганновере, имела 108 страниц in quarto и носила название: «Specimen historiae Arcanae sive Anecdotaе de Vita Alexandri VI Papae, seu excerpta ex Diario Johannis Burchardi Argentinensis, capellae Alexandri Sexti Papae clerici ceremoniarum magistri».

В книге Лейбница латинский, итальянский и французский языки перемешаны, и самый отрывок, касающийся частично только анекдотической стороны жизни Александра VI, не имеет большого значения. Сам Лейбниц хорошо это понимал и собирался опубликовать «Дневник» в том виде, в каком рукопись его была найдена в Берлине его другом Ла-Крозом. Однако он этого не сделал, и только в 1743 г. Эккард опубликовал во втором томе «Corpus Historicum» вольфенбюттельский манускрипт, которым отчасти пользовался Лейбниц. Этот манускрипт оказался и неполным, и неточным. Таким образом, оба немецкие издания оказались неудовлетворительными. В 1885 г. Л. Тюан (Thuaen) опубликовал в Париже в трех больших томах «Дневник» Бурхарда с манускрипта под № 5628 из Ватиканской библиотеки, который оказался, как потом установил Челани, копией рукописи № 5632, не известной Тюану. В этом манускрипте имеются некоторые пропуски, а также неточности. Но издание это снабжено примечаниями и биографией Бурхарда. Оно является одним из лучших. В 1907—1913 гг. Энрико Челани опубликовал «Дневник» в двух объемистых томах по ватиканской рукописи за № 5632. И это издание имеет пропуски, так как, очевидно, с самого начала в манускрипте Бурхарда не хватало некоторых страниц. Русское издание сделано по парижскому изданию Тюана. Огромный объем парижского издания (3 тома по 600, приблизительно, страниц) заставил нас ограничиться лишь извлечениями из него.

Проф. С. ЛОЗИНСКИЙ.

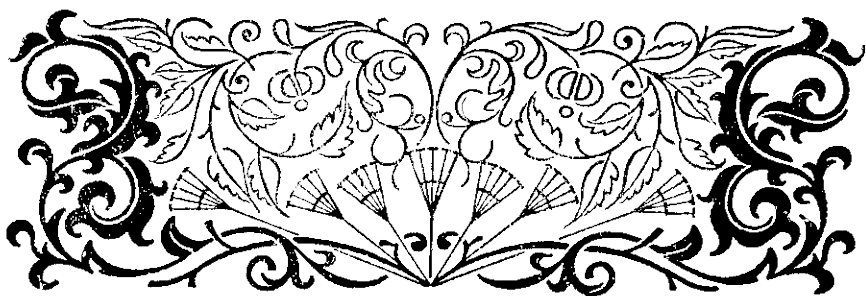
Перевод Инфессуры сделан *Н. Т. Цветковым*; в переводе Бурхарда приняли участие *Н. Т. Цветков, Д. Д. Шамрай и И. П. Мурзин*. Примечания к обоим «Дневникам» (стр. 144—153 и 234—242) принадлежат редактору издания *С. Г. Лозинскому*. Ссылки в тексте на эти примечания обозначены арабскими цифрами.

Перевозка «святых даров» при переездах папы

Стефано Инфессура

ДНЕВНИКИ О СОВРЕМЕННЫХ РИМСКИХ ДЕЛАХ

1

лето господне 1294, в навечерие праздника рождества христово, избран был в Неаполе папой кардинал Сан Мартино в Монте из рода Гаэтани и назван Бонифацием VIII. В это время борьба партий гвельфов и гибеллинов¹ находилась в полном разгаре и вызвала большие разногласия, прежде всего между названным папой и преданным гибеллинам родом Колонна. Колонна возбуждал против папы враждебную ему партию,

имевшуюся и в Ананьи. Разгневанный этим папа (Бонифаций VIII)* отнял у представителей семьи Колонна церковные должности, замки и все их поместья и владения, которые они имели в Церковной области.

В следующем году, в день св. апостола Андрея (30 ноября) неожиданно произошло сильное землетрясение, какого еще никогда не было. Землетрясение продолжалось много дней с небольшими перерывами, причем было разрушено множество домов. Папа, находившийся со всем своим двором в Риети², боялся быть убитым обломками или задохнуться под ними и поэтому приказал, чтобы в монастыре братьев проповедников, среди обширного луга, была построена деревянная хижина, в которой он жил долгое время, несмотря на жестокую холодную зиму. Тогда же, еще во время землетрясения, появилась комета.

* Слова, помещенные в скобках, принадлежат редакции и вставлены для облегчения чтения.

В 1300 г. праздновался юбилей святого года. На это празднество в Рим собралось так много народа, что едва можно было пройти по улицам. Для участия в празднестве в Рим прибыл также брат французского короля Филиппа, граф Карл Валуа³, который женился на дочери последнего императора константинопольского Балдуина⁴ и получил от папы Бонифация (VIII) заверение, что тесть его⁵ вернет себе обратно империю, из которой его изгнали. Папа охотно дал свое согласие на это, рассчитывая при помощи этих князей послать в Азию войско и снова завоевать святую землю. Для подавления восстаний, вызванных распрями между гвельфами и гибеллинами, папа послал в Тоскану своего легата, которой, однако, не имел там никакого успеха, несмотря на приказы, которые он издавал.

Тогда папа послал туда Карла Валуа. Карлу удалось прекратить смуту лишь тогда, когда после жестокой борьбы гибеллины были изгнаны из города. Питая все еще надежду вновь отвоевать Иерусалим, папа послал своего епископа из Памье к королю Франции Филиппу с поручением склонить короля принять участие в этом предприятии. Когда епископ увидел, что просьбами ничего нельзя добиться от короля, он в возбуждении разразился угрозами; Филипп впал в гнев и приказал тотчас же заключить епископа в тюрьму. Узнав об этом, папа Бонифаций немедленно послал во Францию архидиакона из Нарбонны, он должен был именем папы приказать королю освободить епископа Памье и в случае неудачи публично объявить королю о возвращении французского королевства обратно церкви⁶, отлучить короля от церкви и освободить французов от присяги верности королю. Все это названный архидиакон проделал с величайшим рвением и действительно принудил короля выпустить епископа на свободу. Чтобы отомстить папе за перенесенную обиду, король издал закон о том, что никто из его подданных не смеет покидать государство для поездки в Рим или пересылать туда каким бы то ни было путем деньги. Тогда Шиарра Колонна⁷, находившийся с некими французским рыцарем Вильгельмом Ногарэ⁸ в гавани Марсель, собрал вокруг себя несколько друзей и, одетый нищим, неожиданно вернулся в Рим. Сделал он это по приказанию названного французского короля Филиппа. Ногарэ, поддержанный своими сторонниками, которых папа Бонифаций долго преследовал, проник ночью, тайком в Рим. Шиарра открыл ворота, ворвался в папский дворец, взял папу в плен и отвез его в Рим. Убитый горем папа прожил после этого только 35 дней и был погребен у св. Петра⁹...

Его сменил другой папа, избранный в Перуджии. Этот папа, по имени Бенедикт XI, происходил из ордена братьев проповедников. Его папство продолжалось лишь 8 месяцев.

II. ПАПСКИЙ ДВОР ВО ФРАНЦИИ

После Бенедикта XI папой был выбран архиепископ города Бордо (во Франции). Избрание же происходило в Перуджии. Этот папа боялся ехать в Рим короноваться, как он обещал святейшей коллегии; последняя должна была отправиться во Францию и там его короновать. Наполеоне (Орсини) де Монте разбил сопротивление кардиналов и отправился во Францию; за ним последовали все остальные, и новый папа (Климент V) был коронован (в Лионе, избрав резиденцией г. Авиньон). Французский король просил папу Климента (V) восстановить в звании кардиналов Пьетро (Колонна) и Якопо (Колонна) и сжечь кости папы Бонифация VIII. Тогда поднялся испанский кардинал, попросил слова и сказал: «Если сожгут кости Бонифация как еретика, и ты согласишься на это, то ты — не правомочный папа, так как он поставил тебя архиепископом Бордо. Если Бонифаций не папа, то он не мог поставить тебя архиепископом; мы же тебя избрали папой как архиепископа Бордо». За ним поднялся синьор Пьетро, но Стефано делли Роселли, схватившись за шпагу, произнес: если кто-либо скажет, что не должно сжигать кости Бонифация, тот будет говорить, как изменник. Он доказал бы это со шпагою в руке, если бы возражал не папе. Тогда папа приказал схватить его и отрубить ему голову. Однако французский король (Филипп IV Красивый) выпросил его у папы как осужденного на смерть. Сделал это король ради услуги, оказанной этим человеком его жене, когда в ее комнате возник пожар. Королева наверное сгорела бы, так как ни один француз не хотел подвергнуться опасности. Синьор Стефано ринулся в огонь, чтобы спасти королеву, и вместе с синьором Пьетро некоторые люди вскарабкались на крышу, схватили королеву и таким образом спасли ее.

Папа отправился в Авиньон, где папский двор и пребывал до Урбана V.

III. СОБЫТИЯ ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ПАПСКОГО ДВОРА ИЗ АВИНЬОНА

В лето 1378, 16 июля, появились бретонские наемные банды у Понте Саларо и тут же устроили римскому народу большую кровавую баню. Эти бретонцы появились по наущению кардиналов, находившихся в Ананьи. Папой же тогда стал Урбан VI. Он пробыл в Риме до мая, так как 29 апреля 1379 г. римляне одержали победу над бретонцами, перебив все население. Тогда же произошло возмущение в замке Ангела; римляне осаждали его с ноября 1378 г.

до апреля 1379 г., когда замок сдался; римляне разрушили его столь основательно, что в течение многих лет там паслись козы.

В мае месяце римское войско направилось в Марино, так как синьор Джордано (Орсини) предался бретонцам. Римляне были в походе 18 дней, затем заключили мир, и синьор Джордано дал обещание быть постоянно на службе у римского народа.

В 1389 г. папой избран был Бонифаций IX. Его понтификат продолжался 14 лет и два месяца. Он был избран по смерти Урбана VI. Папа вновь получил господство над Римом, которое ему передали Натоло и Петруччио Саво, бывшие до того времени членами синьории. Они заявили папе: «Если ты хочешь господствовать над римским государством, то должен восстановить крепость Ангела». Папа крепость построил, и когда она была готова, благодарность, какую он оказал за это Натоло и Петруччио, состояла в том, что он приказал отрубить им головы, сказав: «Оба передали мне государство в руки, а теперь хотели его вновь от меня отнять». С этого времени папа пользовался полной властью. Он приказал кардиналам заняться земледелием; ведь руббио¹⁰ зерна стоило один флорин, а иногда 40 сольди.

В лето 1404, в первый день месяца сентября, скончался папа Бонифаций IX, и римский народ восстал, чтобы отвоевать обратно свою свободу; весь Рим был забаррикадирован, и каждый день прибывали люди к баррикадам. Орсини и церкви были на одной стороне, Колонна с народом на другой. Капитолий и Торре ди Меркато перешли к восставшим, причем поздно вечером Орсини прошли через Порта Кастелло и с римлянами, оставшимися верными церкви, направились на помощь находившимся в Капитолии; когда они были у дворца Росси, на них набросились Колонна со своими сторонниками. Произошел рукопашный бой. Многие пали с той и другой стороны. Орсини проиграли сражение, так как привлекли на свою сторону немного народа. Масса была за Колонна.

В названный год, 10 октября, кардиналы отправились на конклав, происходивший во дворце св. Петра. Между ними возникло большое разногласие по поводу выбора папы; наконец все пришли к одному решению и выбрали папой архиепископа Болоньи из Сульмоны, назвавшего себя папой Иннокентием VII. Римляне были очень довольны выбором и устроили по поводу этого праздника.

15-го названного месяца в Рим прибыл из Неаполя король Владислав¹¹; въезд происходил через городские ворота у св. Иоанна в Латеране. Римский народ поспешил выйти ему навстречу с префектами городских кварталов и оказал большие почести. Папа принял его также с большими почестями и передал ему покровительство над Побережьем и Кампаньей на 5 лет. Между тем город все еще оставался забаррикадиро-

ванным; король Владислав долгое время вел переговоры с папой и кардиналами, пока они без всякого условия передали Капитолий римлянам. Таким образом король побудил римлян к миру, и они получили вновь свободу.

В апреле 1405 г. римляне направились против врагов семьи Колонна и вступили с ними в борьбу. За народом последовал из Рима приор, чтобы быть посредником при заключении мира; он сделал это против воли римской синьории. После заключения мира синьория приказала взять в плен приора и отсечь ему голову, так как мир был заключен вопреки сделанным распоряжениям.

2 августа 1405 г. римляне вышли ночью, чтобы занять Мильвийский мост. Они подожгли его и сражались весь следующий день, но моста взять не смогли. На той и другой стороне было много раненых. На следующий день папа Иннокентий VII и римляне заключили договор, в силу которого мост был передан им; но папа не захотел его передать; тогда согласились на том, что папа должен сломать мост. Мост был посредине разобран, а затем папа приказал возвести укрепления от Пьяцца Кастелло до самой реки.

5-го названного месяца папа послал за членами синьории с просьбой прибыть к нему для переговоров; он хотел, чтобы между ними и всеми партиями был заключен мир. На вызов папы явились двое правителей, двое префектов городских кварталов, несколько чиновников и некоторое количество граждан. Во время переговоров папа сказал им: «Идите к синьору Лодовико да Фермо¹² и установите совместно с ним условия договора». Они отправились. Когда они находились у госпиталя Санто Спирито и проходили через третью дверь, то были перебиты Лодовико да Фермо, все — один за другим. У них отняли лошадей и, к великому позору римлян, трупы убитых выбросили из окна Санто Спирито на улицу. Много римлян бежало. Убитых было 11. По этой причине папа в тот же день выехал из Рима и направился в Витербо, боясь римлян; он уехал вместе с Лодовико да Фермо и всей своей свитой.

6-го названного месяца Джованни Колонна со многими римлянами перешли мост и предали дворец папы разграблению; были также разграблены все дома папских придворных. Римляне не могли простить обиды за убитых из их среды.

20 августа прибыло войско неаполитанского короля. Римляне разрешили войскам проходить улицы вдоль реки, и они продвинулись до Порта Кастелло. С войском шел и Джованни Колонна. В это время крепость Ангела начала борьбу против римлян и открыла стрельбу по городу. Римляне хотели устроить на мосту Ангела баррикады, но войска, стоявшие на другой стороне моста, не допустили этого, захватили мост и подожгли несколько домов. Тогда римляне вошли в соглашение с начальниками названных войск, согласно ко-

тому римляне дадут войскам провиант, а последние за это разрешат устройство баррикад на названном мосту. В следующую ночь римляне поспешили возвести указанные баррикады, и когда все было готово, отказались доставить войскам провиант; поэтому крепость Ангела непрерывно обстреливала римлян.

На следующий день, 21 августа, взбунтовались Капитолий и синьория, управлявшая Римом; многие граждане, боясь народа, заперлись в Капитолии; в тот же день Никколо Колонна и Баттиста Савелли с другими римлянами бежали из города, опасаясь за свою жизнь.

23 августа Капитолий сдался народу на условии свободного выхода гарнизона. Все башни и Торре ди Меркато были разрушены.

1 сентября римляне возвели у крепости Ангела, занятой неаполитанцами, баррикады, выстроив их посреди площади. В следующую ночь поднялся сильный ураган с проливным дождем, так что несколько свинцовых плит с крыши Санта Мариа Ротонда, сорвавшись, упали на соседние дома, причинив им большие повреждения. Колокольня Санто Никколо деи Фервители обрушилась вместе со всей церковью. По этой причине весь Рим был в великом страхе. Кроме того, римляне находились в постоянном угнетении, не имея возможности покинуть город, так как иначе их имущество было бы разграблено и они лишились бы скота. На этом основании начальники города подали совет послать к папе в Витербо послов и в знак покорности передать папе ключи от Рима. Так и сделали. В Витербо отправились два посла в сопровождении многих граждан.

В 1407 г., 13 марта, папа Иннокентий VII возвратился из Витербо и проследовал через Porta Portезе в Рим. Римляне оказали ему великие почести и устроили большие празднества. Люди бежали по городу с факелами в руках и кричали: «Да здравствует папа!» Иннокентий, проследовав через Трастевере, под балдахином вступил во дворец св. Петра.

В названное лето 1407, 7 ноября, скончался папа Иннокентий VII. Это было в субботу. Когда похоронные празднества были закончены, 14 ноября кардиналы отправились во дворец св. Петра, в конклав и оставались в конклаве до 1 декабря.

1 декабря избран был папой кардинал Константинопольский, назвавший себя папой Григорием XII¹³. Он жил в квартале Кампо Марцо; после коронавания он покинул Рим и отбыл в Болонью. Папа оставил в городе легатом кардинала Пьетро из рода Аннибальди. Последний вступил во владение церковным государством за папу Григория. После избрания Григория папой римляне оказали ему большие почести; когда после коронации он следовал под балдахином от св. Петра к св. Иоанну в Латеран, с ним шли римские ораторы. И насколько велика была у римлян радость тогда, настолько же

велика была печаль теперь, по отбытии из города папы, из опасения, что в городе возможны какие-нибудь беспорядки.

Пьетро Аннибальди назначил городские власти. Он изъездил из церквей Рима много сосудов и крестов, приказал расплавить их и переделать на деньги, чтобы оплачивать наемные войска. Вместе с Пьетро на жалованье св. церкви находился тогда и Паоло Орсини.

В 1408 г., при папе Григории, 18 апреля из Неаполя появился король Владислав и остановился лагерем у Остии. Крепость в Остии защищал Паоло Баттиста ди Гоччио; однако король взял ее приступом. Неаполитанские войска причинили римлянам много вреда, забирая у них скот и лошадей. Римские купцы должны были вновь откупать у них скот, а пленные должны были платить выкуп за освобождение; всем этим римляне были весьма недовольны. 21-го названного месяца между королем и римлянами было заключено перемирие на два дня, по истечении которых король договорился с римлянами и послал в Рим своего уполномоченного, назначив сенатором Джанотто Торти.

В 1411 г., по смерти папы Александра V¹⁴, избран был папой Иоанн XXIII¹⁵. В этом году Орсини и сторонники св. церкви держали римское государство во власти св. церкви. Когда папа Иоанн XXIII прибыл в Рим, большинство кардиналов отправилось в Констанцу, где происходил собор. Они приглашали и папу явиться на собор, но он не хотел туда ехать.

Неожиданно папа Иоанн установил налог на вино и повысил налоги на все пищевые продукты в Риме, чем римляне были очень недовольны. В день св. Марка папа устроил процессию от св. Иоанна к св. Петру и хотел, чтобы при этом торжественно была перенесена голова св. Иоанна Крестителя с тою целью, чтобы отослать ее во Флоренцию. За это он получил бы от флорентийцев много тысяч дукатов. Монахини от св. Сильвестра, все граждане из квартала Колонна вместе с префектом этого квартала и многие другие римские граждане не допустили участия мощей в процессии и перенесли их благочестиво и нерушимо обратно к св. Сильвестру. Папе и флорентийцам не удался их план.

В лето 1413, в июне месяце, из Неаполя прибыл в Рим король Владислав, пробил стену у Санта Кроче и вошел со всем своим войском в Латеран к св. Иоанну, где пробыл несколько дней. Вследствие такого вторжения короля папа Иоанн удался из Рима и переехал во Флоренцию: он выехал в июле месяце со многими римлянами, причем во время бегства многие из них умерли от истощения. Король взял замок Ангела и вошел в Рим, где ему были оказаны большие почести. Руббию зерна стоило тогда 18 гульденов, и многие семейства умерли от голода. Король приказал привезти несколько тысяч

руббю зерна из Сицилии и раздать его населению Рима; внесли ему за это только несколько грошей, так как король дарил зерно всем римлянам, — одному много, другому мало. Затем король направился во Флоренцию, но по дороге был отравлен. Он хотел поспать у одной девицы, которой флорентийцы сказали: «Сделай так, и мы обогатим тебя: введи этот яд в твою срамную часть, и он умрет, а ты останешься жива». И оба умерли.

В лето 1414, 13 сентября, восстал римский народ, поднялись крики: «Да здравствует свобода!» Орсини делла Тройола бросили в тюрьму. Через два дня после этого римский народ вместе с властями пришли к дому Пьетро ди Матуццо, которого и сделали правителем города. Пьетро не хотел этого, но власти и народ захватили его и сказали ему: «Мы и весь народ хотим, чтобы ты был нашим правителем». 16 сентября произошло восстание в Трастевере, началось оно криками: «Да здравствуют церковь и народ!» Когда Пьетро ди Матуццо увидел это, он покинул Капитолий, вернулся обратно домой и сложил свои обязанности.

В октябре месяце названного года прибыл в Рим легат, посланный папой Иоанном XXIII, с кардиналом из Болоньи. Этот легат ввел строгий порядок; правителем был один житель Болоньи.

9 декабря того же года, по приказу легата, отрубили голову Паоло де Паллони, как одному из восставших против власти церкви.

В том же месяце сенатор послал за Джованни Ченчи и просил, не может ли он пообедать у него. Когда Ченчи явился в Капитолий, сенатор принял его с исключительной любезностью и, беседуя с ним, прогуливался. Выбрав подходящий момент, сенатор приказал схватить Ченчи и отрубить ему голову, так как кардинал-легат не доверял Ченчи, как находившемуся на службе у римского народа.

IV. ИСТОРИЯ РИМА ВО ВРЕМЯ ПАПСТВА МАРТИНА V

Божьему милосердию угодно было всем войнам и тревлнениям положить конец: оно снизошло и до града Рима, и воля его была такова, чтобы впредь это не повторялось. Кардиналы и очень многие синьоры, находившиеся на соборе, озабоченные всем этим, поставили папой синьора Оддо Колонна, назвавшего себя Мартином. Когда он был избран, возликовала вся земля, особенно город Рим. По этому поводу было устроено великое торжество. Брат папы Мартина, синьор Джордано, сумел установить в римском государстве мир и спокойствие. Это случилось в лето господне 1417,

11 ноября, в день св. Мартина, когда папа отбыл из Констанцы и прибыл во Флоренцию, где пробыл два года и несколько месяцев.

В лето господне 1420, 28 сентября, в субботу в Рим прибыл папа Мартин. Он прошел через Порта Пополо и всю ночь пробыл у Санта Мариа дель Пополо; в воскресенье утром он направился во дворец св. Петра под балдахином через квартал Колонна. От всех кварталов города выступили римские граждане; папе была оказана величайшая честь. Префекты, другие власти и много римских граждан в течение нескольких вечеров ходили по городу с зажженными факелами в руках и восклицали: «Да здравствует папа Мартин! Да здравствует папа Мартин!»

По прибытии в город папа Мартин решил установить строгий порядок, так как Рим совершенно одичал и полон был разбойников. Главным образом он выступил против тех, кто грабил за стенами Рима, и против разбойников, грабивших бедных паломников, приходивших в Рим за отпущением грехов. Папа узнал, что разбои и грабежи происходили на Монте делла Гвардиа и в некоторых других местах. Его святейшество тотчас же принял меры.

В лето господне 1422, 30 ноября, в праздник св. Андрея, в Риме было столь сильное наводнение, что большая часть города была залита водой. Это причинило столь большие повреждения, что невозможно их исчислить. Вина лежала на Браччио да Монтоне, так как он, полный гнева и желая отомстить римлянам за то, что потерял господство над римским государством, по своем отъезде из Рима разрушил мраморные дамбы у Педелупо; память об этом наводнении осталась до сих пор на камне фасада церкви Минервы.

В лето 1424, 2 июня, недалеко от Аквилы был убит полководец Браччио да Монтоне; по случаю убийства врага папы в Риме было большое торжество с увеселительными огнями и танцами. Римляне, с факелами на лошадях, явились сопровождать синьора Джордано Колонна, брата папы. И после того как со всеми врагами было покончено, папа Мартин пользовался в дальнейшем полнотою власти без всяких помех. В его время царили мир и благоденствие, и цена зерна опустилась до сорока сольди за руббио.

Во время его папства был расписан храм св. Иоанна в Латеране, восстановлен дворец при церкви Санти Апостоли, где папа проживал большую часть своего правления.

21 июля 1424 г. брат папы Бернардино приказал сжечь шишки, песенники, амулеты, оракулы и накладные волосы, которыми украшают себя женщины. В Капитолии разведен был костер, и все эти вещи сожжены.

Тогда же была сожжена ведьма Фаничелла, так как она дьявольским образом многих людей испортила и околдовала много лиц; весь Рим сбежался смотреть на это зрелище.

19 февраля 1431 г. у папы Мартина случился паралич языка; это было в понедельник. Во вторник ранним утром он скончался. Весь Рим был опечален его смертью.

1 марта кардиналы отправились в конклав к Санта Мариа сопра Минерва, причем вся площадь была забаррикадирована до площади Санта Мариа Ротонда.

3 марта, в субботу, папой был избран Евгений IV, монах-целестинец, венецианец. Тотчас же он направился к св. Петру.

11 марта названный Евгений, по обычному обряду, был коронован у св. Иоанна в Латеране. По своем короновании он вернулся обратно во дворец и устроил открытое заседание консистории; в большой зале присутствовало множество народа, и из-за большого скопления людей в зале отвалилась штукатурка. Народ подумал, что вся зала рушится, и поспешно бежал. В этой давке задохнулся епископ.

Вскоре же после того, как Евгений стал папой, он овладел всеми крепостями, прежде всего замком Ангела.

В 1432 г., 15 апреля, был захвачен вице-камерленго Оддо Почча. Взял его Стефано Колонна по приказу папы Евгения, который хотел знать, где находятся деньги и священные сокровища покойного папы Мартина V. Папа приказал Стефано, чтобы он с почетом относился к вице-камерленго, у которого надо было лишь получить деньги и другие драгоценности. Названный Стефано поступил как-раз обратно тому, как велел папа, и вообще Стефано служил папе очень плохо. Поэтому папа Евгений воспылал ненавистью к Стефано Колонна и грозил ему расправиться с ним. Вследствие этого Стефано покинул Рим и бежал в Палестрину, где повел переговоры с герцогом Салерно, чтобы тот шел на Рим и лишил папу его власти. 23 апреля Колонна появился у городских стен и занял Порта Аппиа. Через день Колонна вторгся в Рим, где произошло сражение в квартале Колонна и у Санта Марко. Противники папы Евгения потерпели поражение, и многие из них были взяты в плен, потеряв лошадей и оружие. Во время отступления Колонна отнял у римлян много скота и произвел большие опустошения, а в то время скота в Риме было очень много, и убытки, причиненные Колонна, не перечислить. Род Колонна удерживал за собой названные ворота в течение нескольких дней, и каждый день там происходило сражение. Пока Колонна удерживал ворота за собой, римский народ постоянно находился в волнении. Никто не работал, и весь Рим был забаррикадирован. Все римляне были вооружены, — как придворные, так и простые люди. Были разграблены дома Стефано Колонна, кардинала Колонна и много других домов. Весь город жил в величайшем страхе. В таком же страхе были папа, кардиналы и весь папский двор, так как все боялись еще худшего. Цена зерна поднялась до пяти и шести с половиной флоринов рублио. Никто не мог пройти через Кампанию без того, чтобы не быть ограбленным. 20 июня был схвачен архиепископ Беневента¹⁸,

а также другие лица, все они происходили из дома Колонна; они были заключены в замок Ангела. 22 октября папа Евгений был отравлен своим шталмейстером Сольдано; Сольдано сделал это по наущению рода Колонна. Вследствие этого отравления у папы отнялась одна сторона тела, так что он не мог поднять правой руки. 21 мая 1433 г., в праздник вознесения господня, прибыл в Рим император Сигизмунд, он прошел через Porta Кастелло и с большой торжественностью проследовал к св. Петру; туда же последовали все римские власти. Из каждого городского квартала были назначены представители сопровождать императора. Папа вышел Сигизмунду навстречу до лестницы св. Петра; затем оба проследовали в церковь.

В том же году, в последний день мая, в праздник троицы император был коронован папой Евгением у св. Петра, после чего направился к св. Иоанну в Латеране. Папа сопровождал его до Пьяцца Кастелло, а затем вернулся в свой дворец. Густая толпа народа собралась встречать императора. На мосту св. Петра он возвел в рыцарское достоинство нескольких дворян. Лошадь императора вели папский шталмейстер Сольдано и Манчино, которые изображены на железной двери св. Петра, налево при входе.

V. ПАПА ЕВГЕНИЙ ПОТЕРЯЛ ВЛАСТЬ

В лето 1434, 29 мая, управление государством было отнято от папы Евгения и восстановлено было семь синьоров римской свободы, назвавших себя правителями римской республики; это были следующие синьоры: Джованни Маттео ди Сант Аньоло, Лелло де Паоло Стати, Чеко ди Строкко, Джованни Куччио ди Вело де Рипа, Джованни Томазо Колонна, Антонио де Скоккола, делла Револа, Джорджо Таска да Трейо; Пончелло ди Пьетро Венерамери был назначен комендантом Капитолия. Новые правители захватили в плен камерленго — племянника папы и отослали его в Капитолий в дом сенатора, бдительно охраняемый римлянами. По этой причине папа Евгений выехал в тяжелой печали, бросив все, оделся в Трастевере как простой монах-бенедиктинец и сел в лодку вместе с братом Арсинио. Когда римляне узнали о его бегстве, то бежали за ним по пятам и преследовали его стрелами. Однако Евгений спасся и направился во Флоренцию, где оставался до своего возвращения в Рим (28 сентября 1443 г.). Как только он отбыл из Рима, сторонники папы из замка Ангела начали борьбу с городом, непрестанно его бомбардируя. Правители города Рима создали на мосту св. Петра укрепления и возвели крепкую стену. Начальником укрепления был назначен Паоло дельи Тости с пятью наемными офи-

церами; на укреплении находилось бомбардировочное орудие. Другие укрепления созданы были у Санта Мариа Траспонтина и на Пьяцца Кастелло. Названный папа бежал 14 июня.

В том же году и месяце гарнизон замка Ангела в провокационных целях повел себя так, как-будто он хотел сдаться римскому народу; находившиеся в замке подняли крик: «Да здравствует народ и власти!» Народ поверил им, и весь Рим сбежался узнать, в чем дело, а Балдассаре да Оффиди, начальник гарнизона замка и наместник папы, сказал некоторым из них: «Идите со мной и владейте замком». Римляне бросились бежать, и когда они находились уже внутри замка, были в большом количестве захвачены в плен. Из замка началась бомбардировка стены укрепления; от страха все разбежалось, и весь Рим был в страхе и печали. Власти вернулись в Капитолий, печальные и подавленные, и многие говорили, что граждане кем-то одним из них были обмануты и преданы.

В лето господне 1434, 27 октября, в навечерие Симона и Иуды, народ снова потерял власть, церковь взяла государство обратно в свои руки, и камерленго мог покинуть Капитолий. В Риме устроены были большие торжества сторонникам церковной власти. Правители немедленно оставили Капитолий, который тотчас же был занят солдатами церкви и снабжен продовольствием. Все правители, печальные и подавленные, разошлись по домам. В тот же день были святой церковью назначены новые правители, и тогда же прибыли из Корнето в Рим александрийский патриарх Джованни Вителески, дьявольский человек, наводивший страх на каждого. Он остался в Риме, как папский легат, а камерленго отправился во Флоренцию к своему дяде, папе Евгению.

В лето 1436, 20 марта, Пончелло взял Порта Маджоре. Ворота Пончелло и его сторонники передали кондотьеру графу Антонио да Понтадера. Рим незамедлительно же забаррикадировался. Кондотьер и люди держались у ворот в течение трех дней. Многие римляне устроили им сражение, и находившиеся у ворот сдались как побежденные. Весь Рим сбежался туда. Говорили, что это сделал Пончелло, потому что раньше он стоял за подчинение города власти церкви и за освобождение камерленго. За это ему обещано было сто тысяч дукатов, которые ему, однако, не были даны. Потеряв терпение, он пошел на такое дело.

В то же лето отрядами патриарха был разграблен, подожжен и разрушен Кастелло Гандольфо. Таким же образом поступили с Боргетто. Разрушены были также дома Пончелло и ряда других, потому что эти синьоры напали на ворота и взяли их. За их головы назначена была цена. После этого патриарх пошел войной на Кампанию, осадил ее, а также Чивиталавинья и Кастельнуово. Названный патриарх захватил в плен кондотьера Антонио да Понтадера и приказал его повесить на оливковом дереве при Скантино в Маритима. Это

было 19 мая. 3 июня он разбил лагерь под Сагароло и Палестриной; патриарх отправился туда и оставался там с римским народом, пока не захватил Сагароло и Палестрину, он взял замки в августе месяце и подчинил их церкви. Затем он возвратился в Рим, где ему оказаны были великие почести, каких не получал никогда ни один папа; он шествовал под балдахинном от архи ди Санто Вито до церкви Санто Лоренцо в Дамазо. Его сопровождали все римские власти, и раздавались крики: «Да здравствует патриарх, отец города!» Так как в то время был сильный голод, то он из любви к народу снизил цены на хлеб. Его балдахин был поставлен у Санто Лоренцо, как если бы он был папа или император.

Затем патриарх захватил в плен Пончелло и приказал в Риме щипать его раскаленными щипцами, повесить на лобном месте Кампо ди Фиоре и четвертовать, а четыре части тела Пончелло приказал повесить в различных местах Рима. Затем, через некоторое время, патриарх приказал разрушить и сжечь Палестрину, потому что Стефано Колонна восставал против папы; все жители Палестрины были взяты в плен и привезены в Рим как новая добыча.

В лето 1437, в апреле месяце, патриарх вышел в поход против неаполитанского королевства. Но оказалось, что Неаполь и все укрепленные места страны заняты арагонским королем, и по этой причине патриарх вернулся обратно в Рим. В июне месяце он снова отправился в королевство Неаполь, захватил в плен тарентского герцога с двумя тысячами из его отрядов и покорил всю область графа Нола. Область герцога подчинилась власти церкви и названного патриарха. И были совершены там великие дела.

В лето господне 1438 скончался римский император Сигизмунд.

В лето 1438, 12 апреля, Капоччиоло и Гарофоло, бенефициаты церкви св. Иоанна в Латеране, украли множество ценнейших камней, сапфиры, рубины, алмазы, аметисты и жемчуга от мощей глав святых Петра и Павла, находившихся в двух склепах названной церкви св. Иоанна. Кража обнаружена была следующим образом. Сильвестро де Паллонэ купил один жемчуг большой ценности за тридцать дукатов. Сильвестро стал торговаться с ювелиром. Таким образом дело стало известно очень многим. Когда стали доискиваться, кто продал жемчуг, подозрение пало на Никколо де Вальмонтоне, каноника церкви св. Иоанна; дело было раскрыто, и Никколо был арестован тотчас же. Гарофоло, его племянник, передал ему камни на хранение; Никколо, однако, клялся, что это неправда и он ничего не знает, хотя он прекрасно знал обо всем этом. Когда дело было полностью раскрыто и драгоценные камни были найдены, их в торжественном шествии с участием всего города 22 августа перенесли обратно в церковь св. Иоанна. Римский сенатор в сопровождении властей и все-

го народа участвовал в процессии и прочел буллу об отлучении, изданную папой Урбаном V.

4 сентября эти злоумышленники, то-есть каноник Никколо де Вальмонтоне и бенефициаты Капоччиоло и Гарофоло, перед главным алтарем церкви Санта Мариа в Арачели были лишены сана; затем заключены на лобном месте Кампо ди Фиоре в особо устроенные клетки, где они оставались в течение четырех дней. В этом же месяце они были казнены следующим образом: Капоччиоло и Гарофоло волокли до площади св. Иоанна в Латеране, а синьор Никколо должен был ехать туда на осле; все трое с митрами дьявола на голове. Названный синьор Никколо был повешен на вязу, находящемся на площади св. Иоанна, у Капоччиоло и Гарофоло были отрублены правые руки, а затем они были сожжены на этой же площади. Руки их были прибиты там же, около герба волчицы, что можно видеть на картине, нарисованной в память этого события в церкви св. Иоанна в Латеране, направо при входе наверху.

В названном 1438 г., 8 ноября, были казнены Джакомо Галлезе и Риччио за то, что хотели опустошить область и завладеть ею. Им были отрублены головы, а затем они были повешены за ноги на виселице в Капитолии; головы их были воткнуты на два копыя и пронесены через Рим до Кампо ди Фиоре.

В это время Лоренцо Колонна занял Сагароло и Рокка. Несколько дней подряд лил непрерывный дождь, вследствие чего река поднялась и затопила весь Рим, мавзолей Августа и многие другие площади. Патриарх расположился лагерем перед Сагароло, чтобы прогнать Лоренцо Колонна; с патриархом было множество римского народа. Выступление патриарха произошло в день карнавала, который приходился на 17 февраля. По случаю этого события в Риме происходили процессии, и был показан народу нерукотворный образ¹⁷ и главы св. Петра и Павла. Затем при помощи нескольких метательных орудий пробита была брешь, как-раз на площади Колонна. Патриарх оставался в походе весь великий пост, а затем, 2 апреля, заключил мир с Лоренцо Колонна; это было в великий четверг. Колокола Капитолия возвестили всему Риму мирные торжества, а 4 апреля патриарх отбыл, направившись во Флоренцию.

В 1439 г., в ноябре, кардиналами, собравшимися на собор в Констанце¹⁸, избран был папой Феликс¹⁹. Папой был тогда Евгений IV. Собор посылал папе несколько приказов, чтобы он явился на собор. Но Евгений не хотел послушаться, вследствие чего произошел раскол. Папа Евгений, опасаясь антипапы Феликса, совершил следующее.

Когда папа Евгений увидел, что кардиналы покинули его и предались папе Феликсу, находившемуся в Констанце²⁰, он нашел выход и назначил за неделю до праздника рождества 18 новых кардиналов.

В лето 1439, 19 марта, патриарх Джованни Вителески, он же флорентийский архиепископ и кардинал Санто Лоренцо в Лючина, был захвачен в плен. Захвачен он был при Порте Санто Пьетро в замке Ангела синьором Антонио де Ридо, по приказу папы Евгения, потому что патриарх мало считался с папой и домогался захватить замок Ангела, так как он хотел сделаться властелином Рима. Патриарх все время притязал на то, чтобы названный синьор Антонио сдал ему замок Ангела, о чем синьор Антонио написал папе. По сей причине патриарх был захвачен. При аресте он был ранен и находился пленником в замке Ангела в течение 20 дней и затем умер 2 апреля, в воскресенье; тело его перенесено к Санта Мариа sopra Минерва. По известии об аресте патриарха граф Эверсо прискакал со всем своим войском к мосту, но он не мог проникнуть в замок на помощь патриарху, так как мостовая решетка была опущена. Тогда граф немедленно взял несколько подвод с имуществом патриарха и перевез его в Рончильоне.

В том же году, в апреле месяце, прибыл в Рим в качестве папского легата другой патриарх, кардинал Санто Лоренцо в Дамазо; при его прибытии римляне оказали ему большие почести, и он прошествовал под балдахином св. Петра к церкви Санто Лоренцо в Дамазо.

В лето 1442, 15 декабря, были казнены начальник эскадрона Джино Альбанезе и его племянник канцлер Альбанезе; Джино отрубили голову, а канцлер был повешен, потому что названный Джино нарушил служебный договор с Римом. В тот же день была снята крыша с Санта Мариа Ротонда, очищена была вся площадь и снесены были портики, что находились у колоннады названной церкви.

В лето 1443, 27 мая, в Капитолии был обезглавлен Паоло делла Моляра; сделано это было по приказанию легата, не доверявшего ему, потому что он был храбрый дворянин. Но эта казнь удалась ему с большим трудом, так как сенатор защищал его. Ему отрубили голову без покаяния и причащения, а за два дня перед тем уже было повешено четверо из его слуг.

В том же году, 28 сентября, в субботу, прибыл обратно в Рим (после девятилетнего отсутствия) папа Евгений, проследовав через Порта дель Пополо в церковь Санта Мариа дель Пополо. Он пробыл там всю субботу и следующую ночь. В воскресенье он проследовал дальше, в сопровождении большой свиты, в церковь св. Петра с пятью кардиналами.

Папа поднял налог на вино и удвоил все налоги на съестные продукты, чем народ был весьма недоволен, и когда папа был в квартале Колонна, то слышны были крики: «Да здравствует церковь! Долой налоги!»

Тогда папа Евгений сделал народу снисхождение и снял налог с вина.

В лето 1444, 12 декабря, был убит кардинал Санто Марко Анджелотто; он был убит своим прислужником, ограбившим его. Названный прислужник был тотчас же схвачен. Его волокли из Капитолия до дома кардинала, где его, связанного, посадили на тачку, довели до лобного места на Кампо ди Фиоре и при этом щипали раскаленными щипцами. На лобном месте ему отрубили руки, повесили его и затем четвертовали; четыре части тела были развешены в четырех кварталах Рима: одна часть на Мильвийском мосту, другая на Кампо ди Фиоре, третья на мосту Марио и последняя на Порте Санто Джованни. Руки были пригвождены к стене Порты Санто Пьетро.

В лето 1446 папа Евгений изгнал всех каноников из церкви св. Иоанна в Латеране и приказал учредить каноникат для братьев августинцев, обновить хоры церкви и восстановить полностью террасы, находящиеся при капелле святых святых в церкви св. Иоанна в Латеране.

В 1447 г., 23 февраля, в четверг, скончался папа Евгений IV, в 8 часов вечера.

После смерти папы римлянами был устроен народный совет в Арачели, дабы предъявить коллегии кардиналов свои требования; при этом присутствовал архиепископ Беневентский и многие граждане. На этом народном собрании держал речь синьор Стефано Поркаро²¹ и высказал много такого, что было полезно для нашей республики. Между прочим, он сказал, что нужно добиваться того, чтобы Рим находился с церковью и папой в свободном союзном договоре и чтобы даже малейшая и беднейшая область из всех тех, которые подчинены церкви, платила церкви столько-то и столько-то, пользуясь при этом свободой. Архиепископ запретил ему продолжать речь, но все собрание дружно настаивало на том, чтобы синьор Стефано продолжал свою речь; собрание было закрыто, но римляне снова встретились в рефекториуме, где собрание возобновилось, а названный архиепископ, разгневанный, удалился. Больше ничего не было предпринято из страха перед арагонским королем, находившимся в Тиволи.

В том же году, 4 марта, восемнадцать кардиналов направились в конклав, имевший место в Санта Мариа sopra Минерва. 6 марта эти 18 кардиналов избрали папой кардинала из Болоньи. Он назвал себя папой Николаем V. Поэтому повсюду в Риме устроено было большое торжество.

18-го того же месяца, в воскресенье золотой розы²², на ступенях св. Петра папа Николай был коронован и затем последовал к св. Иоанну в Латеране. По дороге туда и на обратном пути римляне оказывали ему великие почести.

29 августа 1448 г., в праздник усекновения главы св. Иоанна, между тремя и девятью часами, затмилось солнце, и в то же лето была великая смертность в Риме и по всей Италии.

В сентябре появился в Риме брат Роберто, который проповедывал на площади Капитолия, призывая враждующих

(Средневековая карикатура)

между собою граждан Рима к миру и согласию. Все восклицали «милосердие» ради великой смертности, царившей в Риме. 23 октября молодые юноши, нагие, бичуя себя, бежали от Арачели до Санта Мариа Маджоре и вопили непрестанно «милосердие» ради великой смертности, царившей тогда.

4 ноября того же года в Риме было землетрясение. Дома так ужасно сотрясались, что люди в страхе разбежались по церквам.

В то же лето, 20 декабря, названный папа Николай назначил шесть кардиналов: двух французов, одного немца²³, а также беневентского архиепископа Орсини и брата папы, являвшегося болонским архиепископом.

В то же лето, 23 апреля, в день св. Георгия, папа Николай получил извещение, что антипапа Феликс отрекся от своего папства со всеми своими кардиналами. Этому содействовал император Фридрих III²⁴, который не хотел схизмы. Названный папа Николай пожаловал папе Феликсу и его кардиналам красную шляпу, потребовав от них наперед, что они будут в полном его распоряжении. По этому поводу в Риме было великое торжество.

В лето господне 1450, то-есть в юбилейный год, папа Николай с великим усердием и тщанием, без помощи и совета кого-либо, все подготовил и устроил так, что в указанный год юбилея ни в чем не было недостатка; и многие тысячи прибывших в Рим людей ни в чем не чувствовали нужды.

В то же лето, 19 декабря месяца, в субботу, паломникам, находившимся в Риме, показан был нерукотворный образ Спаса, и папа Николай всему христианскому люду, бывшему на площади св. Петра, преподал благословение. И когда народ возвращался обратно в город, на мосту Ангела произошло столкновение и давка из-за большого скопления людей. Там находился осел; одни говорили, что он от Санто Марко, другие говорили, что он привез две корзины с двумя женщинами, прибывшими за отпущением грехов. Осел чего-то испугался, и многие люди, из-за тесноты и толкотни, попадали на землю. На мосту было столь ужасное столкновение, что там умерло двести человек, погибли три лошади, а осел и множество людей упали в реку. Одну часть задавленных перенесли в Санто Чельсо, другую — в Кампо Санто; восемнадцать подвод, полностью нагруженных трупами, было туда перевезено. И никогда не видано и не слыхано было о подобном деле и таком ужасном злополучии.

В лето господне 1452 прибыл в Рим короноваться император Фридрих III. По всей стране ему были оказаны великие почести, особенно во Флоренции, Сиене и Витербо, где он и остановился. По этой причине папа Николай сделался недоверчив и приказал все церковные войска стянуть в Рим, призвать также пехотинцев, и издал приказ, чтобы отовсюду посылали к нему воинов. Укрепился также весьма хорошо в го-

роде и назначил тринадцать командиров, по одному на каждый из тринадцати городских кварталов, даровав им и всем другим городским чиновникам плащи с гербом розы; все ворота города передал он гражданам в охрану, поставив двоих на каждые ворота. Когда все это было сделано, император прибыл в Рим в сопровождении Владислава²⁵, короля венгерского, многих баронов и рыцарей. Сопровождали его десять кардиналов, много епископов и прелатов, сенатор со всеми римскими чиновниками, вышедшими ему навстречу. Когда названные кардиналы и синьоры вышли ему навстречу, император прямо сидел в седле и принимал приветствия всех людей, пришедших к нему на поклон. И когда кардиналы с ним разговаривали, он едва наклонял голову и еще меньше делал это при разговоре с епископами. Затем появился римский сенатор в сопровождении других чиновников и римских граждан. Сенатор был одет в парчу с беретом на голове, с меховыми рукавами и другими меховыми украшениями, в чем он обычно являлся на карнавалы в Тестаччио на Пьяцца Нагони. И когда он предстал перед императором и приветствовал его, император спросил через переводчика, кто это. Переводчик ответил ему: «Римский сенатор». И тотчас император снял с головы шляпу, обнял сенатора и оказал ему большую честь, и каждый удивлялся, почему он кардиналам едва кивал головой, а перед сенатором обнажил голову.

После этого, 9-го названного месяца император Фридрих совершил свой въезд через Порта Кастелло и шествовал под балдахином до св. Петра в торжественной процессии, в сопровождении граждан и чиновников, которые ему, по приказу папы, оказали величайшие почести. Папа с кардиналами принял его на ступенях св. Петра. За императором следовала в сопровождении многих женщин и девушек императрица, его невеста, дочь португальского короля, столь миловидная и красивая, что трудно даже описать. После этого императору предоставлено было помещение во дворце у св. Петра.

На следующий день, 10 марта, происходило бракосочетание императора с названной императрицей после литургии, которую совершал сам папа Николай, и при этом торжестве присутствовало бесчисленное количество народа. 18 марта император Фридрих III был коронован папой Николаем, и на него и его супругу императрицу возложены были императорские короны, и затем они были помазаны святым миром. В тот же день император покинул дворец св. Петра и направился к св. Иоанну в Латеран и на мосту св. Ангела произвел многих в рыцари. А так как в тот день было воскресенье золотой розы, то папа предложил императрице розу, и затем император отбыл из Рима. Папа Николай торжествовал и был весьма доволен, что император отбыл в добром согласии.

В лето 1453, 5 января, был раскрыт заговор синьора Стефано Поркаро; в 5 часов ночи он был захвачен в доме своей

сестры мадонны Гаска, жены Риэнцо ди Лелло, где он скрывался, будучи запертым в сундуке. Поркаро бежал из Болоньи, где он проживал как изгнанник, под бдительным надзором тамошнего папского легата кардинала Бессарионе, к которому он, по приказу, должен был ежедневно являться. Синьор Баттиста Шиарра, племянник синьора Стефано, поднял в Риме мятеж и, поддержанный своими товарищами, схватился с одним из командиров, направлявшимся с сотней пехотинцев ко дворцу. Он ранил смертельно названного командира и нескольких солдат. Но сенатор отправился вместе с вице-камерленго и десятью солдатами к дому синьора Стефано. Они нашли дверь забаррикадированной; внутри было много людей, и началась борьба за дверь. Находившиеся внутри стали бросать из окон в осаждавших столы, но когда заметили, что дело их проиграно, то покинули дом через черный ход. В доме взято было много людей в плен. Весь Рим находился в большом волнении.

9 января Стефано Поркаро был повешен в замке Ангела, на башне при воротах на верхнем зубце, что направо, когда входишь. И я (Стефано Инфессура) видел его там повешенным, одетого в черное, в черной куртке, темных штанах, этого благородного человека, столь любившего благо и свободу Рима. Он считал себя изгнанным из Рима без всякого основания, хотел освободить от рабства свой родной город, отдать за него свою жизнь, как он в действительности и поступил. Некоторые говорят, что он похоронен у Санта Мариа Траспонтина, другие же передают, что он брошен в реку.

В тот же день на виселице Капитолия, без покаяния и причастия, были повешены следующие люди: синьор Анджело ди Мазо прежде всего, затем его сын Клименте. Синьор просил надвинуть ему на глаза шапку, чтобы не видеть своего повешенного отца; ему это сделали, и оба были повешены рядом друг с другом. С ними же были повешены и другие, — в общем девять человек.

Была пущена молва, будто они повешены за то, что Стефано Поркаро собрал вокруг себя товарищей, решивших взять в плен папу Николая и кардиналов, разграбить несколько домов и опозорить нескольких девушек. По сей причине они были казнены.

12 января были повешены Франческо Габаето и известный доктор за то, что они сопровождали синьора Стефано Поркаро. Говорили также, что они имели сведения о заговоре. Затем вышел приказ: кто знает, где находятся Баттиста Шиарра, Никколо Джокола, другой племянник синьора Стефано, и Джакомо ди Лелло Чекки, должен об этом сообщить, за что получит тысячу дукатов. Если же кто доставит их мертвыми, то ему будет выдано пятьсот дукатов. Папа приказал искать этих преступников по всей Италии; наконец, удалось поймать Баттисту де Персона, обычно называемого Пеккаторе;

также захвачен был синьор Пьетро да Монте Ротондо со многими другими, — один в Падуе, другие в Венеции; и отрубили головы на Читта ди Кастелло синьору Пьетро, Баттисте Шиарра и многим другим. Названный Пеккаторе был приведен в Рим, и 30 января прозвучали дважды колокола в Капитолии к его казни. Однако его родственники обратились к кардиналу из Метца с просьбой ходатайствовать перед папой о помиловании бедного человека, ничего не ведавшего обо всем этом заговоре. Папа сделал одолжение названному кардиналу. Тотчас же послали гонца к сенатору, чтобы он приостановил казнь Пеккаторе, так как папа помиловал его из-за расположения к кардиналу. Родственники Пеккаторе по сему случаю весьма ликовали.

31 января, то-есть через день после этого, Пеккаторе был все же, по приказу папы, повешен. Приговор гласил, что он якобы знал о заговоре синьора Стефано и причастен был к заговору, который имел целью захватить папу в плен, убить нескольких кардиналов в праздник богоявления господня, если бы папа последовал к литургии в церковь св. Петра, а также разграбить дома многих флорентийцев и римлян и затем добычу поделить между заговорщиками.

Когда названный кардинал Метца узнал о том, что папа сначала в угоду ему помиловал Баттисту, называемого обычно Пеккаторе, а затем через день без каких-либо новых оснований приказал его повесить, то в великом гневе отправился в папский дворец; что он сказал папе, неизвестно. Но вернувшись к себе домой, он приказал своим слугам немедленно быть в готовности; затем он выехал и прибыл с богом во Флоренцию, не желая больше возвращаться в Рим. Поступил он так из-за великого гнева против папы, особенно когда узнал, что все, поставленное в вину названному Баттисте, было не верно, принимая во внимание доброе житие и благонамеренность названного человека, о чем он сам знал, а также ввиду того, что на подобные деяния Баттиста, он же Пеккаторе, был неспособен.

По случаю этих событий в том году празднества на Монте Тестаччи — карнавальные игры — не были отпразднованы.

В то же 1453-е лето, 8 июля, стало известным папе и Риму, что турки заняли Константинополь с большим кровопролитием и большими жестокостями против христиан. Брат Роберто подтвердил народу, что известие это истинно. По этому случаю папа, двор и весь народ были весьма опечалены, особенно вследствие того, что за три месяца перед тем послы константинопольского императора приезжали к папе с просьбой о помощи и поддержке; но добиться этой помощи они не смогли.

12 октября 1454 г. папа Николай приказал схватить Андже-ло ди Ронконе за то, что он дал возможность ускользнуть графу Эверсо, когда тот, вопреки воле папы, наступал на

Норчию (в Умбрии). Папа выслал все церковное войско на помощь жителям Норчии, с приказом взять в плен графа Эверсо. Когда граф узнал об этом, он пытался пробраться в свою собственную область; Анджело ди Ронконе, видя, что граф находится в затруднительном положении, помог ему тем, что предоставил ему свободный проход; таким образом он спас его, за что папа возымел великую ненависть против Анджело. И так как он обманул папу, то названный Анджело не доверял ни папе, ни кардиналам, и когда папа послал за ним с приказом разыскать его, он потребовал от папы и кардиналов свободного пропуска в Рим и с этим свободным пропуском явился действительно в Рим. Но несмотря на это, в Риме он был арестован и заключен в замок Ангела. Папа приказал отрубить ему голову 13 октября, в три часа ночи. На следующий день папа велел коменданту доставить ему Анджело ди Ронконе. Комендант удивился этому и заявил папе, что Анджело мертв и что сделано это по приказанию его святейшества. Папа встревожился и очень опечалился, заявив, что он ничего этого не помнит. По этому поводу полагали, что папа отдал приказ о казни в пьяном виде, так как был весьма привержен к вину.

В лето 1455, 11 марта, через особого глашатая, под барабанный бой, народу было объявлено, что по всей Италии заключен мир между неаполитанским королем, флорентийцами, венецианцами, герцогом Милана и графом Франческо. Мир заключен был на двадцать пять лет, и все эти государства решили сообща выйти в поход против турок. Рим ответил на этот мир большими празднествами.

В то же лето и тот же месяц, в навечерие благовещения девы Марии, в пять часов, скончался во дворце св. Петра папа Николай V. Это было во вторник.

После того как закончились погребальные торжества, 8 апреля, во вторник пасхальной недели, около шести часов, избран был папой Каликст, то-есть кардинал Альфонсо Борджиа, епископ Валенсии, испанец. Он назвал себя Каликстом III и был коронован 20-го названного месяца.

В лето 1456, в июле месяце, появилась на небе комета с длинным хвостом; причем голова кометы обращена была на восток. После того, как она появилась, начались в Риме сильный голод, великая чума, война и смертоубийство. По сему поводу в Риме устраивались церковные ходы, дабы господь отменил все эти наказания.

24 июля названного года христиане при Белграде одержали победу над турками, которых пало больше шестидесяти тысяч. Султан спасся только с немногими людьми. Христиане отобрали у турок около двухсот метательных орудий, всю артиллерию и весь их провиант. Кардинал Сант Аньоло сообщил об этой победе папе и кардиналу Фермо. Названное известие пришло в Рим 22 августа.

В лето 1457 г., в навечерие рождества христово, папа Каликст назначил новых кардиналов — двух своих племянников, вице-канцлера с титулом Санто Никколо в Карчере и его брата с титулом Санти Кватро, а также брата синьора Симоне Тебальди, папского домашнего врача, с титулом Санта Анастасиа; сына португальского короля; епископа Мелла с церковным титулом Санта Приска; епископа Сиенского (Энея Сильвия Пикколомини, ставшего впоследствии папою Пием II) с церковным титулом Санта Сабина; епископа Павии с титулом Санто Клименте и архиепископа Неаполя.

В том же году Каликст III назначил префектом Рима своего племянника (непота) Педро Борджиа.

В лето господне 1458 скончался арагонский король, и его побочный сын Фердинанд (Ферранте)²⁶ сделался королем Арагонии.

В то же лето, в августе месяце, скончался папа Каликст III, а за день перед этим городской префект и генеральный комендант церкви Педро Борджиа (папский непот) со всеми своими каталонцами удалился из Рима и отбыл в Чивитавеккиа.

В тот же день скончался также Томазо Спадинтеста, рыцарь, бывший в то время сенатором Рима, так что Рим остался тогда без папы и сенатора.

В лето господне 1458, 19 августа, в три часа избран был папой Пий, сиенский епископ Эней²⁷, кардинал с титулом Санта Сабина.

3 сентября он был коронован у св. Иоанна в Латеране.

22 января 1459 г. папа Пий отбыл из Рима в Мантую. Это было в понедельник, а в субботу перед тем в церкви Санта Мариа Маджоре папа давал благословение и отпущение грехов, по обряду церкви.

В Риме остался легатом немецкий кардинал Николай Кузанский с титулом Санто Пьетро в Винколи, а правителем города был синьор Галеаццо, епископ Мантуи; праздник карнавала в этом году не состоялся.

В лето 1459, в марте месяце, папа назначил пять новых кардиналов: генерала августинского ордена Алессандро, своего племянника (непота) Франческо Пикколомини, который был епископом Сиенским, и других.

В лето 1462, 4 мая, папа с четырьмя кардиналами отбыл на воды в Витербо, оставался там 15 дней и затем вернулся в Рим. Непосредственно после этого он отдал предписание о новых налогах, чтобы собрать деньги с целью, как он сказал, похода против турок.

В лето 1464, 19 июня, папа Пий покинул Рим и направился в Анкону, выступив в поход против турок со всем своим войском и многими кардиналами. И в названный же год, 14 августа, он скончался в Анконе, в два часа ночи. В то время разразилась ужасная непогода и сильнейший ветер, како-

ных не было еще до того видано; в Анконе, Озимо и во всей области были большие повреждения; буря вырывала там, как рассказывали в Риме, деревья и вымела столь гладко всю почву, что не осталось ни одного дерева, сорвала также оливковые деревья и причинила невероятные повреждения. 23-го того же месяца тело папы прибыло в Рим и погребено у св. Петра, в капелле св. Андрея.

В лето 1464, 28 августа, все кардиналы отправились к св. Петру на конклав, где 30 августа избран был папой Павел II, кардинал Санто Марко — племянник (непот) папы Евгения, венецианец.

16 сентября папа Павел принял посвящение и в торжественном шествии проследовал к св. Иоанну в Латеран.

Папа Павел в начале своего первосвященничества хотел, чтобы римляне его любили. Поэтому он отправился в Санто Марко, занял там помещение и растянул карнавальные торжества. Уже в понедельник перед карнавалом он устроил бег на приз молодых людей; во вторник был призовой бег евреев²⁸, а в среду такой же бег стариков. В четверг происходили игры на Пьяцца Нагони, в пятницу пребывали дома, в субботу смотрели охоту. В воскресенье происходили обычные три призовых бега, в понедельник бежали буйволы, во вторник ослы. И такими делами папа приобрел любовь народа.

В лето 1467, 8 июля, из Поли в Рим были приведены восемь мужчин и шесть женщин, про которых говорили, что они не верят папе и их взгляды еретические. Их повели в Арачели, где против площади Капитолия возвели помост, и там они стояли с бумажной митрой на голове, а папский викарый с пятью другими епископами поучали их, дабы они обратились в истинную веру. И затем тех, кто повинился, одели в длинные льняные плащи с белым крестом спереди и сзади и отвели их в Капитолий.

В лето господне 1468, 24 декабря, в Рим прибыл император Фридрих III, совершив свой въезд через Порта дель Пополо. Папа оказал ему большую честь.

В день св. Сильвестра, то-есть в последний день декабря, папа и император направились к св. Иоанну в Латеран, и там вечером папа и император поднялись на нарочито поставленное возвышение к главам св. Петра и Павла и вступили в капеллу. И император, войдя, пал ниц и, бия себя в грудь, с великим благоговением произнес молитву. Папа показал ему сокровища и драгоценные камни. Папа Павел сравнил смарагд, который носил на пальце, с тем, что был на митре у св. Петра, и спросил, который лучше. В воскресенье, то-есть на другой день, в день нового года, папа совершил литургию у св. Иоанна, и затем они вместе вернулись обратно к св. Петру, оба под балдахином.

9 января, в понедельник, император отбыл обратно в Германию, выехав в Витербо.

В лето 1470, 18 мая, в Риме прошел сильный град, погубивший виноградники и зерновые поля и побивший скот. Одна градина весила три унции и была величиной с орех.

В лето 1471, 1 апреля, прибыл в Рим маркиз из Феррары. Въезд его был столь пышным, какого не имел ни один герцог, и вел он за собой сто тридцать восемь мулов, нагруженных деньгами, одеждой, коврами и другими прекрасными вещами, 20 мулов были покрыты новым голубым бархатом, а другие имели на себе шелковые покрывала с его гербом. За ним следовало множество прекрасно наряженных людей; направился он к св. Петру, во дворец делле Скале, в сопровождении многих кардиналов. Римские правители с множеством граждан пришли к нему на поклон и оказали ему великие почести.

В то же 1471-е лето, 25 июля, в праздник св. Иакова, в ночь с пятницы на субботу, в три часа скончался скоропостижно папа Павел II. За день перед тем он был еще совсем здоров, присутствовал в консистории, на ночь хорошо поел и в названный час умер.

3 августа, по окончании траурных торжеств, восемнадцать кардиналов отправились в конклав к св. Петру, в обычное помещение.

6 августа папой был избран Сикст IV, кардинал Санто Пьетро в Винколи, называвшийся прежде Франческо (делла Ровере) из Савоны, генерал ордена св. Франциска. Тотчас кардинал Латино Орсини сделан был камерленго, а вице-канцлер получил аббатство Субиако, точно таким же образом кардинал Мантуи получил аббатство Санто Грегорио; все это потому, что эти кардиналы отдали при выборах свои голоса за названного кардинала; иначе он не стал бы папой. И все это произошло под давлением брата францисканца Пьетро Риарио, племянника Сикста IV.

25-го названного месяца, в праздник св. Варфоломея, происходило на ступенях св. Петра посвящение папы Сикста; после сего он направился к св. Иоанну в Латеран, дабы принять церковь в свою собственность. На площади св. Иоанна в это время произошел мятеж, так как между солдатами и римскими гражданами завязалась ссора, и они друг друга забрасывали камнями.

В то же лето, в декабре месяце, за неделю до рождества Христова, папа призвал в кардиналы двух своих родственников, а именно: Джулиано делла Ровере, епископа Карпантра, своего племянника, названного кардиналом Санто Пьетро в Винколи (впоследствии папа Юлий II), и одного члена ордена, названного брата францисканца Пьетро Риарио, который содействовал его продвижению, когда папа Сикст был еще братом францисканского ордена; теперь Пьетро Риарио был назван кардиналом Санто Систо.

В лето 1472, в январе месяце, на небе видима была комета с длинным хвостом; говорили, что она знаменует смерть великого человека.

И 25 февраля скончался городской префект Антонио Колонна, который до того, как он был назначен префектом, назывался герцогом Салерно.

В то же лето, 27 февраля, городским префектом был назначен племянник папы Сикста. Он был совсем небольшой человек, и разум его соответствовал его облику. Звали его Лионардо делла Ровере из Савоны. И когда он сделался городским префектом, неаполитанский король выдал за него свою дочь замуж.

В то же лето, 28 мая, в праздник тела христово, папа Сикст со множеством народа отправился в Санто Паоло фуори ле Мура, где стояли галеры, долженствовавшие отправиться против турок. Прибыв туда, папа благословил названные галеры и дал полное отпущение грехов каждому участнику похода; он роздал солдатам сотню знамен с собственным и церковным гербами. С названными галерами против турок отправлялся его преосвященство кардинал Неаполитанский.

В лето 1473, 23 января, вернулся обратно кардинал Неаполитанский, отправившийся как легат с названными галерами против турок. Он привел с собой двадцать пять турок и двенадцать верблюдов, которые прошли по некоторым улицам Рима с названными турками, сидевшими на их спинах. В то же лето, 29 апреля, папа Сикст с четырьмя кардиналами и многими епископами отправился из дворца в Трастевере к мосту Ротто, на берегу реки, где он решил начать новую постройку названного моста. Он спустился к реке и возложил краеугольный камень, на котором было начертано:

Sixtus Quartus pont. max. fecit fieri sub anno Domini 1473.

(Первосвященник Сикст IV заложил в лето господне 1473). Под камнем папа положил несколько золотых монет с собственным изображением. И затем он приказал построить этот мост, который впоследствии не назывался больше мостом Ротто, но значился, как на надписи, мостом Сикста.

В то же лето, в мае месяце, кардинал Санто Систо, он же названный брат Пьетро Риарио, приказал покрыть всю площадь у Санти Апостоли; он воздвиг там досчатые стены и украсил их дорогими коврами, вокруг площади устроил досчатый помост в виде террасы с крытым ходом, и над колонным ходом названной церкви он построил другую, богато украшенную террасу. И на этих досчатых помостах флорентийцами были устроены игры. Там же устроены были два фонтана, из которых била вода так высоко, что, как мне кажется, она достигала до крыши Санти Апостоли. В честь мадонны Леоноры, дочери короля Ферранте, следовавшей к своему супругу, герцогу Феррары, кардинал Санто Систо устроил великолепный пышный пир. И затем, после пира, он приказал исполнить для нее игры. Это было нечто столь прекрас-

ное, что не только в Риме, но и вне его вряд ли кто видел нечто подобное, пир и праздничные игры стоили несколько тысяч дукатов. И кардинал Санто Систо приказал приготовить столько серебряной посуды, что трудно поверить, чтобы церковь божия имела его столько, исключая то, что послужило столовым серебром. Посуда и приборы за столом были позолочены, и при этом было столь великое множество украшений, что едва ли можно этому поверить. Названная Леонора пребывала во дворце несколько дней совместно со многими благородными девицами и баронессами. И рассказывают, что названный кардинал Санто Систо для каждой из этих дам, получивших каждая по отдельной комнате, кроме других ценных предметов роскоши, приготовил позолоченный ночной горшок. На что только не идут церковные сокровища!

Во вторник была исполнена благочестивая мистерия тела христового, в среду другая — св. Иоанна Крестителя и св. Иакова. В четверг ранним утром Леонора отбыла к своему супругу, провожаемая многими кардиналами, прелатами и благородными людьми.

Предпоследнего июня, в праздник св. апостолов Петра и Павла, по приказу кардинала, было исполнено другое исключительно блестящее зрелище. Представлено было прибытие в Рим дани, когда римляне были еще властелинами всего мира, при этом показано было шестьдесят нагруженных мулов, покрытых дорогими коврами с гербом кардинала. Затем были бега на приз флорентийцев от Порта дель Пополо до Санти Апостоли. Выиграла лошадь Франческо Санта Кроче. Перед этими зрелищами кардинал Санто Систо устраивал также еще многие другие, как-то: рождество Иисуса Христа и поклонение волхвов, воскресение Христа и сошествие в ад. И каждому человеку, будь он благородного или низкого происхождения, этот кардинал доставлял радость и удовольствие.

В то же лето, когда вице-канцлер²⁹ следовал по морю в Рим, разразилась сильная буря, разбившая корабль и барки, на которых находились он и его свита. И многие прелаты и другие люди тогда потонули; между прочим утонули епископ из Лезины и епископ из Сассиса, и только великим чудом спасся вице-канцлер.

В лето 1474, 5 января, скончался кардинал Санто Систо. Он был отравлен, и пришел конец всем нашим прекрасным зрелищам. Смерть его опечалила всех.

В лето 1474, 6 января, прибыл в Рим к юбилейному отпущению грехов король Ферранте в сопровождении множества баронов и дворян, привезя с собой также много соколов, так что были уничтожены все коршуны, водившиеся в нашей округе. Церквям св. Петра и Павла и св. Иоанна в Латеране он пожертвовал каждой по вышитому золотом покрывалу.

Подарил он также всем римским чиновникам — правителям, префектам городских кварталов, секретарям, деканам университета — по фиолетово-голубому с пурпуром платку в четыре аршина каждому. Затем король отправился через весь Рим осматривать постройки, и всякий оказывал ему великую честь. Когда же он вернулся во дворец, то при разговоре с папой Сикстом он сказал ему, что папа уже не властелин этих мест и не может быть таковым благодаря этим выступающим вперед портикам, узким улицам и деревянным балконам; если он вздумает выслать солдат в Рим, то даже женщины смогут с этих балконов выгнать их, забросав всякими вещами, и только с большим трудом могло бы войско укрепиться в городе. И дал ему совет снести все эти балконы и портики и расширить улицы. Папа принял его совет и затем, поскольку это было возможно, снес балконы и портики и расширил улицы, под предлогом, что улицы надо вымостить и украсить город. Король пробыл три дня и затем уехал.

В то же лето, 11 ноября, умер маленький урод Лионардо делла Ровере, городской префект, племянник папы Сикста. Тело его вынесли к св. Петру, и римлянами и придворными были оказаны ему почести.

Немедленно же был назначен новый префект города, именно брат кардинала Санто Пьетро в Винколи.

В то же лето и месяц река поднялась столь высоко, что прибывшие за отпущением грехов к Санто Паоло принуждены были ехать туда в лодках.

В то же лето, 25 апреля, в праздник св. Марка, граф Джироламо Риарио, сын или племянник или другой какой родственник папы, устроил на Пьяцца Нагони торжественный турнир, в котором приняли участие известные рыцари Италии, Испании, Бургундии и многие другие иностранные рыцари. Полагают, что на этом торжестве присутствовало около ста тысяч человек, и продолжалось оно пятницу, субботу и воскресенье. Борьба шла за три приза.

В лето господне 1478, 27 апреля, в воскресенье, во Флоренции была раскрыта измена или заговор, причем в церкви Санта Либерата был убит Джулиано де Медичи, а брат его Лоренцо ранен. Этот заговор был затеян родом Пацци во Флоренции и поддержан пизанским архиепископом по имени Бартоломео Сальвиати. Род Пацци и сообщники по заговору затеяли смертоубийство в названной церкви, но под конец, так как бог помогает невинным, в борьбе одержали верх сторонники Лоренцо; они захватили в плен названного пизанского архиепископа с его последователями и повесили их. Точно так же они взяли в плен церковного служителя Джованни Баттиста да Монтесекко, посланного папой во Флоренцию для поддержки главного заговорщика из рода Пацци, которым был Франческино. Они изрубили Джованни и многих из его сторонников в куски. Были захвачены в плен Франческино и многие дру-

гие, между ними кардинал Рафаэлло Сансони Риарио из Сан-то Джорджо, бывший там, потому что все это было устроено папой Сикстом совместно с графом Джироламо Риарио, Франческино Пацци, Джованни Баттиста да Монтесекко и архиепископом Сальвиати, дабы отнять власть над Флоренцией у Лоренцо Медичи и передать ее графу Джироламо Риарио. Приверженцы Медичи едва не повесили названного кардинала, племянника графа, но поразмыслили, что он еще слишком молод и, оправдываясь, уверял, что он к этому делу не имеет никакого касательства; однако он был там вместе с другими, и если бы попытка удалась, Флоренция перешла бы во власть названного графа. Названный кардинал в течение нескольких дней содержался во Флоренции в плену, и по сему поводу папа был в сильном гневе против флорентийцев.

В то же лето, 4 мая, скончался синьор Пьетро де Чезио, римский сенатор, и тогда же я, Стефано Инфессура, получил должность подеста в Горта³⁰.

В лето 1480 г., 8 января, папа Сикст начал приводить в исполнение совет, данный ему королем Ферранте в бытность его в Риме в феврале 1475 г., — именно он приказал снести башенные выступы и расширить улицы и начал прежде всего с лавок торговцев оружием на мосту Ангела.

17 мая 1480 г. турки пошли в поход против Родоса и стали лагерем на суше и на море. И было там около семисот кораблей, занявших почти весь остров; как рассказывают, они привезли с собой металл, так что в течение нескольких дней они приготовили около 600 больших бомбард.

В то же лето, 2 августа, турки со множеством кораблей прибыли в Апулию, разбили лагерь при Отранто, заняли город и разрушили до сотни замков в той местности. В Отранто турки укрепились, возведя стены и окружив его рвами, так что каждый возымел великий страх перед ними, и не будь помощь господня, в краткий срок попали бы мы им в руки.

В лето 1481, 3 марта, в Рим пришла весть, что король Ферранте захватил в море 14 турецких кораблей, причем был взят в плен также турецкий полководец; по приказу короля он был затем повешен.

28 мая в Рим пришла весть, что 5 мая в Константинополе умер великий турок (султан Магомет II). Всемогущий бог оказал помощь христианскому миру; если бы не случилась эта смерть, христианство наверное бы подпало под иго турок; настолько велико было могущество султана. По сему случаю папа Сикст устроил торжественный церковный ход в Борго ди Санто Пьетро, в котором участвовал он сам и кардиналы; и процессия длилась три дня, именно воскресенье 4 июля, понедельник и вторник.

В то же лето, 13 сентября, в Рим пришла весть, что король Ферранте со своим войском взял обратно город Отран-

то со всей находившейся там турецкой артиллерией. При этом было взято много турок, искусных в боях против христиан.

VI. О ВОЙНЕ, КОТОРУЮ ВЕЛИ ПАПА СИКСТ И СИНЬОР РОБЕРТО МАЛАТЕСТА РИМИНИ ПРОТИВ КОРОЛЯ ФЕРРАНТЕ И ГЕРЦОГА КАЛАБРИИ, И О СМЕРТИ НАЗВАННОГО РОБЕРТО В 1482 г.

Во время первосвященничества Сикста IV возникла вражда между ним и неаполитанским королём Ферранте из-за войны, которую незадолго перед тем оба они повели против владетеля Флоренции. Когда папа отозвал свои войска, которые он раньше предложил названному королю в помощь против турок, находившихся в Отранто, и когда между ними возникли разногласия и ненависть, папа Сикст постарался сманить всех синьоров, служивших у короля, и прежде всего римских баронов, именно: Вирджинио Орсини, Джакомо де Конти и много других баронов, бывших на военной службе у короля. Пытался он также всеми средствами перетянуть к себе графа Урбино, но это ему не удалось. И так как папа искал повода к раздору, то он приказал сына одного рыцаря из дома Орсини, которого его отец отпустил на службу к королю Ферранте, заключить в замок Ангела, дабы он не мог вернуться к королю. Затем он начал грозить королю, заключил союз с венецианцами и поклялся, что всеми средствами, какие только имеются в его распоряжении, он уничтожит короля Ферранте. И чтобы дать этому делу ход, он принял к себе на службу названных баронов, прежде всего Орсини, и попытался то же сделать с Колонна. Но так как он их не особенно высоко ценил, то назначил им ничтожное жалованье, принять которое для них было больше позором, чем честью.

Так как синьоры Колонна отказались принять от папы жалованье, то они поступили на военную службу, на что они ранее имели разрешение от самого папы, к названному королю, и обе стороны дали клятву в верности. Когда папа узнал об этом, то страшно возмутился, потому что никак не думал, чтобы Колонна осмелились при данных обстоятельствах перейти на сторону короля Ферранте. Угрозами и увещаниями старался он удержать их от этого. Однако это ему не удалось; тогда он собрал свое войско и объявил названным синьорам Колонна войну.

По сему случаю папа Сикст пришел в столь гневное состояние, что приказал немедленно 2 июня 1482 г. досточтимого кардинала Колонна и досточтимого кардинала Джован-

ни Баттиста Савелли и его брата синьора Мариано подвергнуть заключению в замок Ангела. На другой день все имущество и добро названного кардинала Савелли, находившееся в его дворце, было перенесено папскими солдатами во дворец папы, за исключением продовольственных припасов, которые были тотчас же разграблены и поделены. Папа приказал поставить к дому кардинала охрану.

5-го названного месяца вторгся со своим войском герцог Калабрии.

Люди из войска герцога Калабрии занялись грабежом; они разграбили у римских граждан хлеб и скот, многих римлян взяли в плен и держали их в заключении; после чего за выкуп отпустили их. Церковные войска все это видели и терпели.

Когда римские граждане все это увидели, — увидели, как пропадает их хлеб, они держали совет и единогласно решили идти к папе; он должен попытаться устранить подобные явления, иначе наш город погибнет. Пошли к папе, получили любезный прием и бесчисленные обещания. Папа обещал, что он в ближайшее же время позаботится об всем. Вслед затем у всех ворот и по всему городу был прочитан папский указ, гласивший, что все римские граждане и прочие, проживающие в городе, буде они потерпели какой-либо ущерб за время происходящей войны, от своих или от врагов, должны письменно уведомить о том римского нотариуса, по имени Мариано Скалибрастро, причем такое извещение должно быть удостоверено клятвенным свидетельством четырех граждан. Затем, наконец, о сем должно быть извещено папское казначейство, и папа обещает возместить все убытки из доходов собственной казны. В силу этого указа многие граждане под клятвою дали извещение о своих убытках, но удовлетворения таковых претензий не последовало.

Когда граждане увидели, что никакие жалобы не помогают, они хотели обеспечить себя от убытков собственными силами и решили вывезти урожай, находившийся еще на полях, на обмолот в город и для сего поставили всюду охрану. Однако едва лишь они к этому приступили, как получилось препятствие со стороны графа Джироламо и его отрядов. Граф хотел, чтобы хлеб сняли церковные солдаты, свезли его на продажу в город и из выручки получили бы свое довольствие и жалованье. Так и случилось по его желанию, и римские граждане принуждены были перенести эту несправедливость, будучи ограблены не врагами, а собственными церковными войсками, от которых они ждали помощи и дружеского отношения.

И в сем году во всей Кампанье не был собран урожай, за исключением монастыря Санта Мариа Нуова, имевшего от короля Ферранте грамоту и по сему случаю ничего не потерявшего. И в то время как все, что я только-что описал, случи-

лось, по всему городу был прочитан указ о том, что никому не разрешается продавать хлеб по цене свыше двадцати карлинов за руббио, когда, однако, с другой стороны, вышеназванные солдаты продавали по двадцать пять и даже тем, кто этот хлеб сеял и был его владельцем.

Между тем граф Джироламо, Вирджинио Орсини и другие синьоры, жившие в Латеранской церкви, беспрестанно играли в карты, лото и кости, и именно в алтаре этой досточтимой церкви, на хранилище, полном реликвий и освященных употребляемых при богослужении предметов, так что за это время церковь почти никем или очень немногими посещалась.

13 июля, в воскресенье, в час богослужения, так как всемогущий господь, св. Иоанн Креститель, евангелист, св. апостолы Петр и Павел, покровители города, и другие святые, мощи коих покоятся в Латеранской церкви, долее не потерпели, чтобы преступники и дикая солдатская толпа бесчинствовали в этой церкви, то всемогущий бог показал, что он видит все. В названный час случилось небесное знамение: неожиданно поднялся ужасный ветер, и разразилась столь сильная буря, что трудно описать. Деревья в виноградниках сотрясались и склонялись до земли. Наконец вспыхнул огонь в палатках, стоявших у Латеранской церкви и у Porta Азинариа, и истребил все палатки и жилища солдат со всем их имуществом и добром и лошадьми; сгорело также несколько больных солдат, которые лежали в палатках. Огонь распространялся от одной палатки к другой, дойдя до находившихся на Виа Мерулана и церкви Санто Маттео, и причинил столько опустошений, что по общей оценке убытки равнялись шести тысячам дукатов, даже больше, имея в виду только те вещи, которые могут быть оценены.

В тот же час отрядами короля Ферранте был занят город Террачина, за исключением замка.

Когда Сикст узнал об этом, он немедленно снарядил триста пехотинцев и несколько всадников и передал их Андреа де Конти, поручив ему спешить на помощь замку Террачина. Отряд выступил, но когда находился при Альджидо, то частью был захвачен в плен врагами церкви, частью рассеялся, а тем, которые вернулись в город, был дан приказ, чтобы каждый, кто служил Андреа, под угрозой виселицы, был представлен его брату Джакомо. Так все и случилось.

16-го названного месяца герцог Калабрии снялся с места, где он расположился лагерем, издав предварительно приказ, чтобы каждый солдат его войска был снабжен продовольствием на три дня. Затем он направился в местность, называемую Ла Риччия, и расположился лагерем у церкви Санто Паоло Альбанезе, в то время как герцог Мельфи с пятнадцатью отрядами хорошо вооруженных людей и многими пехотинцами оставался при Марино.

21 июля Вирджинио Орсини и граф Питильяно с тремя отрядами направились против войска герцога Мельфи. Они хотели притти на помощь их работникам, которые должны были из соседней местности вывезти в Понте Мамоло сено, но подверглись нападению враждебных отрядов и разогнаны. Из солдат двух названных полководцев и их работников при этом было захвачено не менее двухсот человек, которые вместе со скотом и провиантом были отправлены в Марино. Только с трудом обоим синьорам и некоторым из их приближенных удалось вернуться в лагерь. Все это сообщено было графу Джироламо Риарио, который за несколько дней перед тем поселился с большой военной свитой во дворце папы.

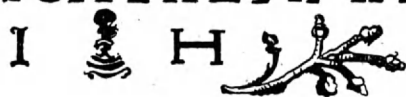
Основание, в силу коего граф Джироламо Риарио покинул лагерь и отправился во дворец, было следующее: некоторые кардиналы, проживавшие в городе, прежде всего достопочтенный кардинал Санто Пьетро в Винколи, двоюродный брат графа, сошлись и сообща решили итти к папе и настоятельно просить его о даровании мира и покоя, причем они ясно указали ему, что это зависит единственно от воли его святейшества. У них была надежда, что после сей аудиенции их пожелания будут приведены в исполнение. Когда об этом узнал граф Джироламо, он пришел в смущение, как бы со стороны папы не было сделано такого, что шло вразрез с его планами, от которых он отнюдь не хотел отказаться. И таким образом всякая надежда и все расчеты на мир сразу исчезли.

23 июля, наконец, явился в Рим к папе желанный и долгожданный синьор Роберто Римини; явился с небольшим войском, со своим знаменем и знаменем венецианцев. И когда войска церкви и папы были им приведены в порядок, он отправился с площади Санто Пьетро к церкви Санта Мариа Маджоре. И там вместе с графом Джироламо Риарио он не делал ничего другого, кроме того, что иногда выходил осматривать город.

27 июля стало известно, что при Форма, у одного из городских водопроводов, стояло приблизительно около восьми вражеских отрядов; все вышеназванные войска церкви выступили против неприятельского войска. Однако враг не пошел вельнулся со своего места. Тогда наши струсили, не скрывается ли где поблизости со своим войском герцог Калабрии; по сему случаю они отступили и вернулись в лагерь к своим палаткам. Но не прошло и часа, как со стороны герцога Калабрии явился к синьору Роберто глашатай, огласивший по поручению своего господина, что тот весьма удивляется синьору Роберто и не может никак поверить, чтобы он в столь короткий срок из доблестного солдата сделался попом и неужели он стал каноником Санта Мариа Маджоре, как и его прежние сотоварищи по церкви св. Иоанна в Латеране?

SIXTVS QVARTVS
PONTIFEX MAXIMVS

*Папское облачение
(Папа Сикст IV)*

В тот же день в городе рассказывали многое другое: будто войско венецианцев, находившееся под Феррарой, было полностью уничтожено, будто синьор Роберто Сан Северино, их командир, получил три раны.

Тогда же архиепископ Крайны, посол императора, наговорил много дурного о церкви божией и главным образом о нехорошей жизни Сикста и графа Джироламо Риарио, а также о бесчестном житии всего священства, о чем он проповедывал публично, и посему был графом Джироламо заключен в темницу, а папа лишил его архиепископского достоинства. И по настоянию того и другого он в конце-концов плохо закончил свои дни.

Тогда же, так как папа отказался, по приглашению императора, явиться на собор, в названный день Сикст назначил папским легатом епископа Сесса, который по поручению папы должен был явиться к императору и принести ему извинение.

В Риме уверяли и рассказывали о следующем — и это затем мало-помалу стало всеобщим мнением: известно, что еще ранее, в 1478 г., папа Сикст отлучил от церкви флорентийцев вследствие того, что пизанский епископ Сальвиати вместе с его сообщниками и слугами были повешены, а Рафаэлло Сансони Риарио, кардинал Санто Джорджо и племянник графа Джироламо, был захвачен в плен и заключен в темницу. Последний был обвинен в причастности к тому делу, когда брат Лоренцо де Медичи был убит в церкви и когда был раскрыт заговор графа Джироламо. Против этого отлучения флорентийский народ подал апелляцию, уверяя, что они поступили совершенно справедливо, повесив Сальвиати не как епископа, а как изменника, потому что он домогался предать названный город и лишить его свободы, дабы предоставить власть графу Джироламо, как только будут убиты братья Джулиано и Лоренцо де Медичи. Апелляция, с соизволения папы, была передана нескольким неитальянским епископам, которым было поручено расследовать все обстоятельства этого дела. Прежде всего было принято во внимание показание Джованни Баттиста да Монтесекко. Он отправился, как выше было рассказано, во Флоренцию с тем, чтобы привести план в исполнение. Впоследствии же, когда он был схвачен, то перед своею казнью клятвенно показал, что он неоднократно беседовал с папой Сикстом о путях и средствах, коими можно бы покорить и вернее овладеть городом Флоренцией и прежде всего через измену. При этом он убеждал графа Джироламо Риарио, а также названного папу, что без смертоубийств здесь обойтись нельзя. Папа заявил, что он не хотел бы, чтобы произошли убийства, но вскоре высказался так: «Делайте так, как можете!» На основании этого и других показаний по тому же делу епископы, разобрав апелляцию, решили дело против папы Сикста, в пользу флорентийского народа, и Флоренция была освобождена от названного отлучения.

1 августа у Остии появились семнадцать галер и два военных корабля Ферранте, дав ряд сигналов, как бы вызывая находившиеся на берегу войска. Вследствие этого торговцы солью и другие находившиеся в той местности люди в великом страхе бежали в Рим. По прошествии двух дней галеры и военные корабли отплыли обратно.

8 августа префекты городских кварталов и другие начальники римского народа созвали, по поручению папы, всех римских граждан на народное собрание, требуя, чтобы каждый явился в соборную церковь своего квартала. Там названными начальниками было сообщено, что папа хочет иметь в своем распоряжении тысячу вооруженных римских юношей, всадников и пехотинцев и только на восемь дней; они по его воле должны быть направлены вместе с войсками церкви, как подкрепление, против Колонна в Марино. Тем, которые не имели снаряжения, папа предлагал оружие, лошадей и жалование. Обещал он также, что если во время войны враг отнимет у них что-либо или причинит им какой-либо ущерб или если даже они будут просто взяты в плен, он их и их имущество выкупит на собственные деньги. Некоторые граждане согласились на это предложение, другие же отклонили его. В конце-концов получилось, что даже добровольно согласившиеся не были приняты. У населения осталось впечатление, что все это было устроено папой не для вербовки солдат, а чтобы ознакомиться с настроением граждан.

12-го названного месяца августа синьор Просперо Колонна восстал против герцога Калабрии, у которого он находился на военной службе, и предался вместе с своим замком Монтефортино папе и церковным войскам.

15 августа выступил синьор Роберто Малатеста из Римини с тридцатью тремя отрядами вооруженных людей. К нему присоединилось много отрядов под начальством синьоров. Были восемь отрядов конных стрелков, из которых пять привел с собой синьор Роберто, а прочие три уже имелись в Риме у графа Джироламо. К этим всадникам присоединилось еще более девяти тысяч пехотинцев и множество пехотных стрелков, кроме того большое число людей, обслуживавших орудия: три больших бомбарды, бесчисленное количество пушек, много других орудий и метательных машин, которыми был нагружен бесконечный обоз. Синьор Роберто распустил два знамени, одно знамя венецианцев с изображением св. Марка, другое с изображением дерева и инициалами своего имени, а также два других, церковных, из которых одно с изображением ключей, другое с гербом папы. Все это папа хотел, вместе со всеми своими кардиналами и приближенными, видеть из окна папского дворца. И войска прошли мимо дворца. Говорили, что они двинулись в поход на завоевание замка Марино. Они оставили за собой церкви Латеранскую и Санта Мариа Маджоре и другие места, где они проживали, полные грязи и заразы,

так что из-за зловония туда редко кто заходил. Вокруг всего города виноградники были опустошены, деревья повыврублены и расхищены; все кругом опустело, так что убытки были неисчислимы. Таким образом войска выступили из города, сопровождаемые ругательствами и проклятиями римлян.

22 августа, через неделю после праздника усения богородицы и выступления солдат, в городе распространилась радостная весть, что герцог Калабрии со всем своим войском потерпел поражение; сам же он ночью бежал в Террачину и таким образом спасся. По сему случаю в Капитолии, во всех церквах Рима, в замке Ангела и, наконец, во всем городе были устроены торжества. По этому же поводу был прочитан по всему городу указ о том, чтобы все те, кто участвует в праздничных играх, обычно происходивших в августе месяце, в усенье богородицы, были готовы к празднику рождества богородицы, в сентябре месяце. Так оно и было.

Каким образом погибло войско названного герцога, передают следующее: герцог со своими войсками укрепился в Веллетри, в местности по имени Санто Пьетро в Форма, обычно же называемой Башней поля мертвых, в местности, которая для него действительно стала полем смерти. Эта местность имеет форму острова, и только в двух местах имеется к ней доступ. Одно из этих мест, куда должны были двинуться церковные войска, герцог укрепил множеством бомбард, пушек и других метательных орудий, так что это место казалось неприступным. Затем синьор Роберто и герцог Калабрии вели переговоры и определили день и час, когда они начнут между собою борьбу. Так и случилось. В начале сражения названный герцог со своими янычарами³¹ боролся с ожесточением до тех пор, пока не заметил синьора Джакомо де Конти с несколькими тысячами пехотинцев, о которых герцог ничего не знал. Эти пехотинцы ночью, тайком, обошли поле сражения и приступили ко второму из двух доступных проходов к месту битвы; тогда-то герцог впал в страх и начал искать выхода. Тотчас же он, преследуемый своими врагами, устремился к наиболее укрепленному месту боя, где находились бомбарды. И когда церковные войска решили вторгнуться туда, то выстрелами бомбард и пушек они были уложены наземь; при этом, говорят, пало бесчисленное количество из войска церкви. Затем канониры, обслуживавшие названные бомбарды, уже не могли пользоваться ими, не могли заряжать их и стрелять, так как сильнейший дождь, ливший беспрестанно, не давал возможности зажигать порох. Поэтому они не в силах были защищать далее названное место; церковные войска вторглись туда и на продолжительное время между ними завязалась борьба. При этом пало множество людей с той и с другой стороны, и много лошадей всадников названного герцога было заколото пехотинцами синьора Роберто.

Герцог впал в страх. Опасаясь как бы с ним не случилось чего-либо и боясь оказаться запертым в данном месте пехотинцами синьора Джакомо де Конти, так как возможность свободного выхода была потеряна, герцог решил некоторые из своих отрядов тотчас же пустить в бой против церковных войск. Сам же с небольшим отрядом он отступил и направился, как одни говорят, к Террачине, по словам же других, в область Неттуно. Сражавшиеся подконец были взяты в плен, многие ранены и не мало убито, как говорят, около двадцати родовитых и влиятельных рыцарей и множество других. Сражение длилось от 17 до 23 часов, после чего тотчас же синьор Роберто Малатеста, захватив знамена и артиллерию неаполитанского короля, вместе с пленными направился в Веллетри. Пленных он продержал довольно долгое время. Говорили также, что пехота церковного войска была тогда силою в одиннадцать тысяч человек.

24 августа были посланы римским правителям ключи от крепости Марино с условиями перемирия и с просьбой к римскому народу передать ключи и условия мира папе, так как гарнизон названной крепости сдается на его милость. Таким образом крепость Марино отошла во власть церкви.

30-го названного месяца вышеназванные рыцари Калабрии, взятые в плен, были, в связанном виде, приведены в город к папе. Всего их было двести семнадцать, важнейшие из них были заточены в замок Ангела, некоторые в Капитолий, а прочие рассеяны по различным местам и крепостям церкви, где они и оставались несколько дней.

Роберто же с войсками церкви отправился с вышеназванными бомбардами и артиллерией к крепости Каве и пробыл там несколько дней. Затем названный Роберто вернулся обратно в город, посетил папу и поселился у досточтимого Стефано Нардини, миланского кардинала. Там он заболел и умер 8 сентября, на пятнадцатый день после своей победы, как говорят, от лихорадки. Другие же говорят, что он был отравлен. Папа оказал ему великие почести, похоронил его в церкви св. Петра и поставил прекрасный мраморный памятник, который можно там созерцать до сих пор.

По этому поводу рассказывают, что когда-то сиенцы при помощи известного великого полководца были освобождены из-под ига флорентийцев. И вот сиенцы, сознавая, как много они ему за это обязаны, ежедневно совещались, чем бы они могли отблагодарить его, что было бы достойно его великих заслуг. Наконец они пришли к выводу, что не в состоянии что-либо сделать, потому что если бы даже они сделали его властелином города, то и этого было бы недостаточно. И в то время как они находились в столь беспомощном состоянии, однажды на народном собрании, происходившем ежедневно по сему случаю, поднялся один гражданин и заявил, что он нашел награду, вполне достойную сего мужа, легко приемле-

мую и выполнимую для граждан. Когда восстановилось молчание, его просили сказать, что́ это за награда, и он дал ответ: «Убьем его, затем провозгласим святым и вечным покровителем нашего города». Так оно и случилось в действительности.

Многие говорили, чему, однако, я вполне верить не могу, что папа Сикст в данном случае подражал сиенцам и последовал их совету, так как смерть Роберто наступила вскоре же после его победы и папа при его погребении оказал ему великие почести.

Вскоре был заключен мир, и Колонна снова был в милости. Между прочим было решено, что занятые с той и другой стороны области возвращаются обратно и заключенные кардиналы освобождаются, так что область Террачина с ее замком передается опять во владение церкви, а Марино и другие крепости должны быть переданы во владение Колонна. Кардиналы, сидевшие под арестом, конечно, не были освобождены папой. Непосредственно после заключения мира, 27 декабря, после обмена пленными, герцог Калабрии прибыл в Рим и пробыл несколько дней во дворце папы. Затем, 30 декабря, он вместе с Вирджинио и другими Орсини, сопровождаемый благословениями папы, отбыл из Рима и направился в Феррару. И так как между папой и королем заключен был союз, то началась совместная борьба против венецианцев. После этого ничего значительного до 27 мая 1483 г. не произошло.

Неоднократно святейшая коллегия, а также весь римский народ просили папу, чтобы он проявил милость и освободил названных кардиналов из-под заключения. Хотя папа сам несколько раз обещал это сделать и уверял, что оба ничего преступного не совершили и он поэтому охотно отпустит их, однако своего обещания он не приводил в исполнение. Наконец 27 мая 1483 г. заключенный вместе с кардиналами синьор Мариано Савелли воспользовался удобным случаем, бежал из замка Ангела и отправился в свой замок в Рокка Приоре. Полный гнева по сему случаю, папа приказал держать названных кардиналов в заключении в еще более трудных условиях.

Наконец 15 ноября 1483 г., в субботу, оба названных кардинала, Джованни Колонна и Джованни Баттиста Савелли, были освобождены из заключения. В тот же день были назначены новые пять кардиналов, среди них синьор Джакомо, епископ Пармский, которого обычно называли кардиналом Пармским, юноша едва двадцати лет, притом очень красивый. Как передают, незадолго перед тем он был мальчиком в услужении у графа Джироламо Риарио, затем камердинером у кардинала Санто Витале (из семьи делла Ровере), а после того слугою в спальне коменданта замка Ангела. Там его однажды увидел папа Сикст; тотчас привлек к себе, осыпал его многими пышными дарами и под конец возвел его в звание кардинала; как говорят, против воли других кардиналов. Он —

молодой человек с хорошими дарованиями и красивый, что каждый может видеть; образования же не имеет никакого.

Все эти кардиналы были назначены непосредственно по возвращении графа Джироламо, отбывшего со своим войском из города 27 мая и вернувшегося в ноябре месяце. Всеобщее мнение было таково: названные кардиналы были назначены за крупные взносы и большие деньги. И это правдоподобно.

VII. ЛЕТО 1484

Я Стефано Инфессура, повествую здесь, как в сие лето, в предпоследний день мая, протонотарий Лоренцо Колонна был схвачен в доме кардинала Колонна и в качестве пленного препровожден во дворец папы. Вели его граф Джироламо Риарио, Вирджинио Орсини, Паоло, сын кардинала Орсини, Жером, сын кардинала Руанского, и Леоне да Монтесекко со своими отрядами и отрядами церкви. Названный дом был разграблен и сожжен, причем было убито с той и другой стороны много народу. Причину происшедшего я сейчас здесь изложу: названный протонотарий, по приказу папы и короля Ферранте, а также и в силу собственных обещаний, обязан был вернуть замок Альви Вирджинио Орсини, как только он получит от него тринадцать тысяч дукатов, то-есть ту цену, которую Лоренцо сам заплатил за него королю Ферранте. Но между папой Сикстом и протонотарием были заключены особые соглашения и сделки. Между прочим, чтобы вернуть названный замок и выплатить указанную сумму, состоялось примирение между синьорами рода Гаэтани. Невзирая на соглашение камерленго, кардинал Санто Джорджо, племянник графа Джироламо, однажды, как о том публично заявил названный протонотарий, сказал ему, чтобы он остерегался, так как есть люди, которые настроены по отношению к нему враждебно.

Протонотарий заперся в указанном доме и сообщил об этом деле своим друзьям. Весть эта распространилась всюду, и преданные протонотарию благородные молодые люди сопровождали его везде, ночевали у него и вооруженными пребывали у него день и ночь для его защиты. Между тем синьор Вирджинио и Паоло Орсини начали на Монте Джордано собирать вооруженный народ. Названный Паоло Орсини, бывший тогда на службе у враждовавшей с папой и церковью синьории Венеции и нуждавшийся в лошадях, похитил множество лошадей и людей. Среди ограбленных было двое вассалов протонотария; они были схвачены Паоло и уведены, так что до сего дня никому не известно, где они находятся.

Вскоре после этого протонотарий Лоренцо Колонна заметил, как он сам рассказывал, что ночью порою к нему подсылали соглядатаев и шпионов разведать, что он делает, где находится и кто у него бывает. Тогда у него возникло подозрение. К тому еще случилось так, что Паоло увел свои стада, находившиеся вблизи замка Колонна, в местности более безопасные. Тогда подозрение протонотария настолько возросло, что он, из-за боязни нападения своего врага Паоло, окопался и укрепился в доме посредством бомбарделл, метательных орудий, с большим числом вооруженных и преданных людей. Когда папе Сиксту стало известно о таком вооруженном снаряжении, он немедленно послал за Паоло Орсини. Рассказывают, и последующее подтвердило это, что он уговорил его отказаться от службы Венеции и перейти на службу к нему.

Тогда папа Сикст приказал Вирджинио и Паоло Орсини незамедлительно снарядить совместно войско и выступить против протонотария Колонна, дабы взять его в плен в его же доме. Когда все названные отряды соединились с солдатами графа Джироламо Риарио на Монте Джордано, папа, в день 29 мая 1484 г., послал, ради своего оправдания, представителей к римским властям; он хотел оправдать себя в том, что он намерен был сделать, дать знать представителям римской власти, как все это произошло. При этом Сикст настоятельно заверял, что если названный протонотарий явится к ногам его святейшества, он охотно готов простить его и в дальнейшем не чинить ему никакого насилия. Поэтому папа послал к нему своих представителей, и протонотарий обещал им, что он охотно и добровольно пойдет к папе. В силу этого среди ночи к протонотарию явились чиновники и доложили ему то, что им было поручено: во-первых, сказали они ему, его святейшество, наш повелитель, удивляется, для какой цели возведены им укрепления; во-вторых, его святейшество дарует ему гарантию безопасности, какую он только пожелает; протонотарий должен сдать названный замок и немедленно явиться к папе. С чиновниками было много других граждан. Протонотарий ответил — я при этом сам присутствовал — следующее: он просит чиновников передать папе его почтение и сказать, чтобы его святейшество не беспокоилось о тех мерах предосторожности, которые он принял; так как все, что он сделал, он сделал не для того, чтобы предпринять что-либо против святой церкви, но для защиты себя и своего дома; к этому его принудили следующие причины: во-первых, когда шло дело об уплате и возврате замка, то он, дабы скорее покончить с этим делом, два дня и две ночи пробыл во дворце камерленго и тогда же неоднократно просил его преосвященство кардинала, чтобы он испросил для него аудиенцию у его святейшества; но он так и не мог получить этой аудиенции. Тогда же камерленго, как бы оправдываясь и не желая быть предателем, сказал ему, протонотарию, чтобы он был осторожен,

так как некто из его врагов покушается на его жизнь. Во-вторых, продолжал протонотарий, он был к сему принужден тем, что заметил, как по ночам за ним шпионят. В-третьих, ради того, что были арестованы два его вассала. И теперь, сказал он, получил от них известие, что его отслеживают. Посему он просит названных чиновников, чтобы они испросили у его святейшества, нашего повелителя, для него прощение и передали ему, чтобы папа не удивлялся принятым им для собственной защиты мерам. А что касается замка, то он готов передать его, согласно условиям мирного договора, в том случае, если ему будет передано то, что определено в условиях, хотя после того, как эти условия были составлены и приняты и, казалось, все было приведено в надлежащий порядок, его святейшество несколько пунктов из названных условий вычеркнул или изменил. Когда его святейшество прислал к нему посредников, он ответил, что готов эти условия подписать. Что касается его личного появления перед его святейшеством, сказал протонотарий, то папа его властелин, и он не требует ни охраны, ни каких-либо других мер предосторожности. Он хочет явиться к папе, если то угодно его святейшеству, без всякой охраны. И если он совершил какую-либо оплошность, то он будет весьма доволен, если его святейшество наложит на него наказание. Но он настоятельно просит его святейшество не предавать его в руки Орсини и не давать им возможности преследовать его, так как они всегда были его врагами.

Такой ответ дал протонотарий чиновникам и народу. Только-что он высказал это, как к нему подошел один из его приближенных и сказал ему: «Господин, как же мы должны поступить? Сюда прибыл один человек, сообщивший, что синьор Вирджинио и Паоло Орсини уже приняли меры и находятся недалеко от Санто Агостино, чтобы прибыть сюда и захватить нас». Тогда римские чиновники направились к папе и через небольшой промежуток времени вернулись обратно и сообщили протонотарию, что он должен следовать за ними во дворец папы. Протонотарий сел на лошадь и последовал за ними. По дороге они встретили синьора Филиппо Савелли, который спросил у чиновников, что он хотел бы знать, под чьей защитой названный протонотарий идет во дворец. На это чиновники ответили, что он идет в полной безопасности под их защитой, но что касается обратного его возвращения, то они не могут обещать ему безопасности. Синьор Филиппо ответил им, чтобы они серьезно подумали, как доставить его обратно, так как в случае, если названный протонотарий потерпит какую-либо неприятность или совсем не вернется, то он лично оплатит им за это.

Когда протонотарий вместе с чиновниками ехал к папе по улицам, его встретило несколько вооруженных людей, находившихся у него на службе. В гневном возбуждении они заявили ему, чтобы он не смел дальше ехать, так как, если он

поедет дальше, ему будет конец и они останутся в нужде и бедствии. Они убеждены, если он поедет, то живым не вернется. И многие заявили при этом, что они охотнее сами зарубят его на месте, чем отдадут его врагам. С великой яростью они насильно отняли протонотария вместе с лошастью и отвели его обратно, а чиновникам дали ответ, дабы они с богом отправились на этот раз подальше. Таким образом названные чиновники снова прибыли к папе. Через некоторое время один из чиновников — Евангелиста Риэнцо Мартини вместе с Валериано Франджипани явился к протонотарию и потребовал, чтобы он направился к папе; папа-де желает заключить мир, все ему прощает и хочет все дело привести в порядок.

Протонотарий снова сел на коня и доехал до баррикады, что возведена на площади; там его остановил некто, требуя, чтобы он дальше не ехал. Протонотарий извлек шпагу, имевшуюся при нем, и нанес этому человеку бескровный удар, так как не хотел его убивать. И воспользовавшись благоприятным моментом, дал своему коню шпоры, переправился через баррикаду и направился ко дворцу папы; чиновники следовали за ним. Когда он был перед домом, принадлежавшим некогда синьору Анджело ди Масо, выступило несколько оруженосцев и тотчас схватили — прежде всех один человек богатырского роста — лошадь за удила, поставили ее на дыбы и сказали протонотарию: «Господин, ты хочешь ехать в папский дворец и тем себя и нас привести к гибели? Мы не хотим, чтобы ты ехал туда! Скорее мы сами зарубим тебя здесь же на куски».

Тогда прибыла еще другая толпа, которая захватила его и с великой яростью отвела домой. Названные чиновники, которые были прогнаны, вернулись обратно в папский дворец. Когда же протонотарий снова оказался в доме кардинала Колонна и увидел себя окруженным вооруженными людьми, он, со слезами на глазах, произнес следующие слова, как то передают некоторые очевидцы: «Я уверяю вас, что вы повинны в моей и вашей гибели, в том, что не хотите, чтобы я поехал в папский дворец». Многие ему ответили: «Если ты отправишься туда, то обратно не вернешься». Было приблизительно 21 час. Когда папе сообщили все обстоятельства дела и он увидел, что указанный протонотарий к нему не явился, он тотчас же приказал графу Джироламо, Вирджинию, Паоло и другим выступить и каким угодно способом захватить протонотария, не считаясь с тем, если при этом произойдет народное возмущение или кто-либо будет убит или ранен. И, как рассказывал многим синьор Вирджинию Орсини, его святейшество сказал еще более, а именно, что он передает кварталы Монти, Треви и Колонна на разграбление, безразлично, принадлежат ли они Орсини или Колонна. С названными отрядами выступило также несколько молодых от-

важных римлян. Незамедлительно названные синьоры выступили, построили свои отряды в боевой порядок и двинулись со знаменем церкви через улицу Треви на улицу, выходящую на площадь перед домом протонотария. Они осадили Монте Кавалло³² и замкнули его со всех сторон. Затем сообщили собравшимся там приверженцам дома Колонна папский указ: под страхом наказания, какое полагается за мятеж и оскорбление его святейшества, каждый должен покинуть это место и никто не смеет быть на стороне протонотария или оказывать ему помощь и поддержку. После такого извещения очень многие из граждан тотчас же оставили Колонна, так как увидели, что в этом деле церковь держит руку Орсини. Вдруг Паоло Орсини с некоторым числом всадников преодолел баррикады. Двое из них тотчас же были убиты, а лошадь Паоло была ранена, сделала несколько шагов и пала мертвой. После этого полетели стрелы и всякие снаряды из различных метательных орудий, много людей было ранено и много убито. На Монте Кавалло, при первой же стычке сражавшихся, с той и другой стороны пало семь человек. Отряды нападали, но со стороны Колонна велась искусная оборона.

Около 23 часа Колонна начали постепенно сдавать; такому количеству врагов, окруживших их со всех сторон, они не могли больше оказывать сопротивления, и порох бомбард больше уже им не помогал; они стали отступать от больших ворот дворца. Тотчас же ворвались туда враждебные толпы и разделились на две группы. Одна силою ворвалась во внутренний двор и рассеялась там, так что уже ни бомбарды, ни другие орудия не могли им сделать вреда. Был брошен огонь в одну из конюшен, затем в другую, сожгли все дотла. Вторая группа разрушила стены, ворвалась в сад и заняла середину двора. После этого вторглись в самый дворец, грабя и расхищая все, что там было. Протонотария нашли закрытым в одной из комнат, сидящим на сундуке. Он был ранен в руку. Ему сказали, что он, как пленный, должен следовать за ними, на что он ответил: «Убейте лучше меня здесь же на месте!» Тогда синьор Вирджинио сказал ему: «Сдайся только и ничего не бойся». Протонотарий на это ответил: «Я готов». И его увели.

Тогда же они нашли синьора Филиппо Савелли, захватили его, сняли с него панцырь, который он носил, поставили среди названных синьоров из дома Орсини и, предварительно обобрав его, сказали: «Говори: да здравствует дом Орсини!» На что он ответил: «Нет, не могу». Тогда его, беззащитного, которого уже бояться было нечего, сильно ударили в лоб, отрубили ему руки, нанесли ему несколько ран в лицо и по всему телу и оставили лежать мертвым. Тогда же были убиты сын Ассунцио Скапуччио и Риччио да Санджемини и многие другие. Все имущество и добро кардинала Колонна

было разграблено: его золото, серебро, его духовные одеяния, его богатые ковры, его сундуки и весь его домашний скарб до кардинальской шляпы включительно. Протонотария, в сопровождении вооруженной свиты Вирджинио Орсини, в камзоле, на который потом накинули черный плащ, вели к папе. Во время пути граф Джироламо Риарио говорил ему: «Ну, ну, пошевеливайся, изменник; когда придем, я тебя повешу на виселице!» Однако синьор Вирджинио замечал ему: «Синьор, прежде чем его повесить, вы повесите меня». Граф Джироламо несколько раз извлекал шпагу, дабы поразить протонотария, но названный синьор Вирджинио каждый раз бросался между ними и не допускал, чтобы ему было причинено что-либо худое. Таким образом в воскресенье вечером его привели к папе, и он оставался там до двух часов ночи.

Тогда-то начались разбои и грабежи, учинявшиеся церковными войсками и солдатами Орсини; на Монте Кавалло разграбили все находившиеся там дома, а также церкви Санто Сальваторе дельи Корнелли и Санто Сильвестро, похитив мощи, церковные принадлежности, богослужебные книги и прочие вещи. Между прочим напали также на дом Помпонио Лэто³³ и отняли у него книги, вещи, а также платье. Помпонио, в короткой куртке и ботинках, с палкою в руке тотчас отправился жаловаться начальству. В понедельник после этого были разрушены дома многих синьоров.

Во вторник по Риму распространилась весть, что у римлян несколькими разбойниками украдены волы и лошади и уведены на Монте Компатри.

Передавали также, что Марино, одно из сильнейших укреплений Колонна, сдалось церкви, — вся местность за исключением крепости. Тогда во вторник отряды церкви и рода Орсини выступили против Марино. От многих тогда требовали доставить хлеб и вино на Капо де Бови, где проходили названные отряды. В тот же день отрубили голову синьору Джакомо (Якопо) де Конти из Монтефортино, уличив его в том, что он сражался на стороне протонотария. Схвачен он был вчера, в понедельник, у Санто Паоло в одежде крестьянина.

Были разграблены также дома тех граждан, о которых было известно, что в прежнее время они находились на стороне рода Колонна. 1 июня, в понедельник, были разграблены дома синьора Паоло Маттеи и синьора Лодовико, его дяди, и Паоло Орсини лично заявил Паоло Маттеи, чтобы он уплатил десять тысяч дукатов, потому что его сын был захвачен при взятии дворца Колонна. То же самое, как говорят, Паоло Орсини заявил Пьетро ди Теоло. Уверяют также, что на Стефано Маргани он наложил штраф в десять тысяч дукатов. Нужно принять во внимание, что в этом деле папа был обманут, так как синьор Паоло, налагая штраф, не думал карать за преступления, совершенные против святой церкви,

а мстил названным синьорам за то, что они были в добрых отношениях с домом делла Валле, с которым он враждовал. Многие граждане, которых тогда видели во дворце Колонна, были лишены своих должностей и званий. Прежде всех были отставлены от должности папского секретаря синьор Просперо Боккаччио и синьор Паоло делла Валле от должности второго секретаря; каноник при церкви св. Петра Бартоломео да Чечильяно был лишен доходов. То же случилось со многими другими, имена которых я здесь не привожу.

В пятницу умерли многие из тех, которые были ранены в предшествовавшее воскресенье, при взятии замка Колонна. В тот же день господь свершил видимым образом одно из своих чудес: вице-камерленго и первый нотариус папской палаты синьор Доминико дельи Альбергати из Болоньи, в предпоследний день мая, выказал дикую жестокость против бедных жителей Монте Кавалло, в своем неистовстве убивая, проливая кровь и грабя их дома без всякого различия. Тогда же он передал две церкви, находившиеся на Монте Кавалло, Санто Сальваторе и Санто Сильвестро своим солдатам на разграбление; они разграбили там чаши, кресты, богослужебные книги, одежды и все, что только могли найти. Так например, один из этой проклятой свиты вице-камерленго передал в качестве заклада одному кабатчику, державшему шинок в доме Маттуччио Джаннико, выломанную плиту алтаря, которая, как обычно, внутри содержала частицу мощей. Эта алтарная плита затем была пожертвована брату Пеллегрини из Санто Марчелло, который переслал ее в церковь при Понте Кваттро Капи, находившуюся под его покровительством. Можно было также видеть богослужебные книги и одеяния на мосту у Санто Чельсо, где они продавались по самой дешевой цене. Названный вице-камерленго, чрезмерно утомленный этой борьбой, отправился для отдыха в дом, тоже им разграбленный, — епископа Вентимильи. И там он выпил в один прием пять кружек вина с водой, кружек столь больших, что каждая могла вместить три обыкновенных кружки. А так как он за свою жестокость был проклинаяем всеми женщинами и малыми детьми этого квартала, то господь внял их мольбе, и случилось так, что уже в пятницу он был во гробу. Некоторые говорят, что он умер от какой-то обычной болезни, другие же утверждают, что от воспаления горла. Как бы то ни было, но это было наказание господне, поразившее его внезапно.

В эту же пятницу, 4 июня, было заседание консистории, на котором кардиналы обратили внимание папы на дом кардинала Колонна, который был подожжен и из которого были выкрадены окна, железные решетки, балки, мраморные плиты и другие предметы. Кардинал Сиенский обратил также внимание папы на дом делла Валле, прося его, не угодно ли его святейшеству принять меры, дабы сей дом не был сравнен

с землей. Его святейшество охотно обещал принять меры. Таким образом консистория постановила не допускать дальнейшего разрушения дворца Колонны, а также и дома делла Валле. Тогда же папа приказал датарии³⁴ изготовить и обнародовать буллу, гласившую, что под страхом отлучения от церкви никто не смеет названные дома грабить или разрушать.

Тремя часами позже, после обеда, папа Сикст послал за Джованни Франческо, начальником полиции, и приказал ему немедленно отправиться в город, поджечь и разрушить названные дома, прежде всего дом Колонна, и дать разрешение каждому брать оттуда что угодно. Так был подожжен и полностью разрушен дом Колонна, а также разрушен до основания дом делла Валле. Когда вышеозначенный кардинал Сиенский услышал об этом и увидел, что случилось обратное обещанию папы и постановлению консистории, то он, не дожидаясь дальнейших событий, покинул Рим и отправился в Витербо.

Таким образом названные два дворца были разрушены и сравнены с землей.

Заслуживающие доверия лица рассказывают, что папа лично уверял, что в руки его святейшества попало несколько писем, написанных собственноручно кардиналом Колонна и отправленных протонотарию, о которых названный протонотарий не имел никаких сведений, так как, прежде чем произошли вышеописанные события, посланный был на дороге схвачен. Эти письма имели следующий смысл и содержание: кардинал писал протонотарию, что его святейшеству стало известно, будто он затевает темные дела; чему он, кардинал, удивляется и просит его, чтобы он оставил эти глупые затеи. Буде же что-либо подобное он сотворит противу его воли, то пусть не надеется на него, кардинала; он в этом случае не окажет ему ни малейшей поддержки; так как его, кардинала, намерения — быть верным сыном и покорным слугой папы и святой церкви.

И хотя его святейшеству были известны невинность, добрые отношения и верность названного кардинала, тем не менее он не воспрепятствовал тому, чтобы дворец кардинала был разграблен, сожжен и полностью разрушен.

Между тем церковные отряды начали отнимать у римлян скот, а синьор Паоло Орсини направлял награбленный скот в Ментану, бывшую одним из главных укреплений рода Орсини. В названную субботу он отнял несколько кобылиц и волов у Антонио Лено, но прежде чем синьор Паоло успел направить награбленный скот к себе в Ментану, названный Антонио собрал несколько человек, отнял награбленное обратно и при этом избил и ранил нескольких корсиканцев, сопровождавших награбленный скот. Эти корсиканцы служили у Паоло Орсини и сторожили его скот, который он воровал как у своих друзей, так и у своих врагов.

И действительно, приверженцы церкви, именно сторонники Паоло Орсини, где бы они ни находились, причиняли величайший вред, крали хлеб на току, похищали ячмень и другие жизненные продукты. Равно также снимали хлеб на полях и свозили его в Рим на продажу; прогоняли жнецов, которых римляне высылали для сбора урожая, грабили их и посылали обратно домой с замечанием, что они могли бы лучше выполнять свою работу. Когда граждане в достаточной мере насмотрелись на это, они собрались в пятницу во дворце правителей на большой народный совет, на котором было прочитано письмо, присланное правителям кардиналом Колонна, в котором названный кардинал сообщал, что он возвращает нескольких волов, захваченных его людьми из Ардеа, являвшегося одним из поместий рода Колонна. Это было сделано в виде возмездия за то, что солдаты Паоло Орсини у него разграбили и захватили. Кардинал просил у названных правителей ходатайства перед его святейшеством, нашим господином, и графом Джироламо Риарио о милости, обещая быть всегда готовым исполнять все их приказы.

Итак, с одной стороны были возвращены волю, с другой — пленные; но награбленное Паоло Орсини добро не было возвращено. На названном собрании было также сделано предложение, что нужно принять меры против того неизмеримого вреда, против грабежей и разбоев, какие причиняют войска Паоло Орсини и церкви. Наконец было решено, что на следующее утро, в субботу, власти и народ совместно пойдут к папе и настоятельно будут его просить даровать синьорам Колонна и нам мир ввиду того, что ничего преступного не было совершено и что такая война ведет город к гибели, что подобная борьба приведет всю страну к полному разорению, так как уже и в предшествовавшие годы царил голод. Буде же папа не пожелает их выслушать и оказать им содействие в указанных делах, они обратятся к коллегии всех кардиналов. И так было решено.

В субботу утром собрались названные граждане идти к папе. Ждали только двух из правителей, именно Еванджелиста и Джулиана, и когда, после долгих разговоров, послали за ними, то не нашли их. При этом наткнулись на начальника квартальных префектов Валериано Франджипани, который собирался идти во дворец. Он рассказал им, что накануне он и указанные правители были у графа Джироламо и изложили ему все, что было постановлено на народном собрании. Но граф не хотел, чтобы они шли к папе просить о мире или перемирии. Тогда граждане решили идти для переговоров с графом. И, наконец, настояли все-таки на том, чтобы четверо из них вместе с названными правителями были вечером допущены к папе на аудиенцию. Ему было изложено все, что накануне было постановлено, и был получен от его святейшества ответ: он не желает ни мира, ни перемирия; боль-

ше того, он имеет в виду отнять от рода Колонна все их владения в стране; он уже распорядился составить большие отряды и в ближайшее же время снарядить их и отобрать у Колонна все их замки. Что касается ущерба, нанесенного римлянам, то он примет меры, чтобы положить этому предел. Затем была принята следующая блестящая, прекрасная и глубокообдуманная мера: приказано было, чтобы все римляне, находившиеся в поле при войсках церкви или Паоло Орсини, вернулись в Рим, ибо шла молва, что они снимали хлеб и отсылали его в Рим своим родственникам.

Было также постановлено, что никто без особого разрешения не смеет, в каком бы то ни было количестве, ввозить зерновой хлеб в Рим; у похитителей же, которые наворованное зерно привезут в Рим, отбирать его и хранить в определенном месте в полном распоряжении графа.

Насколькогодились принятые меры для устранения вышеописанных бедствий, об этом может судить каждый самостоятельно.

Однажды у некоего гражданина Паоло был украден хлеб с гумна; он горько жаловался находившимся тут же несколькими гражданам, и случая угодно было, чтобы как-раз в этот момент четыре вора с мулами, нагруженными зерном названного Паоло, проходили мимо. Паоло тотчас подбежал к ним, отнял мулов и зерно, троих из них захватил и отвел в Капитолий. После этого сенатор послал за четвертым, бежавшим и скрывшимся в доме кардинала де Конти. Однако кардинал не пожелал выдать его, уверяя, что вор уже сбежал. Тогда граф Джироламо Риарио послал людей к сенатору с требованием выдать ему тех трех, которые находились под арестом, с указанием, что он сам, граф, этим делом займется и расследует его. Однако сенатор не захотел их выдать; более того, он поручил передать графу, что он, сенатор, поставлен для того, чтобы править суд, и он это дело хочет выполнять; да простит его граф. Но несколько дней спустя, несмотря на это, он выдал воров графу.

Почти в это время кардинал Санто Пьетро в Винколи имел во дворце папы продолжительное объяснение с графом Джироламо. Начало и продолжение его были такого рода: граф в присутствии папы сказал кардиналу, что он весьма нехорошо делает, скрывая в своем доме мятежников и врагов церкви. Сказал он это потому, что названный кардинал принял в свой дом тех синьоров, которые были во дворце кардинала Колонна для защиты протонотария Колонна, когда упомянутый дворец взят был приступом. Кардинал Санто Пьетро в Винколи на это ответил: люди, которых он принял в свой дом, отнюдь не мятежники, но вернейшие сыны церкви. Граф же намерен изгнать их из Рима, предать церкви божии огню и полному опустошению; за свои злые деяния он понесет вину, если папа, присутствующий здесь, и все кардиналы будут

ввергнуты в пучину бедствий. На это граф сказал ему, что он и его самого, кардинала, изгонит из сей страны, а дом его предаст огню и разграблению, как он сделал это с дворцом кардинала Колонна. Тогда папа собрал еще большие отряды и привел в полную готовность большое количество орудий, дабы взять Марино и совершенно уничтожить род Колонна. Когда узнали об этом синьоры Колонна, они послали доверенных лиц к папе и кардиналам, смиренно прося их, чтобы они не уничтожали полностью их род. Если протонотарий действительно был виноват, то они вполне согласны с папой, наложившим на него наказание; ведь он уже находится, как пленник, во власти папы. Они готовы также передать в руки святейшей коллегии кардиналов замки Марино, Рокка ди Папа и Ардеа; святейшая коллегия может с ними делать что угодно и что ей вздумается; они же сами, заявили Колонна, будут в полной покорности. Папа ответил, что по этому делу он должен посоветоваться с графом Джироламо. И затем он и граф дали ответ; они думают, что едва ли удастся что-либо выиграть по-хорошему; он и граф хотят занять названные и другие владения Колонна силою оружия. И начались новые бедствия.

В эти же дни у св. Петра произошли большие распри и большое волнение. Папа хотел провести в коллегия секретарей церковного суда одного человека, горбатого, уродливого, — чудовище, а не человека. Это был синьор Джанантонио да Парма, молодой, совершенно необразованный и разложившийся человек, притом весьма дурного поведения, как это впоследствии обнаружилось из его служебной деятельности. Об этом могли свидетельствовать и действительно свидетельствовали кардинал города Макона Филибер Гюгойне, епископ Феррарский и другие, кто имел дело с этим человеком.

Итак, секретари суда не хотели принимать этого человека-урода, так как, по принятому среди них обычаю, требовалось пройти испытание, чего Джанантонио не сделал; между тем папа приказал принять его немедленно без всяких препятствий. Но они не хотели нарушать строго хранившиеся ими обычаи. Тогда папа созвал солдат, несших охрану дворца графа Джироламо и других мест, и приказал им отправиться к названным секретарям и арестовать их. Когда последние заметили, что над ними хотят совершить насилие, они заявили, что предварительно хотят переговорить с графом, и таким образом тайком покинули место, и каждый направился к себе домой, но не прямой дорогой, а через Трастевере, дабы не быть арестованным и брошенным в замок Ангела. Таким образом названный Джанантонио в этот день не был принят. А при этом надо знать, что, по принятому обычаю, Джанантонио, чтобы получить место, подарил графу двести пятьдесят дукатов и тысячу обещал дать папе. Теперь, не получив обещанной должности, он потребовал у графа вернуть

Король на коленях перед папой

ему дукаты обратно. Однако тот не захотел их вернуть, заявив, что он просто получил их в подарок, без всяких условий.

Подобная же ссора произошла между секретарями папского кабинета и его телохранителями, с одной стороны, и графом, с другой. Граф приказал указанным секретарям кабинета, чтобы они немедленно уплатили тысячу дукатов, так как ему нужны деньги для ведения войны. Названные секретари объявили, что в запасе и на руках у них нет таких денег, и пусть его сиятельство граф сообразовалит им дать отсрочку на восемь дней для их приискания. Граф с великим возмущением на это тотчас же ответил: «Вы говорите, что не имеете денег и просите восьми дней отсрочки, но я знаю, что у вас есть деньги, поэтому платите на двести дукатов больше и внесите тысячу двести дукатов. И если вы будете еще возражать, то вам придется уплатить еще большую сумму». И названным секретарям ничего не оставалось, как уплатить тысячу двести дукатов; то же случилось с телохранителями.

Папа наложил также на священников и церкви Рима и находящихся вне Рима десятину. Но это только называлось десятиной, на самом деле это было совершенно иное, чем десятина.

Граф назначил священникам и церквям таксу поборов по своему произволу и при этом думал только о том, как бы собрать денег побольше, а если это нужно было, то применить силу. Это называлось десятиной. Для взыскания налогов этой десятины в Риме был назначен синьор Ахилле Малескотти из Болоньи, епископ Червиа.

Нельзя умолчать о том, что граф Джироламо был снедаем столь горячей страстью видеть кровь немногих Колонна и дать им сражение при Марино, что он уже в воскресенье, 20 июня, задержал рабочих и ремесленников, дабы они предоставили обоз для перевозки больших бомбард. Он был все время занят сбором всадников и солдат и их снаряжением; по этой же причине его сиятельство никогда не покидал дома, в котором он жил, денно и ночью охраняемого сильнейшей охраной. Самое большое расстояние, которое он осмеливался пройти, это было до дворца папы, и то под сильным конвоем и в величайшем страхе за свою жизнь.

Затем наш святейший во Христе отец и господин со своим клеветом графом Джироламо, по своему природному мягкосердечию, милосердию и справедливости, которые они всегда оказывали и продолжают оказывать по отношению к верным чадам святой церкви, обнаружили свои прекрасные душевные свойства также в том, что названного протонотария Лоренцо Колонна, заключенного ими в замок Ангела, многократными и ужасными пытками замучили до того, что врачи, которых они сами позвали, заявили, что его уже невозможно спасти от смерти и что он скоро умрет. Как рассказывал врач-еврей,

которому было поручено его лечить, сначала обрезали двумя глубокими уколами мускулы на руках. Колени и ноги распухли и были проколоты, так как во время пытки его подвешивали, привязывая к ногам железные плиты и другие тяжести, ранения причинили также испанские сапоги, которые были надеты на голени. Руки его были также переломлены во время пыток, так что, как говорят, никоим образом его спасти уже нельзя было. Если же он все-таки останется жить, то для него уже приготовлены были новые средства казни; также начат был процесс, и поручено сенатору и судьям подготовить его дело.

Между тем 23 июня бомбарды и другие военные орудия, изготовленные по приказу самого названного великого первосвященника и снабженные его гербом, были приведены в готовность, дабы направить их против Марино. Когда-то, в другие времена, святые апостолы стремились привести народы к христианской вере и христианскому благочестию силою чудес, молитвы и знамения святого креста, а теперь покоряют их выстрелами бомбард и других военных орудий. В действительности же, перед тем, как отправить указанную артиллерию в путь, святейший отец наш Сикст, в навечерие праздника св. Иоанна, с подобающей торжественностью вышел благословить эти орудия на площадь, где была выставлена эта артиллерия. После того как он достаточно осмотрел ее и собственные гербы, которые он приказал поставить на орудиях, он произнес несколько слов, поднял очи к богу, воздел руки к небу, благословил названные бомбарды, сделав крестное знамение на них, произнес молитву богу, прося его и умолая, дабы эти орудия, куда бы они ни были направлены, побеждали его врагов и врагов церкви, рассеивая их и обращая в бегство. Но так как молитва его была несправедливая, то всемогущий бог не услышал ее и допустил случиться обратному. После сего папа отправился обратно к себе в великой радости, каковым его до сего никогда не видели во всю его жизнь, и в таковом радостном настроении он пребывал весь этот день и следующий. Тогда же он издал приказ по лагерю, что каждое лицо или каждый барон, который завладеет каким-либо замком или другим имуществом названных синьоров Колонна, может немедленно удержать его за собою как имущество и добро врагов церкви. Затем говорилось также, что он дает отпущение всех грехов тем, кто погибнет в этой борьбе.

27 июня Паоло Орсини захватил Монте Компатри. Произошло это следующим образом. Наш святейший отец Сикст не в порыве справедливости, но из-за любвеобилия и мягкосердечия предоставил коменданту и солдатам названного замка свободный пропуск с обещанием не нападать на них и с уверением, что со стороны церкви им не грозит никакая опасность. Папа поступил так потому, что господином этого замка был сын синьора Пьетро Антонио Колонна, родного брата

кардинала, малое, слабое дитя, еще в совершенно юном возрасте; этот мальчик ни в чем еще не мог провиниться, так как этот возраст еще не знает греха. И вот, когда гарнизон замка на основании папского письма и названного свободного пропуска считал себя в полной безопасности, Паоло Орсини выслал 150 пехотинцев к церкви Санто Сильвестро, находящейся в непосредственной близости от Монте Компатри. Обитатели и гарнизон Монте Компатри были весьма удивлены этим явлением и послали к Паоло Орсини, комиссару и некоторым офицерам церковного войска уполномоченного и через него показали им свободный пропуск и письмо папы. Кроме того они обратились к графу Джироламо, сообщив ему, что находятся в великом страхе. На это получился ответ: им нечего бояться, а если будет необходимо, то пусть вступят в бой с названным отрядом Орсини. Тогда же их заверили, что солдаты прибыли исключительно, чтобы достать в той местности хлеб и другое продовольствие. И так как после этого гарнизон Монте Компатри не принял никаких мер предосторожности, Паоло Орсини неожиданно явился туда и приказал солдатам вторгнуться в Монте Компатри, крича при этом: «Грабьте! Грабьте!» Таким образом названный отряд и Паоло Орсини вторглись в замок, найдя гарнизон в полной растерянности и неподготовленности, и разграбили часть замка. Затем, сомневаясь, сможет ли он овладеть другой частью, Паоло Орсини приказал солдатам занять прилегающую местность; так и случилось. В этой борьбе несколько человек было убито и ранено. Такое действие оказало папское гарантийное письмо.

Затем я узнал от одного заслуживающего доверия человека, что граф Джироламо в присутствии нескольких кардиналов и пред лицом папы произнес несколько запальчивых и угрожающих фраз против вице-канцлера, сказав ему прежде всего: «Я тебя сожгу в твоём собственном доме!» На этом основании вице-канцлер укрепился в своём дворце, приказав замуровать несколько входов и снабдив свой дом достаточным количеством оружия.

29 июня святейший во Христе отец и наш господин папа Сикст, признавая, насколько римские правители и префекты городских кварталов шли всегда навстречу его желаниям, решил и в будущем пользоваться еще большими их услугами. Названные чиновники ничего не делали, что могло бы принести хоть какую-нибудь пользу римскому народу; в их власти было внести какое-либо улучшение в вышеописанные злоупотребления, но они не хотели этого сделать. Во всех выше мною описанных делах на каждом из них лежит тягчайшая вина. И так как все три правителя были из партии Орсини, враждебной партии Колонна, то в названный день, 29 июня, папа, оказывая им милость и снисходя к их просьбам и желаниям, утвердил их в должностях на следующие три месяца. При этом наш святейший отец, обнародовав это утвержде-

ние, заявил, что только тот, кто придерживается такого настроения, может быть его служителем; придерживающиеся же других убеждений, именно сторонники рода Колонна, за время его понтификата впредь не получают ни должностей, ни церковных привилегий. И он сделал так, чтобы это было проведено в жизнь. Никогда в Риме партийная вражда, ни между гвельфами и гибеллинами, ни между домами Орсини и Колонна, не принимала таких размеров как в настоящее время, хотя в былые времена и происходили большие распри и народные волнения. Теперь же святейший отец наш Сикст IV вновь разжег партийную вражду и довел ее до крайнего обострения и ожесточения, возвысив род Орсини, и в то же время всеми средствами, какие только ему были доступны, уничтожал дом Колонна.

В последний день июня, когда в Риме был праздник усекновения главы св. апостола Петра, которого обезглавил жесточайший мучитель Нерон, в этот день, приблизительно через полчаса по восходе солнца, три дня спустя по возвращении в Рим Вирджинио Орсини, его святейшество, отец наш, приказал в замке Ангела отрубить голову протонотарию Колонна. При этом присутствовали сенатор и уголовный судья. Когда ранним утром протонотарий был выведен из заключения, он обратился к стоявшим у решетчатых ворот солдатам и сказал им, что его жестоко пытали и что только под пытками он рассказал о таких делах, которых на самом деле не было. Затем, когда он находился внизу, во внутреннем дворе замка, сенатор и судья сели, как бы во время суда, созвали солдат замка Ангела и приказали читать приговор судебного следствия, которое было создано против протонотария. При этом не были соблюдены правила уголовного суда, так как все показания протонотария были выжаты от него пытками, как он сам в этом уверял, и не дали ему времени сказать что-либо в свою защиту. Когда приговор был прочитан, протонотарий, обращаясь к солдатам и другим присутствовавшим, сказал: «Я не хочу, чтобы из-за меня обвиняли кого-либо. Я говорю, здесь с глубочайшей искренностью моей души, и да снидет душа моя в ад, если я теперь, готовясь расстаться с этой жизнью, скажу хотя бы одно слово лжи. И я прошу тебя, нотариуса, прочитавшего мне приговор, выслушать и призываю всех присутствующих в свидетели, полагаясь на их совесть, — пойдите в Рим и расскажите, что все, написанное против меня в приговоре, неправда и что все мои показания даны под жестокими пытками, следы которых вы сами можете видеть на мне. Многие они сами внушили мне сказать и прежде всего то, что сказано мною о кардиналах и гражданах». После этих слов один из надзирателей заявил: «Синьор, мы вынуждены связать тебе руки на спине». На что протонотарий ответил: «Зачем это? Я сумею умереть, если на то есть воля его святейшества, нашего отца. Я молю господу и преблагословенную

деву Марию, да примут они мой дух». И опираясь на руки, он опустился на помост, где уже лежали приготовленные плаха и топор. Тогда он попросил, чтобы его исповедали, и ему дано было отпущение грехов. После этого он сказал: «Попросите его святейшество, нашего господина, от моего имени». Присутствовавшие спросили: «О чем просить?» Он ответил: «О спасении моей души». И затем произнес: «Господи, в руки твои предаю дух мой». И три раза провозгласил имя Иисуса Христа. При третьем разе, когда еще слово Иисус было на его губах, голова его отскочила от плеч. Затем тело его положили в деревянный гроб и снесли к Санта Мариа Траспонтина. Они не хотели снести его к Санто Чельсо, так как хотели видеть, кто за ним придет. Так как никто не пришел, то они дали знать матери протонотария, чтобы она взяла его. Затем взяли его тело и с горящими факелами, в сопровождении монахов и многих священников перенесли к Санти Апостоли и предали его там погребению в часовне Колонна, находящейся вблизи главного алтаря. До того как он был похоронен, можно было его видеть в деревянном гробу, поставленном там. Видны были раны от пыток, ноги совершенно распухли, и кожа висела на них клочьями. Пальцы на его руках были настолько вывихнуты, что их можно было без всякого труда сгибать в ту и другую сторону. На темени головы, там, где клирики носят тонзуру, имелась дыра. Трудно было видеть, но тем не менее получалось впечатление, что кожа головы отстала от черепа, как будто ее отцарапали железным ножом. На нем была куртка из грубого материала, прежнее его платье было из тонкого черного шелка. Затем они натянули на него также темные рейтузы, которые на ногах были разорваны, на голову ему надели плохо сидевшую огненнокрасную шапочку, которая была ему велика. Я думаю, что они сделали это в насмешку над ним. И я, Стефано Инфессура, описывающий это, видел его собственными глазами и собственными руками похоронил его, я и Просперо Чичильяно, который некогда был его вассалом. Из других, дружески расположенных к Колонна граждан, никого не было; я думаю, из страха.

В то же утро, когда свершилась вышеописанная казнь, несколько человек из дома кардинала де Конти, слышавшие нечто о казни, нето по собственному желанию, нето, чтобы сделать приятное своему господину, или же по приказу кардинала (потому что до сих пор неизвестно, каково было его намерение), со слугами, топорами и железными орудиями отправились к дому названного протонотария и вырубили все деревья и виноградники, еще остававшиеся там. Сделано это было нето по причине радости, нето по причине скорби, испытанной домом де Конти по случаю казни протонотария.

В предпоследний день июля церковное войско выступило к Капранике, чтобы дело овладения всеми замками Колонна довести до конца. Рассказывают, что его святейшество, отец

наш, при этом приказал захватить владения дома Колонна, насколько только возможно скорее. Рассказывают также, будто он сказал, что если нехватает денег, то нужно занимать, хотя бы пришлось платить даже сто процентов. Сказал же он это, дабы удовлетворить свою ненасытную жажду крови рода Колонна. Все, чем только они владели, было ими потеряно не вследствие их слабости, но в силу превосходства врага в денежных средствах. Ведь Марино было потеряно ими не в открытой борьбе, а потому, что войско церкви подкупило его защитников. То же произошло с замком Каве, когда были подкуплены братья Савелли. Антонелло Савелли было обещано 4 000 дукатов ежегодно, очень хорошее жалованье и должности у лиги³⁵; он соблазнился и отошел от названных синьоров Колонна. Каждый человек предпочитает собственное благополучие общему, и хотя Антонелло прекрасно знал, что он причина и виновник всех этих бедствий и что все, сделанное Колонна, было сделано в угоду и в помощь ему, однако он решил прежде всего позаботиться о себе и покинул названных синьоров, покинул в затруднительном положении, когда враги наступали на них.

Он не только заключил договоры с лицами, преданными церкви, и получил от них деньги, но уговорил также синьора Фабрицио и других синьоров в Каве, чтобы они прекратили дальнейшее сопротивление и сдали Каве церкви. При этом он запугал их, сказав, что если Каве будет взято приступом, то очень много людей погибнет. И таким образом не силою оружия и железа и не вследствие трусости названных синьоров Колонна, но только путем денежного подкупа, который развращает каждого человека и растлевает лучшие намерения, граф и Вирджинио овладели Каве и перетянули на свою сторону Антонелло. Рассказывают, что все дело было задумано кардиналом Савелли, который, после того как сдался Каве и наступило перемирие, отбыл из Рима и направился в свои поместья в Кампанье.

Но огонь войны пылал попрежнему в разных местах, где у Колонна были приверженцы, и церковное войско тоже переживало трудные дни. Между тем, граф Джироламо написал папе письмо следующего содержания: «Святейший отец! Дабы ваше святейшество имели известия о том, что происходит день изо дня в лагере вашего святейшества, мы повествуем, что произошло до сего дня: мы перетянули сюда бомбарды и все другие военные машины, за исключением больших бомбард, которые, в силу трудности перевоза их, мы не могли перевезти сюда. И тем не менее даже с названной артиллерией мы не надеемся завладеть Паллиано, ввиду исключительного положения этой местности. Кроме сего, наши противники весьма сильны и защищаются храбро и смело. Однако мы думаем, что прибытие сюда синьора Якопо (Джакомо) де Конти придадо бы нашему делу больший успех, чем мы до сих пор имели. По-

сему да озаботится ваше святишество о том, дабы он прибыл в возможно кратчайший срок» и т. д. и т. д. Прочитав это письмо папа впал в большую печаль. Он надеялся покорить семью Колонна и изгнать ее из всех ее владений, как некогда Павел II изгнал Деифобо, сына графа Эверсо, и думал, что Колонна, как молодые и трусливые люди, при виде его войска разбегутся. Он не рассчитывал на их мужество и на то, что в борьбе они обнаружат храбрость, ум и ловкость. Когда же папа увидел и осознал, что его намерение не может быть приведено в исполнение, он огорчился, впал в большую тоску и, как говорят, от этой печали заболел.

11 августа прибыли к Сиксту послы итальянских правительств в уверенности, что доставят его святишеству радость сообщением, что по всей Италии заключен мир и что все власти между собой заключили договоры и объединились, но это сообщение привело его в великое изумление; он недоумевал, как могли заключить мир без него, поскольку он заявил, что для этого прежде всего требовалось его решение. И после того как он неоднократно расспрашивал послов и получал тот же ответ, что к прошлому нет возврата, он был глубоко опечален. Причина его печали, по всеобщему мнению, была следующая: его помыслы и стремления во всех предприятых были всегда направлены к одной цели — предоставить во власть графа Джироламо какое-либо государство, страну или область. Это стремление проявлялось во всех его политических мероприятиях, прежде всего в войнах, которые он вел против Тоди (1474), Сполето (1474), Читта ди Кастелло (1474) и Флоренции (1478), затем в союзах, которые он заключал: прежде всего с королем Ферранте (1475), затем с Венецией против Ферранте (1480); затем с названным королем против Венеции (1482), и подобным же образом во всех своих делах.

Теперь, при заключении мира, он рассчитывал получить нечто и для названного графа, имея на то основания, так как он заключил союз и выдал церковные деньги. Но когда Сикст IV обнаружил, что обманут и все его надежды рушились, и увидел, что выбросил церковные деньги напрасно и война ничего ему не дала, он впал в великую печаль. Прежние и настоящие тягостные разочарования довели его до горячки; он слег в постель, онемел и некоторое время находился в беспмятстве. Затем он снова пришел в себя, но у него вспухло горло и 12 августа, в четверг, в 5 часов ночи Сикст скончался.

В этот счастливейший день всемогущий господь проявил свою силу на земле, освободив христианский народ от руки такого безбожнейшего и несправедливейшего владыки, не знавшего страха божьего и не имевшего ни малейшей склонности к водительству христианским народом, ни сострадания и милосердия, но находившегося всецело во власти беса не-

честивой чувственности, жадности, страсти к роскоши и пустого тщеславия, не имея ничего другого за своей душой.

Этот папа, как всем известно и как то подтверждают факты, был любителем мальчиков и повинен в содомском грехе.

Ведь всем известно, что он делал для мальчиков, услуживших ему в его опочивальне: он не только доставлял им подарки в несколько тысяч дукатов, но он осмеливался возводить их в кардинальское достоинство и одарять их бенефициями епископатов. А ради чего другого, как говорят, он возлюбил графа Джироламо и его родного брата францисканца Пьетро Риарио, впоследствии кардинала Санто Систо, как не из-за содомского греха? А что я должен сказать о сыне его цырюльника? Этот мальчик, не достигший еще двенадцати лет, был неотступно при папе Сиксте IV; он наградил его чудовищным богатством, щедрыми бенефициями и, как говорят, крупным епископатов. Затем, как рассказывают, он хотел, вопреки всем правилам и справедливости, возвести этого мальчика в кардиналы; но бог не допустил совершиться такому деянию. Но я умалчиваю о дальнейшем, так как нет возможности передать все, что рассказывают о том, что беспрестанно видали здесь.

Этот папа был необычайно жаден. Ведь всем известно, что он никому и никогда не передавал бенефиций или должностей без того, чтобы ему не заплатили за них. Он делал это совершенно открыто и даже установил точную таксу, сколько должны были ему платить за бенефицию в размере такого или такого-то дохода.

Между прочим должности распродавались, невзирая на нравственную жизнь получавших бенефиций, были ли таковые хорошего или дурного поведения, достойны или недостойны должности; образованы или не образованы. Бесчисленно продавал он также кардинальские и епископские звания, о чем считаю говорить здесь неуместным.

Этот папа, чтобы собрать еще больше денег, растрачиваемых им на ведение войн и на роскошную жизнь, придумал несколько новых, доселе неизвестных при римской курии должностей для продажи, назвав их турецкими именами, как-то: страдиоты, янычары, мамелюки. Последние как должностные лица исполняли какие-то обязанности при курии и извлекали из этого доходы.

Вне всякого сомнения, им надобно было извлечь столько доходов, чтобы покрыть издержки, сделанные ими для приобретения должностей.

Этот папа из-за корыстолюбия сделал многие должности в городе и вне города продажными на продолжительное время. Он продавал должность прокуратора папской палаты, должность апостолического нотариуса, должность протонотария в Капитолии, должность ректора университета, должность заведывающего соляным делом и городского секретаря; все эти и

другие должности, которые здесь не перечисляются, он передал за плату в пожизненное пользование.

Этот папа наложил на граждан новые налоги с пищевых продуктов: он потребовал от пекарей и мельников, кроме обычного налога, еще сбор в пользу папы с каждого мешка зерна, привозимого для размола.

Этот папа взимал с церковников, а равно и с других служащих, под именем десятины, без всякого милосердия, непомерные налоги. На церковных вратах он приказал вывесить предписания, что соответствующие духовные лица в течение такого-то срока под угрозой отлучения и лишения должности обязаны были уплатить одни — сто дукатов, другие — пятьдесят; если же названная сумма, по предписанию, не поступит к уплате, то церковь подвергнется запрещению, а церковники будут лишены должностей.

Этот папа, дабы добыть деньги во время своего папства, все время поддерживал в Риме голодное состояние. Во время жатвы он скупал во всех областях церковного государства зерновой хлеб по цене один дукат за руббио, а иногда еще менее того. А затем по случаю войны, которую он сам затевал в страдную пору жатвы, или в результате вывоза хлеба из Рима и его окрестностей, на основании выдаваемых им же разрешений подкупавшим его генуэзцам, он начинал продавать хлеб по четыре и пять дукатов. Точно так же он весьма часто закупал в различных местах Сицилии и у неаполитанского короля Ферранте за малую цену гнилое и прелое зерно, которое затем свозили в место, обычно называемое Абунданца, то-есть городской зерновой склад, и потом распределял его бедному люду по цене не меньшей, как три дуката за руббио. Бывало и так, что большая масса закупленного зерна не расходилась, тогда он распределял его между пекарями по цене в 40 карлинов за руббио с приказом не употреблять и не пользоваться под страхом наказания никаким другим зерном; в случае же, если пекари не уплачивали требуемой суммы немедленно, их заключали под стражу. Хлеб же, выпекавшийся из названного зерна, был темный, вонючий и противный. Но в силу нужды люди ели его, и по сей причине в городе происходили болезни.

Этот папа свел все наказания за различного рода преступления к денежным штрафам, так что если кто-либо, заслуживая быть сожженным на костре, уплатил известную сумму денег, то отпускался на свободу.

Наконец ему присущ был всякий вид корыстолюбия, и он не пренебрегал никакими средствами для выжимания денег; порок жадности настолько владел им, что если папская палата задолжала кому-либо какую-нибудь сумму или он сам обещал уплатить долг, он несколько не стыдился отказаться от этого и не сдерживать своего слова. Между прочим он отказывался от обязательств, высказанных им публично, что можно

доказать многими примерами. Известен прежде всего случай с преподавателями римского университета, которым за чтение лекций была утверждена определенная плата папой, камерленго и ректором университета. Папа сам обещал, что он уплатит им все, а затем, воспользовавшись их услугами, он не постыдился в конце года уволить их, не заплатив им ничего, а причитавшиеся им деньги присвоить себе и употребить их на другие цели.

Этот папа был врагом всех образованных и честных людей; по душе ему были только дурные. По этому поводу было составлено, неизвестно только кем, много стихотворений, вроде следующих:

Прелюбодей, сводники, блудницы и доносчики,
Стекайтесь в Рим скорей, здесь вы будете богаты!

или:

Губитель города, небес позор, насильник
мальчиков, прелюбодей и вор!

или:

Радуйся, покойный Нерон, в злодействе
превозмог тебя Сикст, все преступления
и пороки заключал он в себе одном!³⁶

Этот папа, как представитель бога, должен был бы выполнять все, что он обещал, но он выполнял только то, что отвечало его желанию и его пользе. Посему случалось неоднократно так, что одну и ту же должность или бенефицию он обещал в одно и то же время нескольким лицам. Такие случаи бывали не раз, что могут подтвердить многие свидетели. Таков, например, случай с известным Джованни Марчеллини, бывшим некогда ректором университета, который просил его святейшество уплатить профессорам полагавшиеся и обещанные им деньги, на что получил от папы такой ответ: «Разве тебе не известно, что эти деньги мы только обещали уплатить профессорам, но не имели никакого намерения выплачивать их?» Когда названный ректор университета заявил, что он этого не знал, то папа ответил: «Ах да, ведь то не ты был, а Бернардо Риччи». Что еще можно сказать о его постоянстве? Об этом достаточно говорят заключавшиеся им соглашения: сегодня с неаполитанским королем, завтра с Венецией, затем с другими государствами. Помимо других его пороков он отличался исключительной жестокостью. В последние месяцы его жизни было два таких случая: двое солдат, стоявших на охране папского дворца, вспыхнули таким гневом и ненавистью друг против друга, что решили состязаться между собою до смерти, что по-итальянски называется «steccato chiuso», а по-латыни дуэлью. Оба противника условились, что эта борь-

ба произойдет между ними за городом. Когда папа узнал об этом, то приказал, чтобы это состязание имело место на площади св. Петра, вблизи лестницы его дворца; он хотел созерцать это состязание и приказал не начинать борьбы, пока он не появится у окна. Когда он появился и увидел, что оба приготовились к состязанию, то простер руку, сотворил крестное знамение и преподал им благословение; после сего он дал им разрешение приступить к состязанию. Оба бросились друг на друга и бились, пока один не пал мертвым, другой же скончался от ран. Другой раз подобные же два бойца также скончались от ран. Аналогичное зрелище доставляло ему постоянное удовольствие, и он не упускал случая лицезреть жестокости. Ведь мы знаем, сколько народа погибло в боях и сражениях, которые он вел за время своего папства, сколько умерло от ран, сколько женщин и девушек, вынужденных голодом, в Ферраре и во время войны против Флоренции делалось блудницами.

Не так давно он придумал новый способ извлечения денег от своих подданных в ущерб им. Именно, он закупил у генуэзцев сорок тысяч руббио зерна, причем согласно цене, по которой он купил и мог продавать, по расчетам его нотариуса, он должен был получить чистого дохода шестьдесят тысяч дукатов. Кроме того он постановил, чтобы мельники покупали у него зерно по цене в 30 карлинов за руббио и не имели права покупать зерно где-либо в другом месте, кроме его склада.

Из этого дела он должен был извлечь столь же большой барыш. Все эти деньги он употребил на ведение войн против христианских народов и на пролитие крови. Но всемогущий бог, от которого исходит все благое, пресек путь к дальнейшему преступлению и превратил в ничто его дальнейшие намерения. И да сохранит нас всемогущий бог от всех зол, которые причинил нам папа Сикст, и да не совершится, по смерти его, с нами что-либо худшее. Аминь.

На другое утро труп Сикста, одетый в старые золототканые и почти рваные ризы, не более как при двадцати горящих восковых свечах, снесен был в церковь св. Петра, и лишь немного народа сопровождало его. Он был черен и безобразен, с вздутой шеей, лик его был подобен лику дьявола. Душу его проклинал всяк, кто его знал, и тайно и явно всякий направлял ее к дьяволу. И не было человека, кто отозвался бы о нем хорошо, если не считать брата из францисканского ордена, который в одиночестве пребывал при его трупе, издававшем сильное зловоние.

В тот же день, рано утром, ко дворцу графа Джироламо прибежало множество вооруженных молодых людей, надеясь там его встретить. Но они не нашли его, а его дворец большей частью уже был разграблен и опустошен. Тогда они с криком: «Колонна! Колонна!» заняли дворец, разграбили и разнесли

все, что еще во дворце оставалось, снесли все двери и мраморные подоконники с железными решетками; все, что еще только оставалось в доме, было растащено; опустошен был полностью сад с его деревьями; и теперь еще можно видеть, как ни одной двери, ни одного окна не осталось нетронутыми.

В тот же день указанная толпа молодежи с такими же криками направилась в Трастевере и разгромила там два стоявших на набережной склада с товарами, принадлежавшими генуэзским купцам, к которым благоволил Сикст IV, происшедший из Лигурии и посему привлечший многих генуэзцев в Рим. Затем они разграбили два корабля с вином, принадлежавшие также одному генуэзцу, и все находившееся там оборудование. И в самом городе, как только они находили дом или имущество, принадлежавшие генуэзцам, они расхищали и грабили. Кроме того некоторые из названных молодых людей напали на замок Джубилео, откуда забрали сотню коров, столько же коз, множество свиней, ослов, гусей и кур, принадлежавших графине³⁷; между прочим захватили также множество соленого мяса, пармского и другого рода сыра, домашнюю утварь, большое количество греческого вина и поделили между собою.

Те же люди открыли церковь Санто Теодоро и склад при Санта Мариа Нуова и извлекли оттуда большое количество зерна, которое папа в прошлые годы не мог продать, но надеялся продать его в будущем.

В тот же день многие покинувшие свои жилища и в целях сохранности перенесшие свое имущество в другое место были ограблены; перечислить или назвать их имена было бы делом долгим и совершенно невозможным.

14-го числа правители и городские чиновники начали принимать меры к охране граждан. По всему городу был обнародован приказ, чтобы никто, под угрозой виселицы, не смел нападать или грабить служащих папской курии или других лиц. Поставили охрану у всех городских ворот и входов и назначили начальников охраны в каждый городской квартал.

Жители Трастевере и Бернардино делла Валле со своей шайкой, находившейся там, заперли ворота названного квартала, забаррикадировали Понте Нуово и приставили к нему стражу для того, чтобы никто против их воли и без их разрешения не смел проникнуть туда. Затем разграблен был находившийся там склад известного Джованни Баттиста Паллавицино, родственника графа Джироламо, долгое время пребывавшего там, не платя никаких пошлин и налогов. Там находился воск, предназначенный для похоронного торжества Сикста, а также большое количество квасцов³⁸ и ртути и много других ценных вещей. Разграблена была также больница, основанная одним генуэзцем, откуда расхищено было полностью все; точно так же они поступили с несколькими кораблями, стоявшими у набережной. В тот же день у набереж-

ной Остии находились две галеры папы Сикста под командой генуэзца Мельхиоре Зокки. Эти корабли папа Сикст держал у набережной поблизости Остии, как говорилось, для охраны Остии и морского побережья; в действительности никто не собирался нападать на это место, но сами галеры, за несколько дней перед этим, не только ограбили нескольких римских рыбаков, ловивших здесь в море поблизости рыбу, но и убили их. И когда теперь корабли приблизились к Остии, комендант воскликнул: «Спасайтесь, спасайтесь! Вы свободны, свободны!» Закованные в кандалы рабы, находившиеся на галерах, услышав это, напали на своего начальника и нанесли ему три раны: одну в лицо, другую в грудь и третью в ноги, и если бы он не был выброшен в море, то он наверное был бы убит, хотя, по словам рабов галер, он все равно не мог бы выжить от нанесенных ему ран. Тотчас же обе галеры были опустошены и разграблены, как говорят, по приказу кардинала Санто Пьетро в Винколи. И мы видели, как награбленное добро везли в дом названного господина кардинала.

В тот же день вернулись церковное войско, граф Джироламо, Вирджинио Орсини и другие синьоры, но коллегия кардиналов приказала им задержаться за пять миль перед воротами города. Вся артиллерия и другие орудия были оставлены ими противнику. Граф Джироламо и другие говорили, что они оставили 60 больших подвод, груженных большими и малыми бомбардами и другими военными машинами, более 1400 волов и большой обоз. Синьоры Колонна в то время, когда отступало церковное войско, все это захватили; Колонна утверждали, что в последнем сражении при Паллиано много всадников и пехотинцев из церковного войска было ранено и убито.

В тот же день замок Каве перешел к своим господам Колонна; перешел и замок Капраника, а замок Марино попросил пощады у камерленго и графа Джироламо Риарио; когда ему в этом было отказано, он готов был призвать синьоров Колонна.

Вирджинио Орсини со своей свитой и граф Джироламо Риарио отступили и направились в Изолу. На следующий день вернулся в Рим кардинал Колонна в сопровождении бесчисленного количества граждан и множества солдат; с большою торжественностью он направился в свой домик в квартале Треви.

На следующий день, во вторник, 17 августа, состоялись похоронные торжества, на которых многие кардиналы не присутствовали из-за боязни попасть в замок Ангела.

Тогда же в Капитолии состоялось народное собрание, на котором римские граждане решили обратиться к кардиналам с просьбой удалить военных из Рима, ибо все кардиналы укрепили и вооружили свои дворцы и последние представляли собой настоящие крепости. Решено было также просить,

чтобы при выборе папы проявлено было единодушие и выборы состоялись бы в кратчайший срок и в надежном месте. Все это и многое другое, о чем просили граждане, на словах было принято и даны были обещания.

В среду на площади Джудеа произошло побоище, причем пулями и стрелами было убито пять человек, двое с одной стороны и трое с другой, и много раненых. Когда весть об этом распространилась по городу, всюду немедленно были воздвигнуты баррикады и укрепления, на всех улицах была поставлена исключительно сильная охрана, так что во всем городе, за исключением некоторых улиц, ни одному всаднику не было возможности проехать.

В тот же день многие государства и герцогства Италии предложили свою помощь синьорам Колонна; между прочим, Флоренция обязалась предоставить четыре отряда всадников и большое количество пехотинцев, столько же предоставляли сиенцы против графа Джироламо.

В тот же день, как говорят, граф Джироламо сдал замок Ангела и все церковные укрепления, находившиеся еще в его власти, но, конечно, не раньше, как получил от кардиналов в качестве жалованья четыре тысячи дукатов.

Эта сдача происходила, как рассказывают, следующим образом: епископ Тоди, комендант замка Ангела, под присягой обязался передать названный замок в распоряжение коллегии кардиналов с тем, чтобы они затем передали его будущему папе; обещал он также переменить всю стражу замка и предоставить его в распоряжение коллегии кардиналов. И он действительно поклялся все это сделать. Как произошло это на самом деле, об этом будет рассказано ниже.

Кардиналы пришли между собою к следующему соглашению: если замок Ангела будет сдан, то Вирджинио со своими отрядами и другие синьоры Орсини должны отправиться в Витербо и в течение месяца не должны приближаться к городу; синьоры Колонна также обязаны со своими отрядами покинуть Рим и пребывать в отдаленном от города месте; Джакомо (Якопо) де Конти обязуется сдать дворцовую охрану и покинуть Рим. В течение двух месяцев, со дня коронации будущего папы, да будет полный мир.

Когда в указанный день кардиналы рассуждали об этом в папском дворце, кардинал Санто Марко заметил стол, находившийся в папском кабинете, за которым обычно писали Павел II и после него Сикст IV. Кардинал тотчас же признал его и заявил, что этот стол некогда принадлежал его дяде Павлу II, взял кинжал или нож и постарался через узкую щель открыть его. Стол открылся, и там нашли множество драгоценных камней, семь сапфиров и другие камни, которые по обычной оценке достигали суммы в 12 000 дукатов. Кардинал при этом заявил, что Павел II, предшественник Сикста IV, спрятал камни сюда, и Сикст за время своего папства, поль-

зуюсь этим столом, ничего не знал о скрытых в нем драгоценных камнях. Часть драгоценных камней передали кардиналу Сант Аньоло в залог за одолженные им семьсот дукатов.

24 августа все кардиналы собрались на трибуне церкви св. Петра и единогласно обещали римскому народу выполнить все те соглашения, которые были записаны в особом акте, на пользу и выгоду римского народа. Между прочим они обещали все римские должности и звания не предоставлять никому, кроме римских граждан, как это уже обещано было буллами Николая, Каликста и Сикста; равно также соблюдать точнейшим образом постановления, касавшиеся университета, восстановить упраздненные должности и привести в повиновение все местности, бывшие в подчинении у народа.

На следующий день, последний день похоронных торжеств Сикста, все, за исключением кардиналов Савелли и Колонна, отправились, как то было условлено ранее, в церковь св. Петра. Упомянутые кардиналы не пошли потому именно, что накануне 150 хорошо вооруженных солдат, вопреки вышеупомянутому соглашению, вошли в замок Ангела, назло всем кардиналам. Это многих смутило и привело в негодование. Но кардиналы настояли на том, чтобы графиня с ее большой свитой и незваными солдатами, в числе 150 человек, покинула замок Ангела и передала его коллегии кардиналов. Она вышла оттуда 25 августа, в день св. Варфоломея.

26 августа все кардиналы, в полном единодушии, направились в конклав, в большую капеллу св. Петра. Их было 25, три кардинала отсутствовали.

29 августа, в 23 часа, в день усекновения главы св. Иоанна Крестителя, был избран папою Джованни Баттиста Чибо, кардинал Мольфетты; он назвался Иннокентием VIII. Да дарует ему господь милость избрать верный путь и верой и правдой управлять христианским народом! Его отец Аарон Чибо, во времена папы Каликста III, был сенатором города. Герб его имеется в Капитолии.

Процедура выборов была следующая: когда в субботу вечером кардиналы, в числе 25 человек, были заняты голосованием для выбора папы, кардинал Санто Пьетро в Винколи²⁹ обратился к кардиналу Санто Марко, уже собравшему одиннадцать голосов, с предложением: если он передаст свой дворец кардиналу Арагонскому, сыну неаполитанского короля Ферранте I, то ему будут обеспечены еще три голоса, так что у него уже будет 14 голосов. Тот ответил, что он не может так поступить, потому что считал бы подобные выборы неканоническими. Кроме того, он считает свой дворец более сильным, чем замок Ангела; если он передаст его кардиналу Арагонскому, то тем самым даст повод к большим волнениям в городе и во всем христианском мире, так как после этого неаполитанский король с легкостью вторгнется в город и делается властелином Рима на пагубу всей Церковной области.

Услышав это, названный кардинал направился к вице-канцлеру (которым в это время был кардинал Родериго Борджиа, впоследствии папа Александр VI) и спросил его, не хочет ли он, по соглашению с ним, назначить папу. Тот согласился, лишь бы воспрепятствовать избранию кардинала Санто Марко, к которому он питал исключительную ненависть. Наступила ночь, и кардиналы ушли спать. В то время когда они спали, названный кардинал Санто Пьетро в Винколи (Джулиано делла Ровере) совместно с вице-канцлером (Родериго Борджиа) вели переговоры с кардиналами о том, чтобы они подали свои голоса за кардинала Мольфетты, обещая им большие дары в случае его избрания. Таким образом они переговорили со всеми кардиналами, за исключением шести старейших и наиболее уважаемых. И в то время как эти шесть кардиналов спали в своих комнатах, остальные отдали свои голоса и избрали названного папу. Когда наступил день, то избравшие провозгласили: «Выходите, мы избрали папу». Эти шесть кардиналов спросили: «Кого?» Им ответили: «Кардинала Мольфетты». Те спросили: «Как же так?» Эти ответили: «Сегодня ночью, пока вы спали, мы сосредоточили наши голоса, за исключением ваших, на нем и таким образом избрали его». Когда же они заметили, что восемнадцать или девятнадцать кардиналов дали на избрание Мольфетты свое согласие и что число других слишком мало, чтобы воспрепятствовать произведенному выбору, то старейшие также дали свое согласие.

На другой день обнаружилось, что новый папа, чтобы получить голоса, обещал и роздал много церковного имущества, о чем я сейчас расскажу.

Прежде всего кардинал Савелли получил замок Монтичелло в окрестности Изолы, а также представительство Болоньи.

Кардинал Колонна получил замок Чепрано, а на восстановление своего разрушенного дворца и в возмещение других убытков 25 000 дукатов; кроме того, как говорят, ему были обещаны бенефиции, коль скоро они освободятся, стоимостью в семь тысяч дукатов.

Орсини получил представительство Анконы, отнятое у камерленго, и замок Черветери.

Кардинал города Макона (Филибер Гюгойне) получил замок Капраника и авиньонское епископство.

Сыну короля Ферранте (кардиналу Арагонскому), как говорят, было передано Понтекорво. Кроме того ему был пожалован дом или, скорее, дворец, который принадлежал нынешнему папе, когда он был еще кардиналом, а именно — дворец Санто Лоренцо в Лючина.

Кардинал Пармы получил дворец Санто Джованни делла Мальяна со всеми имеющимися там постройками.

Кардинал Милана получил место архипресвитера в церкви св. Иоанна в Латеране и представительство Авиньона.

В Ватикане
(Среднековская карикатура)

Кардинал Санто Пьетро в Винколи (Джулиано делла Ровере) и его брат, префект города, получили Фано и пять других близлежащих поместий; кроме того кардиналу было обещано назначить его брата, префекта города, главнокомандующим церковных войск.

Так здесь об этом рассказывали. Если окажется, что не все это верно, то нужно думать, что так мне рассказано из зависти и ревности, а не с тем, чтобы сказать правду. Но есть люди, мнению которых можно придавать вес и которые говорят, что папа избран был согласно праву и закону и без всяких козней, что он вполне порядочный человек и всегда соблюдал справедливость и если бы не было указанных врагов и завистников, то церковь имела бы с его стороны только благое расположение. Но враги и завистники, упорствуя в своих злых намерениях, словесно и письменно стараются унизить его святейшество; они утверждают даже, что кроме вышеперечисленных подарков и обещаний папа распределил между кардиналами и другие церковные блага, о которых мы здесь совсем не упоминаем. Как говорят, отнято было также поместье у церкви Санто Спирито и роздано. И все это было распределено между кардиналами до начала избрания папы, дабы получить голоса названных кардиналов в то время, как другие спали.

Если судить о качествах и жизни этого человека, еще довольно молодого гентуэца, то приходится вспомнить его прежний образ жизни. От нескольких женщин он имел семь детей — сыновей и дочерей; одна из дочерей была замужем за известным гентуэским купцом Джерардо. По справедливости, вместе с псалмопевцем Давидом, можно было бы сказать: «Жена твоя, как плодovitая лоза, в доме твоём; сыновья твои, как масличные ветви, вокруг трапезы твоей» (Псалтирь, 127, 3). А когда подумаешь о способе его выборов, которые были гораздо хуже, чем предшествовавшие выборы папы Сикста, то невольно начинаешь опасаться, не наступит ли более худое и злое время, чем то, которое переживалось при его предшественнике. Принять во внимание хотя бы то, что в его доме и дворце и, как говорят, больше того — в его комнате и постели и постоянно за его трапезой пребывает названный кардинал Санто Пьетро в Винколи, по воле которого свершилось все случившееся и по воле которого и теперь все происходит.

Ведь если что-либо происходит без ведома или против воли названного кардинала Санто Пьетро в Винколи, то это немедленно отменяется. Так случилось, например, с Паоло Орсини и его всадниками, которым папа поручил охрану своего дворца за соответствующее содержание; однако Орсини оставался только один день на службе, а затем получил отставку; полный гнева, он покинул Рим. Да дарует господь папе милость правой жизни и власти, хотя сие кажется невозможным! Римские граждане, чужестранцы и папские слу-

жащие единодушно с чувством глубокой скорби говорят о его будущей жизни и управлении церковью и государством и высказывают о нем свои суждения. Я сам сочинил по этому поводу следующее стихотворение:

«Несчастный Рим, едва тебя минула чаша яда, как вновь ты пьешь еще сильнейший яд! Опять вояки, сводники, блудницы и любовники впились когтями острыми в тебя и жаждут обобрать тебя».

И еще много другого подобного говорилось о нем; насколько все это верно, покажет нам будущее.

На четвертый день после избрания папы обнаружилось, что всех вышеперечисленных пожалований и дарений церковных замков, поместий, бенефиций и представительств оказалось недостаточно. С ненасытимой жадностью кардиналы поделили между собою все светские должности, имевшиеся как в городе, так и вне города. При разделе на каждого кардинала пришлось по одной должности в городе и по четыре вне города, так что двадцать четыре важнейших должности как-раз распределились между двадцатью четыремя кардиналами, за исключением должности протонотария в Капитолии, исполнение каковой оставили за Никколо Якобелли, исполнявшим ее и раньше. Доходы от этой должности, переданные папой Сикстом IV в пользу госпитяля Санто Спирито, снова были отняты у последнего и распределены между кардиналом де Конти и кардиналом Арагонским.

Были должности, которые передавались ежегодно; папа Сикст IV продал их в пожизненное пользование и с нескольких римских граждан получил за это деньги; теперь эти должности от них были отняты и переданы другим, без всякого денежного возмещения прежним покупателям. К таковым принадлежали нотариат апелляций и должность экзекутора в Риме, а также многие другие. Однако нотариат апелляций вскоре был снова возвращен тому, кто его купил ранее.

Все это проделывал папа совместно с кардиналами, вопреки всем обещаниям, соглашениям и уверениям, которые он вместе с другими кардиналами, в предпоследний день похорон Сикста, дал римским властям и всему народу в базилике св. Петра, когда все кардиналы единогласно и единодушно обещали, между прочим, что все римские должности и звания они будут передавать только римским гражданам. И это обещано было под честное слово. Непосредственно за этим, как вы видели, было сделано совершенно наоборот. Таким образом уже в самом начале своей деятельности Иннокентий (VIII) следует по стопам Сикста (IV). И если для каждого простого смертного тягчайший грех — изменять своему слову, то тем более для владыки. Ничего нет удивительного в том, что он обманул римский народ, если он, при посвящении принявший и поклявшийся в обете целомудрия, постыдно обманул всемогущего господа, признав своими семерых детей!⁴⁰

Я сам во дворце правителей видел эти соглашения и обещания, которые Иннокентий передал в руки правителей, где, между прочим, находилось место следующего содержания: «Я, папа Иннокентий Восьмой, обещаю и клянусь в присутствии всех господ кардиналов, что все должности и звания, настоятельства и другие бенефиции я буду поручать и передавать только римским гражданам и никогда не дам своего согласия или утверждения на назначение других, кроме римских граждан, на названные должности» и т. д. и т. п. Но что еще важнее, он обещал изготовить буллу, скрепленную печатями и подписями всех кардиналов, относительно данных им обещаний.

В то время, когда изготовлялась названная булла, освободились две должности при церкви св. Иоанна в Латеране, одна по случаю смерти, другая вследствие отказа занимавшего ее, и тот же папа передал обе должности двоим не-римлянам, хотя и живущим в черте города. Когда римские власти указали ему на это, он выразил желание, чтобы они были приняты в число римских граждан, и настоял на этом.

Наконец он передал римским правителям изготовленную им буллу, с тем ограничением, что он оставляет за собою право замещать городские аббатства по собственному усмотрению. Засим он решил «даровать римлянам сыновей». Под этим выражением разумелось право раздавать римские бенефиции не-римлянам, каковых впоследствии надо было принять в римское подданство; и таким образом был обойден закон. В той же булле было установлено, что и на будущее время как он сам, так и все последующие папы и все кардиналы должны почитаться как римские граждане, конечно, с тою только целью, дабы иметь возможность даровать названным кардиналам бенефиции. Таким-то образом было выполнено милостивое обещание.

Таким же образом он добился того, чтобы его зять, генуэзец Джерардо, был назначен заведывающим финансами университета; когда римские власти на основании названной буллы воспротивились этому, он добивался и приказал, чтобы было созвано общее народное собрание римских граждан, которое бы приняло его зятя как гражданина и предоставило бы ему права гражданства города, а затем он, уже в качестве римского гражданина, мог быть и выбран заведывающим финансами. Так оно и случилось. И хотя Иннокентий обещал, если это дело будет проведено, уплатить университету за прошлый год недоимочную сумму, он, однако, после того как Джерардо стал римским гражданином и заведывающим финансами, просто заявил, что у него, папы Иннокентия, нет денег, и таким образом отказался от своего обещания.

В начале его папства правосудие стояло на должной высоте, то-есть в смысле наказания воров, убийц и других преступников; что же касается добрых граждан, то их заслуги

не признавались, должности им не предоставлялись; в этом случае царил полный произвол, так как должности распределялись между теми, кто был люб кардиналам.

С теми, кто во время вакантности апостольского престола после смерти Сикста разграбил вино и продукты, он поступил по закону и справедливости и принудил их по мере возможности возместить убытки; прежде всего это касалось упомянутых генуэзских купцов. Но штраф он им простил.

Страдиотов под напором общественного мнения он распустил и упразднил их должности. Многих он жаловал милостивым приемом. Распоряжений, которые бы шли против городских законов, он редко или почти никогда не подписывал. Преступников не миловал.

Городского префекта, ставленника (непота) Сикста, который был братом кардинала Санто Пьетро в Винколи, он назначил главнокомандующим церковными войсками в день святого Стефана.

В день следующего богоявления, то-есть 6 января 1485 г., в первый год своего папства, Иннокентий причислил к лику святых Леопольда⁴¹, за что, как передают, получил от императора 15 000 дукатов.

Генерала ордена августинцев он заключил в тюрьму единственно за то, что тот будто сказал, что папа Иннокентий в потемках избран, в потемках остается и жить: «В потемках избран, в потемках жил, в потемках он умрет».

22 ноября 1484 г., в понедельник, из церкви св. Иоанна в Латеране были украдены ночью две золотые чаши, пожертвованные церкви королем Ферранте, весом в пятьдесят фунтов, равно так же был украден скипетр, дарованный некогда императором Константином папе Сильвестру, тоже из золота.

В марте месяце следующего 1485 г. Иннокентий тяжело заболел, так что было сомнение, выживет ли он. Тогда Вирджинио Орсини и Паоло и другие из их приспешников немедленно заняли мосты Мильвийский, Саларский и Номентанский и держали их в течение нескольких дней в своей власти, бдительно охраняя их. Но когда надежда на смерть Иннокентия не оправдалась, они покинули город.

В те же дни братья монастыря Санта Мариа Нуова производили раскопки на одном из своих хуторов, находящемся за Порта Аппиа на аппийской дороге, приблизительно в пяти милях от города. Когда рабочие вблизи дороги или на самой дороге раскопали фундамент некоего склепа, в самом низу под стенами могилы они нашли мраморный гроб, покрытый мраморною же плитою и засвинцованный. Когда открыли гроб, то нашли там совершенно нетленное, набальзамированное благоуханными жидкостями тело женщины, с золотою сеткой или шапочкой на голове, с золотистыми волосами вокруг лба и румянцем на щеках, точно она была еще жива. Глаза и рот ее были полуоткрыты; можно было вытянуть язык и он тотчас

же возвращался на прежнее место. Зубы были белые и крепкие, ногти на руках и ногах совершенно крепкие и белые. Можно было поднимать ее руки и они падали на прежнее место, так что получалось впечатление, что девушка только что умерла. Несколько дней ее продержали во дворце правителей, где от воздуха ее лицо стало менять окраску и сделалось совершенно черным; однако платье ее осталось в сохранности, нетленным. Когда власти были намерены похоронить ее в том же гробу, в котором она находилась, возле бассейна во дворе их дворца, папа Иннокентий приказал зарыть ее ночью в неизвестном месте за Порто Пинчиана в близлежащем крестьянском дворе, что и было выполнено. В первые дни после того, как она была найдена и перенесена в названный дворец, там было такое стечение народа, желавшего ее видеть, что можно было думать, что на площади Капитолия открылась ярмарка. Благоухающие жидкости, которыми она была набальзамирована, вероятно состояли из мирры и оливкового масла, но некоторые говорят, что то было терпентиновое масло, издающее столь сильный и одуряющий запах. Многие думают также, что при ней найдено было множество золота, серебра и драгоценных камней; так думали потому, что те, кто ее выкопал и находился при сем, исчезли бесследно. Девушка была, судя по ее виду, в возрасте 12 или 13 лет и столь красива и стройна, что трудно об этом написать или рассказать, а если об этом написать или рассказать, то люди, сами не видавшие ее, не захотят этому поверить. Многие пришли из отдаленных местностей посмотреть на нее или нарисовать, но уже не могли ее видеть, так как она была зарыта в тайном месте. И разочарованные они уходили обратно к себе домой. Мраморная гробница, в которой ее нашли, осталась во дворе правителей.

Волнения не прекращались в стране и в дни Иннокентия; и когда комиссар Маккарано 14 июля находился на охране амбаров вблизи улицы, которая ведет к Альбано, на него напали отряды синьора Орсини и вступили с ним и бывшими при нем людьми в стычку; так как отряды Орсини были многочисленны, а отряд комиссара состоял из нескольких человек, то с комиссаром и его солдатами было быстро покончено; одних они убили, других смертельно ранили и ограбили, и нисколько не помогли им выкрики: «Церковь, церковь!» Всегда и везде во время битвы, особенно при взятии Фраскати, когда был взят в плен д'Эстутевиль, сторонники Колонны восклицали: «Колонна! Колонна!» и в то же время: «Церковь! Церковь!» Сторонники Орсини имели только один боевой клич: «Орсо, Орсо!» (медведь был гербом Орсини). В этом можно видеть, как вертится колесо фортуны: вчера церковь была в союзе с «медведем» в борьбе против «колонны», сегодня уже ведет борьбу против «медведя» в союзе с «колонной» (герб Колонна).

В начале сентября обнаружилось и стало известным, что Вирджинио Орсини назначен главнокомандующим образованной против церкви и Венеции лиги, в которую вошли король Ферранте, миланский герцог, Флоренция и Сиена. Папа хотел привлечь Вирджинио к себе на службу, но тот отказался явиться. Относительно денег, которые он уже получил от церкви, он дал такое объяснение: эти деньги он удерживает за собой как плату за прошлую, уже выполненную им службу, а не за будущую. Тогда папа послал к нему Орсо Орсини, епископа Теано, с целью убедить его вернуться к папе, но Вирджинио отверг предложение папы и написал извинительное письмо римским властям и народу, в котором изложил все то доброе, что сделали Орсини, будучи на службе у церкви. Но так как, по его мнению, церковь поступила с ним нехорошо, то он извиняется перед римскими гражданами, если он впредь к ним, как подданным церкви, будет относиться враждебно.

Когда шли все эти переговоры о примирении папы с Вирджинио, в Веллетри был захвачен письмоносец, у которого нашли документ договора с печатью и подписью Вирджинио, в котором излагалось, что Вирджинио со всеми своими силами обязуется бороться на стороне короля против церкви после того, как все переговоры, касающиеся союза, будут доведены до конца.

В то же время, именно в день св. Андрея (30 ноября), Паоло Орсини со своим отрядом прошел всю местность Изола, забирая там у всех римских граждан принадлежавший им скот; он занял Номентанский мост, вторгся со своими отрядами в Кампанию и там отобрал у граждан принадлежавших им волов, а также прочий крупный и мелкий скот. Одну часть добычи он направил в Читта Лавиния; другую часть отобрал городской префект, сопровождаемый и поддержанный римскими гражданами; он отправил ее обратно в город и взял при этом 13 человек из отряда Орсини в плен. Немедленно поднялась цена на зерновой хлеб, и в дровах была такая нужда, что люди едва могли выпекать в печах хлеб; большую вязанку дров продавали за пять карлинов, среднюю за три, а малую за два, потому что большая часть деревьев была уже вырублена. Никто не выходил за ворота Номентана и Салариа, чтобы достать дров; немногие лишь осмеливались выходить через другие ворота. Капитолий был закрыт и заколочен; было объявлено, что в ближайшие дни судебные дела не будут разрешаться. Всюду царили замешательство и опасения; каждый, как мужчина, так и женщина, был вооружен; правосудие замолкло совершенно, так что по утрам можно было видеть убитых, лежавших нагими, даже у церквей; так, можно было видеть у церковных дверей Санта Мариа на Виа Лата в течение пяти дней три нагих трупа убитых людей. Равно так же и в других местах — на Монте Кавалло, в городском квартале

Мощи и на многих других площадях в черте города — находили трупы ограбленных людей.

Папский дворец превратился в крепость со рвами и стенами, везде поставлена была стража.

Послы Флоренции, направлявшиеся к папе, между Ариньяно и Кастельнуово были убиты людьми из Капраники, подданными епископа Фермо; надо полагать, что они были убиты или ранены теми, кто хотел отомстить им.

В то же время во всем городе стал известным указ святейшего отца нашего папы, что все преступники, убийцы и изгнанные из города за какие-либо злодеяния, свободно могут вернуться в Рим. Так и произошло. Вследствие сего в городе появилось такое количество преступников и злодеев, которые в вооружении свободно бродили по всему городу, что если рассказать об этом, то покажется невероятным.

Многие послы, прибывшие в Рим из различных стран, страха ради вернулись обратно домой. Почти каждую ночь враждебные отряды бродили возле города, доходя до ворот.

И почти каждую ночь кардинал Санто Пьетро в Винколи, а иногда также Савелли и кардинал Колонна, вооруженные, в сопровождении стражи, лично посещали все ворота и станы города, ободряя стоявшую там охрану.

15 декабря несколько вооруженных молодых римлян ворвались в дом синьора Аньелло, посла короля Ферранте, жившего во дворце графа Тальякоццо, взяли его в плен и торжественно провели его во дворец правителей; его имущество, находившееся в этом доме, они разграбили, лошадей и мулов расхитили. Затем они подожгли дворец. Послу они предложили, чтобы он переговорил с королем и их врагами об освобождении Андреа Палуццо и Паоло Маддалено, взятых в плен в день св. Андрея при нападении на Номентанский мост.

На следующий день правители, два папских камердинера вместе с другими чиновниками и некоторыми гражданами отвели посла в папский дворец. В следующие ночи было несколько случаев воровства, разбоя и открытого насилия; силою врываются в дома обитателей, связывали их и ранили.

В те дни по всему городу найдены были подметные письма; лица, находившие их, неохотно сообщали их содержание. От одного заслуживающего доверия человека, утверждавшего, что он тайком слышал это от одного из кардиналов, я узнал, что Вирджинио Орсини в этих подметных письмах требовал от римского народа, чтобы он с оружием в руках восстал против папы и выгнал из города его самого и его кардиналов; при этом утверждалось, что Иннокентий не настоящий папа и избран незаконно, а также, что многие из кардиналов не являются истинными кардиналами; он предлагает оказать помощь римскому народу, если он пожелает иметь другого, законного папу и других, новых, лучших кардиналов. Кроме того, говорят, указанные письма содержали много

ругательств против кардинала Санта Пьетро в Винколи; говорилось, что этот прелат, как недостойный и запятнанный в содомском грехе, должен быть лишен своего звания и уничтожен.

Некоторые римские граждане, которые свободно были допущены к названному Вирджинию, дабы выкупить похищенный у них скот, клятвенно уверяли, как они слышали из уст самого Вирджинию, что если бог дарует ему победу, то он прикажет голову названного кардинала Санта Пьетро в Винколи насадить на копье и пронести ее по всему городу к вящему его позору. Те же люди уверяли, что когда крестьяне из окрестностей Рима также пришли выкупить похищенное у них добро, то названный Вирджинию, обращаясь к стоявшим возле него товарищам, сказал: «Отпустите этих бедных крестьян и не трогайте больше их добра, подождите немного того времени, когда вы сможете разграбить и разорить до основания римских граждан. К этой цели, насколько только можете, устремите все ваши усилия».

После сего он лично поручил тем, кто ради указанной причины пришел к нему, чтобы они, коль скоро вернутся в город, созвали римских граждан и их правителей и от его имени заявили: он слышал, что они держат свой скот у себя за стенами, чтобы лучше его уберечь. Но он намерен не только отнять силою сохраняемый ими там скот, но через несколько дней он их самих со всем их добром и имуществом сожжет в их собственных домах.

Передают также, что он послал к папе уполномоченного, который устно сообщил ему, что Вирджинию Орсини имеет такую силу и рвение, что он его, папу, его святейство нашего господина и заместителя бога, бросит в реку; слышавшие сие были всем этим возмущены до глубины души. По причине этих и многих других угроз, исходивших из уст Вирджинию, все были полны возмущения и ненависти по отношению к нему.

В то же время Орсини и его солдаты не прекращали совершать грабежи. Они бродили по местности по ту сторону Тибра от Галера до города. Таким же образом действовали и солдаты церкви, остановившиеся в городе, убивая овец и волов, принадлежавших римским гражданам. И как только где-либо найдут скирд, немедленно расхищают его, без всякого разрешения, как будто бы он принадлежал им. И так день изо дня римские граждане и другие обитатели города были разоряемы то врагами, то защитниками нашего города.

В лето 1486, 4, 5 и 6 января, главнокомандующий церкви Роберто Сан Северино со своими всадниками и своей артиллерией направился к замку Ментана (возле Монте Ротондо, одно из укрепленнейших владений Орсини) и взял приступом замок после того, как бомбардами расстрелял и разрушил его. При этом погиб семилетний сын Паоло Орсини. Здесь назван-

ные отряды разграбили большое количество съестных припасов и продавали их по весьма низкой цене тем, кто привозил из Рима в лагерь хлеб и вино.

21 января 1486 г., в субботу, ранним утром, несколько вооруженных явились к Виридарским воротам, чтобы захватить скот. Так как на пути они встретили вражеские отряды, которые были сильнее их, то последние прогнали наших солдат до самого города. Когда об этом стало известно папской страже и другим солдатам, расположенным поблизости, они в величайшей поспешности бросились к оружию на помощь бежавшим своим солдатам. Дворец и места, обычно бывшие под охраной, остались без всякой охраны. Когда это заметили обыватели, они тотчас сообразили, что случилось что-нибудь из двух: или папа умер скорострительной смертью, или Вирджинио вторгся в Рим со своими отрядами. К этим мыслям они пришли вследствие того, что заметили отсутствие дворцовой охраны, якобы бежавшей из дворца. Об этом немедленно распространился слух по всему городу и продолжал расти, так что каждый воспринимал его как нечто достоверное. Наконец нашлись люди, которые утверждали и готовы были даже под клятвой уверять, что они видели папу, пронзенного кинжалом, мертвым, а Вирджинио — вступившим в Рим, так что под конец весь город был в великом страхе и пребывал некоторое время в сильной печали. Лавочники закрыли все свои лавки, торговцы на площади Капитолия впали в столь сильный страх, что сумели убрать едва половину выставленного ими на продажу товара. Дворец в Капитолии, где и я как-раз находился, немедленно закрыли и поставили там бдительную охрану. Известный кардинал Балю⁴², выехавший вместе с кардиналом Санто Пьетро в Винколи для развлечения, в сопровождении небольшой свиты, в Остию, поспешил верхом на лошадях, насколько возможно скорее, обратно на площадь Капитолия во дворец Санто Марко. Бесчисленные папские служащие, поскольку только могли, потащили свое добро в безопасные места. Господа кардиналы в величайшем страхе, каждый в своем дворце, окопались и укрепились. Когда несколько человек различного звания прибежали к дворцу, то увидели папу Иннокентия стоящим у окна, где он обычно показывался народу, и таким образом ложный слух рассеялся.

Этот слух немедленно распространился по ближайшим окрестностям города и прежде всего в Ментане, домам жителей которой, по приказанию папы, обещана была неприкосновенность. Когда же крестьяне и обитатели названного места услышали о смерти папы и поверили, что это правда, они немедленно подняли крики: «Орсо! Орсо!», не обращая внимания на то, что они были союзниками церкви и папа обещал их охранять в предположении, что они будут верными сынами церкви, как это охотно было обещано.

Когда папа Иннокентий позже узнал о вероломстве крестьян и о том, как они обрадовались слуху о его смерти, как они снова нарушили верность церкви и передались опять Орсини, он немедленно приказал опустошить до основания всю названную местность. Через несколько дней оно так и случилось.

Синьор Роберто Сан Северино выступил в поход, направившись в принадлежащую Папской области часть Кампани, и его отряды расположились в городе Тосканелла и вели себя там невыносимо дурно. Затем они двинулись через город Аквапенденте в направлении к Сельве⁴³, где Роберто разбил лагерь, весьма сильно укрепив местность валами и рвами. Вражеские отряды находились недалеко, именно в Питильяно и Монтепульчиано. Однажды вечером в мае месяце произошло сражение, причем с той и другой стороны много солдат пало и взято было в плен. Затем снова в течение продолжительного времени было спокойно. Грабить римский народ, конечно, не переставали никогда.

В те дни, рассказывают, послы французского короля были проездом в городе Флоренции и высказали несколько оскорбительных слов по отношению Лоренцо де Медичи; они, между прочим, сказали также, что он неправильно и нехорошо поступает, ведя войну против церкви по настоянию выблядка короля Ферранте⁴⁴, а также высказали против него несколько угроз. Затем, когда названные послы, направляясь в Рим, проезжали через Витербо, Вирджинио послал навстречу им несколько своих человек и просил послов передать папе его почтение, а когда они вернутся обратно к королю Франции, то рассказать ему, сколь много зла причинил названный папа ему и его роду. Одновременно он предложил послам свободный пропуск при проезде через его владения. Послы терпеливо выслушали все предложение до конца и тут же отвергли его, заявив, что они не нуждаются в свободном пропуске с его стороны, глумились над ним и осмеяли его, назвав тираном и бесчестным мошенником. Когда они затем приближались к городу в сопровождении нескольких солдат церкви, навстречу им вышло несколько крестьян из городов Орсини с целью напасть на названных послов и ограбить их, как то уже бывало часто раньше. Названные послы и их свита взяли за оружие и около 80 крестьян взяли в плен и связанными привели в Рим, а несколько раненых и полумертвых оставили лежащими на дороге.

В предпоследнее число мая послы совершили свой въезд в Рим, и, как говорят, папа принял их очень радушно и сказал им или, вернее, заверил их, что он или разорит и даст погибнуть всей церкви, или полностью уничтожит Вирджинио Орсини.

В первую неделю июня, в пятницу, во дворце св. Петра состоялось заседание консистории, в котором приняли участие все кардиналы. На этом заседании совершенно открыто и прежде других кардинал Сиенский⁴⁵, вице-канцлер, кардинал

Савелли и некоторые другие просили папу о мире: он должен заключить мир с королем Неаполя и со всеми другими своими врагами. Они заявляли, что король Ферранте ведь изъявил желание передать церкви город Аквила и всю область Аbruции со всеми баронами и синьорами, провозгласившими власть церкви. Кроме того он желает уплатить церкви обычную дань, даже те суммы, которые он обязался уплатить ранее, если ему разрешат известную рассрочку платежа. И многие другие кардиналы утверждали то же самое.

Тогда поднялся французский кардинал Жан Балю и заявил, что этот мир не может быть заключен, если церковь блюдет свою честь. Ведь вся Франция, или Галлия, с герцогом Лотарингии Рене находится на пути в Италию, вследствие чего Францией произведены уже большие издержки и приготовления; по сему случаю кажется совершенно нелепым, если церковь подвергнет осмеянию этого герцога, равно как короля Франции и всю его страну, а также тех неаполитанских баронов и синьоров, которые добровольно передали себя во власть церкви, и прежде всего генуэзцев, которые для достижения этой цели приготовили большие вооружения. Затем он указал также на то, что и церковь на это дело издержала много денег, и если она заключит теперь такой мир, то она, конечно, не только ничего не приобретет, но скорее потеряет все свое добро и деньги.

Против Балю выступили названный вице-канцлер и кардинал Сиенский, причем между ними произошел разговор, полный неприличных и хулящих слов. Между прочим вице-канцлер сказал, что к словам этого Балю следует так же мало прислушиваться, как к словам пьяного человека: ведь кардинал пьян. На это названный Балю снова произнес против вице-канцлера хулящие слова, сказав, что он сын крещеного еврея и блудницы, понося его также за позорную жизнь. Таким образом во время заседания консистории произошел такой беспорядок, что подконец каждый думал, что вот-вот дело перейдет в рукопашную, и посему заседание консистории было закрыто около полудня.

В ближайший после сего следовавший понедельник кардинал Сант Анджело был назначен в консистории легатом в церковное войско. Когда прочие кардиналы провожали его до дверей дома, что было обычаем, и там прощались с ним, то кардинал Балю протискался вперед и сказал кардиналу Сант Анджело, чтобы у него в палатке всегда было достаточное количество боченков вина и наготове нескольких полных бутылок вина, дабы и в лагере можно было всегда хорошо выпить. Это, думают, сказал он потому, что на прошлом коротком заседании консистории вице-канцлер обозвал его полной бутылкой вина и пьяницей. Но только немногие, стоявшие поблизости и слышавшие эти слова, поняли их смысл.

В том же месяце июне нашему господину папе, когда у него не было денег для содержания своих солдат, пришла следующая глубокая и совершенно исключительная мысль: он создал пятьдесят две новых должности, а именно — должность накладывающих печати (пломбаторов) на папские буллы, которых в народе обычно называют «*seratori*»; последние получали половину доходов от названной должности, другую половину получал сам папа. Каждую из этих должностей он продал за пятьсот дукатов золотом, так что на этом деле он собрал 26 000 дукатов, из которых 25 000 пошло на содержание солдат, а оставшуюся тысячу он обещал распределить между учеными университета, так как предназначенные на их содержание деньги он издержал также на своих солдат.

В том же месяце герцог Калабрии продвинулся к городу Корнето и осадил его; едва он приблизился к названному городу, как он его разграбил, многих взял в плен и отнял у жителей Корнето много скота. Однако в происходивших при этом стычках он потерял многих убитыми.

Между тем в Риме было всеобщее ожидание мира главным образом на основании следующих признаков: между солдатами той и другой стороны не происходило более никаких столкновений; посол испанского короля, посланный с предписанием не вступать в город до тех пор, пока не будет заключен мир, торжественно въехал в папский дворец. Граф Питильяно в течение нескольких дней пробыл тайно и, как я думаю, без ведома папы во дворце кардинала Сант Анджело, выстроенном последним на Монте Пинчио. Наконец кардинал Асканио Сфорца и кардинал Сант Анджело почти каждый день в сопровождении только двух слуг, совершенно тайно, бывали друг у друга и вели длительные переговоры, иногда в течение пяти часов. Из всего этого каждый может легко понять, что наш папа всеми своими был обманут.

2 июля герцог Калабрии со всем своим войском из местностей, находящихся по ту сторону Тибра, направился к Изоле, у крепости Флавиано построил несколько небольших судов, переправился через Тибр и вскоре после этого захватил замок Монте Ротондо, который, по утверждению кардинала Орсини, передан был церкви. Сам кардинал был следующим образом захвачен в плен и взят под арест. Граф Питильяно, Органтино Орсини и другие синьоры из рода Орсини, находившиеся на военной службе у врагов церкви, прибыли к названному замку, который сдался им без всякого сопротивления. Когда об этом узнал кардинал, он вместе с народом этих синьоров, со всеми бывшими с ними отрядами, прогнал. Под конец изгнанные синьоры с более сильными отрядами вновь заняли замок и взяли кардинала в плен. Но, по всеобщему мнению, здесь имели место обман, тайные проделки, измена и коварство. В этом можно убедиться хотя бы из того, что незадолго перед этим кардинал отверг помощь или, вернее,

прогнал Никколо да Толентино, который прибыл со своими многочисленными отрядами на защиту названного места. О, постыдное деяние! О, ты, обойденный! О, ты, папа, обманутый и осмеянный! Как ты еще можешь настаивать на продолжении войны, когда у тебя нет больше ни верных тебе людей, ни денег? Ведь денег у тебя больше нет, а верных слуг и того меньше! Дай мир, дай мир твоим подданным, ведь ты же не в силах отомстить твоим врагам! Дай мир и не ожидай еще худшего!

13 июля был схвачен настоятель монастыря Санто Паоло, который сейчас находится в заключении и под пыткой в замке Ангела, потому что он, обманув папу и церковь, передал принадлежащие названному монастырю области и замки герцогу Калабрии, Орсини и другим врагам церкви; при этом он представил дело так, якобы они, силою овладев монастырем, выгнали его. И теперь, после того как враги укрепились в названных замках, они немедленно принялись за грабежи в окрестностях, принадлежащих римским гражданам, вплоть до городских ворот, отнимая при этом и уводя с собой всякого рода скот: быков, волов, лошадей и прочее.

19-го того же месяца в городе передавали, что при Сан Северино произошла жестокая битва, следствием которой было то, что вся эта область была занята врагами, то-есть отрядами короля Ферранте. В этой битве пало много людей и прежде других синьор Агостино да Кампофрегозо. На вражеской стороне был смертельно ранен герцог Капуи, сын герцога Калабрии. Передают, что отряды церкви потерпели урон.

В тот же день герцог Калабрии через одного из своих вестников дал знать правителям города о приказе, который он издал по своему войску: все свободные пропуска, которые он, Вирджинио, и некоторые другие предоставили римским гражданам, считать отныне недействительными — впрочем, вопреки этим свободным пропускам, за несколько дней перед этим римские граждане были разграблены солдатами герцога; затем каждый из лагеря, имевший пленного, за которого должна быть внесена определенная сумма денег на выкуп, должен принудить этих пленных уплатить деньги, буде же они не выкупятся, то тот, кто их имеет, обязан привести их к герцогу, который откупит их за четыре дуката и выйдет на галеры. Затем, пусть римские граждане отныне не рассчитывают получить от него мир, так как он уже неоднократно, к позору и великому ущербу для всей лиги и всех союзников, просил мира и не получил его, в чем виноват единственно только папа. Затем, римские граждане часто глумились и смеялись над ним, но на будущее время пусть они поостерегутся и будут осмотрительнее в своих поступках! Он намерен вести впредь еще более жестокую и упорную войну, чем вел до сих пор. Все это стало известным синьорам правителям, но это тем не менее не побудило их озаботиться сколько-нибудь о благоденствии граждан.

Между тем солдаты, как свои, так и вражеские, не переставали разорять и грабить римских граждан. Цена на хлеб поднималась с каждым днем. Однако за все это время ничего не было слышно о сражениях между нашими отрядами и вражескими. В общем положение оставалось неизменным.

11 августа кардинал Сант Анджело и кардинал Асканио Сфорца вместе с синьором Яном Якопо Тривульцио, который в качестве первого уполномоченного от войска миланского герцога вел переговоры и несколько дней проживал на свой счет в доме кардинала Сант Анджело в его укрепленном замке на Монте Пинчио, рано утром отправились во дворец папы и вели переговоры с Иннокентием, которые, как передают, шли в течение семи часов непрерывно, причем были установлены некоторые условия будущего мира. Наконец, когда было уже 20 часов, они пообедали во дворце вместе с папой. Затем снова перешли к тому же делу и занимались этим до трех часов ночи.

На другой день, 12 августа, в городе стало известно, что заключен мир на следующих условиях, именно:

Король Ферранте уплачивает церкви долги, которые он обязан уплатить.

Второе. Бароны, признавшие над собою власть церкви, обязуются уплатить церкви налог; размер этого налога определяется из расчета, сколько они платили королю, когда находились еще во власти королевства. Затем, названные бароны в будущем обязаны признавать папу и церковь, как непосредственно стоящую над ними власть.

Затем, папа имеет право распоряжаться по собственному благоусмотрению аббатством Монте Кассино со всеми его поместьями и замками.

Затем, все епископство и церковные доходы в пределах Неаполитанского королевства распределяются папой.

Затем, город Аквила должен остаться вполне свободным; если он хочет отдаться во власть церкви, то пусть это делает; если он желает подчиниться королю, то это также его свободное дело. И так как подданные церкви не могут воспрепятствовать предполагаемому походу герцога Рене и французов против короля Ферранте, то да будет предоставлена папе и его областям возможность дать им свободный проход и обеспечить их жизненными припасами.

Затем, Вирджинио Орсини должен предстать пред папой и просить у него милости, босой, с непокрытой головой и веревкой на шее и на коленях молить его о прощении ради божьего милосердия.

Затем, кардинал Орсини и другие из рода Орсини должны явиться к папе, и он решит, кто и какому наказанию подлежит.

Затем, отобранные области должны быть с той и другой стороны возвращены, и о принадлежности их тому или другому будет иметь суждение испанский король.

Из всех этих условий можно было видеть только то, что Орсини спокойно остаются в своих домах, а синьор Роберто Сан Северино уходит в отставку. И наступил мир.

Хотя относительно заключенного мира имелись сведения, исходившие из уст папы, который неоднократно заявлял правителям и другим лицам, что мир заключен, и хотя синьор Роберто Сан Северино со своими отрядами был освобожден от своих обязанностей, отряды Орсини не прекращали, однако, грабить и нападать на сторонников Колонна, вследствие чего синьор Просперо Колонна, разгневанный такими возмутительными действиями, решил отплатить тем же названным Орсини.

24 августа, в навечерие праздника св. Варфоломея, папа послал некоего синьора Паоло, своего комиссара, в город Тиволи с приказом, дабы впредь прекращена была всякая борьба: Орсини не должны нападать на граждан Тиволи, последние взаимно не должны иметь вражды против Орсини. И когда папский комиссар синьор Паоло объявил о мире, сторонники Орсини его убили, выволокли и бросили нагим. Обстоятельства дела были следующие: когда названный комиссар прибыл в город Тиволи, он прежде всего приказал закрыть городские ворота, так чтобы никто не мог из города выйти; затем он созвал народное собрание, показал послание папы, в коем содержалось извещение о мире, и объявил гражданам Тиволи, что отныне они не имеют права нападать на Орсини. Пока он еще оставался в городе, Франческо делла Валле с несколькими всадниками выехал из города и направился в окрестности, где на него коварным образом из местности Кастелло напали названные Орсини. И в то время когда между ними произошла стычка, в Тиволи раздался крик: «К оружию!» и было сообщено, что происходит сражение между отрядами Орсини и названным Франческо. Тогда граждане Тиволи выбежали вместе с комиссарами, и когда они приблизились к полю сражения, комиссар тотчас же вышел к врагам и, показывая папскую бумажку, неоднократно воскликнул: «Вы ведь получили мир! Я объявляю вам мир!» Но Орсини не обратили внимания ни на папское предписание, ни на объявленный мир; они побежали навстречу к названному комиссару, убили его и поволокли его, как я уже сказал выше, от Тиволи в одно место по направлению к Чичильяно, называемое Арчи, где находится водопровод. Чтобы отомстить за смерть комиссара, граждане Тиволи вместе с Франческо делла Валле немедленно же напали на Орсини и гнали их до названной крепости, некоторых убив и большое количество из них ранив. Затем, в сентябре месяце, в городе Аквила произошло большое восстание, причем архидиакон, бывший представителем папы и защитником независимости города, был убит. Граф Монторио с отрядами короля вступил в город, сторонников же церкви при этом частью убил, частью выгнал.

Находится много таких людей, которые немало говорят против папы Иннокентия, потому что он заключил мир, позорящий в известной степени церковь; в действительности же не за что его поносить и обвинять. Скорее он заслуживает всякой похвалы, так как поступил по примеру господина нашего Иисуса Христа, приняв на себя, ради спасения своего народа, тяжчайшие обвинения. Допустим даже, что названный мир послужил ко вреду и позору церкви, но папа скорее пошел на то, чтобы церковь, главой которой он является, претерпела позор, чем видеть смерть и гибель своего народа. И добрые следствия от заключенного мира обнаружились немедленно же, так как в городе появилось изобилие во всем и наступила законность, чего долгое время уже не было в Риме.

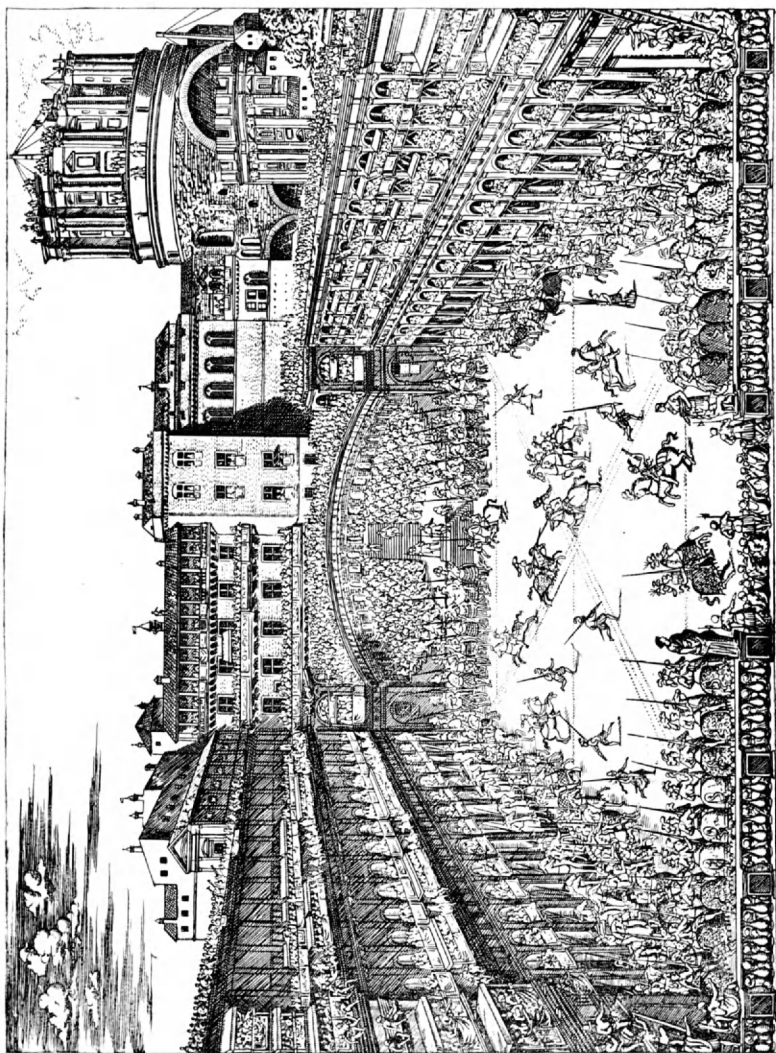
В те дни заключен был между церковью и Венецией союз на определенных условиях, одним из каковых было то, что венецианцы обязуются притти церкви на помощь, буде случится в том нужда.

Между тем восстал против церкви некто Бокколино Гуццони, частный гражданин из Осимо; он отобрал из-под власти церкви названный город Осимо, укрепил его рвами и стенами, некоторых из граждан обезглавил, других выслал в изгнание. В Риме рассказывали, что он был в соглашении с турками, которые обещали ему в течение мая месяца 1487 г. прислать на подмогу несколько тысяч турок, но не прислали никого. Однако кардиналу Санто Пьетро в Винколи и протонотарию Аньелло с несколькими тысячами всадников из церковного войска пришлось длительное время простоять перед названным городом, дабы его взять.

После сего, в то же лето господне 1487, в месяце июне, 20-го или приблизительно того числа, в Рим пришло известие, что флорентийцы во главе со своим командующим силою отняли у генуэзцев город Сарцана.

В то же время, как передают, австрийский герцог со множеством германцев напал на венецианские области Верона и Триена, продвинувшись до самой Вероны, и диким натиском, при большом кровопролитии занял несколько сильно укрепленных мест у венецианцев и взял их в свое владение. Таким образом началась между ними кровопролитнейшая война.

В недавно прошедшие времена происходила величайшая вражда между римским папой и родом Орсини, как о том можно читать выше, где я рассказал о том, как названные Орсини и прежде всех Вирджинио, Паоло и другие, действовали против нашего Иннокентия. Но теперь между ними заключена теснейшая дружба и согласие. Виновником сего следует назвать некоего Франческетто Чибо, человека очень малого роста, сына названного папы Иннокентия. Он женился на дочери Лоренцо де Медичи, племяннице Вирджинио⁴⁶, после чего началось такое сближение, что Иннокентий немедленно разрешил названному Франческетто и Вирджинио Орсини занять

Рыцарский турнир
в Ватикане

два замка, именно: Черветери и Монтерано, которые в том же месяце июне перешли в их власть. И что было еще хуже: с разрешения названного папы они напали на синьора Ангиллара, так как когда-то, во время войны и раздоров между церковью и Орсини, он выступал на стороне церкви и против синьоров Браччиано и Орсини. Теперь названный Вирджинио решил отомстить ему за прошлое, отобрав в названном замке Ангиллара хлеб и другие жизненные припасы. Однако, как передают, синьор Ангиллара затем передал себя на милость папы, вследствие чего нападения прекратились. Но, конечно, отнятое добро не было возвращено, и папа терпел столь продолжительное время, чтобы названного синьора грабили.

В это время в Рим прибыл герцог Феррары, и, как передают, по обету, за отпущением грехов. Проживал он вместе со всей своей свитой во дворце св. Петра. Когда он осмотрел все, что имеется в городе, он пожелал, между прочим, посетить замок Ангела. Иннокентий послал известить коменданта названного замка, чтобы тот подготовился к тому, что он, папа, и герцог намерены осмотреть замок. На это комендант ответил ему, что у него нет права показать замок его святейшеству. Но что если его святейшество действительно хочет осмотреть замок, то пусть папа и герцог явятся в сопровождении четырех капелланов, но не больше, так как он уверял, ему было дано такое распоряжение кардиналом Санто Пьетро в Винколи, когда он принимал от него и коллегии кардиналов замок. И только под таким условием он может допустить приход папы в замок. Затем, через несколько дней, папа послал за названным комендантом, чтобы он пришел к нему, на что тот ответил, что существует обычай, на основании которого комендант не имеет права покидать порученный его охране замок. Наконец, после всякого рода пререканий 26 июня папа в сопровождении четырех лиц или около того отправился в замок Ангела; ему открыли двери. Когда он вступил в замок и увидел стражу вооруженных солдат, он взял коменданта за руку и сказал ему: «Иди за мной!» И на глазах у всех вывел его из замка и привел пленного в свой дворец. Там он заставил его отказаться от представленных ему прав, снять с себя отличия занимаемой им должности и покинуть названный замок. Все это произошло в один и тот же день. Комендантом в замок Ангела папа назначил своего сына Лоренцо Чибо, архиепископа Беневента, который и занял именем папы замок.

Некоторые рассказывают также, что папа послал за комендантом замка Ангела, прося его притти за получкой причитающегося ему жалованья, и когда тот пришел, он его арестовал. Подобным же образом папа вскоре завладел замками Чивитавеккиа и Террачина, находившимися под властью родственников названного кардинала Санто Пьетро в Винколи. Последних он выгнал оттуда и послал на их место других комендантов.

В том же месяце отец наш Иннокентий издал буллу, направленную против известных испанских евреев и еретиков, которых по-испански обычно называли «мараны»⁴⁷. При этом были назначены два кардинала, которые должны были вести розыск над ними, так называемую инквизицию, а именно — вице-канцлер кардинал Родериго Борджиа и кардинал Балю⁴⁸. Рассказывают, что испанский король⁴⁹ подверг этих еретиков гонению и более двух тысяч из них сжег в Валенсии и по всей Испании⁵⁰. Посему многие из этих еретиков прибыли в Рим и заняли в церкви божией многие должности, что мне и самому приходилось наблюдать; они становились протонотариями, секретарями, янычарами в папской охране и занимали другие подобные должности. Папа боролся против них не с тем усердием, как того требовало дело.

В том же месяце Бокколино Гуццони, гражданин города Осимо и мятежник против церкви, с которым велась длительная борьба, заключил мир с церковью и, как передают, на следующих условиях: папа платит ему 7 000 дукатов (или в соответствующем количестве флоринов)⁵¹ и покупает у него все его недвижимое имущество, которым он владел в Осимо, а Бокколино за это покидает названный город.

В том же месяце Франческетто Чибо⁵², сын папы Иннокентия, и Жером д'Эстутевиль, сын покойного кардинала Руанского, вооруженные, ночью в сопровождении нескольких товарищей решили похитить некую молодую женщину, жену чиновника Гелельмо, дочь покойного Якопо Кук, как передают, весьма почтенную женщину, проживавшую на Кампо ди Фиоре. Но при этом произошла тревога; дело было раскрыто, и синьоры вынуждены были с позором удалиться, сопровождаемые ругательствами.

9 августа совершили свой въезд в город Вирджинио Орсини, Паоло Орсини, а также другие синьоры из рода Орсини и были приняты папой с величайшим благоволением и исключительной милостью и честью. Каждому показалось это весьма странным, принимая во внимание ту враждебность, в какой они состояли раньше, о чем описано выше.

25 августа выбыл из Рима синьор Вирджинио Орсини. И прибыл обратно епископ Чезены, посланный папой к королю Ферранте, и, как рассказывают, он передал следующий ответ папе со стороны короля. Прежде всего епископ никак не мог попасть во дворец короля, чтобы переговорить с ним; наконец епископ улучил случай поговорить с королем, когда последний однажды собрался на охоту, а тот стал у ворот дворца, где король должен был пройти. Об этом король узнал и попросил епископа подойти к нему. Последний приблизился к нему и заявил, что он имеет сообщить в кратких словах три вещи от лица папы. И когда он получил разрешение изложить поручение, он начал: во-первых, всевысший отец наш требует от короля уплаты обещанных и оговоренных в

мирных условиях налогов и удивляется, почему король не выполнил этого требования в определенный срок. На это Ферранте ответил: он совсем не забыл, что он обязан уплатить церкви. И повторил это несколько раз, а затем сказал, что у него нет денег и что по вине церкви он имел столь большие издержки, что считал бы справедливым, если папа освободит его на текущие четыре года от уплаты долгов. Так об этом и приказал Ферранте передать папе. Затем епископ объяснил ему, что папа и вся римская церковь весьма дивятся тому, что король, являющийся только светским повелителем, позволяет себе распоряжаться в своем королевстве всеми духовными должностями и не признавать папских распоряжений относительно передачи той или иной должности; на будущее время он должен прекратить такие поступки. На это король Ферранте ответил: люди его королевства ему хорошо известны, тогда как, наоборот, папе и курии они совершенно неизвестны, посему он и впредь будет предоставлять церковные должности тем, кого может считать достойным. Ни папа, ни церковная курия не в состоянии судить об этих людях лучше, чем он сам. Посему его намерение таково: выбирать людей самому, и он будет весьма доволен, если папа избранных им, королем, впоследствии утвердит. Затем он сказал: «Переходи к следующему делу!» Епископ сказал, что папа дивится тому, что король, вопреки мирным условиям и его собственным обещаниям, взял и посадил баронов его королевства, которые ведь находятся под защитой самого папы: нужно их вновь освободить. Но король тотчас же возразил: «Когда кардиналы Колонна и Савелли учинили или хотели учинить измену против Сикста, предшественника папы, он их немедленно схватил и заключил в темницу для их исправления, и только впоследствии, когда ему стало угодно, он выпустил их снова. Он хочет таким же образом поступить: названных баронов, совершивших против него измену, наказать, а затем, когда ему будет угодно, снова освободить». Непосредственно после этих слов он прошел мимо епископа, не ожидая ничего дальнейшего. Дав знак трубить в охотничьи рога, король проскакал мимо епископа и отправился на охоту.

От сего дня до лета господня 1488 ничего не случилось в городе, что заслуживало бы упоминания.

1 января названного года папа Иннокентий VIII, нуждаясь в деньгах, создал новые 24 секретарских должности; в обязанности этих секретарей входило составление папских указов о назначении или утверждении на всякого рода имевшиеся должности во всех областях и всех странах. От продажи этих новых мест папа получил 60 000 дукатов. Как только эти новые секретари вступили в исполнение своих обязанностей, они все свои усилия приложили к тому, чтобы ни одна из занимаемых должностей не проходила без указа, даже такая, на занятие которой обычно не требовалось указа, при этом

была установлена такса. Для занятия самой должности секретаря установлена была в качестве таксы уплата определенной суммы денег, в зависимости от ранга соответствующего места, но во всяком случае каждый, кто хотел занять такое место, обязан был уплатить за это 2 500 дукатов. Отныне все должности во всех городах и местностях, а прежде всего в Риме, даже те, которые раньше передавались по выбору или жеребьевке, были обложены определенной таксой: обстоятельство, которого еще никогда по сие время римские граждане не претерпевали.

В то же лето господне 1488, 7 апреля, именно в светлый понедельник, в Форли был убит тремя своими наемниками граф Джироламо Риарио, и народ города Форли немедленно провозгласил над собой власть церкви. Однако миланский герцог написал папе, чтобы он не вмешивался в это дело.

Те трое, что убили графа, были Кекко Орси, начальник отряда, чиновник Лодовико Пансекки и Джакомо Ронки, солдат; все трое находились на службе у графа. Главная причина убийства заключалась в том, что граф дурно с ними обращался и не платил им за прослуженное время жалованья. И когда граф потребовал от них некоторую сумму денег для уплаты налогов, они поставили встречное требование — уплатить им их жалованье. Но граф наотрез отказал выдать им жалованье и заявил, чтобы они немедленно выплатили требуемую с них сумму, а со своим требованием еще несколько подождали. Вследствие сего, как передают, эти трое составили против него заговор. В указанный день они явились в час, когда вся прислуга графа была за обедом, и прошли прямо туда, где граф как-раз находился, в определенной комнате его дворца, и под предлогом, что они хотят с ним переговорить, вошли и убили его, а труп выбросили из окна вниз на дворцовую площадь и затем поволокли его за волосы по земле постыднейшим образом, чего еще никто никогда не претерпевал. Таким образом всемогущий господь бог отомстил за тех невинных, которые так много зла перенесли от графа.

Немедленно сбежался весь народ из Форли; Катерина Сфорца, беременная жена графа Джироламо Риарио, и ее сыновья были захвачены, но самый замок народ не в состоянии был взять. И когда затем в примирительном тоне пытались уговорить, чтобы замок сдался, графиня обещала и со своей стороны сделать для этого все возможное и просила граждан Форли освободить ее, дабы она имела возможность переговорить с комендантом замка, а своих сыновей она оставит им в качестве заложников. Она пообещала передать замок народу немедленно. Ей во всем поверили, и она отправилась в замок, где она тотчас же выступила против народа и заявила, что она не будет беспокоиться за судьбу пленных сыновей, так как она имеет еще одного в Имоле, а другого носит у себя в утробе; они сумеют когда-нибудь отомстить злодеям. Вскоре

после этого одни ворота города, укрепленные башней, сдались народу, после чего народ послал уполномоченного в Рим к папе, которого последний принял милостиво и обещал помощь жителям Форли. Благосклонно отнесся к этому также правитель Чезены, обещавший послать в Форли своих солдат, бомбарды и прочую артиллерию, имевшуюся в Чезене. Но на него напали солдаты миланского герцога, последние неожиданно вторглись в Форли, взяли в плен правителя и его сотоварищей, шестерых из них обезглавили и трупы их разрубили на куски, между ними был также названный Пьетро Кекко, от старости совершенно расслабленный человек. Затем они пытались захватить силою их товарищей, находившихся в замке Чезена, и между прочим держали под арестом названного губернатора и других пленных. Иннокентий же, как говорят, несмотря на свое обещание, не оказал никакой помощи жителям Форли; более того, он оставался спокойным, когда, как я только-что рассказал, их рубили на куски, допускал то, что волки пожирали его овец, как то уже было раз с городом Аквилей и его жителями во время войны с королем Ферранте. Однако говорят, что все это он допускает единственно и исключительно ради мира, который он возлюбил превыше всего.

2 июня был убит своей супругой синьор Фаэнцы в своей спальне, и тотчас же появились в Фаэнце солдаты миланского герцога под водительством Джованни Бентивольо из Болоньи, при поддержке камерленго Рафаэлло Риарио, кардинала Санто Лоренцо, племянника покойного графа Джироламо Риарио.

Графиня из Форли, жена убитого графа Джироламо, со своими солдатами разграбила все близлежащие местности, принадлежащие церкви, до ворот Чезены. Но об этом здесь много не говорилось.

В тот же день произошло возмущение в Перуджии вследствие того, что правитель города хотел продать некоторые принадлежащие городу охотничьи участки, обычно называемые чиянне, но граждане ему этого не позволили. И когда правитель выслал глашатаев при трубном звуке возвестить об этом всенародно, некоторые пошли против него, заявив, что он не посмеет этого сделать. Однако правитель не обратил внимания на эти угрозы. Тогда из среды граждан Перуджии выступил один молодой человек, ударил его топором в голову и зарубил насмерть его и его лошадь. Как говорят, перуджийцы сделали это потому, что папа обещал своим солдатам, расположенным в Перуджии, значительное увеличение жалованья и все доходы города приказал пересылать в Рим, чего жители Перуджии совсем не расположены были переносить со спокойным сердцем. А может быть, другой причины этого волнения и не было, кроме жадности правителя! Вследствие сих событий синьор Маурицио Чибо, родной брат папы, немедленно же поспешил в замок Сполето, опасаясь худшего.

13 июня, приблизительно в 23 часа, в Рим пришло известие, что командующий войсками миланского герцога Джованни Бентивольо, находившийся с женой и сыном вышеназванного убитого синьора Фаэнцы, был убит гражданами и крестьянами Фаэнцы. Рассказывают, что эти крестьяне были поддержаны флорентийским комиссаром и все дело будто произошло по совету флорентийцев. Вследствие сего теперь ожидаются большие волнения в Романье. Не дай бог, чтобы эта язва докатилась до Рима. То, что было рассказано о Джованни Бентивольо, оказалось ложным. Правда такова: он был в Фаэнце названными людьми взят в плен и затем отвезен во Флоренцию, а там его Лоренцо де Медичи выпустил на свободу.

16 июля представитель кардинала Савелли, при большом волнении, производил личную экзекуцию над одним должником вблизи дворца названного французского кардинала Балю. Этот кардинал кричал из окна, чтобы прекратили экзекуцию, особенно возле его дворца! Однако это произошло, и должник был отведен в тюрьму при служебных помещениях названного кардинала. Кардинал Балю пришел в такую ярость, что приказал всей своей челяди вооружиться, отправиться к указанной тюрьме и разрушить ее до основания, как это по тому действительно и случилось. Они взломали все камеры и выпустили оттуда всех заключенных, между которыми находились также и такие, которые заключены были за тяжкие преступления. Дом самого судьи, то-есть его камера, был насильственно разгромлен, все его документы и книги разорваны, ящики и постели выброшены из окна, так что в конце-концов в служебном помещении совершенно ничего более не оставалось. Вследствие сего кардинал Савелли, полный гнева, совместно с кардиналом Колонна, собрал большие отряды, чтобы в ночь после этого совершить над ним то же самое. Но уже рано утром папа послал за кардиналами. В папском дворце они взаимно высказали множество оскорбительных слов, так что в настоящее время дом Балю стоит сильно укрепленным и охраняемым бесчисленными стрелками и другими вооруженными людьми. Неизвестно, что из этого будет дальше; однако говорят, что вице-канцлер оказывал помощь названному кардиналу Балю.

От того дня до сего ничего не произошло, за исключением того, что многие города и местности, находившиеся под властью церкви, отказали папе в покорности и предприняли нечто против его воли. Прежде всего Джованни Бентивольо в Болонье казнил и заключил в тюрьму несколько человек из неугодных ему лиц; рассказывают, что он 18 человек из таких повесил.

Так же поступил в Перуджии род Браччио; они прогнали своих противников из рода Одди и многих убили. Когда папа послал туда своего легата кардинала Сиенского, то его впу-

стили только после обещания, что он не допустит туда верннуться партии противников. Таким образом, они не оказывали почти никакого послушания церкви.

Подобное же случилось в городе Тоди и в городах Анконской марки, где не допустили папских чиновников и отказались подчиняться папским секретарям.

В то же вышеозначенное лето господне 1489, в марте месяце, его святейшество отец наш Иннокентий VIII назначил, вопреки постановлениям и договорам, заключенным кардиналами в конклаве перед избранием папы, не превышать число кардиналов свыше 22 и, как передают, вопреки воле многих кардиналов, — шесть новых кардиналов: прежде всего Лоренцо Чибо, своего племянника, сына своего брата архиепископа Беневента и коменданта замка св. Ангела. Он всегда считался незаконнорожденным сыном, и все бенефиции, которые он имел и которыми пожаловал его сам папа, передавались ему как незаконнорожденному, и сам папа называл его всегда незаконнорожденным сыном. Когда со стороны кардиналов было выставлено возражение, что Лоренцо не может быть кардиналом, как незаконнорожденный, то, как передают, благодаря усилиям вице-канцлера, нашли какой-то нотариальный акт, составленный в Испании, из которого вытекало, что отец названного Лоренцо, то-есть брат папы Иннокентия, будучи мирянином, получил этого сына от одной испанки, на которой он впоследствии намерен был жениться. Но это было в то время, когда он еще не был свободен, так как другая его жена проживала еще в Генуе. Посему, когда названный Лоренцо, прибыв в Геную, стал домогаться получения отцовского наследства, то не был к этому допущен и устранен, как незаконный сын.

Другим из вновь назначенных кардиналов был Ардинчино делла Порта, епископ Алерии, очень образованный человек, выдвинутый в кардиналы за свои добродетели и заслуги.

Третий — сын Лоренцо де Медичи, родственник синьора Франческетто, сына папы Иннокентия. Этот кардинал — еще мальчик; как передают, ему 13 лет. Рассказывают, что он был назначен под условием прибыть в Рим лишь в будущем, через значительный промежуток времени, но он, однако, вскоре же прибыл и был допущен.

Двое других были французы. Один из них — глава рыцарского ордена иоаннитов на острове Родосе, другой француз предложен был королем Франции. Двое последних назначены были кардиналами, как говорят, потому, что подарили папе великого императора турок⁵³. Рассказывают, что по смерти великого турка султана Магомета II, осаждавшего тогда Отранто, два его сына затеяли спор о престолонаследии. Младший брат, стоявший во главе войска, при помощи своих солдат, прогнал старшего. Этого младшего брата, как передают, турки любили гораздо больше и провозгласили императором.

Но когда все стоявшие на его стороне были убиты, его принудили покинуть страну в сопровождении лишь немногих солдат и знатных людей, последовавших за ним в изгнание. Так как этот принц не мог остаться ни в одном из городов, подчиненных его брату, он попросил у главы рыцарского ордена свободный пропуск и, получив его, отправился на остров Родос, где и пребывал до последнего времени.

Некоторые говорят также, что он старший брат и имел право на престол и что он был с войском при осаде, когда умер его отец. Другой же брат немедленно завладел всеми крепостями и отцовскими сокровищами. Старший брат, имея солдат, направился с ними к Константинополю и повел войну против своего брата, но в конце-концов вынужден был бежать, так как не имел денег на содержание солдат. Когда брат стал его преследовать, то он из страха быть взятым в плен решил скорее сдаться христианам, чем попасть в руки брата. Таким образом он отправился в один город вблизи Родоса и там сдался во власть гроссмейстера Родоса. Этот последний рассказ соответствует действительности. Когда узнал об этом его брат Баязет, получивший уже власть над всей Турцией, то стал опасаться, как бы его брат Джем снова не начал против него войну и не взял над ним верх, ввиду того расположения, каким он пользовался у турок. Он решил поэтому заключить с христианами, находившимися на Родосе, и гроссмейстером договор, чтобы они держали великого турка (Джема) под надежной охраной и не выпускали его, за что он, Баязет, в качестве жалованья или дани обязуется гроссмейстеру ежегодно выплачивать сумму в 40 000 дукатов. В обеспечение этой суммы он и выдал вексель.

Гроссмейстер продержал его некоторое время на Родосе, затем, полагая, что он окажет приятную услугу королю Франции — а он был сам француз — передал пленного турка вместе с ежегодно выплачиваемым на него турками содержанием в 40 000 дукатов королю Франции. Король, как добрый истинный христианин, принял его, но, как передают, лично он не хотел его видеть. Впоследствии он подарил его нашему отцу папе с обещанным ежегодным содержанием в 40 000 дукатов. По сему случаю, в лето 1489, в марте, названный папа, в силу договора, назначил названных двух французоз кардиналами.

13-го того же месяца и года прибыл в Рим пленный великий турок; так как он ехал морским путем, то через Порта Чивитавеккиа он проследовал вверх по Тибру через Рипа Ромеа к апостольскому дворцу у св. Петра. Папа подарил ему 700 дукатов и несколько золототканых шелковых одежд, которые, однако, когда были выложены перед ним, не нашли с его стороны должной оценки. Папа подарил ему также свою собственную лошадь и приказал оказывать ему почести. Сопровождало его несколько придворных, но ни одного епископа, ни прелата среди них не было. Синьор Франческетто, сын папы,

и венецианский посол ввели его в свою среду; и когда он, сев на названную лошадь, несколько отъехал от берега, навстречу ему вышел посол великого вавилонского султана, который прибыл специально для этого в Рим. Когда, как рассказывают, показался принц, то посол, спрыгнув с лошади, пал наземь и трижды облобызал землю, идя навстречу принцу. Когда же он приблизился к нему, то поцеловал ногу его лошади и с величайшим благоговением приветствовал его самого. И затем сопровождал его до названного дворца.

На другой день состоялось заседание консистории, на котором, по выполнении всех обычных при сем обрядов, были признаны вновь назначенные кардиналы, после чего папа приказал ввести названного турецкого императора. Последний вошел и, увидя большое собрание людей, смутился. При нем находился его переводчик. Церемониймейстер Иоганн Бурхард⁵⁴ и названный переводчик потребовали от него, чтобы он, прежде чем подойти к папе, сделал три поклона и преклонил колена, а затем, проследовав дальше, поцеловал ногу папы. Однако турок не выполнил ни одного из этих предписаний; он гордо зашагал вперед, высокомерно, не обращая ни на кого внимания, и не только не преклонил колена, но ни разу не склонил головы, лишь только чуть кивнул ею. Когда он стоял перед папой, то между ними, при помощи названного переводчика, произошел небольшой разговор, который был слышен, однако, только близстоявшими. После этого папа хотел с веселым лицом и приятной улыбкой отпустить его, перед тем желая поцеловать его в лицо. Однако названный турок склонил только немного голову и поцеловал папу в правое плечо. Некоторые рассказывают также, но я не знаю, где правда, что он сам хотел поцеловать папу в лицо, но папа уклонился, и поцелуй пришелся только в плечо. После сего он направился в отведенное ему жилище.

Почти совершенно так же вел себя посол великого султана. Хотя от него и потребовали, чтобы он сделал тройной поклон и поцеловал ногу папы, но он не сделал таковых поклонов кроме одного, когда стоял перед папой. И когда папа протянул ему ногу для поцелуя, то он чуть-чуть только коснулся губами колена протянутой ему ноги.

В те дни ничего особенного в Риме не произошло. Было, правда, бесчисленное количество воровства, убийств и святотатства. Между прочим, из алтаря церкви Санта Мариа в Трастевере были похищены серебряные чаши, дарохранительницы, кадильницы и серебряный крест, в котором находилась частица крестного древа господина нашего Иисуса Христа. Эту частицу затем нашли в одном винограднике, но без всякого серебряного оклада.

Происходило также очень много убийств. И убийцы вовсе не покидали города. Некоторые утверждают, что папа вымогал с них штрафные деньги, которые налагались за наруше-

ние спокойствия, и затем разрешал им оставаться в городе. Рассказывают и уверяют, что это чистейшая правда, и ход событий это подтвердил, хотя я сам не читал буллы, будто его святейшество, наш отец, апостолической буллой даровал Стефано и Паоло Моргани прощение за все их преступления и убийства, которые они совершили сами и 10 человек их приспешников и клеветов, а равно за всякое преступление, которое они имеют совершить, хотя бы убийство, даже в том случае, если между ними и родственниками убитых не произойдет никакого соглашения. Он также дал им свободный пропуск, так что они могли появляться всюду в папском дворце и везде, и суд не был в состоянии предпринять что-либо против них; папа сделал таким образом из своей курии некое убежище для преступников.

Подобным же образом папа дал прощение Мариано, сыну Стефано Франческо Крешенци, за всякое преступление, которое совершат он и его сотоварищи.

То же предоставил он сыновьям Франческо Буффало, которые закололи кинжалом свою беременную мачеху вместе с еще не рожденным их братом. И ежедневно каждый, кто уже перенес смерть своих близких, должен еще терпеть угрозы убийц.

Рассказывают о многих таких случаях; то, что я раньше рассказал, я знаю из достоверных источников. Наконец весь город полон преступными людьми, которые, совершив какое-либо преступление, скрываются в доме одного из кардиналов и таким образом становятся неприкосновенными, и посему много смертоубийств осталось не расследованными. В Капитолии почти совсем не было или очень редко бывали казни; только иногда судьи камерленго по ночам вешали нескольких преступников, и потом на другое утро можно было видеть на Торре Нона повешенных, без указания их имен и причины их казни. И при таком порядке живем мы теперь, в лето господне 1489, когда восседает на престоле Петра Иннокентий VIII.

Между прочим рассказывают, что некто Джакомо, сын Лоренцо Стати, шинкарь при Санта Мариа Ротонда, убил двух своих дочерей в разное время и еще одного человека, когда-то бывшего у него слугою, который, как уверяют, с каждою из них жил. Джакомо и его брат за указанное дело были арестованы и посажены в замок Ангела. Туда в одно утро должен был прибыть палач с соответственными инструментами, чтобы отсечь арестованным головы. Но вскоре же оба были освобождены из-под ареста. Это видел я сам собственными глазами, а причина их освобождения, как я слышал, была следующая: убийцы заплатили за содеянное ими преступление 800 дукатов. И за эти деньги они купили землю горшечника, которая называлась «землею крови» (еванг. от Матф. XXVII, 7). И когда однажды спросили камерленго, почему преступники не несут наказаний, а лишь платят деньги, он

в моем присутствии дал такой ответ: «Господь не хочет смерти грешника, но хочет, дабы он жил и платил». Таковой обычай принят, сказал он, также в Болонье.

С сего числа по месяц июнь 1489 г. ничего достойного замечания не случилось кроме того, что в городе непрерывно продолжались безнаказанно драки, убийства, кражи и подобного рода преступления.

В последний день названного месяца, именно в праздник св. Петра и Павла, папа совершил, по принятому обычаю, торжественное богослужение. Затем он обнародовал, что назначает синьора Никколо графа Питильяно из рода Орсини главнокомандующим церкви и с большой торжественностью передал ему скипетр и знамя церкви. При этом торжественном событии присутствовали все кардиналы, прелаты и многие синьоры и бароны, созданные по сему случаю отовсюду.

Передают также, что во время этих торжеств был отлучен от церкви король Ферранте за неуплату налогов, причитающихся с него. Однако ему дали отсрочку на два месяца, в течение коих он должен уплатить долг и тем снова примириться с церковью.

На этих днях, а именно 4 сентября 1489 г., в пятницу, случилось нечто совершенно смехотворное. Некий слуга синьора Фальконе и сын некоего Доминико в ночное время украли сукно и платя из лавки, принадлежавшей некоему Джироламо ди Туччио из городского квартала Треви, приятелю названных воров. Когда Джироламо узнал о случившейся краже, он позвал, чтобы вернуть принадлежавшие ему вещи, слугу, укравшего вещи, к себе на обед. За столом его любезно спросили, где находятся украденные товары. Слуга откровенно и по доброй воле сказал, что украденные товары находятся у него. Тогда от него потребовали, чтобы он вернул обратно украденное, иначе ему придется плохо. Вор, заметив, что присутствующие настроены злобно против него, улучив благоприятный момент, выпрыгнул из окна в сад, надеясь таким образом скрыться. Но Джироламо, выслушав признание и видя бегство слуги, решил преследовать беглеца, чтобы тот не скрылся и не пропали его товары; наконец поймал его с несколькими товарищами, напал на него с кулаками, избил и связанного отвел в дом синьора Фабрицио Колонна. Он не хотел отправить его в тюрьму в Капитолий, хотя и мог бы это сделать, имея все основания к тому. Но в наше время каждый, которого следовало бы посадить в тюрьму за кражу ли или за убийство, даже если бы он подлежал смертной каре, может заплатить деньги, договорившись с судьей, и быть на свободе в полной неприкосновенности; никого, имеющего деньги, чтобы выкупиться, не приговаривают к смерти, но того, кто не имеет денег, конечно, вешают, при этом украденное добро безусловно не возвращается его владельцу. Слуга, просидев некоторое время под арестом, был выпущен на свободу

синьором Фабрицио, вероятно, благодаря ходатайству синьора Фальконе. Названный Доминико, отец одного из двух указанных воров, обещал обокраденному дать полное возмещение. Украденные товары были оценены в размере 47 дукатов; и когда Джироламо неоднократно требовал от Доминико возмещения украденного, последний, наконец, уплатил требуемую сумму в 47 дукатов из страха получить какую-либо еще большую неприятность. Платеж был произведен в присутствии некоторых братьев ордена доминиканцев из Санта Мариа сопра Минерве, которые, по поручению Джироламо, вручили означенному Доминико квитанцию такого содержания: «Мы свидетели того, как Доминико и т. д. уплатил Джироламо и т. д. 47 дукатов за товары, похищенные сыном названного Доминико из лавки указанного Джироламо». Но Доминико обозлился, что он уплатил указанную сумму и, переговорив с синьором Фальконе, договорился с вице-камерленго и протонотарием Виньола арестовать Джироламо; некоторые полагают, что об этом был разговор с папой. Наконец, 3-го того же месяца совершенно тайно в доме вице-камерленго все было предreshено, а 4-го утром «с фонарями и светильниками и оружием» (еванг. от Иоанна XVIII, 3) силою захватили Джироламо в его доме вместе с его братом и свели на Торре Нона; когда присутствующие при этом и особенно мать Джироламо подняли вопль, вице-камерленго неоднократно повторял: «Не бойтесь! Все, что сейчас здесь творится, творится на благо мира, дабы иметь мир со всеми людьми». Затем они свели его спокойно на указанную башню, взяли веревку и повесили Джироламо на одном из уступов, причем он все время вопил, приговаривая: «Скажите мне, что я сделал дурного? Почему я должен умереть? Я ведь ничего не сделал!» И без покаяния и причастия повесили его и, что еще хуже, на глазах его брата, захваченного вместе с ним. Когда Джироламо увидел, что ему придется умереть, он обратился к своему брату с ласковыми словами, сказав: «Брат мой, передай нашей матери, чтобы она терпеливо перенесла это горе, как я терплю, и скажи ей, что я умираю, не заслужив смерти». После сего он обнял и поцеловал своего брата, насколько мог, и с этими словами на устах умер. Но Фальконе, присутствовавший при казни и собственными глазами наблюдавший, как того повесили, и вице-камерленго не удовлетворились этим; мстя ему, они пошли дальше и отказали его матери и родственникам взять труп, который висел в течение двух дней. И что еще было хуже, на второй день после его смерти они заставили слугу синьора Фальконе написать записку о причине его смерти и привязать ее к его ногам, — конечно, неверную и лживую, в коей ему приписывалось то, что совершил названный слуга. Но он не смог таковую записку, как следует приладить, чтобы каждый мог читать эту ложь. Брат Джироламо был брошен в тюрьму Торре Нона. Затем, когда папа узнал

истину об этом событии, он сделал вид, что сожалеет о происшедшем и утверждал, что его неверно осведомили об этом. Но тем не менее брата он не выпустил из тюрьмы и не предпринял ничего, чтобы сколько-нибудь исправить это дело. И таким образом синьор Фальконе, римский гражданин, апостолический протонотарий и казначей названного папы, отомстил за обиду, оказанную его слуге названным Джироламо.

В прошлый понедельник наш отец Иннокентий созвал консисторию, на заседании которой отлучил от церкви всех, не уплативших церкви причитающиеся с них налоги. Полагают, что все это направлено против короля Ферранте, который не уплатил налогов, хотя имя его при сем упомянуто не было. Посол короля Ферранте заявил присутствующим, что поскольку дело касается его короля, он будет апеллировать к будущему собору, и потребовал, чтобы ему дали судью, которому он докажет, обязан ли его король платить требуемые с него налоги.

В том же месяце, как рассказывают, его святейшество отец наш заявил на открытом заседании консистории, что королевство Сицилия по ту и по сю сторону Мессинского пролива принадлежит церкви и отныне составляет часть Церковной области, потому что не уплатило налогов; в особой булле говорилось еще, что названный король Ферранте лишается своего королевства, и кроме того утверждалось, что в случае назначения им самим неаполитанского короля из этого назначения ничего не получится, так как папа навсегда включил Сицилию в свои владения.

В те же дни рассказывали и уверяли, так что в городе это стало общеизвестным, что сын папы Франческетто с достойным синьором камерленго, кардиналом Санто Джорджо Рафаэлло Риарио, племянником графа Джироламо, играл в своем дворце и за две игры проиграл 14 000 дукатов, а достойный кардинал Балю, француз, таким же образом проиграл сумму в 18 000 дукатов. Все эти деньги выиграл кардинал Рафаэлло Риарио, имевший на этот раз большой успех.

Далее передают, что Франческетто побегал к папе и рассказал, что в указанной игре его обманули и взяли с него лишнее; после этого его святейшество отец наш послал за кардиналом Риарио, чтобы тот явился к нему и принес с собою указанную сумму денег. Камерленго, однако, ответил, что деньги он уже издержал на покупку строительных материалов и на выплату жалованья строителям. А он как-раз перед тем свой дворец на площади Санто Лоренцо в Дамазо разрушил до основания и заявил теперь, что хочет прежде всего там на углу воздвигнуть башню и вновь перестроить дворец, что он впоследствии действительно сделал, и поэтому у него нет денег. И когда папа снова и снова настаивал на разреше-

нии этого дела, 27 октября, приблизительно в обеденное время, кардинал отбыл из Рима, заявив, что он хочет отправиться в Романью и, как передают, именно потому, что в Форли начались беспорядки.

О, несказанное бесчестие! Папа проявляет перед всеми величайшую жадность и прежде всего перед бедными учителями университета. Он повелел им передать — совершенно неслыханное дело, — чтобы они уплатили налоги за получаемое ими содержание, в то время как причитающегося им от папы содержания они совершенно не получали. И что еще гнуснее, после того как они уплатили налоги, они все-таки не получили жалованья.

Не ужасное ли это дело, сотни денег растратить и не дать продрогшим рабочим заслуженные ими одежды? (Ювенал, Сат., I, 93—94).

В тот же день, 27 октября 1489 г., Вирджинио Орсини принял жезл главнокомандующего короля Ферранте и через день после сего устроил военный смотр всем своим войскам, причем рассказывают, что было четырнадцать отрядов, столь красиво, богато и хорошо снаряженных, в золото и серебро шитых одеждах и таковых же плащах, каких еще никогда и нигде не видели. Вирджинио приказал сообщить, что каждый, кто придет посмотреть на его войско, будет желанным его гостем и получит бесплатное угощение. И прибыли многие, почти бесчисленное количество людей, которых угостили курами и подобными вещами.

15 ноября месяца, в воскресенье, папа отбыл из города и направился по Тибру для отдыха в город Остию и пробыл там несколько дней, оставив вместо себя во дворце великого турка. И так оправдалось написанное некогда пророками: «Воссядет на престоле Петра враг христианской веры, первенец Магомета, изгнав оттуда папу».

В лето 1490 его святейшество отец наш устроил на площади св. Петра исключительной красоты фонтан, обложенный мраморными плитами, с двумя, один под другим, бассейнами, что каждый может видеть; по общему мнению, ничего подобного нет в Италии.

Рассказывали и уверяли при папском дворе, что король Ферранте написал римскому императору Максимилиану письмо в виде жалобы, в котором извещал императора о жизни и нравах римского папы и всего римского двора, о жизни сыновей и дочерей папы, о передаче церковных должностей только за деньги, о преступной роскоши и жадности папы и, наконец, обо всем, что только можно было сообщить о папе и папском дворе. Он умолял императора и просил его, согласно наставлениям господним, спасти церковь божью от гибели. Папа и все кардиналы смущены были сим весьма долгое время, но от своего поведения не отказались. Ежедневно проводили они обычный образ приятной и роскошной жизни,

оставаясь столь же жадными и несправедливыми. К сему можно привести множество примеров, но краткости ради мы укажем только два.

Во-первых, некто Лодовико Маттеи, богатый римский гражданин, поклялся при поручительстве и под угрозой штрафа в тысячу дукатов не чинить никаких неприятностей и вреда некоему Андреа Маттуччи. И вот, когда названный Андреа находился в цырюльне и спокойно предоставил себя цырюльнику для стрижки и уже был готов, как в таких случаях водится, быть покрытым полотенцем, как явился туда Сабба, сын названного Лодовико, вооруженный, в сопровождении одного из своих приятелей, и, вопреки вышеуказанным договорам, напал на названного Андреа, который спокойно, ничего не ожидая, сидел или стоял, укутанный в полотенце, и нанес ему несколько ран, от которых он немедленно скончался. И так как, как говорят, Сабба сделал это по приказанию своего отца, то последний тотчас же уплатил пятьсот дукатов, половину обусловленного штрафа, в папскую палату, а другую половину в пятьсот дукатов задержал для уплаты наследникам потерпевшего, как это точно определено было в заключенном между ними договоре. И наш святейший отец, конечно, не по справедливости, а из жадности, взял эти пятьсот дукатов, и хотя родственники покойного требовали, чтобы к убийце была применена вся сила городских законов, папа, однако, выпустил Сабба, совершившего убийство, и что хуже всего — убийца получил даже право защищаться в случае, если мать и наследники убитого потребуют от него определенной части штрафных денег.

В те же дни между вице-камерленго и синьором Франческетто, сыном папы, был сделан договор такого содержания: каждая из городских камер, налагающая штрафы за преступления свыше 150 дукатов, обязана таковые полностью передавать названному Франческетто; штрафы ниже названной суммы идут в пользу городских камер. И этого порядка теперь придерживаются.

В качестве другого примера я хочу привести здесь следующее. Вдоль римской речной набережной, там, куда приносят на продажу вино и другие товары, было занято много римских граждан и иностранцев, чтобы добыть себе необходимые средства для жизни надзором за куплей и продажей названных вещей и товаров. И вот наш всеятейший отец папа Иннокентий, дабы собрать деньги, решил выжать их самым глубокомысленным способом из своих бедных верноподданных христиан. Вопреки свободе римских граждан, его святейшество, по совету некоторых из своих приближенных, ввел новые налоги таким образом: названные должности надзирателей над торговлей он продал тридцати лицам за 200 дукатов золотом каждую, так что на будущее время только последние могут выполнять эти должности и никто другой не мог зани-

мать их под угрозой штрафа. Таким образом, в августе месяце папа собрал с названных тридцати лиц 6 000 дукатов. По сему поводу была изготовлена скрепленная печатью булла.

В то же время уполномоченные, посланные папой в город Беневент, дабы удержать названный город в своей власти, были захвачены герцогом Калабрии, который заявил, что он лучше, чем сам папа, в состоянии сохранить этот город для церкви. Пленных он приказал направить на галерах до Террачины, где освободил их, дав им на дорогу наставление, чтобы они никогда больше не смели вторгаться, по приказанию церкви, в названную область для ее охраны; в противном случае он пригрозил им смертью. И с тем он отпустил их. Позже уверяли, что король Ферранте принял указанный город Беневент под свою власть.

В смысле правосудия живется в Риме в наши дни нехорошо. Главнейшая причина заключается в том, что папская палата сдала все доходы и расходы на откуп сроком на девять лет некоторым римским гражданам, так что на все это время служащие палаты не могут рассчитывать на приходы за исполнение своих обязанностей. По причине сего теперь представилось благоприятное время творить зло, воровать и грабить. Служащие папской палаты вошли теперь в соглашение с преступниками, и если злодеи после содеянного ими преступления что-нибудь дадут или пообещают чиновникам палаты, то они уже уверены, что свободны в дальнейшем от всякого преследования. И, как говорят, они заранее уже сговариваются с чиновниками палаты о том, сколько и за какое предстоящее преступление они обязаны заплатить. Затем совершают злодеяние, платят деньги и немедленно освобождаются от всякого судебного преследования. Папа знает все это и терпит.

Теперь названные чиновники палаты, поддержанные правителем, сделали нечто неслыханное. Во всех виноградниках тех жителей Рима, которые за исполнение какого-нибудь приказа не уплатили папской палате штрафных денег или за какой-либо проступок обязаны были платить палате, слугами правителя был снят урожай, при этом самым варварским способом, подобно тому, как это делается в винограднике, принадлежащем неприятелю: они срезали виноградные лозы, опустошали их и свозили.

Между прочими делами, о которых в наше время рассказывать, следует упомянуть, что поставленный над городом и городским округом досточтимый генеральный викарий папы, как то подобает человеку добрых нравов, решил оградить доверенных ему духовных овец от зла и посему издал эдикт, в силу которого воспрещается всем мирянам и клирикам, какого бы положения они ни были, под угрозой отлучения от церкви, лишения сана, всех доходов и проч. и проч., содержать наложниц, как открыто, так и тайно, на том основании, что этим нарушаются божеские законы и оскорбляется духов-

Духовенство в аду
(Средневековая карикатура)

ное звание. А так как почти все духовные лица содержали наложниц, как высшие прелаты, так и простые клирики, то никто уже вследствие сего больше не верил в добропорядочную жизнь этих лиц, и среди мирян падала вера и религиозность. Когда наш святейший отец узнал об этом, он приказал названному епископу и генеральному викарию явиться к нему, выбранил его за указанный приказ жесточайшим образом и приказал, чтобы он немедленно отменил изданный им приказ, заявив, что конкубинат (наложничество) отнюдь не запрещен. Вследствие сего жизнь священников и папских служащих стала такою, что трудно сыскать хотя бы одного, который не содержал бы наложницы или по крайней мере проститутки во славу божью и христианской веры. И, может быть, на основании сего предпринята была перепись всех блудниц, которые имеются в Риме; и из достоверных свидетельств стало известным, что число таковых в Риме достигает до шести тысяч восьмисот. При этом не были приняты в расчет живущие наложницами, а также те, которые не публично, но тайно вместе с пятью или шестью другими девицами занимаются своим ремеслом. Каждая из этих девиц имеет одного или нескольких содержателей. Подумайте же, как живут здесь, в Риме, где властвует глава церкви, в городе, который именуют священным городом!

27 сентября, в 19 часов, в городе произошло великое смятение; торговцы закрыли свои лавки, граждане, находившиеся на виноградниках и на полях, устремились обратно к своим домам. И все — как граждане, так и иностранцы — взялись за оружие. Это произошло потому, что всюду совершенно определенно уверяли, что папа Иннокентий скончался.

Этот слух возник в связи с тем, что синьор Франческетто, сын папы, увидев страдающего отца присмерти, попытался тайным образом завладеть церковными драгоценностями; когда это ему не удалось сделать, так как лица, надзиравшие за папой, помешали ему, он пытался заполучить великого турка, проживавшего в папском дворце и передать его Вирджинию Орсини и флорентийцам. Вирджинию затем, как об этом все передают, должен был препроводить его королю Ферранте. Ради какой цели это было предпринято, до сих пор никому неизвестно.

На другой день ранним утром кардиналы, находившиеся в городе, отправились в папский дворец, где папа лежал тяжело больной. Кардиналы, заботясь о церкви и ее имуществе, сделали опись всего имущества папы, из которого большая часть была уже захвачена названным Франческетто и переслана во Флоренцию к его родственникам Медичи. Все, что осталось во дворце, было поручено охранять кардиналу Савелли, остававшемуся некоторое время в папском дворце, но затем вскоре отправившемуся домой, причем он оставил все спокойно лежать во дворце.

Передают, что между прочим в ларце найдено было 800 000 дукатов, а в замке Ангела в другом ларце еще 300 000 дукатов. Когда папе стало несколько лучше, он сказал тем, кто имел за ним уход, что он надеется пережить всех кардиналов и убежден, что кардиналы весьма сильно ожидали его смерти.

26 октября ночью молния ударила в колокольню св. Петра, попала там в одну из колонн, затем проникла в комнату архиепископа Арелатского, сожгла все украшения, находившиеся у его постели, но его самого не задела; затем молния вышла через другое окно, не причинив большого вреда.

В последний день названного месяца, в день святого Андрея, прибыл в Рим посол великого турка из Константинополя. Навстречу ему вышли свиты папы и всех кардиналов и бесчисленное количество народа. Посол прибыл, привез с собою 120 000 дукатов в золоте и много прекраснейших драгоценных камней и жемчугов и других роскошных подарков; все это, как говорят, он привез с собой как дань за три года, соответственно той вышеназванной сумме в 40 000 дукатов, которую турок обещал выплачивать папе ежегодно, дабы он только держал в плену другого турка, проживающего в папском дворце, брата названного великого турка. Упаси боже, как бы все это не принесло какой-либо беды церкви божией! Посол получил аудиенцию тайно, так что подробно не известно, о чем там шли разговоры. Однако люди говорят, что посол сделал папе и церкви божией предложение, чтобы названный турок содержался в плену, и великий турок будет платить, как дань, ежегодно 40 000 дукатов до тех пор, пока его брат будет находиться в плену в Риме.

Затем он предложил мир, союз и постоянную безопасность между христианами и турками, так что в будущем христиане могли прибывать в турецкие страны и выезжать оттуда свободно и без всякого страха.

Но с другой стороны, посол вавилонского султана предложил папе, если тот выпустит на свободу пленного турка: сумму в 40 000 дукатов, затем обещает передать во власть христиан на вечные времена область Иерусалима; затем обещает свободу и безопасность для каждого христианина, который пожелал бы посетить названную страну, так что каждый может поехать туда и вернуться обратно домой без всякого налога или повинности; затем идет обещание, что все области, которые он и названный турок, проживающий здесь в Риме, захватят у другого турка, брата пленного, будут возвращены церкви и христианам, поскольку они раньше принадлежали к христианскому государству, и даже сам Константинополь.

Об этих делах в папском дворце в присутствии кардиналов происходили весьма длительные переговоры. Наконец 28 или 29 декабря месяца турецкий посол потребовал от папы, чтобы

он принят был на аудиенцию у пленного великого турка, заявив при этом, что он не заплатит указанной дани, если не увидит собственными глазами турка; такое поручение дано его повелителем, дабы убедиться, жив ли еще он или уже умер.

Когда об этом сообщено было великому турку, он заявил, что примет названного посла и даст ему аудиенцию только в том случае, если ему разрешат, подобно императору, во всех украшениях торжественно сидеть на королевском троне.

И вот в указанный день залы и двери верхней части папского дворца разукрашены были коврами и занавесями или, лучше сказать, золототканными шелковыми материями, со всех сторон и на полу так, что в Риме еще никогда не видели подобного украшения. Турок воссел на трон, который он, по турецкому обычаю, с упомянутою целью приказал воздвигнуть, трон, роскошнейшим образом убранный коврами; на нем он восседал, как король. Вокруг него стояли другие турки и только двое христиан: кардинал Санта Анастасия, родственник нашего святейшего отца, и архиепископ Арелатский, другой его родственник. Когда прибыл посол, была исполнена следующая церемония: прежде чем названный посол перешел дверь залы, где восседал на троне турок, к нему подошел с полотенцем один из тех турок, которые составляли свиту и окружали трон великого турка, и на пороге залы вытер его полотенцем с головы до ног, как-будто он был в муке или в пыли, после чего он протянул полотенце названному послу, дабы тот облобызал его. Только тогда посол трижды падал ниц и простирался плашмя по полу, каждый раз на другом месте, и целовал землю; после последнего раза он преклонился перед названным турком и, глубоко склонившись, оставался безмолвным. Тогда турок спросил его, хочет ли он отвечать, если его спросят, тот ответил согласием. Турок снова спросил его на своем языке, не имеет ли он письма. И тотчас посол извлек из своего платья закрытое и запечатанное письмо и показал его турку; но прежде чем передать его, облизал его языком со всех сторон. Затем посол, под надзором двух из названных турок, сам вскрыл письмо. И когда он открыл его, то опять облизал письмо со всех сторон языком. И только когда все это было сделано, два турка приняли письмо и прочитали его великому турку. Каково было содержание этого письма, неизвестно. После того как письмо было прочитано, посол взялся за подарки, присланные турку его братом, именно, расшитые материи и другие предметы роскоши. Турок сделал ему знак рукой, чтобы он отошел и пожелал сам осмотреть. Подарки взяты были его слугами и унесены. Затем он отпустил всех присутствующих, и они долго беседовали друг с другом, но о чем, того наши не слышали, да и не могли бы понять.

Хотя уже и в прежние времена привился дурной обычай, но в этом году особенно распространился, а именно: во время

карнавала каждый кардинал рассылал по городу замаскированных людей, пышно одетых, на колесницах и лошадях, с трубами и барабанами. Прежде всего они посылали их к домам других кардиналов, с мальчиками, которые для забавы пели и произносили неприличные слова, с комедиантами и актерами и другими людьми, одетыми не в суконные или полотняные одежды, но в шелковые, тканые золотом и серебром, что стоило не малой суммы дукатов. Посему смело можно сказать и осудить, что дело божьего милосердия превратили в непотребство и дело дьявола.

В августе месяце среди жителей крепости Оффиды в Марке произошла смута, и назначенный туда папой комиссар был убит. Жители сбежались к замку, чтобы захватить его, но не смогли этого сделать. Тогда прибыли соседние аскуланцы, чтобы овладеть названным местом, и оказали помощь восставшим. Папа послал легата Марки кардинала Балю, но его не приняли. Таким образом повстанцы пошли против церкви и отказались слушаться папу.

Посему папа выслал против них церковное войско; в конце концов они снова покорились власти церкви. Впоследствии папа оштрафовал их; как говорят, штраф состоял в том, что они обязаны были уплатить сумму, требуемую для исправления крыши на церкви святого Иоанна в Латеране, именно для возведения колонн и арки перед изображениями апостолов на крыше.

23 августа начались работы по постройке церкви Санта Мариа на Виа Лата; сначала разрушили названную церковь, чтобы построить новую, причем прежде всего разрушили триумфальную арку, на которой отчасти была построена церковь. На построение этой церкви, как говорят, папа пожертвовал 400 дукатов, вице-канцлер 300, камерленго 200, остальное взяли на себя архитекторы, под условием, что им будут принадлежать мрамор и травертинские камни, которые они при этом найдут.

1 февраля 1492 г. пришли известия из Африки; рассказывали, что король Испании одержал победу при Гранаде, преодолев противника, занял этот город и взял его в свое владение под различными условиями и определенными договорами. Этот город он осаждал длительное время. Но что это были за условия, нам точно неизвестно.

27 мая 1492 г. в Рим прибыл принц Капуи, сын герцога Калабрии, внук короля Ферранте⁵⁵ с 900 всадников и 260 мулами, нагруженными ящиками и другими вещами. Ему оказаны были большие почести, так как два кардинала вышли ему навстречу к городским воротам у святого Иоанна в Латеране и он был принят во дворце папой и прочими кардиналами. В то время когда он находился здесь, кардинал Асканио Сфорца пригласил его на ужин, продолжавшийся с 20 часов до 5 часов ночи; на этом ужине расточались столь обильные,

прекрасные и роскошные вещи, что нет возможности об этом здесь рассказать, а если бы я попытался это сделать, то никто бы мне не поверил, и каждый бы назвал мой рассказ смешным. Достаточно лишь сказать, что если бы прибыл король Франции или другой подобный же господин, то большего для них сделать нельзя было бы.

О причине прибытия принца Капуи ничего не было определенным образом известно. Когда принц и его люди удалились из города, было обнаружено, что полотно и ковры, данные им во дворце для пользования, они захватили с собой и украли все, что могли. Папа дал им для пропитания мясо, остатки его они продали в Борго. Подобным же образом они поступали и в отношении тех вещей, которые получили от синьора Фабрицио Колонна в замке Марино.

В последний день месяца мая, в праздник вознесения господня, в город прибыл посол великого турка и привез в подарок папе копьё или, лучше сказать, часть копья Лонгина, которым прободено было ребро господа нашего Иисуса Христа. Оно было принято папой и всем духовенством в торжественном шествии от церкви Санта Мариа дель Пополо к собору св. Петра. Это копьё было вложено в особый хрустальный ящик исключительной красоты, с подставкой и другими украшениями из чистого золота. Эта вещь большой ценности. Конец копья находится у короля Франции, как о том турок сообщил папе через названного посла.

После этого в месяце июле, на второй неделе, коллегия кардиналов заключила великого турка Джема в замок Ангела, приказав бдительно охранять его там; сделано это было из опасения на случай смерти папы.

В понедельник, 16-го указанного месяца, вице-камерленго Бартоломео Морено из Модены со всеми своими слугами, добром и имуществом переехали на жительство во дворец Лодовико Маттеи, бывшего в то время одним из правителей. В своем доме он не хотел более оставаться из опасения беспорядков, которые обычно возникают в городе после смерти папы, полагая, что в доме правителя он будет находиться в безопасности. Но по истечении нескольких дней он поселился в папском дворце и, дабы его никто не видел, занял дом в саду, называвшийся Бельведером.

Между тем в городе смуты и смертоубийство не прекращались. Днем и ночью происходило множество убийств и воровства; не проходило дня, чтобы не был кто-нибудь убит. Разбойники спокойно пребывали в городе, не имея ни малейшего страха перед начальством.

25 июля, в праздник святого Иакова, в 6 или 7 часов ночи, папа Иннокентий VIII скончался. Да покоится душа его в мире!

После сего произошел обмен мнениями между камерленго и властями города относительно выбора начальников над каж-

дой отдельной частью города и надзирателей над городскими воротами и мостами; та и другая сторона хотели бы этот выбор взять на себя. Наконец камерленго, не желая нарушить старый обычай римлян и ограничивать привилегии римских граждан, решил, чтобы каждый префект городского квартала представил ему свидетельство старых римских граждан, в которых бы было показано, что таковые выборы относятся к обязанностям городских властей. Так оно и случилось. И когда названный камерленго из представленных ему свидетельств узнал, что выборы — не его дело, поднялись четыре гражданина из наших, а именно: Лоренцо Марчеллини, теперешний глава префектов городских кварталов, Франческо Таддеи, Джакомо Альбертини и Джакомо Галло, которые, желая сделать приятное камерленго, скорее по увлечению, чем по праву и справедливости, передали право выбора камерленго, и затем были выбраны названные чиновники вопреки праву и старому обычаю и, что еще хуже, против воли других префектов городских кварталов. Выбраны были те, кто особенно пользовался расположением камерленго, которые были недостойны сего. Посему не приходится удивляться тому, что римляне не имеют достойных чиновников и повинны сами в том, что их чиновники больше блюдут свои личные интересы, чем интересы народа и всеобщего благополучия.

Только-что папа умер, как в городе случилось нечто чудесное. В то время как раньше, когда папа был болен, в городе и вне города происходили бесчисленные преступления, людей губили, убивали и грабили, теперь вдруг все эти безобразия прекратились, и после смерти Иннокентия в городе наступило такое спокойствие, что каждый сему дивился; однако это продолжалось недолго.

На следующий день, 26 июля, прежде чем вынести тело папы из дворца, кардиналы встретились и вели переговоры о допущении в конклав одного из новых кардиналов, именно сына синьора Роберто Сан Северино, который за несколько дней перед тем находился перед городом со своим братом Фракаса у Санта Анастасиа перед Порта ди Санто Паоло со множеством всадников, стрелков и пехотинцев. Он настаивал на своем кардинальстве, которое ему обещали Иннокентий и полное собрание кардиналов. Коллегия немедленно приняла его в свою среду, назначив его кардиналом, вручив ему красную шляпу и место в консистории, потому что Фракаса, его брат, настоял на этом, имея в руках указанный приказ.

Кардинал же, человек могучего телосложения, был склонен больше к военному делу, чем к священному сану. Он не был назначен ни епископом, ни протонотарием, но только иподиаконом и назывался кардиналом Сан Северино. Непосредственно после этого тело Иннокентия было перенесено в церковь св. Петра.

28-го того же месяца июля, в 5 часов ночи, Виньола, бывший до того вице-камерленго, бежал из того места, где скрывался, и направился в замок Ветралла, так как узнал, что римский народ просил коллегия кардиналов потребовать от него отчета о его служебной деятельности.

1 августа римский народ передал коллегии кардиналов в церкви св. Петра свои пожелания с просьбой выполнить их. Прочитав их, вице-канцлер от имени всех кардиналов дал прекрасные обещания

В тот же день прибыл в город некий белый брат⁵⁶ из тех, кои находились при церкви Санта Мариа Нуова. Говорят, что, по желанию венецианцев, он был назначен кардиналом папой Иннокентием; однако он еще не имел красной шляпы. Немедленно же он был принят кардиналами как кардинал. Передают, что кардинал Санто Пьетро в Винколи и кардинал Сант Анджело настояли на его прибытии ввиду того, что кардинал Асканио позаботился о том, чтобы прибыл кардинал Сан Северино. Он назывался патриархом Венеции. Это был человек небольшого роста, в возрасте 95 лет; он был настолько стар, что едва мог говорить и ходить, и так качал головой, что казалось, что он все подтверждает.

6 августа все кардиналы вошли в конклав, который находился в одной капелле при дворце св. Петра. При этом были следующие кардиналы: вице-канцлер (Родериго Борджиа, впоследствии папа Александр VI), кардинал Неаполитанский (Караффа), кардинал Санто Пьетро в Винколи (Джулиано делла Ровере, впоследствии Юлий II), кардинал Сиенский (Франческо Пикколомини, впоследствии Пий III), кардинал Португальский (Дж. Коста), кардинал Савелли, кардиналы де Конти, Колонна, Орсини, Асканио, Санта Мариа в Портико, Сант Анджело, Санто Клименте (из семьи делла Ровере), Реканати (из семьи делла Ровере), Алериа, Санта Анастасиа, кардиналы Беневента (Лоренцо Чибо), Флоренции (Джованни де Медичи, впоследствии Лев X), Сан Северино, патриарх Венецианский (Герардо), кардиналы Пармы, Генуи и Санто Джорджо (Рафаэлло Риарио).

За день перед тем, 5 августа, были закончены торжества похорон Иннокентия, когда ему возданы были последние почести. Житие его было прославляемо многими, так как он был муж человеколюбивый, ценил мир и воздвиг в Риме множество строений. В саду, возле папского дворца, он воздвиг другой дворец, названный, по его желанию, Бельведером. Известно, что постройка этого дворца стоила ему 60 000 дукатов, в чем каждый сам может убедиться. Он сделал также пристройку между стеною церкви св. Петра и стеною дворца, где проживают аудиторы, о чем свидетельствуют его гербы, всюду там поставленные. Затем он возвел новые постройки в церкви св. Иоанна — Латеране; в частности он подновил крышу, а также хотел воздвигнуть там две больших мраморных колонны, увенчанных аркой, но неожиданная смерть по-

мешала ему закончить это дело. Содействовал он также перестройке церкви Санта Мариа на Виа Лата, о чем я повествовал выше. На отдых он большею частью отправлялся в Вилла Мадлиана. Он очень любил также своих сыновей и дочерей, столь любил, что было опасение, что все свое имущество он передаст сыновьям и дочерям.

В лето господне 1492, 11-го месяца августа, рано утром в субботу избран был папой Родериго Борджиа, родственник папы Каликста, вице-канцлер, испанец; назвал себя Александром VI. Как только он сделался папой, он роздал все свое имущество бедным. Так, кардиналу Орсини он подарил свой дворец. Ему же он передал замок Монтичелло и Сориано. Затем кардинала Асканио он назначил вице-канцлером святой римской церкви. Кардиналу Колонна он передал аббатство святого Бенедикта со всеми его замками и правом патроната над ними, передал ему и его роду на вечные времена. Кардиналу Сант Анджело он предоставил епископство Порто с дворцом и всем домашним имуществом, какое там у него находилось; между прочим, там имелся винный погреб, полный вина. Затем кардинала Пармы он сделал владельцем и покровителем города Непи. Кардиналу Генуи он передал церковь Санта Мариа на Виа Лата. Затем кардиналу Савелли Читта Кастеллана и церковь Санта Мариа Маджоре. Всем прочим кардиналам он роздал несколько тысяч дукатов, прежде всего известному белому брату из Венеции, которому он дал, чтобы получить его голос, пять тысяч дукатов золотом. Когда об этом узнали в Венеции, то лишили его всех доходов и постановили и впредь не предоставлять ему таковых. Исключение составили только пять кардиналов, которые ничего не получили; то были кардиналы Неаполя, Сиены, Португалии, Санто Пьетро в Винколи и Санта Мариа в Портико. Только они не хотели ничего принять и заявили, что при выборах папы голоса должны подаваться безвозмездно, а не за подарки. Передают также, что перед отправлением кардиналов на конклав вице-канцлер, дабы заполучить голос вышеназванного Асканио и его последователей, отправил в его дворец четырех мулов, нагруженных серебром, под тем предлогом, что пока он будет находиться в конклаве, оно лучше будет охраняться в этом дворце, чем у него дома. Но, как говорят, это серебро было подарено названному Асканио с тем, чтобы получить его голос. Римским гражданам также много было пообещано.

Папа получил сведения, что от последнего дня болезни Иннокентия до дня его коронования в различных местах и в разное время в Риме было избито свыше 220 человек. Он имел также сведения об убийцах, о причинах их преступлений и случаях воровства, и вообще обо всем, что случалось в городе, он знал полностью.

На следующий день скончался синьор Фальконе де Синибальди, скорее от тоски, чем от болезни. Именно, он давно

мечтал о желанной кардинальской шляпе, если выбор случайно падет на одного из его друзей. Но когда он узнал, что папой стал вице-канцлер, он почувствовал столь великую скорбь, что переменял жизнь на смерть после совсем легкой лихорадки. И с тем исчезли все надежды на кардинальское достоинство.

26-го названного месяца августа Александр получил посвящение в церкви св. Петра и затем, как того требовал обычай, направился в церковь св. Иоанна в Латеране. Во время его шествия через город ему были оказаны величайшие почести. Римским народом было воздвигнуто несколько триумфальных арок, больше, чем когда-либо какому-нибудь другому папе.

В первом же заседании консистории, которое новый папа открыл, он назначил архиепископа Монтереале, своего племянника с сестриной стороны, кардиналом.

3 сентября 1492 г. Сальваторе, сын покойного Туччио дельи Росси, оскорбил на Кампо ди Фиоре Доминико Бенеаккадато, своего врага, с которым, однако, у него было заключено примирение под залог в 500 дукатов; он нанес ему два смертельных удара и ранил его, так что тот от этого умер. 4-го числа папа послал вице-камерленго с представителями городских властей разрушить его дом, и разрушили его. В 1489 г., также 4 сентября, по требованию названного Доминико был повешен Джироламо, брат названного Сальваторе, как я рассказывал о том выше; и вот теперь, 4 сентября, произошло возмездие; следует думать, что сие случилось не без господнего определения. Штрафные деньги, бывшие в залоге, взял себе папа.

В том же году, в декабре месяце, незадолго перед праздником рождества христово, в Рим прибыл из Неаполя Федерико, сын короля Ферранте, в качестве посла своего отца, дабы засвидетельствовать преданность папе. Въезд его отличался пышностью и великолепием, с большими почестями он был встречен кардиналом Санто Пьетро в Винколи, который принял его в своем дворце и в течение нескольких дней содержал его там столь почетно и щедро, что нельзя даже рассказать. Передают, что синьор Федерико на заседании консистории между прочим сказал папе Александру, чтобы он воздержался давать венгерскому королю развод; последний намерен был разойтись с Леонорой, своей супругой, дочерью короля Ферранте, потому что он не имел от нее потомства, и хотел жениться на дочери миланского герцога, сестре Асканио, миланского кардинала, обещая уплатить за развод несколько тысяч дукатов. А так как папа действительно намерен был утвердить таковой развод, то между ними произошло крупное объяснение, следствием чего было то, что, как говорят, Федерико, разгневанный, выехал в Остию и затем отправился по морю; вместе с ним уехал также кардинал Санто Пьетро в Винколи,

который, как говорят, став на сторону названного короля, сделался врагом папы настолько, что не хотел более возвращаться обратно в город и остался в замке в Остии, хорошо вооружившись и укрепившись, так как ожидал, что против него будет выслано войско. И он настоял на том, что в Рим он не вернется.

Когда однажды папа Александр решил отправиться во дворец Санто Джованни делла Мальяна, построенный и украшенный Иннокентием, чтобы пообедать там, и уже был вблизи того места, люди, находившиеся там и озабоченные приготовлением обеда, заметив его приближение, ради вящего веселия выстрелили из большой бомбарды. Услышав сие, папа заволновался и, хотя еще был трезв, вернулся обратно во дворец св. Петра, и именно потому, как он сам признался, что убоился, не есть ли этот выстрел бомбарды знак кардиналу Санто Пьетро в Винколи, дабы взять его в плен в указанном месте. И он не захотел туда ехать, повернув со своей свитой обратно. Вернулись они обратно с большим смущением, хотя до этого еще были совершенно трезвы.

10 июня в сопровождении многих епископов прибыл в Рим синьор Алессандро, сын синьора Пезаро, и в тот же день было отпраздновано обручение его с незаконной дочерью папы Александра⁵⁷. Когда папа еще был кардиналом, он выдал ее замуж за одного испанца; теперь, сделавшись папой, он захотел улучшить положение своей дочери, расторг заключенный брак, дав названному испанцу три тысячи дукатов, чтобы он отказался от своей супруги, и обручил ее теперь с названным синьором в то время, когда ее первый супруг еще был жив, но ради полученных денег молчал и отрекся от нее.

11 июня прибыл в Рим посол великого турка, привезя с собой, как говорят, 90 000 дукатов: сорок тысяч, которые он привозил незадолго до смерти папы Иннокентия, но тогда, услышав о смерти Иннокентия, он вернулся обратно домой; другие сорок тысяч шли за текущий год и еще десять тысяч, которые великий турок прислал из своих средств на содержание своего брата, проживавшего здесь во дворце. Посол был принят с великим торжеством. И каждый дивился тому, что великий турок шлет дань папе и церкви божией.

12-го того же месяца, именно в среду, папой были приглашены 150 знатнейших римских женщин, все городские чиновники, сенаторы, мужья названных женщин и все послы на бракосочетание во дворце папы при церкви св. Петра. И когда затем все эти созванные люди ожидали в одной из зал приглашения присутствовать при подписании брачного договора, то сначала были пропущены вышеназванные женщины; стоявшие за ними граждане, чиновники, послы и прочие приглашенные хотели также войти, но дверь была закрыта, и они не могли пройти. Затем по прошествии часа или

около того синьоры Коронато Планка и Камилло, нотариусы, назначенные для подписания брачного договора, открыли дверь. И когда граждане и прочие приглашенные вошли, то акт заключения брачного договора уже был совершен. Там находились его святейшество, отец наш, папа, одиннадцать кардиналов, множество епископов и светских синьоров, и перед всеми ими находилась обрученная и повенчанная выше-названная дочь папы Александра со свидетельством на приданное и брачным договором. После бракосочетания, по приказанию папы, было принесено 150 серебряных ваз с конфетами, которые, в знак великой радости, были высыпаны в платья многих женщин, главным образом красивых. И все это в честь и славу всемогущего господра и римской церкви.

Александр не только поддерживал обычай, введенный уже Иннокентием, выдавать замуж свое женское потомство, но еще и усугубил его. Все духовенство стремится теперь, а некоторые с исключительным усердием, произвести потомство, так что каждый клирик, начиная с высшего и кончая низшим, как будто бы он был женат, содержит наложницу и притом совершенно открыто. Если господь попустит сие, то таковое растение дойдет до монахов и братии орденов, хотя уже и теперь городские монастыри сделались домами разврата, и никто сему не противится.

Расскажу подробнее, как происходило дело: вечером за ужином осталось несколько кардиналов; они сидели вместе за одним столом, сначала папа, затем названные кардиналы и новонареченный муж с несколькими другими синьорами, а между ними также женщины. Именно, прежде других дочь папы, затем прекрасная Юлия (Фарнезе), его наложница, в-третьих, Теодорина, дочь Иннокентия (VIII), затем дочь графа Питильяно, супруга и дочь Габриэле Чезарини и некоторые другие дамы. Они сидели, как я сказал, за ужином за одним столом с папой и кардиналами в следующем именно порядке: каждый из мужчин имел возле себя одну из названных молодых женщин; за столом они пробыли до 7 часов ночи. При этом были разыграны комедии и трагедии и другие театральные игры неприличного содержания; они смотрели на это и смеялись. И наконец, как говорят, папа сам лично проводил свою дочь с ее новонареченным мужем во дворец кардинала Санта Мариа в Портико, находящийся на другой стороне лестницы св. Петра, где происходило бракосочетание. И многое другое рассказывают, о чем я здесь не пишу, потому что это, может быть, неправда, а если и правда, то трудно этому поверить.

Через три дня в город прибыл посол короля Испании в сопровождении большой свиты из епископов и придворных; и была ему оказана великая честь. Между прочим, когда он проезжал через Порта Виридарियो, его сопровождали с правой стороны сын папы, а с левой — его зять, именно синьор Пеза-

ро, муж папской дочери, и это продолжалось от места, где они его встретили, против Монте Марио, до дворца на Кампо ди Фиоре, где он остановился.

В открытом заседании консистории названный посол, кроме принесения от имени короля Испании покорности, по поручению своего короля, заявил, что названному королю весьма ненавистны те войны, которые в Италии происходили между христианскими народами, что он, король, все благосостояние своего государства и свою жизнь готов отдать на процветание христианской веры и ее распространение, борясь непрестанно с неверными. Папа же, глава христианской веры, стремится только к тому, чтобы эту веру уничтожить. Затем посол заявил, что названный король хотел бы знать, кто является виновником того, что между христианскими государствами не может установиться мир; так как, сказал он, его король к такому виновнику войн будет враждебен, особенно если мир будет нарушен без достаточного основания.

Второе, о чем он заявил, было вот что: названный король изгнал из своего государства маранов⁵⁸, как врагов христианской веры, и удивляется, каким образом папа, глава христианской веры, мог принять их в Риме. Посему он увещевает папу, дабы он изгнал из подвластных церкви стран маранов.

В-третьих, его величество король намерен продолжать свою борьбу с неверными и, если будет на то воля божья, он завоюет Иерусалим и святую землю; посему король просит папу оказать ему помощь и милость прежде всего тем, чтобы он постановил, чтобы лица, владеющие бенефициями, годовой доход от которых превышает сумму в сто дукатов, высылали бы их обратно в Испанию, иначе король намерен взять названные доходы в свое распоряжение и воспользоваться ими для указанного предприятия против неверных.

Дальше он заявил следующее: по ветру идет молва, что в Риме, в римской церкви уже все бенефиции продажны, и все должности и звания сделались продажными и продаются с молотка, как мирское имущество. И никто больше не может добиться бенефиции, большой или малой, епископства или даже кардинальства, если не уплатит денег; и что там, где когда-то все совершалось силою святого духа, теперь все происходит по денежным расчетам, причем при назначении кого-либо не ставят даже вопроса, хорош ли он или плох, способен или неспособен, лишь бы он был в состоянии уплатить большую сумму денег. Король советовал его святейшему не передавать больше одной бенефиции одному лицу. И еще многое другое он высказал о состоянии и поведении церкви, чего я здесь не передаю.

Увидим, как все это будет проведено в жизнь. Что касается мира, то имеются уже признаки, что нет не только малейшей, но даже никакой надежды. Ведь уже через несколько дней после сего синьор Алессандро Пезаро (Джованни Сфор-

ца), зять святейшего нашего отца, папы, произвел смотр шести отрядам вооруженных всадников; немного спустя объединились между собой несколько начальников отрядов, так что в общем в настоящее время имеется около сорока отрядов; кроме них, еще некоторое количество стрелков, легкой конницы, янычар, как их обычно называют, которые вокруг всего города причинили большие убытки.

Передают также, что в Остии, у кардиналов Санто Пьетро в Винколи, находятся дон Федерико, сын короля Ферранте, с 11 галерами, синьор Вирджинио Орсини, синьор Просперо и синьор Фабрицио Колонна с вооруженными людьми. О чем они ведут переговоры во время ежедневных бесед между собою, неизвестно. По причине сих дел не без основания опасаются грядущей войны.

Мараны, расположившиеся в большом количестве перед Порта Аппиа у Капо де Бови и разбившие там свои палатки, тайным образом проникли в город и потому именно, что на охрану ворот были назначены солдаты испанцы и, как говорят, из тех же маранов, так что тотчас же по городу распространилась чума и весьма многие умерли от чумы и заразы, которую принесли с собой мараны, переполнившие весь город, как можно видеть, не без воли и разрешения папы.

3 июля 1493 г., около 18 часов, произошло на земле затмение, поднялась сильная буря и вихрь, и над городом прошел проливной дождь. За городом, на лугу Нерона, у мостов Мильвийского и Саларского выпал густой и крупный, как большой орех, град, погубивший все, что там было.

24-го названного месяца кардинал Санто Пьетро в Винколи, находившийся в Остии, и синьор Вирджинио Орсини прекратили вражду, бывшую между ними и папой, и вернулись с большим торжеством обратно в город, направились к папе и были вечером приглашены к нему на ужин. Таким образом снова был заключен мир, и стража, стоявшая у ворот, была снята. Но этот мир был лишь притворством и длился очень недолго.

25 августа, в полдень, разразилась сильная гроза, молния ударила в Капитолий, попав в колокольню; там она ударила в ногу звонаря, звонившего в большой колокол по радостному случаю годовщины коронации папы Александра и оторвала у него половину сапога с голенищем, но его не убила.

28 августа скончался император Фридрих, и с его смертью наступил конец всем предсказаниям; как говорят, императором стал Максимилиан.

20 сентября папа Александр назначил 12 новых кардиналов; с этим назначением согласились только семь старых кардиналов, прочие возражали. Прежде всего он назначил своего собственного сына (Чезаре Борджиа), рожденного некоей женщиной, которую он сам выдал замуж за Доминико да Ариньяно. Этот человек (Чезаре Борджиа) всегда слыл сыном Алек-

сандра и таковым все его считали. Сам Александр назначил его епископом Памплоны⁵⁹ в Испании. Затем он назначил кардиналом Джулиано, сына синьора Габриэле Чезарини, брата его зятя; затем некоего из рода Фарнезе, родственника его наложницы красавицы Юлии Алессандро Фарнезе (впоследствии папа Павел III), и еще нескольких других, которых он принудил, как говорят, заплатить ему более ста тысяч дукатов. По этому поводу многие ворчали, так что стал всем известен такой стих:

С преступною целью затрачены были им деньги,
Преступным образом он их теперь вновь возвратил.

В те дни Тибр вышел из берегов и при большом дожде затопил многие места из соседних окрестностей, причинив большие повреждения. Виноградники, полные винограда, были затоплены.

В то время как между папой Александром и королем неаполитанским происходил спор из-за уплаты дани и другие раздоры, папа и священная коллегия пригласили императора Максимилиана, а также короля Франции с тем, чтобы они выступили против короля Неаполя, обещая им помощь и поддержку, поскольку это будет необходимо; они заявили также, что названное королевство по праву принадлежит герцогу Лотарингии, а не королю Ферранте. По сему поводу неоднократно происходили переговоры между императором и королем Франции; наконец они решили выступить.

Когда король Ферранте скончался, его сын, герцог Калабрии, взял государство и власть в свои руки и просил папу короновать его на царство. Папа заключил с ним договор и связал себя с ним узами родства: незаконный сын папы (Хофре Борджиа) взял себе в жены дочь герцога Калабрии; и папа обещал короновать его как короля названного государства. Когда обо всем этом между ними было договорено, папа послал сказать королю Франции, чтобы тот не приходил, потому что в Риме свирепствует чума и он опасается за его государство; затем, потому что в Риме большой голод, и он опасается, как бы цены не поднялись еще выше; опасается он также того, как бы в случае прибытия французского короля неаполитанский король не позвал турок, которые могут здесь все опустошить. На что король приказал ему ответить, что чума его не беспокоит, так как, если ему придется умереть от нее, то тем самым будет положен конец всем его трудностям; что касается голода, сказал он, то он прибудет снабженным таким количеством съестных припасов, что это скорее может вызвать избыток в таковых, чем вздорожание их; касательно же турок, сказал он, то он со дня своего рождения стремился к тому, чтобы столкнуться с неверными на благо христианской веры, так что он не хотел бы потерять сего случая и избежать его. После этого папа устроил заседание консистории, на котором заявил, что названное королевство принадлежит

королю, то-есть герцогу Калабрии. И таким образом поручено было кардиналу Монтереале, племяннику папы Александра, отправиться в Неаполь для коронования короля. Тот отправился туда 22 апреля 1494 г. Когда это услышал посол короля Франции, он стал в консистории возражать папе и заявил, что по этому поводу обратится к будущему собору, который должен быть созван насколько возможно скорее.

В тот же день сын папы (Хофре Борджиа) вместе с синьором Вирджинио Орсини отправился в Неаполь за своей невестой с большим триумфом и исключительной торжественностью.

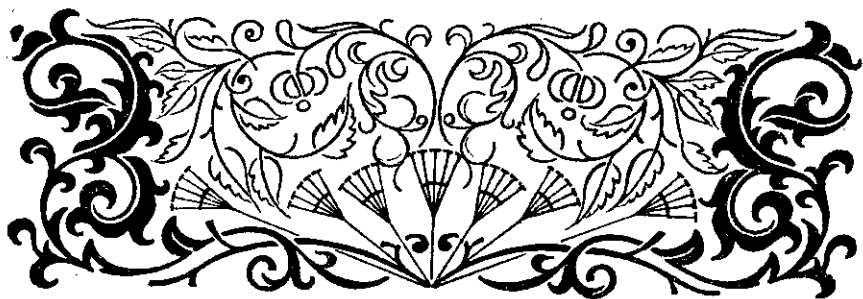
В тот же день, когда кардинал Санто Пьетро в Винколи, проживавший в Остии и находившийся в немилости у папы, узнал об этом, он тайно и скрытно отправился на бриг. Оставив крепость Остию хорошо вооруженной и снабженной на три года, он при помощи божией направился через Геную во Францию, так как опасался того мира, который был заключен без него между папой и королем.

Немедленно на другое утро папа выслал солдат взять Остию; однако они не могли овладеть ею.

26-го названного месяца папа приказал привести в порядок большие и малые бомбарды и всю прочую артиллерию, чтобы направить ее против Остии.

(На этом заканчивается «Дневник»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гвельфы и гибеллины — названия двух феодальных группировок, возникших в ряде итальянских городов в начале XIII в., во время борьбы папства с германскими императорами из дома Гогенштауфенов. Гибеллины выступали против постоянного вмешательства папства в жизнь Италии и в германском императоре видели силу, могущую дать отпор этому вмешательству. Вот почему гибеллинов обычно называют императорской партией; вообще говоря, они были представителями крупнейшего феодального землевладения, стремившимися к своеобразной феодальной свободе и независимости и не желавшими делиться с папством плодами эксплуатации как своих крестьян, так и живших в «их» городах мелких торговцев и ремесленников. «Далекый» император, живший за альпийским барьером, казался им менее опасным претендентом на участие в грабеже населения, чем «близкий» папа, постоянно пребывавший в Риме или в его окрестностях. Наоборот, гвельфы, по существу такие же феодалы, но обычно меньшего калибра, опасались «итальянской свободы», которую они не совсем без основания отождествляли с господством крупнейшего землевладения, и в папе видели противовес как гибеллинам, так и императору, который мог оказаться союзником гибеллинов в деле угнетения всех слоев итальянского общества, не исключая и среднего землевладения. Гвельфы были, таким образом, представителями папской партии, в которую входили менее сильные феодалы, а также зачастую торгово-ремесленные элементы. Во главе гибеллинов в течение почти всего XIII в. находились Колонна, гвельфами же руководили Орсини. В XIV в. в связи с новыми взаимоотношениями между империей и папством и с более четким выявлением классовых отношений в северной Италии исчез первоначальный более или менее определенный в социальном отношении смысл названий этих двух группировок; но по традиции еще долго продолжалась вражда между этими двумя родами, причем Колонна остались как бы верны «республиканскому, свободному и независимому» знамени, а Орсини пользовались репутацией верных служителей папству. Последнее нередко искусно натравливало один враждебный дом на другой и поддерживало их вековую рознь, что было в интересах третьей стороны, каковой являлось папство. Нередко, впрочем, роли гибеллинов и гвельфов менялись, и папские «друзья» шли против папства, а его «недрузья» поддерживали силу и могущество папства, так как оба дома имели в виду прежде всего и главным образом свои фамильные интересы. Инфессура в своем «Дневнике» везде и повсюду сочувствует дому Колонна и осуждает политику Орсини; в его глазах гибеллины Колонна являются республиканцами, преданными интересам «свободного» светского Рима, а Орсини имеют будто бы в виду всегда лишь интересы папства. Но и Инфессура вынужден, конечно, указать имена «отдельных» Колонна, стоявших за папство, как и некоторых представителей Орсини, борющихся в рядах противников чрезмерных притязаний папского двора. Родоначальником дома Орсини считается обычно Джордано Орсино, который в 1145 г. стал кардиналом и вскоре в качестве легата был отправлен

Папство
(Средневековая карикатура)

папой к императору Конраду. Его племянник Маттео, называвший себя уже Орсиини, а не Орсино, был в 1153 г. римским префектом. В 1277 г. один из членов этого рода стал папою под именем Николая III. Из рода Колонна особенно известны: 1) Эгидий, генерал августинского ордена и с 1295 г. кардинал, воспитатель французского короля Филиппа IV Красивого, против которого, однако, выступал в конфликте Филиппа IV с папою Бонифацием VIII. Эгидий, приверженец Фомы Аквинского, написал ряд богословско-философских трактатов. 2) Джакомо (Якопо), которого Николай III назначил кардиналом, а Бонифаций изгнал из Рима вместе с другими членами этой семьи. 3) О Шиарра Колонна, брате Джакомо, см. прим. 7. 4) Другой брат Джакомо был Стефано Колонна, перешедший на сторону гвельфов и изменивший традициям своей фамилии. В 1347 г. Кола ди Риэнцо изгнал его из Рима. 5) Джакомо, сын Стефано, был епископом Ламбеза, другом Петрарки. Из семьи Колонна был папа Мартин V. Папский племянник Просперо Колонна выдвинулся в качестве генерала в войне против французского короля Карла VIII.

² Риети — итальянский город в 65 километрах к с.-в. от Рима. Некогда этот город часто подвергался землетрясениям; в 1785 г. почти целиком разрушен.

³ Карл Валуа (1270—1325) — сын французского короля Филиппа Смелого, во втором браке с наследницей (у Инфессуры неправильно названной дочерью) последнего Латинского императора. Папа Бонифаций VIII дал ему титул викария святого престола и защитника церкви. О нем говорили, что он сын короля, брат короля, дядя короля, отец короля, но сам никогда не был королем.

⁴ Балдуин — следует прибавить II (второй) — род. в 1228 г. В 1261 г. вынужден был бежать, будучи Латинским императором, из Константинополя во время его осады никейцами. Умер в 1273 г. скитальцем в Италии. Это тот самый император, который предложил французскому королю Людовику Святому в качестве залога «терновый венец, обгременный кровью Христа», и получил 21 тыс. ливров чистого серебра, стоявших приблизительно один миллион золотых рублей. Людовик Святой отправил двух монахов-миссионеров в Константинополь за этим венцом. Однако он оказался уже заложенным у венецианского ростовщика Никколо Квирино. Монахам пришлось ехать в Венецию, и там начался продолжительный торг; в конце концов сошлись на 137 тыс. ливров, т. е. на 6½ млн. золотых рублей. Когда венец привезли во дворец в Париже, то король распорядился построить особую церковь — S-te Chapelle. Сделка оказалась выгодной и для короля Людовика и для многочисленных других французских королей, следовавших за Людовиком Святым. Шипов оказалось очень много, и каждый из них продавался по безумно высокой цене; шипы венца срывались, подобно чековым листкам, в разные тяжелые минуты, когда короли Франции нуждались в деньгах. Мария Стюарт, отправляясь на эшафот, дала графу Нортумберлендскому доставшийся ей от французских королей шип. Генрих IV, бывший до вступления на престол Франции протестантом, подарил один шип португальскому иезуиту Хуану Альваресу за то, что иезуит выхлопотал в Риме реабилитацию и прощение всех грехов Генриха, ставшего «католическим» королем Франции. Шипы, повидимому, в течение веков росли на венце, и святой испанский монах Висенте Феррер стал даже распространяться на тему о том, что венец этот представлял собою большую шапку — наподобие восточной папахи.

⁵ Балдуин II (см. предыдущее примечание) — не был тестем Карла Валуа и в год избрания Бонифация VIII уже не был в живых. Инфессура ошибочно говорит о жене Карла Валуа как о дочери Балдуина; она его наследница, внучка, дочь не царствовавшего, но претендовавшего на трон сына Балдуина II.

⁶ Претензии Бонифация VIII здесь обнаруживаются с поразительной четкостью: он смотрит на Францию, которая по мановению (*ad nutum*) священного престола может быть «возвращена» папству, ибо каждое государство лишь по милости Рима находится во власти светского

государя, который за враждебный папе акт может лишиться своих владений.

⁷ Шиарра Колонна — брат кардинала Джакомо Колонна, ярого противника Бонифация VIII, которого он стремился забаллотировать во время папских выборов. Ряд представителей этой семьи во главе с кардиналами Джакомо и Пьетро вынужден был бежать и скрыться во Францию, где король Филипп IV Красивый оказывал им всякую помощь для борьбы с Бонифацием VIII. Среди бежавших был и Шиарра, комендант городка Пенестрины, где жили оба кардинала Колонна. Городок этот, по решению Бонифация VIII, был уничтожен, так как стоял за схизматиков, т. е. проклятой памяти Якова и Петра Колонна (*quia favit scismaticis videlicet damnatae memoriae Jacobo et Petro de Columna*). На этом месте должен был быть построен новый город под названием *Civitas papalis*.

⁸ Вильгельм Ногарэ (*Guillaume de Nogaret*) — известный французский легист (юрист, сторонник усиления светской власти). Был профессором права в университете в Монпелье. В 1303 г. получил от короля Филиппа Красивого поручение вместе с Шиарра Колонна захватить Бонифация VIII. Умер в 1313 г.

⁹ До этого места подлинный текст Инфессуры не найден. Рукопись Инфессуры начинается словом «по-папски» (*pontificalmente*). Весь предшествующий отрывок считается не аутентичным.

¹⁰ Как мера веса р у б и о = 25 либбре; каждое либбре = 370 граммам (приблизительно).

¹¹ Владислав — неаполитанский король, род. в 1376 г., вступил на престол в 1386 г., умер в 1414 г., был сыном неаполитанского короля Карла III из Дураццо. Дураццо (Диррахинум) — город в Албании; в средние века Дураццо был герцогством, которым владели члены княжеского дома Анжу, царствовавшего с 1226 г. в Неаполе и Сицилии. В 1282 г. произошло в Сицилии восстание против господства французов — так наз. сицилийская вечерня; Анжу потеряли Сицилию, которая перешла к арагонскому королю. Неаполь же попрежнему остался в руках династии Анжу. Папа Бонифаций IX (1389—1404) признал и короновал как неаполитанского короля юного Владислава противовес папе Клименту VII (1378—1394), ставленнику Франции, отлученному Бонифацием IX от церкви и коронованному как неаполитанского короля Людовика Анжуйского. Отсюда борьба между этими двумя коронованными лицами, переплетающаяся с борьбой между двумя папами — Бонифацием IX и Климентом VII. Парижский университет, франкфуртский рейхстаг, французский король Карл VI и английский король Ричард II тщетно пытались положить конец двоепапству.

¹² Лодовико да Фермо — племянник Бонифация IX, папский непот.

¹³ Григорий XII (1406—1415) — из венецианского патрицианского рода, избран римскими кардиналами в противовес Бенедикту XIII. Пизанский собор в 1409 г. низложил его; но собор этот и его постановления не были признаны папою. В Констанце, во время ожидания Констанцкого собора, Григорий XII в 1415 г. отрекся от папского престола и кончил жизнь кардиналом Порто в 1417 г.

¹⁴ Александр V (1409—1410) — избран собором в Пизе вместо двух пап, Бенедикта XIII и Григория XII, споривших из-за престола. Но раскол внутри церкви только усилился из-за появления третьего папы. Александр V во всем подчинялся своему преемнику Иоанну XXIII.

¹⁵ Иоанн XXIII (1410—1415) — сначала пират, потом доктор обоих прав, римского и канонического, с 1402 г. кардинал, глава противников Григория XII и руководитель собора в Пизе. Сбежал с Констанцкого собора, которым и был низложен и арестован. В 1418 г. освобожден папою Мартином V, сделавшим его кардиналом Тускулума. Умер в 1419 г.

¹⁶ Архиепископом Беневента был Каспар Колонна, представитель ненавистного Евгению IV рода.

¹⁷ Так называемое покрывало Вероники, которым, по преданию, Вероника отерла пот Христу, несшему крест.

¹⁸ Ошибка: следует читать — в Базеле, а не в Констанце.

¹⁹ Феликс V — антипапа, был с 1416 г. савойским герцогом под именем Амедея VIII, вскоре стал и регентом Пьемонта. В 1434 г. сложил с себя власть и удалился в уединенную обитель на берегу Женевского озера. Базельский собор 8 июля 1439 г. избрал Амедея папою; однако его под именем Феликса V признали лишь в Савойе, Арагоне, Венгрии и в немногих немецких княжествах. Так как ему не удалось уничтожить раскола (папами были Евгений IV и Николай V), то он в 1449 г. отрекся от папского престола. Герцог Амедей III Савойский до своего избрания в папы не имел никакого отношения к духовному званию, но папская тиара манила его, и он предлагал германскому императору свою дочь с приданым в 200 тыс. дукатов, если император публично признает его папою. Сделка расстроилась и вызвала даже крупный скандал. После отречения Николай V назначил его кардиналом и папским легатом в Савойе и части Швейцарии. Амедей учредил орден св. Мориса и умер в 1451 г. в монастыре Рипайль (Савоя), где вел распутный образ жизни, — отсюда выражение — *faire giraille* (развратничать, пьянствовать).

²⁰ Следует читать: в Базеле.

²¹ О Стефано Поркаро — см. биографию Инфессуры в вводной статье.

²² Воскресенье золотой розы — это то воскресенье, когда папа обычно раздавал золотые розы.

²³ Немецкий кардинал, о котором говорится в тексте, — Николай Кузанский, выдающийся гуманист (1401—1464). Он еще раньше Лоренцо Валла доказывал апокрифичность так называемого Константинова дара и на Базельском соборе выступал против папы Евгения IV. Особенно интересным является его сочинение «*De cribratione Alchorani*», в котором указывается тесная связь мусульманства с христианством; сочинение это вышло вслед за падением Константинополя и естественно вызвало большое недовольство среди верующих христиан, находившихся под тяжелым впечатлением этого события. Его назначение кардиналом объяснялось тем, что Пий II (Эней Сильвий Пикколомини) был сам до избрания в папы видным представителем гуманизма и находился в близких и приятельских отношениях и с папою Николаем V и с Николаем Кузанским. Последний был и выдающимся математиком, а также астрономом и философом; под его влиянием находились Джордано Бруно и даже Лейбниц.

²⁴ Фридрих III — из Габсбургского дома — в 1452 г. коронован императором. У него на службе находился Эней Сильвий Пикколомини (будущий папа Пий II), который был посредником между папою Евгением III и Фридрихом III. Он заключил с папством в 1446 г. договор, по которому продал Риму интересы немецкой церкви, чем вызвал гнев немецких князей, но зато добился императорской короны.

²⁵ Владислав V (1440—1456) — сын короля Альбрехта II. Провозглашен венгерским королем в 1453 г.

²⁶ Ферранте, или Фердинанд I (1423—1494) — король неаполитанский и сицилийский. Он получил Неаполь в 1458 г. от своего предшественника Альфонса Арагонского, который отнял этот город у Анжуйского дома. Папство в лице Каликста III предъявляло претензии на Неаполь, считая его своим леном, но в 1460 г. Пий II признал Фердинанда неаполитанским королем; однако французский король продолжал отстаивать интересы Анжу, и царствование Фердинанда I протекало в непрерывных войнах. Ферранте был жестоким тираном и кровавым образом подавлял народные движения, направленные против него.

²⁷ Пий II — папа с 1458 г. по 1464 г. — Эней Сильвий Пикколомини родом из Сиены; во время собора в Базеле высказался за высший авторитет соборов против папских притязаний. Видный дипломат, поэт и писатель, секретарь антипапы Феликса (см. прим. 19), коронован императором Фридрихом III в поэты. После победы папы Евгения над собором и многочисленными противниками Пий перешел на сторону приверженцев папского абсолютизма и получил прощение от папы в 1445 г. С 1456 г. —

кардинал. Среди его многочисленных эротических произведений особенно непристойной является комедия «Chrisis». О нем имеется обстоятельная монография Voigt—Enea Silvio Piccolomini, als Papst Pius II und sein Zeitalter, 1859—1863.

²⁸ Бег евреев устраивался владетельными князьями, церковными и светскими, для развлечения толпы и издевательства над евреями. Бег этот практиковался преимущественно в Германии и просуществовал в качестве развлечения почти до самого конца XVIII в. О беге евреев упоминает в романе «Еврей Зюс» известный современный немецкий писатель Фейхтвангер. Роман описывает события второй половины XVIII в. («Еврей Зюс» имеется в переводе на русском языке).

²⁹ Вице-канцлером был кардинал Родериго Борджиа, впоследствии папа Александр VI.

³⁰ Горта (Horta) — ныне Орте, небольшой итальянский город на правом берегу Тибра, насчитывающий около 5½ тыс. жителей.

³¹ В сражении при Огранто герцогом Калабрии были взяты у турок в плен янычары.

³² Монте Кавалло находилось в той части квартала Треви, где жили Колонна и где возвышался большой дворец Колонна, принадлежавший в то время кардиналу Джованни Колонна.

³³ Помпонио Лэто (1425—1497) — известный итальянский гуманист. Он основал литературно-ученый кружок, известный под именем Римской академии. Вскоре папские круги стали обвинять членов академии в безнравственности и безбожии; Пий II многих из них арестовал под предлогом, что они сеют кругом измену. Помпонио Лэто сначала благополучно бежал в Венецию, но был выдан Пию II, арестован и подвергся пыткам. Однако Сикст IV восстановил Римскую академию и выпустил на свободу арестованных членов ее, в том числе и Помпонио. Помпонио — автор ряда книг по римской истории, юриспруденции и грамматике.

³⁴ Датарий — председатель датарии, т. е. канцелярии римской курии для решения дел о милостях (диспенсах). Датария имела значение только подготовительной инстанции, решения ее подлежали санкции со стороны папы. Нередко председатель датарии носит имя протодатарий, а его помощник — субдатарий.

³⁵ Эта лига была организована папою для борьбы с Венецией, являвшейся крупным конкурентом Папской области в борьбе за гегемонию в центральной и северной Италии. Союзниками папы или членами антивенецианской лиги были Неаполь и Милан; при Сиксте IV дело шло о недопущении захвата Феррары со стороны Венеции.

³⁶ Стихотворения неизвестного происхождения, о которых говорит Инфессура, назывались паскины, или паскииадами (отсюда слово — пасквиль), и вели свое происхождение от следующего. В XV в., во время земляных работ на улице Парионе, был найден против портняжной мастерской некоего Паскино античный мраморный обломок, составлявший, вероятно, часть мраморной группы либо Меленя, защищающего тело Патрокла, либо Аянта, несущего прах Ахилла (подобные группы находятся в настоящее время в музее Флоренции). Мраморный обломок был приложен к стене мастерской Паскино, а после смерти этого портного римляне перенесли имя Паскино на мраморный фрагмент, который в конце того же XV в. был прикреплен к углу дворца Орсини (ныне министерство внутренних дел).

Вскоре на мраморном цоколе Паскино стали приклеиваться политические эпиграммы на злобу дня, главным образом против пап; эти эпиграммы получили название «паскинад», от имени того же портного Паскино.

Будучи хорошим портным, Паскино стал одевать папу, кардиналов, прелатов и других «господ» апостольского двора. У Паскино язык был еще острее его иглы, и он нередко прохаживался по адресу того или иного прелата. «Господа» из апостольского двора внешне презирали остроты Паскино и считали позорным показать, что они задеты насмешками «какого-то» портного. Эта своеобразная терпимость папского двора ободряла

Паскино и вызывала в нем желание придавать еще большую колкость своим острогам. Разумеется, язвительные насмешки, злые уколы и крылатые словечки Паскино перелетали через частокол папского двора и передавались из уст в уста; они тем полнее удовлетворяли потребность римского населения в критике папской политики, чем суровее свирепствовала духовная цензура и чем сильнее папское иго давило все население Рима.

Портной Паскино постепенно превращался в папского обличителя, в античного цензора нравов, режущего правду в глаза сильным мира сего и неподлежащего за свои слова никакому наказанию. Этой безнаказанностью Паскино стали пользоваться разные насмешники и остряки, которые, во избежание наказания, приписывали Паскино все, что они сами создавали злого по адресу папского двора.

Вскоре «фирма» Паскино не столько шила, сколько острила, сохраняя своим главным клиентом главу римской церкви. Но вот Паскино умер, — паскинады, однако, остались и передавались от его имени. Под вывеской последнего противники папского режима жестоко нападали на него и в насмешках и издевательствах топили свою злобу. Но чувствовалась потребность широко распространять наиболее меткие и удачные остроты, усилить их общественный характер, сохранить их на долгое время и опозорить ими навсегда папский двор и папскую жизнь. И, разумеется, нельзя было выбрать лучшего места для их записи, чем мраморный цоколь Паскино, тем более, что само папское правительство клеило иногда на нем свои приказы и распоряжения.

Так появилась в Риме в XV в. «каменная» литература, анонимная, коллективная, злая, ядовитая. Многочисленные анонимные авторы вели между собою соревнование, и судьями являлись сами читатели: чем удачнее была эпитафия, тем дольше она сохранялась на камне; чем сильнее пропихивала она противника, тем легче врезывалась она в память Рима и тем ярче характеризовала она и остроумие римского населения и пошлый разврат папской курии. По случаю смерти Сикста IV появилось немало паскинад. Наиболее известны, наравне с приводимыми Инфессурой, были следующие:

1) «Сикст, бесчестие, голод, разруху, расцвет лихоимства, кражи, грабежи — все, что только есть подлейшего на свете, Рим перенес под твоим правлением. Смерть, как признателен тебе должен быть Рим, хотя ты слишком поздно пришла. Наконец ты зарываешь все преступления в кровавую могилу Сикста».

2) «Сикст, наконец ты труп, ты, презиравший благочестие и справедливость. Смертельный враг мира, тебя успокоила смерть.

Сикст, наконец ты труп, и Рим, страдавший при тебе от голода и всех бедствий, скорбей и войны, может ликовать.

Сикст, наконец ты труп, ты, воплощенный раздор нашего века.

Ты нападал на самого бога, — иди теперь мутить ад.

Сикст, наконец ты труп, ты — мастер мошенничества, могущество которого выросло на вероломстве.

Сикст, наконец ты труп. Пусть все распутники, развратники, сводники, притоны и кабаки оденутся в траур.

Сикст, наконец ты труп и не сможешь больше марать своими злодеяниями папство.

Сикст, ты наконец труп. Римляне, раздерите его проклятое тело и бросьте его части ястребам».

3) «К чему эти торжественные похороны? Ведь дело идет о Сиксте, надо молиться преисподней.

Всю свою жизнь он смеялся над небом и, умирая, порочил и отрицал божество.

Ты умер, Сикст, да будет проклята твоя память богом и людьми.

Тебя надо было задушить еще во чреве матери».

⁸⁷ Графиня, владелица разгромленного замка Джубилео, была Катерина Сфорца, жена графа Джироламо Риарио, главного героя понтификата Сикста IV. Джироламо и стал графом благодаря этому браку, хотя в действительности Катерина была внебрачной дочерью Галеаццо Мариа

Сфорца и не могла считаться поэтому графиней, дающей еще даже этот титул мужу. Джироламо Риарио, племянник Сикста IV и дядя 17-летнего кардинала Рафаэло Сансони Риарио, ставшего вскоре камерленго, был не знатного, а мелкого происхождения; он сам еще в молодости торговал восточными «прелестями», пряностями, целебными травами и всякого рода святомагическими предметами. Из текста Инфессуры мы видим, что привязанность к нему папы Сикста IV объяснялась болезненными половыми извращениями «наместника бога на земле».

³⁸ В средние века квасцы употреблялись в большом количестве при дублении кож, а в особенности в суконном и шерстяном деле в качестве красящего вещества. Европа не имела квасцовых залежей и всецело зависела в этом отношении от Константинополя, куда стекались не только малоазиатские и фракийские, но и месопотамские, армянские, арабийские и нубийские квасцы. Когда турки овладели в 1453 г. Константинополем, с европейского рынка почти полностью исчезли и квасцы. Без них, однако, после 200-летнего их значительного употребления обходиться было трудно, и европейцы стали покупать этот предмет у монопольного владельца квасцов — турецкого султана, платя огромные деньги. В 1461 г. в Церковной области, в Тольфе, были найдены папским финансовым чиновником Иоганном де Кастро обширные квасцовые залежи, и эта находка была папою Пием II охарактеризована как великая победа христианского мира над мусульманством. Квасцы стали монопольным товаром папской курии; на турецкие квасцы была наложена «анафема», и в папскую кассу потекли деньги со всех концов христианского мира, которому запрещалось покупать «еретические» квасцы у турецкого султана.

³⁹ Кардинал этот был Джулиано делла Ровере, известный под именем Санто Пьетро в Винколи; впоследствии он стал папой под именем Юлия II. Джулиано был племянником Сикста IV. Оба они были небогатого происхождения; отец Юлия II был рыбаком, и фамилия их была Ровере; «породнились» они со знатной семьей делла Ровере, когда Сикст был избран папою. Семье делла Ровере, несмотря на ее знатность, приятно было сознавать себя в родстве с папою, который со своей стороны афишировал свою мнимую кровную связь с семьей делла Ровере, получившей и немалую выгоду из рук этой новой родственной семьи.

⁴⁰ В одной эпиграмме по адресу Иннокентия VIII говорится: *Octo Nocens pueros genuit, totidemque puellas, hunc merito poterit dicere Roma patrem*, т. е. Иннокентий родил восемь мальчиков и столько же девочек, его-то Рим по заслугам может называть отцом (папою). Впрочем, число детей разными историками показывается разное. Паскинада на его смерть гласила: «Не ищите больше сладострастия, обжорства, скупости и низости, — все эти грехи заперты в гробу Иннокентия VIII». Эти слова должны были быть, по мнению Паскино, эпиграфией на могиле Иннокентия VIII. Этот папа «прославился» своей знаменитой буллой против ереси ведьм, изданной 5 декабря 1484 г. и известной под названием *Summis desiderantes* (первые слова этой буллы). В этой булле, между прочим, сказано было: «Не без мучительной боли узнали мы недавно, что в некоторых частях Германии очень многие лица, пренебрегая собственным спасением и отвращаясь от католической веры, впали в плотский грех с демонами — инкубами и суккубами — и своим колдовством, чарованиями, заклинаниями и другими ужасными суевериями, порочными и преступными деяниями причиняют женщинам преждевременные роды, насылают порчу на приплод животных, хлебные злаки, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно как портят мужчин, женщин, домашних животных и других животных, претягивают мужчинам производить, а женщинам зачинать детей» и т. д. и т. д. Вследствие сего Иннокентий VIII поручил инквизиции начать жестоко преследовать ведовскую, колдовскую ересь.

⁴¹ Католическая церковь канонизировала в 1485 г. маркграфа Леопольда (1073—1136) как герцога, основавшего в Австрии много монастырей.

⁴² Жан Балю, более известный под именем Жан Ла-Балю (La Balue) — французский кардинал (1421—1491). Он был епископом сначала

в Эвре, а потом в Анжере и пользовался особым расположением Людовика XI, который назначил его на пост интенданта финансов (министра финансов). В этой должности Балио фактически управлял всем французским королевством в течение ряда лет. Несмотря на оппозицию парламента и университета, он добился отмены прагматической санкции, за что получил от Рима кардинальскую шляпу; мало того, он вступил в тайные сношения с противниками Людовика XI и выдавал им государственные тайны. Заподозренный в измене, Ла-Балио, несмотря на протесты папы, утверждавшего, что кардинал не может подлежать светской юрисдикции, был привлечен к суду и в 1469 г. посажен в тюрьму. Рассказывают, что он сидел в той самой железной клетке, которую он, в качестве министра, изобрел для содержания государственных изменников. Через 11 лет он был выпущен и отправился в Рим, где был принят с особым почетом и назначен кардиналом Албано. Мало того, Иннокентий VIII позволил себе назначить Ла-Балио папским легатом во Франции; но в Париже его встретили чрезвычайно холодно, даже враждебно, и Ла-Балио вынужден был тотчас вернуться в Рим, где он и умер в 1491 г.

⁴³ Аквапенденте (Acquapendente, Acula) — небольшой город округа Витербо, в нем имеется епископская кафедра. Сельве — название местности, расположенной вблизи Аквапенденте; не смешивать ее с итальянским городом Сельва, полное название которого Сельва ди Проньо.

⁴⁴ Подразумевается Альфонс, сын Ферранте I, который вступил на неаполитанский престол в 1494 г., но очень скоро ввиду наступления французов и приближения Карла VIII к Неаполю отказался от власти и передал трон своему сыну Ферранте II. Альфонс, фактически почти не царствовавший, но известный под именем Альфонса II, отправился из Неаполя в Сицилию, где он в том же году скончался.

⁴⁵ Кардинал Сиенский — Франческо Пикколомини. Это старинный род римского происхождения, переселившийся в XV в. в Сиену, где представители его долго боролись за власть в этом «свободном городе Тосканы». Род этот дал двух пап — Пия II и Пия III; кроме того, архиепископ Александр Пикколомини был плодовитым писателем по вопросам морали и философии; его перу принадлежит и крайне фривольное произведение *Della Creanza delle donne* (Милан, 1558), которое было переведено на французский язык под названием *Instruction aux jeunes dames*. К этому же роду принадлежал и генерал Октавио Пикколомини, сначала соратник Валленштейна, а затем его недруг, немало содействовавший падению Валленштейна, за что он и получил часть имений Валленштейна. Действующий в трагедии Шиллера «Валленштейн» Макс Пикколомини не сын Октавио, а им усыновленный племянник.

⁴⁶ Жена Лоренцо де Медичи и мать Магдалены, вышедшей замуж за сына Иннокентия VIII, Франческетто Чибо, приходилась родной сестрой Вирджинию Орсини.

⁴⁷ Под именем маранов известны те испанские и португальские евреи, которые, во избежание преследований, приняли внешним образом католическую религию; их часто называли также новохристианами, а по-еврейски — анусим. Слово «мараны» (испанцы пишут через два р — *marraños*) обычно производят из изречения новозавета *maran atha* (господь наш пришел); по-испански же слово это стало означать — проклятый, безбожник, изгнанный; в некоторых местах — свинья. Мараны сохранялись в течение четырех веков, и даже совсем недавно организовались в Лиссабоне синагога для маранов, вернувшихся в иудейство (синагога называется «Мекор хаим»). Душой маранского движения, имеющего целью «спасти бывших иудеев для иудеев», является португальским капитан Артур Карлос де Баррос Басто (он часто называется себя еврейским именем Абрагам Израэль Бен-Рош; род. в 1886 г. в Амаранте, в Португалии).

⁴⁸ Кардинал Ла-Балио не был назначен Иннокентием VIII инквизитором в Испании; вице-канцлер Родерико Борджиа (будущий папа Александр VI) был назначен севильским архиепископом на место умершего Иньиго Мамрике. Но так как это назначение было сделано Иннокентием VIII без ведома светских властей и вопреки договору, заключенному в 1482 г.

между Сикстом IV и королевой Изабеллой, то Фердинанд и Изабелла предъявляли Риму энергичный протест, и Иннокентий должен был отказаться от плана посылки в Севилью своего вице-канцлера.

⁴⁹ Вернее было бы сказать: испанская королевская чета — Фердинанд и Изабелла.

⁵⁰ Количество «иудействующих», пострадавших в Испании в XV в. на различных аутодафе, определяется ныне в 1573 чел., причем не все были сожжены.

⁵¹ Тогдашний флорин равнялся 47 сольди, или, по золотому нынешнему вычислению, 5,57 лиры; золотой дукат имел 102 сольди и восемь динариев, или, по нынешней золотой валюте, 12,08 лиры.

⁵² Чибо — старинный преческий род, некоторые представители которого отличались в схватке с арабами. В 999 г. Ламберт Чибо переселился в Геную, где отдельные члены этой семьи играли на протяжении ряда веков большую роль. Арано Чибо (1377—1457) был правителем Генуи в 1440 г. вице-королем Неаполя, который он храбро защищал против Альфонса Арагонского. В 1444 г. папа Каликст III назначил его префектом Рима, а после смерти Каликста Арано вернулся в Неаполь. Один из его сыновей стал папою Иннокентием VIII. Арано Чибо — кардинал Иннокентий (1491—1550) — был сыном Маддалены Медичи, дочери Лоренцо Великолепного, и пользовался огромным влиянием в правление папы Климента VII. Известен еще и Маластина Чибо (1527—1623) — приближенный испанского короля Филиппа II, давшего ему титул имперского князя, герцога Айелло и барона Падулы.

⁵³ Под «великим императором турок» следует разуметь сына турецкого султана Магомета II, принца Джем (Djem или Zizim). Джем оспаривал трон у своего старшего брата Баязета II, за что и вынужден был бежать из Турции. Дальнейшая его судьба рассказана подробно Бурхардом в «Дневнике» (см. текст). Джем родился в 1459 г., умер в Неаполе в 1495 г.

⁵⁴ Иоганн Бурхард, о котором упоминает здесь Инфессура, есть автор «Дневника», который в извлечении и издается нами вместе с «Дневником» Инфессуры.

⁵⁵ Речь идет о будущем короле Ферранте II (Фердинанде), вступившем на неаполитанский престол в 1495 г., когда Альфонс II отрекся от власти. В том же году Ферранте II был разбит французами и бежал в Сицилию. Когда против французов при активном участии Рима создалась лига и французы вынуждены были покинуть Реджио и ряд других местностей, Ферранте II снова мог вступить в Неаполь; но царствовать ему уже не удалось, так как он вскоре умер на 27 году отроду.

⁵⁶ Этот «белый брат» принадлежал к камальдолийскому монашескому ордену. Основатель Камальдоли был св. Ромуальд, ставший пустынником в конце X в. и отличавшийся резко аскетическим характером; Камальдоли (Campus Maldoli) находилось на вершине Gran Sasso d'Italia в Тоскане, в Казентинской долине.

⁵⁷ Дело идет о Лукреции Борджиа, дочери Александра VI и Ваноццы де Катанеис. Лукреция была уже к этому времени помолвлена с испанским дворянином Гаспаре да Просида, но Александр VI, желая сблизиться с могущественным домом Сфорца, поддерживаемый в этом желании кардиналом Асканио Сфорца, расторг помолвку Лукреции и выдал ее замуж за Джованни Сфорца (у Инфессуры он назван сеньором Алессандро Пезаро), владельца Пезаро. По словам Инфессуры, Лукреция была не только помолвлена с испанцем доном Гаспаре да Просида, но была его женой, и брак с Джованни Сфорца был, таким образом, вторым браком Лукреции. Вскоре, однако, нужда папы в Сфорца прошла, и Александр VI решил, что Лукрецию выгоднее выдать замуж за более нужного ему человека. Джованни Сфорца едва спасся от гибели, которую ему подготавливал Чезаре Борджиа, сын Александра VI, и согласился оставить Лукрецию. Папа объявил ее разведенной и выдал Лукрецию за герцога Бишелья (Bisceglia), 17-летнего побочного сына арагонского короля Альфонса II. Но и второе замужество Лукреции оказалось непродолжитель-

ным: в планы папы входило сближение с Францией, настаивавшей на разрыве дружбы между Римом и арагонским двором, и муж Лукреции, герцог Бишелья, должен был быть устранен. На него 2 января 1500 г. было совершено нападение в церкви св. Петра; герцог был серьезно ранен, но остался жив. Александр VI встретил известие о ранении Бишелья многозначительными словами: «Что не сделано за обедом, совершится за ужином». Через некоторое время герцог Бишелья был задушен. В третий раз Лукреция в 1501 г. вышла замуж за феррарского герцога Альфонса. В том же 1501 г. у Лукреции воспитывался трехлетний ребенок Джованни; она называла его своим братом; Александр VI же говорил о нем то как о внуке (сыне Чезаре), то как о собственном сыне. Это подало повод обвинять Лукрецию в кровосмесительной связи с братом Чезаре и с отцом. В пасквинаде, долженствовавшей иронически изображать эпитафию на смерть Лукреции, это обвинение нашло отражение в следующих словах: «Под этим камнем покойтся женщина, которая называлась Лукрецией, не была Таисой. Она приходилась папе Александру дочерью, женой и невесткой». Таиса (Thais) — известная афинская гетера, пользовавшаяся благосклонностью и Александра Великого. Лукреция была поразительно красивой, изящной, остроумной и веселой женщиной, которыми была так богата эпоха Ренессанса; однако политической роли она не играла и по существу была послушным и пассивным орудием в руках своих ближайших родственников, ведших большую политическую игру. В этом отношении Лукрецию нельзя ставить на одну доску с ее современницей Изабеллой д'Эсте. После смерти Александра VI Лукреция, живя в Ферраре и не расставаясь со своим мужем герцогом Альфонсом, не давала своим поведением больше поводов к оскорбительным для нее слухам. Она умерла в 1519 г., 41 года отроду.

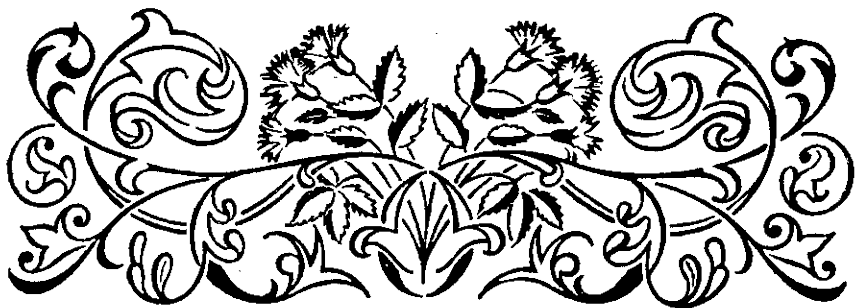
⁵⁶ В это время марааны еще не были изгнаны из Испании; изгнаны были только евреи, и, очевидно, Инфессура отождествляет мараанов с евреями. Король, от имени которого делается приводимое Инфессурой заявление, — Фердинанд Католик, муж Изабеллы Католической.

⁵⁷ Памплоча (исп. Pamplona, франц. Pamplune, древн. Pompelopolis) — испанский город, долгое время столица Наварры. В 1512 г. французы временно овладели Памплоной; во время битвы этого года был ранен под Памплоной Игнатий Лойола, основатель иезуитского ордена.

Иоганн Бурхард

ДНЕВНИК О РИМСКИХ ГОРОДСКИХ ДЕЛАХ

1492 ГОД¹

воскресенье, 2 декабря, около 23 часов прибыли в город (Рим) через Виридарские ворота четыре генуэзских посла: знаменитые синьоры Якопо Спинола, доктор обоих прав², Джованни Баттиста Адурно, Паоло ди Флиско³ и Сильвестро Инуреа, все генуэзские граждане. Они были встречены придворными святейшего папы нашего и высокочтимых кардиналов; в их сопровождении они шли до углового дома напротив двора

Савелли, в квартале Регулы. У них было десять повозок, лошади и мулы; сопровождало их 40 человек охраны, потому что вместе с ними прибыли и генуэзские купцы.

В среду, 5 декабря, святейший папа наш, одетый в багряную мантию с ценными бриллиантами и митрою прошел в третью залу, приготовленную по-обычному для открытого заседания консистории. Здесь славнейший Гермес Мариа Сфорца с четырьмя другими послами миланского герцога Джованни Галеаццо⁴, а также послы барийского герцога Людовика, представив по обычаю два отдельных верительных письма от своих герцогов, засвидетельствовали привычную покорность святейшему папе. По окончании заседания консистории и после лобзания ноги у папы приблизительно 300 человек, сопровождавших послов, папа возвратился в свою палату, причем первый посол Гермес поддерживал нижние концы мантии папы.

В четверг, 6 декабря, в 22 часа или около того вошли в город через Виридарские ворота четыре новых посла от венецианского правительства и с ними пятый, который долгое

время был в римской курии: синьор Марино Леони, Христофоро Дриоди, Паоло Барбо и Себастиано Бадозер, новые послы, и с ними синьор Андрей Капелло, бывший посол. Их встретили придворные святейшего папы и кардиналы, а также находившиеся в городе послы королей и властителей; они их сопровождали вплоть до дома синьора Пьетро ди Рома, где послы должны были поселиться. Они прибыли с лошадьми в количестве около 200 и с восьмьюдесятью повозками.

На этих днях сообщили, что сиятельный синьор Федерико (Фридрих), второй сын сиятельнейшего Фердинанда (Ферранте)⁵, короля Сицилии, намерен прибыть в Рим вместо короля, своего родителя, для принесения покорности святейшему папе нашему и намерен лично засвидетельствовать свое почитание первосвященнику раньше, чем остановится в доме своего жительства. Высокочтимый кардинал Неаполитанский просил меня, чтобы я, если папа об этом со мною будет советоваться, стал на его сторону. Потом за мной прислал папа и в присутствии кардиналов Монтереале, своего родственника⁶, и вице-канцлера Асканио⁷ спрашивал меня, сколько и какого разряда кардиналов должно, по моему мнению, послать навстречу синьору Федерико; он спрашивал также, следует ли его в первое же вступление допустить к его святейшеству или же сделать это обычным порядком в день принесения покорности. По первому вопросу я ответил его святейшеству, что, повидимому, должно послать двух кардиналов: одного из пресвитеров, а другого из диаконов, из коих одним мог бы быть Монтереале, пресвитер и кровный родственник его святейшества. По второму вопросу я ответил так: хотя необычно всех присланных для принесения покорности принимать папе ранее того, как в открытом заседании консистории будет принесена покорность, однако это в отношении королевского сына может быть изменено, и Федерико может быть принят для лобзания ноги его святейшества в самый день своего прибытия, тем более, что недавно это было с феррарским герцогом, который предстал перед папой раньше, чем побывал в месте своего будущего пребывания. Его святейшеству понравилось мое мнение по первому вопросу, и он назначил кардиналов вице-канцлера и Монтереале вместе, чтобы они встретили принца за Латеранскими воротами и сопровождали его обычным порядком. По второму вопросу было принято следующее решение: так как принц намеревается быть в городе 9 сего декабря, в воскресенье, когда нельзя пропустить ни мессы, ни поучения, то едва ли можно будет к 21 часу оказаться в воротах, — к тому же нужно время, чтобы дойти до папского дворца. Поэтому папе совершенно ясно, что лучше было бы, чтобы в этот день принц к его святейшеству не являлся, а был прямой дорогой отведен к Апостолам в сопровождении встречающих. Папа приказал мне, чтобы я в тот же день (а это было 6 декабря) снова пришел к его святейшеству и в присут-

ствии посла королевского синьора Якопо Понтано, который будет туда приглашен, изложил основания, по которым тот понял бы, что принцу нельзя явиться к папе. Это мною было сделано. Но королевский синьор сообщил, что он уже написал принцу о решении папы принять его так, как того хотел принц, и указал, что так менять своих решений нельзя.

Эти слова синьора заставили папу поколебаться, и его святейшество решил перед литургией посоветоваться по этому поводу с кардиналами.

Мнение кардинала Сиенского было таково: в воскресенье кардиналы Сиенский и Миланский вдвоем поедут к папе за получением позволения; получив его, они, не присутствуя на литургии, поедут навстречу королевскому сыну; между тем будет служить литургия, и придворные кардиналов будут обедать, а по окончании литургии и по прибытии кардиналов в свои дома могут отправиться ему навстречу два назначенные кардинала без обеда вместе с придворными. При приближении этих кардиналов Неаполитанский и Сиенский возвратятся другой дорогой во дворец, где будут его ожидать вместе с папой. Это мнение понравилось высокочтимому синьору неаполитанскому. Однако он сам несколько колебался: ведь до вынесения решения папы совместно с кардиналами, должно ли приводить принца к папе или нет, они не могли бы узнать, что сказать об этом принцу. Им же самим могло казаться, что если бы принц не был принят, то они об этом хлопотали. Поэтому кардиналами было принято сделанное мною предложение, чтобы (осведомившись об этом у папы во время открытой литургии) отправиться навстречу принцу.

В воскресенье, 9 декабря, прибыл вестник от синьора Федерико Арагонского, прося от его имени, чтобы святейший наш папа разрешил отложить его вступление в город из-за дождя до ближайшего вторника. Его святейшество благосклонно удовлетворил просьбу и приказал известить о завтрашнем тайном заседании консистории.

В понедельник, 10 декабря, на рассвете я поехал на лошади в Мариано для дачи инструкций намеревавшемуся вступить в Рим сиятельному синьору Федерико Арагонскому, герцогу Альтамуры⁸, второму сыну светлейшего Фердинанда (Ферранте), короля Сицилии и Иерусалима, о том, что при его вступлении в город все будет сделано так, как вчера меня просил синьор Якопо Понтано, королевский посол в городе, сообщивший, что он получил от принца об этом специальное письмо. Там я нашел принца, которому полностью рассказал о порядке вступления и приема, а также о том, что он должен делать при этом.

Во вторник, 11 декабря, около 17 часов, за две мили до города вышли навстречу принцу, подходившему к городу, высокочтимые кардиналы Неаполитанский и Сиенский, а также личные его друзья. Они приняли принца с обычными почестями, причем он шел посредине между ними вплоть до доро-

ги, которая ведет через Латинские ворота, по которой указанные кардиналы свернули и с разрешения принца удалились. Принц же со своими приближенными продолжал свой путь к Латеранским воротам, вплоть до Латеранского храма, как с целью избежать грязи, так и вследствие того, что два кардинала, намеревавшиеся его встретить, еще не прибыли.

Между тем навстречу принцу вышли придворные всех кардиналов и все находящиеся в городе послы; последовательно вышли ему навстречу также синьор Джулиано Орсини⁹, родной брат высокопочтенного синьора кардинала Орсини¹⁰, синьор Джерардо Узодимаре¹¹, синьор Доминико Дория и несколько других знатных людей, которые, сойдя с лошадей, желали засвидетельствовать почтение принцу, но принц отказался их принять, пока они снова не сядут на лошадей. Принц около часу ожидал перед воротами прибытия двух посланных кардиналов, которые, наконец, около 21 часа пришли. Это были высокочтимые кардиналы Монтереале, пресвитер, и Асканио, диакон; они приняли принца обычным образом, ведя его посередине между собою.

После того как достигли площади св. Иоанна Латеранского, где видна статуя медного коня с седоком, пришли прелаты папского дворца с придворными папы, которые приняли принца обычным образом, а синьор Бартоломео, епископ Сегобрийский¹², управляющий апостолического дворца, как прелат, назначен был произнести приветствие. С принцем было семь других послов, назначенных для принесения покорности папе. С принцем был еще один доктор, назначенный на девятое место, который не прибыл, будучи задержан в дороге нездоровьем.

После баронов, знатных и приближенных принца, согласно его воле, ехали щитоносцы папы, наши бароны с капитаном дворца, впереди ехали нажи-оруженосцы: два от принца и шесть от папы. Первый с серебряным позолоченным стрелометом и серебряным позолоченным колчаном, одетый в галльские одежды, на галльском коне; второй на азиатском коне, одетый в турецкие одежды; третий держал по-испански длинную пику, сидя на испанском коне и в испанских одеждах; четвертый — дождевой плащ для папы, пятый — кремонский дорожный мешок, шестой — меч в ножнах с рукояткой в бриллиантах и драгоценных камнях, стоимостью в 6 000 дукатов. Особо вели поодиночке разукрашенных оседланных лошадей с драгоценностями на груди, на беретах и шапках. Принц был в фиолетовой бархатной одежде, с ожерельем из бриллиантов и драгоценных камней, стоимостью в 6 000 дукатов, пояс с мечом такой же цены, узда вся в бриллиантах и драгоценных камнях, стоимостью в 3 000 дукатов, и весь убор его коня позолоченный.

Впереди его придворных двигались повозки, закрытые красными покрывалами, а всего было, говорят, до 700 или 800 человек.

Прибыв во дворец, мы приблизились к папе, который ожидал принца в крайней из новых комнат, близ секретариата. С ним было пять кардиналов, а именно: Неаполитанский, св. Климента¹³, св. Анастасии¹⁴, камергер Орсини и Сиенский. После принца вышли послы, а из придворных принца все бароны и дворяне, которые после принца, допущенного папой к целованию ноги, руки и уст, поцеловали ногу у папы. Принц тем временем стоял коленопреклоненно на подушке слева от папы.

По совершении этой церемонии принца сопровождали на лошадях высокочтимые синьоры кардиналы Неаполитанский и Сиенский посредине между собою вплоть до храма Апостолов и дворца высокочтимого синьора кардинала Санто Пьетро в Винколи, где он должен был поселиться.

В пятницу, 14 декабря, было открытое заседание консистории в большой капелле, то-есть в зале дворца, в котором почтенный во Христе синьор Джованни, дунельмский епископ¹⁵, и синьор Джованни Джилио из Лукки, уже давно состоявшие послами сиятельнейшего Генриха, короля Англии и Франции¹⁶, еще со времени счастливой памяти папы Иннокентия VIII, получив от короля письма, датированные от 6 сентября, о принесении покорности святейшему папе нашему, теперь принесли должную покорность именем этого короля. Синьор дунельмский епископ произнес речь, хорошо и искусно построенную, но слушающим не особенно приятную вследствие тягучего произношения.

Вчера поздно сиятельнейший Федерико Арагонский, герцог Альтамуры, прибыл во дворец и имел тайную аудиенцию у святейшего папы нашего.

В пятницу, 21 декабря, состоялось заседание консистории для принесения покорности послами сиятельнейшего Фердинанда (Ферранте), короля неаполитанского. Поставлено было три вопроса. Так как по окончании третьего вопроса послы еще не пришли, то, по указанию святейшего папы нашего, заявившего, будто третий вопрос как-раз имеет важность, а он его сущности хорошо не понял, синьор посол Паоло Барбо вторично его изложил, а его отец — синьор Коронато, также по указанию папы, высказался против предложения, чтобы заполнить время до самого прихода послов. В это утро, прежде чем папа вышел из своей палаты, он, созвав всех кардиналов и вытребовав к себе нас, чиновников по дворцовым церемониям, Джованни Марио и меня, спросил у нас, что приличествовало бы при приеме синьора Федерико, принца, герцога и второго сына короля, намеревающегося сегодня явиться для принесения покорности, и какое должно быть дано ему место: между кардиналами или после них. Святейший папа наш на основании мнений большинства кардиналов решил, чтобы два младших диакона-кардинала сопровождали дон Федерико к папе, причем место ему должно быть дано впе-

реди последнего диакона-кардинала, и чтобы сегодня он вследствие принесения покорности не сидел среди кардиналов, а стоял после пресвитеров-кардиналов с прочими своими посланниками в обычном месте.

Первым допущен был принц к целованию ноги, руки и уст папы обычным порядком, а потом после него остальные восемь его посланников. После этого принц представил папе письма своего родителя, короля неаполитанского; одновременно с этим он сообщил, что сиятельнейший родитель его, король неаполитанский, вверяет себя блаженнейшим стопам его святейшества.

По окончании заседания консистории принц нес нижние концы папской мантии.

В ночь, наступившую после, между 8 и 9 часами, святейший папа наш, надев в палате Папагалли столу с бриллиантами и шляпу из кремонского бархата, пошел в большую капеллу, за ним следовали кардиналы, а среди двух последних шел принц дон Федерико. Пятое чтение произнес сиятельнейший дон Федерико, опоясанный мечом с соблюдением обычных обрядов... Все остальное прошло обычным порядком. Меч перед принцем держал вельможный синьор Берлингарио Карафа, рыцарь, управляющий домом его святейшества, который по окончании утрени поставил его по моему распоряжению впереди креста ввиду того, что решено по окончании литургии этот меч публично передать принцу. Этот рыцарь отправил меч в палату Папагалли в руки синьора Джованни Марадес, особого постельничего. Высокочтимые кардиналы Монтереале и Асканио, снявши облачения, сопровождали принца, по указанию папы, до новых комнат, в которых он почивал и эту ночь.

27 декабря. В предыдущие дни, 10-го или около того, пришли из Барселоны новости, что сиятельнейший Фердинанд, король Испании, 7-го числа сего месяца, выходя из какого-то дворца по лестнице, был тяжело ранен крестьянином в шею, так что рана была зашита в шести местах; виновный, получив две раны от королевских слуг, был схвачен. Через несколько дней пришла другая новость, что король сам находится вне опасности, а крестьянин это сделал по навождению дьявола, который 20 лет тому назад явился ему под видом ангела и именем всемогущего бога внушил ему, что он должен убить короля и сам сделаться королем. При этом дьявол воспрещал ему кому-либо признаться в этом, но впоследствии дьявол опять и опять являлся ему под многими видами и воодушевлял его на вышеуказанное действие, а также на то, чтобы он был приведен к признанию. После этого видно было, что с его глаз спала чешуя и он тотчас же раскаялся от всего сердца; он признал себя достойным самой тяжкой смерти и был осужден на отсечение головы в последнюю очередь с тем, чтобы все отдельные части конечностей отрубались последовательно с промежутками времени, однако в тот же день. По приказа-

«Тайна исповеди»
(Средневековая карикатура)

нию же королевы, чтобы им не овладело отчаяние, прежде всего ему был нанесен тяжелый удар по голове, чтобы он быстро умер и, лишившись таким образом чувствительности, менее страдал при отрезывании частей тела. Святейший папа наш, осведомившись об этом 27 сего декабря из королевских писем, постановил во здравие короля отпеть литургию в честь преславной девы Марии в капелле блаженной Марии де Фебрибус возле церкви св. Петра в субботу 29 сего декабря и по окончании ее показать народу нерукотворный образ господа и копье, а самый день этот отметить как торжественный праздник, о чем во всеобщее сведение провозгласить и объявить записками, прикрепленными на всех углах города.

В субботу, 29 декабря, во время литургии присутствовали 17 кардиналов и дон Федерико Арагонский, которому были показаны вышеназванные предметы (образ господень и копье).

В тот же день святейший папа наш, выйдя из палаты Папагалли, поручил мне, чтобы вельможному дону Хоффредо (Хофре) Борджиа¹⁷, второму родному племяннику его святейшества, рожденному от его родной сестры, я отвел место на его солее после сиятельнейшего синьора графа Питильяно, главного капитана церкви, и герцога Соры¹⁸, а равным образом при входе в храм и выходе оттуда и в прочих открытых собраниях. Так я и сделал.

1493 ГОД

В среду, 6 февраля, после 21 часа вошли в город через Виридарские ворота три посла сиятельнейшего Бонифация, монферранского маркграфа. Имели они с собою 75 лошадей или около этого и 18 повозок.

Во время карнавала розданы были в награду состязающимся в беге девять плащей: в воскресенье — чужестранцам, лошадям и рабочему скоту, а шесть остальных — евреям, подросткам, юношам, старикам, ослам и буйволам, как сделано было в предыдущие годы и как обычно делается.

В среду, 20 февраля, в начале раздачи пепла, пришел в капеллу почтенный синьор Николай, епископ Нитрийский, посол венгерского короля, который нашел в капелле почтенного отца синьора Вильгельма, архиепископа св. Андрея, посла шотландского короля, стоящим на его месте среди других послов прелатов в облачениях, впереди которого хотел быть епископ Нитрийский, но тот никак не желал этого допустить. В то время как они препирались, я доложил святейшему отцу нашему, что этого рода препирательство кажется весьма мало подходящим. По моему мнению, венгерский князь долженствует намного иметь предпочтение перед королем шотланд-

ским, а потому, если его святейшеству это было бы угодно, я бы сказал им от его имени, чтобы они или договорились, или оба вышли из капеллы. Посоветовавшись с высокочтимыми синьорами Неаполитанским, св. Ангела, Португальским, Сиенским и св. Георгия, которыми единодушно было признано первенство за венгерским королем, вследствие чего он по общему мнению должен быть впереди короля Шотландии, святейший папа наш поручил мне сказать архиепископу св. Андрея, чтобы он уступил нитрийскому епископу и дал ему выше себя место; это поручение я и выполнил. Так как это показалось архиепископу тяжелым, он много меня просил, чтобы для уменьшения оскорбления его королю я умолил его святейшество избрать кого-нибудь из нас двоих своим ассистентом. Когда это было мною изложено его святейшеству, то святейший наш папа принял означенного архиепископа своим ассистентом и поручил мне определить ему место среди его ассистентов, что я и сделал. Поэтому он был принят прочими ассистентами и помещен между архиепископами Патрасским и Никозийским.

27 февраля святейший папа, прослушав литургию в своей палате, в четыре часа сказал мне, что он намерен отправиться к церкви святой Марии Маджоре. В этом нашем переезде участвовало большое количество вооруженных людей, вопреки обыкновению, что всеми весьма порицалось.

Впереди кардиналов шли многочисленные стрелки и отряды вооруженных людей, и еще больше следовало с копьями и в полном вооружении за прелатами, ехавшими после первосвященника. Даже правитель города с хранителями и начальниками отдельных участков и многими служителями конными и пешими оказывались в различных местах и на площадях следом за папой. Поэтому его святейшество распорядился, чтобы капитаны церкви у ворот дворца шли между кардиналами и его святейшеством, а синьоры Сермонеты и Кориджини и многие другие начальники вооруженных людей следовали бы после медиков и впереди прелатов, помогающих его святейшеству. Это шествие тянулось по всей площади св. Петра, почти до самого дома синьора епископа Вольтерры. Усматривая в этом извращение порядка, я сказал святейшему папе нашему, что это совсем неудобно, умолял его святейшество добрым убеждением, чтобы было предоставлено мне дать им соответствующее место, на что его святейшество мне сказал, чтобы я их поместил впереди названных капитанов и после всех кардиналов. Узнав от меня, что это оскорбило бы многих кардиналов, папа поручил мне, чтобы я им дал место впереди креста, после наших вооруженных, которые влились туда же в увеличенном количестве, с длинными копьями, обнаженными мечами, со стрелометами и разного рода оружием.

3 апреля. На пути папы в капеллу стояли синьор Лаврентий из Бибры и Иоганн Коппис, послы кельнского архиепи-

скопа, а также Петр Квейх, граф Палатинский, и Филиберт Натурелли, послы герцога Филиппа (Красивого)¹⁹, сына сиятельнейшего короля римского (Максимилиана)²⁰. Когда синьор Филиберт занял в капелле первое место перед послами архиепископа Кельнского, я по собственному разумению сказал Филиберту, в присутствии прочих, чтобы он никогда не занимал места выше послов от избранного в епископы. Он тотчас же ушел с указанного места.

3 апреля во время облачения папы к заутрене нитрийский епископ, посол венгерского короля, прочитал перед папой и присутствующими там кардиналами письмо короля от 1 марта с сообщением, что он одержал великую и исключительную победу над турками, которые вторглись в Венгрию, и что он убил и рассеял около 15 000 человек, после чего немалую добычу возвратил обратно²¹.

Варфоломей, епископ Сутри и Непи²², произнес 25 апреля достаточно простое слово о мирном договоре и союзе между святейшим папой нашим и сиятельнейшим герцогом и республикой Венеции, а также сиятельнейшим герцогом Милана и Бари.

В воскресенье, 5 мая, приблизительно в часы вечерни святейший папа выехал в багрянокрасном капюшоне поверх рехета и в кремонской шапочке. Впереди него нес крест синьор Бернардо Гамбара, апостолический иподиакон. Впереди креста шествовали справа султан Джем, брат великого турка, находящийся в плену у святейшего папы нашего, а также Иоганн (Хуан) Борджиа, герцог Гандии, сын святейшего папы нашего, в турецком наряде. За папой следовали пресвитеры — кардиналы св. Климента, св. Анастасии, Монтереале и диаконы — кардиналы вице-канцлер и св. Северина. Проехав по мосту св. Марии возле храмов св. Георгия, святых Иоанна и Павла к церкви св. Иоанна Латеранского, на ту сторону Тибра, папа сошел с коня и рассматривал стройку кровли. Сошел с коня также турок с сыном папы, которые вместе побывали в означенной церкви, осматривая усыпальницу папы Мартина V и прочее. Потом прямой дорогой они вернулись в апостолический дворец.

Накануне 16 мая синьор Лодовико Браччи, секретарь и посол сиятельнейшего Максимилиана, короля римского, просил, чтобы святейшим папой нашим ему назначено было должное место. Хотя его святейшество, повидимому, сочувствовал тому, чтобы ему дано было место выше и впереди всех королевских послов, однако он сказал, что относительно этого он желает посоветоваться с высокочтимыми синьорами кардиналами и выслушать меня. Поэтому я вызван был к его святейшеству, который мне сказал, что высокочтимым кардиналам кажется, что не следовало бы вмешиваться между королями римским и французским из-за этого места во избежание какой-либо неприятности апостолическому престолу.

В лето господне 1494, в субботу, 11 января около 24 часов вошел в город через ворота блаженной Марии дель Пополо вельможный синьор Марквард из Брейзаха, доктор и воин, посол светлейшего Максимилиана, всегда благополучного короля римского, с 14 человеками сопровождающих и двумя повозками своих вещей. Навстречу ему вышли синьор Филиберт Натурелли, посол сиятельнейшего герцога Филиппа, сына названного короля, старшина и каноник тридентский, синьор Николай Круцинок и я. Мы вместе ехали до дома синьора Петра де Перриера, писца и аббревиатора апостолических писем, где он желал воспользоваться гостеприимством.

Воскресенье, 2 февраля. Так как было препирательство между послами короля венгерского и короля неаполитанского, святейший папа наш позвал их и дал им место на ступеньке своего возвышения слева, возле прелатов-ассистентов, где они оставались всю службу целиком и не участвовали в шествии; воду для рук папы дал синьор Марквард из Брейзаха, посол короля римского.

Несколько дней тому назад, именно 27-го числа только-что истекшего месяца и попозже, пришли новости в город о том, что в субботу, 25 января, в праздник обращения св. Павла, светлейший Фердинанд (Ферранте) неаполитанский и король Сицилии, закончив последний день жизни своей, умер без света, креста и бога. И наследовал ему в королевстве его сын Альфонс.

В четверг, 5 февраля, прибыл в город посол арабского султана, с которым до самого дома его пребывания двигались вместе многие из приближенных плененного здесь в городе турка, а также щитоносцы и другие служители папы.

В среду, 12 марта, состоялась литургия в церкви св. Георгия. Папа ехал посредине между вооруженными пехотинцами таким образом, что впереди себя имел около 100 стрелков и столько же позади себя.

В обычных местах по городу были прикреплены записочки: «Антоний Флорес, обоих прав доктор, святейшего папы нашего домовый референдарий, 12 марта, которое будет днем св. Георгия, будет в церкви св. Евстахия защищать нижеследующее положение: все князья, как христиане, так и неверные, тяготееют к принесению покорности римскому первосвященнику; покорность, оказываемая римскому первосвященнику всем миром, может свидетельствовать о божественном законе».

В пятницу, 14 марта, около 20 часов, вошли через Латеранские ворота послы светлейшего Альфонса Неаполитанского, короля Сицилии и Иерусалима, по частным делам означенного короля, а также для принесения покорности, поскольку

святейшему папе нашему это было бы угодно; они были приняты придворными кардиналов и придворными святейшего папы нашего и обычным обрядом сопровождалась к палаццо Джордано Орсини, где и поселились. Во время литургии в воскресенье, 16 марта, я дал место начальнику вооруженных отрядов синьору Просперо Колонна²³ возле синьора Пезаро.

Несколько дней тому назад, по кончине ясной памяти Фердинанда Арагонского, Сицилийского и Иерусалимского, короля неаполитанского, королевство Неаполитанское, или Сицилию по сю сторону Фары²⁴, унаследовал сиятельный Альфонс II, также Арагонский, первородный сын его, на основании распоряжения и установления папы счастливой памяти Иннокентия VIII. Король Франции, предъявляя свое право на королевство Сицилию по эту сторону Фары, настаивал через своих послов, чтобы в его королевстве Альфонс святейшим папой нашим не назначался и не короновался в короли или во что-либо другое, что нанесло бы ущерб французскому королевству. Вот почему коронация короля Альфонса надолго запоздала. Наконец, святейший папа наш Александр VI, желая благосклонно заняться положением короля Альфонса, по совету высокочтимых синьоров кардиналов, 18 апреля в своем тайном заседании, которое продолжалось от 12 часов до половины 21 часа, назначил своим легатом *de latere*²⁵ высокочтимого синьора Джованни (Хуана Борджиа), пресвитера кардинала святой Сусанны, в общежитии называемого Монтереале, для признания Альфонса королем Сицилии по эту сторону Фары и в прочих землях, для помазания самого короля католическим и для его коронования. Высокочтимый синьор кардинал Сиенский не сопровождал того кардинала вместе с другими кардиналами, но по окончании заседания первый и один отошел и возвратился домой.

В воскресенье, 20 апреля, я, Иоганн Бурхард, начальник церемоний в капелле святейшего папы нашего, по требованию и просьбе вельможного синьора Джентиле Вирджинио Орсини, от имени светлейшего Альфонса Арагонского, князя Сицилии, с особого дозволения святейшего папы нашего и по его поручению, отбыл из города около 20 часов с четырьмя конными служителями, лошадью, везущей повозку, и тремя пешими, направляясь в Неаполь для установления порядка коронования вышеказанного короля. Пришли мы в Неаполь 24 апреля около 20 часов, где, по приказу короля, я был гостем в доме некоего Франциска сиенского и его жены Розы; все необходимое было обильно устроено доверенными короля. До Неаполя я оплатил расходы (сделанные в Неаполе расходы не были мною оплачены) за сопровождавшего меня синьора Джованни Биббиа, чиновника короля, и его близкого, хотя он вежливо и отказывался; получил же я из банка Спанокки в городе перед своим отъездом, по поручению посланника вышеозначенного короля, 25 дукатов золотом.

Итак, основавшись в Неаполе, я нашел сиятельнейшего принца дона Федерико, герцога Альтамуры, брата светлейшего короля неаполитанского, графа Марилиани и неаполитанских дворян, назначенных самим королем для распорядка в короновании светлейшего короля Альфонса, короля Сицилии, в доме вышесказанного дона Федерико и предложил им памятку, составленную мною, чтобы заблаговременно все предусмотреть.

В среду, 23 апреля, я был позван к светлейшему королю Альфонсу в Новый замок, где, находясь перед его величеством, прочитал ему всю службу коронования с показом поклонов, коленопреклонений, обнажений плеча и лопаток, принесения клятвы, падения ниц и всего прочего, подлежащего выполнению в самой службе в малейших их внутренних и тайных подробностях. Кроме того, он поручил своему придворному синьору Леонардо Комо, чтобы мне сделали мантилью из кремонского камлота с капюшоном и шелковый дипломид для ношения в честь короля, за что я принес благодарность его величеству.

6 мая синьор Алоизий (Луис) Арагонский, который во времена счастливой памяти папы Иннокентия VIII, присутствуя в городе с сиятельнейшим капуанским герцогом, заключил 3 июня 1482 г. брак с внучкой этого папы Батистиной Чибо в присутствии папы и многих кардиналов и прелатов. Синьор Алоизий недавно был принят и посвящен в кардиналы св. римской церкви без опубликования об этом, — теперь-то он желал приписаться к клирикам Сицилии и стоял перед братом синьором Алессандро, неаполитанским архиепископом, в архиепископском палаццо и в комнате обычного его пребывания; в присутствии свидетелей почтенных отцов во Христе владыки Алессандро (делла Марра), архиепископа св. Северино, владыки Никколо Антонио (Писцибус), епископа города Муро, и многих других архиепископов и епископов он снял мирские одежды, которые до этого носил, как маркграф Гиракский²⁶, получил признаки клирика через пострижение головы рукой названного архиепископа, приписался к разряду клириков и оделся в длинную одежду и простую шляпу, какую обычно носят протонотарии.

Вышеназванный синьор протонотарий принес клятву, дословно следующую:

«Я, Алоизий Арагонский, клирик Гиракский, владыке нашему папе и блаженному Петру, святой римской церкви, владыке нашему папе Александру VI и его законно наследующим преемникам верный, от сего часа впредь не буду участвовать ни в деле, ни в совете, ни в заговоре, ни в таком действии, которое могло бы погубить жизнь или нанести ущерб, или проникнуто было бы злым намерением; во вред или осуждение никому сознательно не выдам ни письменно, ни словесно, ни знаками тех решений, которые от него или через вестника, или

письменно будут мне сообщены; если для них вредное узнаю, то буду по мере сил моих противодействовать; если же чему-либо воспрепятствовать буду не в состоянии, то позабочусь дать знать им самим через вестника или письменно, или так, чтобы это им стало известно самым скорым образом. Папство римское, регалии св. Петра и все права римской церкви, которые она имеет, буду повсюду всеми силами поддерживать, защищать и им содействовать. Дела, поручаемые мне святейшим папой нашим, буду вести верно и тщательно заботиться о них. Обязанности нотариата буду верно выполнять, без воли владыки нашего ничего не добавляя и ничего не уменьшая в таком направлении, которое переменяло бы сущность предложенного мне дела; буду верно давать сведения о делах, требующих разысканий; буду верно действовать в письменных делах, подлежащих моему выполнению на заседаниях и подлежащих опубликованию, и буду верно выполнять все другое, что где бы то ни было будет возложено на меня владыкой нашим; коварства или обмана против службы не совершу и не помыслю совершить, и если бы я узнал, что какое-либо против нее коварство или обман совершается, то открою владыке нашему как возможно скорее и удобнее; письма, которые следует из канцелярии отправить, не буду задерживать и даже не помыслю этого; исковые же письма в указанной канцелярии другой стороне, правителям ее дел или другим лицам, через кого это может дойти до их сведения, никому не открою. Прочие тайны этой канцелярии, которые будут за тайны считаться, буду тайно содержать и сознательно никому их не открою. Итак, все вышеизложенное обещаю и клянусь в целом и в отдельности содержать и сохранять без всякого коварства и обмана, без лукавства. Да поможет мне бог и святое божье евангелие».

В среду, 7 мая, был заключен брак словесно и лично между сиятельнейшим синьором Хоффредо Борджиа, сыном святейшего папы нашего Александра VI, и сиятельнейшей синьорой Санчией Арагонской, незаконной дочерью Альфонса II, короля Сицилии, следующим порядком:

Когда синьор кардинал Монтереале (Хуан Борджиа), легат апостольский, и светлейший король уже сидели в одной из комнат Нового замка в Неаполе на двух креслах, а налево от короля стояли незанятые еще четыре таких же кресла, вошел вышеупомянутый дон Хоффредо в сопровождении немногих дворян и сел слева от короля; немного после этого вошла в сопровождении 12 женщин Санчия, поддерживаемая слева сиятельнейшим доном Федерико Арагонским, братом короля, и заняла место между легатом справа и своим отцом королем слева. Кольца невесте не надевали, потому что, по неаполитанскому обычаю, в стенах церкви никоим образом, как говорили, нельзя надевать кольца жениху и невесте до возведения короля на престол. После этого один неаполитанский но-

тариус вслух читал договор этого брака, составленный при короле Сицилии, светлой памяти Фердинанде, копию которого, имея в своих руках, нотариус апостолической камеры Стефано Нарни внимательно сверял с другим, первоначальным, который читал вышеуказанный неаполитанский нотариус. В этом договоре между прочим указанному Хоффредо обещалось шесть герцогств и графство, четыре тысячи ежегодного дохода; но в нем же указывалось, что сам дон Хоффредо в конце года должен дать невесте 15 000 дукатов и подарков стоимостью в 10 000 дукатов. Этот контракт снова был составлен сторонами, и его скрепили нотариусы синьор Стефано и другой.

По совершении этого были принесены четыре весьма красивых куска парчи разных цветов и несколько других из бархата и три золотых кулона с различными геммами и бриллиантами, ожерелья, много колец и другие женские украшения, стоимостью, как оценивалось окружающими, в 8 000 дукатов или около того. Все это было подарено невесте со стороны названного дон Хоффредо, сына папы. Потом невеста удалилась в сопровождении дон Федерико и бывших с нею женщин и возвратилась к своему месту жительства, которое имела в замке. После нее сейчас же удалился и легат, сопровождаемый королем до самого подъезда замка к его ослице, и поехал в епископский дворец. Присутствовало около 10 прелатов, около 25 баронов и немного послов, которые сидели на одной скамье, не участвуя, за исключением прелатов.

В тот же день были принесены мне мантилья из красного камлота гранатового с шелковистым капюшоном, тоже гранатовым суконным, и дипломид фиолетовый сатиновый, без всяких моих расходов сшитые и отделанные по поручению короля.

В среду, 8 мая, день коронования.

После того как синьору Джованни, протонотарию Сермонеты, было назначено место в конце пятой скамьи по соседству с левой трибуной, то-есть на углу Евангелия после облаченных прелатов, а также после протонотария Сеги, хотя Сермонета требовал себе место старше. Упомянутый Сермонета разразился против меня неприличными словами, считая себя не антиохийским патриархом, но бароном города Рима и ассистентом папы, вследствие чего не желал терпеть от меня, чтобы я с ним обходился по своей воле. Он требовал, чтобы я ему назначил должное место и чтобы он в капелле папы был на первой скамье протонотариев, а потому, говорил он, я должен ему и его сотоварищу назначить первую скамью. Ответил им я, что не здесь место ассистентам, а возле папы, и что ему самому должно знать, что здесь предоставляется место епископу протонотарию без облачения, а тем более в облачении. Остался протонотарий на том же самом месте и больше не возражал.

На сказанном короновании присутствовали синьор Филиберт Натурелли, посол светлейшего Максимилиана, короля римского; вельможный синьор Павел Тревизанский, обоих прав доктор, посол светлейшего герцога Венеции; Антонио Станга, посол миланского герцога, и синьор Дионисио Пуччи, посол флорентийский, которым я дал место до начала служения на скамье, для них приготовленной, где они и сели. После начала служения, позвав меня, они сказали, что место им не подходит: у них высокий чин, а их посадили далеко позади епископов. Я им ответил, что епископы должны быть значительно выше, так как они вместе с легатом служат и коронуют. Однако после многих приставаний они меня вынудили, чтобы я им дал место в пятом ряду, а прелатов перевел в другое место. Недовольные этим прелаты во время коронования стали позади короля, чтобы лучше видеть, а потом возвратились на свое первоначальное место, то-есть пять прелатов вернулись назад и там оставались до конца литургии. Присутствовал в Неаполе синьор правитель Каталонии, посол короля и королевы испанских, который, однако, не желал быть на короновании из-за посла короля римского, которому уступить не желал, а хотел быть впереди; вследствие этого синьор дон Фернандо просил его не приходить, что он и сделал.

Присутствовал и посол великого турка с 12 человеками свиты, которые имели место выше ступени участка каноников, приготовленное с тем расчетом, чтобы они оставались в церкви до возношения во время сложной литургии. Когда легат произнес возношение, я подошел к королю и сказал его величеству, что ни в коем случае неудобно турку быть в церкви во время возношения причастия. Вследствие этого он соблаговолил указать, чтобы они вышли. Это я тотчас же сделал, они удалились. На этом короновании присутствовали также сиятельнейшая инфанта, сестра коронованного короля Альфонса, и дочь самого короля, которые не могли быть видимы, потому что имели перед собой покрывала по случаю смерти Фердинанда, вследствие чего им не следовало открыто ходить.

Возвратившемуся в свою комнату легату я отдал 12 кусков золота, которые были пожертвованы ему королем во время литургии. Из этого количества он мне дал два, диакону один, еще несколько дал тем, которые ему помогали за литургией, и один иподиакону. Я узнал от некоторых людей, что во время коронования короля Фердинанда пожертвование его были разделено на три части: из них одну часть получил начальник отрядов, другую диакон и иподиакон, а третью разделили между собою помогавшие капелланы. Блюдо, на которое была положена корона для возложения королю, взяли капелланы легата и потом предоставили его легату, который удержал это блюдо за собою.

По окончании литургии жених и невеста приблизились к алтарю и там на последней ступеньке опустились на колени

на две подушки. Повернувшись к ним, служивший в митре, стоя, сказал: «Прими жену твою» и пр., по уставу. Тогда жених, а потом и невеста пожертвовали служившему восковые свечи с дукатами, целуя его руку, однако служанки королевы совершенно открыто вытащили два дуката, то-есть из каждой свечи по одному дукату.

Обедали вместе легат, король, жених и невеста, дон Федерико, посол короля Испании и Джентиле Вирджинио за одним и тем же столом, невеста посредине, справа легат, слева король, справа от легата дон Федерико, справа от него посол короля Испании, слева от короля дон Хоффердо, жених, и справа от него Джентиле Вирджинио. Началась трапеза около двух часов ночи и продолжалась до пяти или шести. По окончании трапезы невеста посредине сопровождающих ее короля и легата отправилась в свой палатцо, который находился сейчас же за воротами указанного замка, в предшестве жениха и прочих, как это обычно делается, где законные жених с невестой вошли в личную комнату с приготовленной для них постелью, а легат и король ожидали снаружи. В этой комнате служанки и женщины сняли с жениха и невесты наряды и положили их вместе в постель, жениха справа от невесты; когда они так лежали под полотном и одеялом, вошли легат и король; в их присутствии жених и невеста были раздеты служанками до пупа или около того, и жених лобызал невесту без всякого стеснения. Легат и король, оставаясь здесь же, разговаривали около получаса; потом, оставив жениха и невесту, все удалились. Кардинал возвратился в епископский дворец, а король в замок.

Все это о делах неаполитанских; обращаюсь к римским.

В пятницу, 2 мая, светлейший папа наш послал военную силу в замок перед Остиею Тибрской с осадными орудиями и несколько дней спустя подчинил его себе.

В понедельник, 14 июля, возведено было, что сиятельнейший Альфонс II Арагонский, король Сицилии, идет к Виковарио. С королем было около 1 000 человек конницы, с папой же около двадцати и много пехотинцев с тем и другим.

В тот же день поздно король вошел к папе в его комнату и оставался с ним в течение многих часов, в отсутствии кардиналов. Поутру следующего дня папа пошел в комнату короля, где они пробыли тоже долгое время. Вечером король трапезовал с папой, и дал король папе золотое блюдо и две вазы тоже золотых ценою около 3 000 дукатов. С вышеназванным королем пришло много турок, из которых один гулял по высоко натянутой веревке, к великому удивлению всех, прыгал голыми ногами, а также с привязанными к ногам деревянными башмаками, а также горшками, с привязанными к веревке волосами; доставал луком шапку, положенную на земле, и совершал другие опасные действия. Папа и некоторые из кардиналов смотрели на это.

В понедельник, 17 ноября, сиятельнейший французский король Карл вступил в город Флоренцию с величайшим почетом и триумфом, сопровождаемый большим количеством конных и пеших. Здесь он обсуждал разные дела с флорентийцами. На дверях церквей и в других открытых местах золотыми буквами было написано: «Король, мир и восстановление свободы». Между прочим король вступил в соглашение с флорентийцами, заключив с ними условия, которые 26 сего числа были оглашены в митрополичьем храме по окончании литургии. В силу этих условий флорентийцы обязались заплатить королю в течение года 130 000 дукатов. Король постоянно будет иметь во Флоренции двух послов, а флорентийцы будут иметь при короле двух послов, с целью постоянно обсуждать текущие военные дела.

В понедельник, 24 ноября, перед святейшим папой нашим по его зову предстал, взяв меня с собою в качестве переводчика, вельможный и сиятельный Рудольф, принц Ангальтский, граф Аскании²⁷, и синьор Имбрембургер, которому святейший папа наш напомнил дерзость короля Франции, проявленную им перед святой римской церковью в том, что он не только домогается стать господином государств и земель итальянских, тяготеющих к Священной римской империи, но даже пытается присвоить себе имя и титул этой империи. Однако на это его святейшество не намерен согласиться, если бы даже над его шеей навис обнаженный меч²⁸. Поэтому он обратился к принцу и сиятельнейшему владыке Максимилиану, королю римскому, как единственному защитнику святой римской церкви, чтобы он правильнее посмотрел на вышеизложенное и увещевал его величество отозваться на эти бедствия и защитить честь святой римской церкви, Священной римской империи и всей Италии. Этот упрек принц смиренно принял.

В четверг, 27 ноября, синьор Джованни Марио де Поджио, чиновник ведомства церемоний, мой сотоварищ, утром около восхода солнца был безжалостно убит Фомою Пьемонтским, своим домашним, который нанес спящему в постели топором четыре удара по голове с раздроблением на части. Да удостоит своего милосердия его душу всемогущий бог!

В среду, 9 декабря, пришли в апостолический дворец кардиналы пресвитеры Асканио, св. Северино, Бартоломео Луна, а также епископ Чезены, аудитор камеры, Просперо Колонна и Жером д'Эстутевиль. И в тот же день поздно все остались в плену у папы.

На следующий день был освобожден епископ Чезены, аудитор камеры. Потом было тайное заседание консистории, на котором присутствовали также эти три кардинала. По окончании заседания кардиналы Асканио и св. Северино были посланы в верхние комнаты дворца над папой и были там взяты под стражу. Просперо и Жером были посланы по стене или по переходам в замок св. Ангела и там взяты в плен.

Кардинал же Луна был послан в Остию для обсуждения некоторых текущих дел.

В тот же день пришел к городу сиятельнейший Фердинанд Арагонский, герцог Калабрии, который, пообедав в винограднике сиятельнейшего синьора кардинала Орсини близ церкви св. Северино, прибыл к святейшему папе нашему около 21 часа. Так как послы короля Франции на этих днях много раз требовали от святейшего папы разрешительных грамот на проход и пропуск продовольствия их королю в землях святой римской церкви, то сегодня его святейшество, по окончании вышеозначенного заседания консистории, ответил им, что никоим образом он не желает дать королю проход и продовольствие и что они могут сообщить об этом королю.

Во вторник, 16 декабря, будучи позваны поверенным папы синьором Энгельгардтом, около 2 часов ночи мы пришли к папе, а именно: Иоганн Фабри, Евгений Туртипигер Ауреода, Иоганн Коппис и я. Рассказал нам его святейшество о неприятельском набеге и наглости короля Франции, который занимал земли церкви и приближался для осады города. Он от него этого не ожидал; но так как такое поведение не очень подходит христианнейшему королю, то папа не знал, что об этом думать: он просил нас, чтобы мы сообщили это нашим (нашей [немецкой] нации он очень доверял), воодушевили их к защите его самого, церкви и города и поручили им правильно расставить заслуживающих во всех отношениях доверия людей, снабдить их соответствующим оружием и во всем установить между собою порядок, чтобы при наступлении они могли защищаться с помощью оружия не вне города, а только в нем, как он этого желал бы. С согласия всех я ответил, что мы сожалеем об этом случае, что мы готовы повиноваться указаниям его святейшества, намерены сообщить другим и дадим ответ его святейшеству. Итак, мы удалились от его святейшества и решили созвать к странноприимному дому приезжего Иоганна Ангела, приезжего Гаспара, Гаспара Скульптети, моего сапожника с пятью другими сапожниками, Якова Скуллиера и торговца Николая Лука, мастера брандирея Андрея, мастера цырюльника Иоганна Убелаха и мастера портного Христиана, которым я изложил с должным увещанием поручение и предложение папы. Они ответили, что обязаны перед начальниками отдельных кварталов города, указаниям которых они должны повиноваться и не могут от них отступить, вследствие чего для них невозможно удовлетворить просьбу святейшего папы нашего. Полученный в воскресенье, 17 декабря, ответ я в тот же день пересказал синьору Андрею Вентарту, чтобы он сообщил его почтенному отцу синьору Джованни, епископу Перуджии, для доклада святейшему папе нашему. Его святейшество добавил к своему предложению, что он намерен с испанской нацией сделать то же, что сделал с нами, и что во французской нации он не сомне-

вается, потому что вне Рима есть много хороших придворных, намеревающихся дать свою помощь для защиты города. При этом предложении папы присутствовали высокочтимый кардинал Неаполитанский, сиятельнейший синьор герцог Калабрии и почтенный синьор Джованни, епископ Перуджии.

Несколько дней тому назад, по сообщению кардинала Гуркского, Георгий Бузард, писец апостолических писем, посланный святейшим папой нашим к великому турку в качестве нунция и посла, как сам кардинал рассказывал, был схвачен сиятельнейшим синьором де Ровере, родным братом высокочтимого кардинала Санто Пьетро в Винколи, и содержался в плену в Синигалье. У Бузарда, как говорил тот же кардинал, были известные наставления от святейшего папы нашего касательно того, что он должен делать у великого турка; за эти наставления кардинал Гуркский святейшего папу нашего укорял в бесчестии. Содержание этих наставлений нунцию и послу слово в слово было таким:

«Наставления тебе, Георгию Бузарду, нунцию и доверенному нашему. После того, как отсюда отбудешь, ты пойдешь прямо и как можно скорее к могущественнейшему великому турку, султану Баязету, где бы он ни был; после того как должным образом приветствуешь его и возбудишь страх имени божьего и любовь, ты сообщишь ему именем нашим, как король Франции с большой силой, сухопутной и морской, с помощью государств Миланского, Бретонского, Португальского, Нормандского и с другими отрядами поспешает сюда в Рим, чтобы отобрать из наших рук Джема, султана, брата его высочества, и завладеть королевством Неаполитанским и изгнать короля Альфонса, с которым мы соединены теснейшей степенью родства и дружбой и которого пытаемся защищать, потому что он наш подданный и ежегодно платит нам сборы. По этой причине сказанный король Франции сделался нашим врагом, который поспешает не только, чтобы захватить султана Джема и завладеть самим королевством, но чтобы переплыть в Грецию и обрушиться войной на отечество его высочества; говорят, будто отправят сказанного султана Джема с флотом в Турцию. Так как нам нужно защититься от короля Франции, приложить все усилия и хорошо подготовиться в такой степени и в таком объеме, как мы это уже сделали, и нужно нам сделать еще очень большие расходы, то мы принуждены прибегнуть к поддержке султана Баязета и надеемся на взаимную добрую дружбу; что он поможет нам в такой нужде: его ты будешь просить и именем нашим увещевать, как можно скорее послать нам 40 000 венецианских дукатов золотом в качестве годового взноса за тот год, который окончится в последних числах ноября наступающего года, чтобы мы своевременно могли себе оказать поддержку, чем его величество сделал бы нам весьма приятную вещь, и больше никакого отягощения его величеству делать мы теперь не

желаем, — и в этом случае мы напряжем все силы и умение в должном сопротивлении, чтобы король Франции не одержал какой-нибудь победы над нами и над братом его величества... Уведомись равным образом великого турка о прибытии посла великого султана к нам с письмами и дарами, которые он прислал нам для содержания Джема, своего брата, прислав также большие пожертвования и обещания, которые сделал нам из великого сокровища и из многих других вещей; ты, сообщись его величеству, что мы крепко держимся нашего намерения, поскольку ему обещали, и никогда против него не пойдем ни в каком деле. Всегда нашим намерением было растить и улучшать нашу добрую дружбу» (июль 1494 г.).

(Письмо великого турка папе Александру):

«Султан Баязет Хан, сын султана Магомета, божиею милостью император Азии, Европы и всего приморья, отцу и владыке всех христиан, божием промыслом папе Александру VI, римской церкви достойному предстоятелю, после должного и заслуженного приветствия от благой души и чистого сердца ставим в известность ваше величество, как мы узнали о добром здоровье его через Георгия Бузарда, слугу и нунция вашего могущества, отчего мы обрадовались и получили большое утешение: между прочим он мне доложил, что у короля Франции лежит на душе завладеть братом нашим Джемом, который находится в руках вашего могущества, что было бы очень против нашей воли, из чего последовал бы вашему величеству большой ущерб и все ваши христиане потерпели бы урон. Поэтому мы вместе с вышеназванным Георгием начали думать о спокойствии, пользе и чести вашего могущества и к тому же о моем удовлетворении. Хорошо было бы, чтобы сказанного Джема, моего брата, который подвержен смерти и находится в плену в руках вашего величества, вы уморили бы, отчего — если бы это так произошло — было бы полезно вашему могуществу, весьма удобно для спокойствия и весьма приятно для меня. И если бы в этом ваше величество было согласно угодить нам, а мы уповаем на ваше благоразумие сделать так, то должно к благу вашего могущества и к величайшему нашему удовлетворению как можно скорее и как можно лучшим способом, каким вашему величеству будет угодно, помочь означенному Джемму избавиться от тягостей сего мира и переселить его душу в другой мир, где он имел бы самый лучший покой. И если ваше могущество сделает, чтобы это осуществилось, и предъявит нам тело его в каком бы то ни было месте по сю сторону нашего моря, мы, султан Баязет, вышеназванный, обещаем триста тысяч дукатов в каком бы ни было угодно вашей святости месте, чтобы ваше могущество могло на них купить своим сыновьям какое-нибудь имение; эти 300 000 дукатов мы обеспечим вручить тому, кому распорядится ваше величество, ранее того, как сказанное тело будет дано и вручено вашими нашим. Да позволит ваше

могущество, чтобы всю мою жизнь, сколько проживу, у нас была всегда добрая и величайшая дружба. Вашему величеству мы сделаем все благоугодное и всяческое наше благодарение без всякого исключения. Написано в Константинополе 15 сентября 1494 г.».

В четверг, 18 декабря, все добро папы было приготовлено в путь и к отбытию, с постелью и повседневной посудой, за исключением всех облачений ризницы апостолической капеллы, всей обстановки дворца, посланных в замок св. Ангела; все кардиналы готовы к отбытию; готова вооруженная конница.

В пятницу, 19 декабря, был освобожден из плена высокочтимый синьор кардинал св. Северино, который поехал к королю Франции, намереваясь с ним что-то обсуждать, по приказанию и от имени папы, а вследствие этого Колонна, как говорят, обещал вернуть папе замок Остию и себя отдал на службу церкви и возвратился.

1495 ГОД

В лето господне 1495, в четверг 1 января, в праздник обрезания господня, кардинал Пармский совершал торжественную литургию, в большой капелле в присутствии папы.

6 января, по окончании литургии и по своем возвращении домой, я нашел, что против моей воли, но с ведома и дозволения Марка де Тебальдис, начальника нашего квартала, галлы вошли в мой дом, вывели семь из восьми лошадей, много ослов, которые у меня были в конюшне, а своих семь ввели; они потребляли мое сено; мою комнату галлы определили для графа Ротомагенского (Руанского), а комнату Андрея Понденса, доктора искусств и медицины, столько лет со мной жившего, назначили другому; другую комнату внизу, в которой, как и в нескольких других моего дома, были заняты мои служители, отвели для домашних указанных галлов дворян. Немало задетый такой наглостью и беззаконием, я отправился к королю Франции, которому жаловался на поступки его людей; он послал меня к великому маршалу Франции, у которого только на другой день я и кардиналы Савелли, Колонна и св. Дионисия потребовали, чтобы было назначено для указанных лиц другое местопребывание, дом синьора Якопо Галло, римлянина.

В среду, 8 января, был разграблен и расхищен галлами дом Паоло Планки, римского гражданина, были убиты два его сына и многие другие, а также умерщвлены евреи, и дома их были разграблены и расхищены.

В воскресенье, 11 января, было заключено соглашение между святейшим папой нашим и сийательнейшим синьором Фили-

бером (из провинции) Бресс, дядей короля Франции, наместником названного короля, что святейший папа наш должен вручить Джема, брата великого турка, на шесть месяцев королю Франции, который с этого времени должен платить папе 20 000 дукатов и дать поручительство флорентийских и венецианских купцов о возврате Джема, султана, самому папе по истечении шести месяцев без замедления; потом должен короновать короля Франции королем неаполитанским без предварительного чьего-либо суждения и обеспечить безопасность кардиналам Санто Пьетро в Винколи, Гуркскому, Савелли и Колонна, не оскорбляя их.

Первые ворота дворца и все другие двери входов были на время пребывания короля даны под охрану шотландцев, которые не позволяли войти никому, за исключением своих и весьма немногих наших.

В тот же день я дал высокочтимому синьору Макловийскому на записочке памятку о неоплатных обычных подарках:

тайным постельничим святейшего папы нашего	100 дукатов
щитonosцу капеллы	100 дукатов
начальнику обрядов	по желанию
начальникам дверей	15 дукатов
служащим при оружии	15 дукатов
охраняющим железные ворота	4 дуката
охраняющим первые ворота	3 дуката
охраняющим тайный сад	3 дуката
скороходам святейшего папы нашего	10 дукатов
конюшим его же	10 дукатов

В воскресенье, 18 января, король Франции шел к зале пап; осведомившись об этом, папа поспешил к нему почти до входа означенной залы. Папа был облачен в белый капюшон поверх дорогой топы и в белый берет, хотя и не совсем подходяще. Король пришел для закрепления соглашения с папой, ранее заключенного и подписанного как папой, так и королем; однако между ними возникло расхождение в закреплении тех условий, а именно о поручителях, которые должны быть даны папе королем, о возврате турка папе по истечении шести месяцев; соглашение говорило, что король должен дать знатных поручителей, баронов и прелатов королевства по воле папы. Король желал, чтобы количество поручителей было снижено до десяти лиц; папа хотел 30 или 40, о чем приблизительно три часа они спорили и рассуждали. Наконец папа вошел в комнату, расположенную между залой и палатой Папагалли, где были приготовлены камерных два кресла. Король последовал за папой, который усадил его на одно из этих кресел, потом и сам сел на другое, расположенное вправо. И были прочитаны и утверждены условия, относительно которых запрашивались два нотариуса — один со стороны папы, а другой со стороны короля, причем условия были написаны на народном французском, а для папы на латинском языке.

В понедельник, 19 января, была приготовлена по обычаю первая зала апостольского дворца у св. Петра для открытого заседания консистории, для приема короля Франции и для принесения им покорности: папа для открытого собрания был одет по обряду и поручил мне, чтобы я пошел к королю Франции для наставления его относительно того, что он должен делать и говорить при целовании ноги у папы и принесении ему покорности, но чтобы о месте его между кардиналами или после первого кардинала ничего ему не говорил, потому что король решил не сидеть, но, стоя возле папы на возвышении, произнести несколько слов о принесении покорности.

Затем синьор председатель парижского парламента стал перед папой и коленопреклоненно доложил, что король лично пришел для принесения покорности его святейшеству, что он, однако, желает ранее попросить трех милостей от его святейшества, которые обычно даруют вассалу перед изъявлением покорности; он просил: 1) закрепить все привилегии христианнейшего короля за его супругой и перворожденным сыном, а также все содержащееся в соглашении, 2) самого короля облечь званием короля неаполитанского, 3) принять статью, обсуждавшуюся вчера, о необходимости дать поручителей о возврате брата великого турка. Папа ответил по первой статье, что он закрепляет привилегии, поскольку это в обычае; по второй статье, — что в ней предрешается и третья, вследствие этого надо с советом кардиналов зрело обсудить и, сколь возможно, угодить королю. По третьей статье он желает согласовать с самим королем в случае сочувствия священного собрания кардиналов, не сомневаясь в их согласии. По окончании этого ответа, король, стоя налево от папы, произнес следующие слова: «Святой отец, я пришел для того, чтобы принести покорность вашему святейшеству таким образом, как это делали мои предшественники, короли Франции». Папа, держа своей левой рукой правую руку короля, ответил весьма кратко, называя в своем ответе короля своим перворожденным сыном. Между тем, пока совершалось вышеизложенное, к апостольскому возвышению подошли все кардиналы в замешательстве вследствие ярости и наглости французов. Закончив первосвященнический свой ответ, папа встал и, держа своей левой рукой правую руку короля, возвратился в палату Папагалли, где, сняв священные одежды, сделал вид, что сам желает провожать короля. Король, принося ему благодарность, возвратился в свою комнату через все залы просто, без всякого сопровождения кардиналов.

Во вторник, 27 января, поздно вечером Джем, султан, брат великого турка, в сопровождении конного эскорта был переведен из замка св. Ангела в палаццо св. Марка и вручен там королю Франции. В городе чиновниками короля Франции были устроены две виселицы: одна в Кампо ди Фиоре, а дру-

гая на площади Иудеев; эти же чиновники отправляли суд, а не чиновники папы; приказания по городу исходили от имени короля, а не от имени папы.

В среду, 28 января, когда папа находился во второй зале с 13 кардиналами, прибыл из палаццо св. Марка король со своей свитой. Все вошли к папе в полном вооружении, только король был вооружен мало. Потом король вышел в сопровождении папы, причем он сделал вид, что вот поцелует ногу у папы, папа же никак не хотел допустить этому совершиться; король ушел и сел на своего коня, приготовленного ему перед ступенькой скрытого сада, где немного подождал кардинала Валенсийского, намеревавшегося ехать вместе с ним; наконец, кардинал сел на своего мула в том же месте, где и король, и подарил ему шесть прекраснейших лошадей, стоявших там же в уздечках, но без седел.

Поздно в тот же день за королем последовал также кардинал Гуркский, который сопровождал его со всеми прочими кардиналами до его королевства. Брат великого турка несколько раньше отъезда короля отправился от св. Марка с сильным эскортом, держа путь в Марино, а потом продолжал путь с королем по своему желанию. После отбытия короля к папе пришли все кардиналы, чтобы от него разойтись по домам.

В тот же день вечером было сообщено папе, что король Альфонс отбыл из Неаполя с большими сокровищами на четырех галерах, намереваясь ехать в Сицилию и в Испанию для предводительствования отрядами против короля.

В четверг, 29 января, прибыло к королю Франции в мешках на мулах 18 000 дукатов, а недавно было доставлено еще 4 000 — расход короля и его свиты за несколько дней.

Тем временем было возведено папе, что обитатели города Феррары, вывезши все богатства и оставив город, ушли из него, а также, что король неаполитанский его занял.

В ту же ночь внебрачный сын кардинала Орсини, синьор Джентиле Вирджинио Орсини силой и коварством вошел в дом Бартоломео Юбба, генуэзца, родственника счастливой памяти папы Сикста IV, и захватил в плен самого Бартоломео и одного из его сыновей, отвел с собой за город в замок своего отца Браччиани и содержал их там как пленников; другой сын синьора Бартоломео, находившийся здесь же в доме, спрятался в какой-то печке, благодаря чему избежал опасности.

В среду, 18 февраля, король Франции вошел в Капую на основе условий и договора, как завладевал прежде другими местами. Потом в Риме распространился слух, что сам король в Капую ночью в своей спальне слышал два раза подряд ужасный голос и что один чехол из тех, которые были у него в комнате, сам собою открылся и зная, находившееся в нем, встало, что король, пораженный этим, поклялся не возвра-

щаться в свое королевство, пока не завладеет святой землей и не вернет гроб господа Христа во владение верующих, и что он посвятит и обеспечит одну капеллу в Неаполе в честь святого духа.

В среду, 25 февраля, Джем, иначе Зизим, брат великого турка, который недавно был вручен королю Франции святейшим папой нашим на основании заключенного между ними условия и договора, расстался с жизнью от пищи или питья, несообразного с его природой и непривычного. Труп Джема потом, по настоянию и мольбам великого турка, был послан тому же великому турку со всем двором; турок за это, как говорят, выплатил или подарил большое количество денег.

В субботу, 4 апреля, утром на Альфонса Сардинского, некогда скорохода святейшего отца нашего, тогда баргелло²⁹ в городе, возвращавшегося со своим отрядом из Пискарии, напал без всякого повода Сабастилья, римский вооруженный гражданин, и они взаимно друг друга тяжело ранили. Один из слуг баргелло одним ударом в шею оглушил Сабастилью, вследствие чего тот упал, баргелло отошел и немного спустя тоже упал. Слуги его понесли его в аптеку, но подоспевший какой-то римский гражданин потащил его за ноги и мешал слугам понести его в аптеку до тех пор, пока не подоспели другие римские граждане, которые самого баргелло здесь же убили, а Сабастилью отнесли в его дом. Немного позже этот баргелло без света и без факелов был отнесен в церковь странноприимного дома испанцев и там же был похоронен.

В тот же день было возведено в городе, что в Венеции заключен и одобрен союз между святейшим папой нашим, сиятельнейшим королем Максимилианом римским и королем испанским, а также между венецианским и миланским герцогами для общего благоденствия христиан и попечения о них, а также для спокойствия всей Италии.

В пятницу, 10 апреля, по указанию святейшего папы нашего, провозглашено по городу и возведено народу, что в наступающее воскресенье будет объявлен союз между святейшим папой нашим и испанским королем, а также между венецианским и миланским герцогами, составленный для общего благоденствия христиан и спокойствия Италии, в церкви св. Петра, где будет показан нерукотворный образ господень, а папа намерен дать присутствующим полное прощение.

После литургии высокочтимый синьор кардинал объявил полное прощение, дарованное папой народу. Были приготовлены светильники и ключи, чтобы показать нерукотворный образ господень; когда папа увидел, что на литургии присутствует весьма мало народа, то приказал ничего не показывать.

В среду, в последний день декабря, была папская вечерня в большой капелле в присутствии папы. В конце вечерни приглашенные чиновники города, назначенные на будущие месяцы, не явились для принесения обычным чином клятвы папе.

Вследствие этого папа встал и вернулся в палату, вознегодовав против чиновников; но после снятия облачения он был умиловивлен некоторыми кардиналами, сел на поставленный там трон первосвященника, где эти чиновники принесли присягу в обычной форме. Потом папа вошел в палату и, находясь некоторое время в расстройстве, начал антифон³⁰. Расстройство это было таково, что он сидел, когда пели «Величит душа моя господа». Он оставался в палатах, не выходя никуда очень много дней.

1496 ГОД

В субботу, 27 февраля, новые кардиналы до обеда, посетив церковь св. Петра, пошли в дом кардинала св. Марии в Портике, в котором жила донна Лукреция³¹ Борджиа, дочь святейшего папы нашего, жена сиятельнейшего синьора Джованни Сфорца, владыки Пезаро, для посещения донны Лукреции; эта синьора вышла им навстречу до самого низа лестницы. В комнате на четырех кардинальских креслах обычным чином сидели все четыре кардинала и, поговорив, удалились, сопровождаемые самой донной Лукрецией до ворот, где они надели свои шляпы.

Вербное воскресенье, 27 марта. Святейший папа наш пришел в облачении из третьей залы в капеллу, до которой нижние концы мантии нес синьор Феб Гонзага, родственник маркграфа, чем папа был обеспокоен, потому что он желал, чтобы нес их маркграф³².

В субботу, 30 апреля, были изготовлены камерой первые экспектанции³³ папы Александра VI в количестве 15 000 или около того.

В пятницу, 6 мая, в большой зале у св. Петра были изданы апостолической канцелярией правила относительно экспектанций в виде декрета.

В воскресенье, 8 мая, извещено было всем через прикрепленные на дверях апостолической канцелярии записки о том, что с ближайшего вторника до субботы включительно каждый день будет производиться заготовление экспектанций и заготовленные будут в ту же субботу все вместе отправлены для наложения свинцовых печатей. В среду, 11 мая, было заготовлено около 100 экспектанций.

В пятницу, 20 мая, около 21 часа вошли в город через Латеранские ворота синьор Хоффредо Борджиа Арагонский, герцог Скиллаче и граф Кориаты, сын святейшего папы нашего Александра VI, в возрасте 40 лет или около того, и донна Санция Арагонская, дочь короля Альфонса, жена Хоффредо Борджиа, с шестью другими женщинами, служанками, кои навстречу вышли капитан конницы с вооруженными людьми,

около 200 человек, и придворные всех кардиналов и прелаты папы. Ибо в это утро через скороходов святейшего папы нашего были приглашены, по настоянию со стороны кардинала Валенсийского³⁴, все кардиналы в отдельности, чтобы они удостоили послать своих прелатов и щитоносцев навстречу его брату Хоффредо, вступающему в город, что и сделали все за воротами, за которые навстречу ему вышла донна Лукреция Сфорца, святейшего папы нашего дочь, жена сиятельного Джованни Сфорца, властителя Пезаро, сестра вступающего Хоффредо, и с нею 12 женщин. Впереди них два паж, имевшие в руках две мантильи, сидели на двух конях, из которых один был покрыт парчевой, весьма красивой золотой попоной, а другой имел попону из кремонского бархата; она приняла с чувством брата своего Хоффредо и его жену.

Навстречу к нему же вышли синьор воин Гарсиас Лассо, посол короля и королевы испанских, посол короля неаполитанского синьор Филиберт Натурелли, посол короля римского, два посла венецианских и посол миланский, почтенный синьор Джованни, архиепископ Рагузский, иначе правитель города, с тремя консерваторами канцелярий, начальниками участков и другими чиновниками, а также с многими римскими гражданами, за которыми следовал сенатор со своим семейством. Все они пришли навстречу вышеназванным с величайшим торжеством к Латеранской церкви и ее главным дверям. С коней сошли синьор Хоффредо, его жена, его сестра Лукреция с тремя или четырьмя женщинами, а прочие оставались на конях; они вошли в церковь и вышли из нее через другие двери возле большого алтаря, где снова сели на лошадей и отправились к апостолическому дворцу у св. Петра, где папа, стоя во второй комнате, смотрел через полуоткрытую дверцу, как мы проходили; когда мы были внутри дворца, папа вошел в залу первосвященников и сел на приготовленное возвышенное кресло. Синьор Хоффредо, сделав папе обычное поклонение, поцеловал у него ногу и руку, а папа взял голову Хоффредо обеими своими руками, наклонив голову к себе, но не поцеловал. За ним следовала жена Санция, которая подобным же образом поцеловала ногу и руку у папы, и таким же образом папа взял ее голову обеими руками. То же сделала Лукреция, которая равным образом была принята папой. По совершении этого синьор Хоффредо стал между кардиналами, а Лукреция села на подушку на земле справа от папы, Санция же села слева на другую подушку. Прочие же женщины подходили целовать ногу у папы. Между папой, Санцией и его дочерью Лукрецией происходил долгое время шуточный и веселый разговор.

По совершении всего синьор Хоффредо, Санция, Лукреция и все прочие удалились, оставив папу в зале, и тем же порядком мы поехали к бывшему дому кардинала Алерии (на Корсике) для приема и пребывания Хоффредо и Санции, кото-

рые, выразив у дверей благодарность всем сопровождавшим, вошли в него вместе с Лукрецией и были там приняты ожидавшими их многими римскими женщинами.

Утром в воскресенье, 22 мая, в праздник пятидесятницы папа отправился под митрой без балдахина в церковь св. Петра. На мраморном возвышении, на котором каноники указанной церкви обычно пели евангелие и послания, стояли Санция и Лукреция, дочь папы, со многими другими женщинами, занявшими все возвышение и землю вокруг, что было большим неприличием, неблагопристойностью и соблазном для народа.

В среду, 6 июля, в тайном заседании консистории, святейший папа наш назначил легатом *de latere* * высокочтимого синьора кардинала св. Креста в Иерусалиме, намеренного идти навстречу сиятельному Максимилиану, всегда благополучному королю римскому, шествующему в Рим ради мира и спокойствия Италии и для принятия императорской короны; его сопровождали все высокочтимые синьоры кардиналы, находившиеся тогда в заседании, от апостольского дворца у св. Петра к дому Меллини, в котором жил кардинал св. Креста.

В среду, 10 августа, после вечерни вступил в Рим через Портуэнские ворота сиятельнейший синьор Джованни (Хуан) Арагонский, герцог Гандии, святейшего папы нашего сын, которому навстречу вышли придворные всех кардиналов не по зову скороходов, а по воле их владычеств. Высокочтимый синьор кардинал Валенсийский, родной брат сказанного герцога Гандии и старший по рождению, ожидал герцога в вышесказанных воротах, с почестями сопровождал до апостолического дворца, в котором он поселился.

В пятницу, 7 октября, умер сиятельнейший Фердинанд II (Ферранте) Сицилийский, король неаполитанский **, на место коего королем был избран и наследовал сиятельнейший Федерико (Фердинанд) Арагонский, принц Альтамуры, адмирал королевства.

В среду, 26 октября, состоялось тайное заседание консистории, на котором высокочтимый кардинал Луна был сделан и объявлен легатом *de latere* для помощи в завоевании замков, земель, городов, деревень и имений браччланского герцога Джентиле Вирджинио Орсини, а также его близкого родственника Джованни Паоло Орсини. По окончании заседания святейший папа наш, одетый обычным чином, вышел в церковь св. Петра, где высокочтимый синьор кардинал Перуджии служил торжественную литургию св. духу, на которую после причащения пришел сиятельнейший синьор Джованни Борджиа, герцог Гандии, следующим порядком: 12 трубачей, одетые в свои тоги, все придворные попарно, вооруженные, и 4 вооруженных дворянина, сам герцог Гандии со шпорами, в полном вооружении, но без шлема, имея справа возле себя

* См. примечание 25.

** См. примечание 5.

сиятельного синьора Гвидона, урбинского герцога, подобным же образом вооруженного, за которыми следовали дворяне и церковные проводники.

По окончании литургии и по объявлении индульгенции руководители вошли в церковь с должными поклонами и остановились с несколькими своими перед папским возвышением: папа встал и, сняв митру, благословил три знамени, одно с гербами церкви и два с их гербами, которые в свернутом виде держали на своих плечах два клирика камеры. Поверх одного из них был деревянный белый жезл длиной около 4½ пядей наподобие того жезла, который высокочтимый синьор камергер обычно носит в дни торжеств. После благословения папа сделал воскурение, покропил и покадил знамена и жезл: потом к папе подошел герцог Гандии и коленопреклоненно произнес клятву, обычно приносимую капитанами святой римской церкви.

В четверг, 27 октября, высокочтимый легат синьор кардинал Луна и герцог Гандии, капитан, с урбинским герцогом и всеми их отрядами, с оружием, с машинами и припасами вышли из Рима, направляясь в Ангиллару³⁵ и в другие земли и места синьора Джентиле Вирджинио Орсини, намереваясь последовательно все завоевать. Завоевали же они и приобрели для святой римской церкви десять замков.

Из них они сожгли только замок Тривиньонский. Потом люди Орсини сожгли все хижины в Браччиано³⁶ и Викарелло, чтобы не могли там поселиться войска церкви; по той же причине римская дорога была так разрушена, чтобы нельзя было по ней пройти.

1497 ГОД

Начата книга заметок мною, Иоганном Бурхардом стразбургским, протонотарием апостольского престола, о делах, относящихся к обрядам, а также о некоторых посторонних, с первого дня января месяца в лето от рождения господа 1497, в пятое лето понтификатства святейшего во Христе отца и высокочтимейшего папы нашего Александра VI.

Всех кардиналов святой римской церкви как присутствующих в городе, так и отсутствующих 40.

Апостольских иподиаконов	5
Аудиторов	12
Управляющий дворцом	1
Клириков камеры	7
Главный аудитор судебных дел апостольской камеры	1
Аколуфов	8
Ризничий папы	1

Начальник капеллы святейшего папы нашего	1
Чиновников церемоний	4
Чиновников колокольных означенной капеллы	2
Чиновников святой коллегии кардиналов	2
Главных протоновотариев	7
Пенитенциариев ³⁸ святейшего папы нашего	11

В воскресенье, 1 января, в праздник обрезания господина нашего Иисуса Христа высокочтимый синьор кардинал Пармский служил торжественную литургию в большой капелле. Святейший папа наш, прежде чем выйти в тайную комнату, позвал к себе всех высокочтимых кардиналов, по совету коих решил послать меч сиятельному Филиппу Красивому, эрцгерцогу австрийскому и бургундскому.

Во вторник, 21 января, было столкновение между войсками папы, Орсини и Вителлио возле Браччиано, и разбиты были войска церкви с большим позором и ущербом. Герцог урбинский ³⁹ был взят в плен; швейцарцев мертвых было около 200 или больше, — среди них постельничий папы нашего, состоящий в пресвитерском сане, а других было убито около 300, и много раненых; все наши орудия были захвачены отрядами Орсини, а войска наши были рассеяны.

В воскресенье, 5 февраля, был заключен мир в Риме в апостольском дворце между святейшим папой нашим и Орсини. Вместо них рукопожатием обменялись высокочтимые синьоры кардиналы Неаполитанский и св. Северино; во вторник, 7 числа сего месяца, тот же высокочтимый кардинал св. Северино поехал к Орсини к замку Браччиано и обменялся с ним соглашением о должном исполнении обещаний и постановлений. Прибыл с ним в Браччиано капитан Джорджо Санта Кроче и много других. В условиях примирения между прочим содержалось, что Орсини должны заплатить папе 5 000 дукатов.

В эти дни возвратился сиятельный синьор Джованни Борджиа, герцог Гандии, главный капитан всех вооруженных сил святой римской церкви, но сегодня не вошел в капеллу.

В среду, 15 февраля, был обнародован в городе указ, коим под страхом наказания предписано было всем солдатам в течение двух дней уйти из города.

В вербное воскресенье, 19 марта, святейший папа наш, облаченный обычным образом, благословил и роздал ветви. Герцог Гандии справа и герцог Пезаро слева держали ветви папы. Посол венецианский подавал воду папе для рук. Синьор Гундислав, капитан войск короля Фердинанда, также присутствовал в капелле и, не желая подучить место на ступеньках папского возвышения, сел на скамью послов мирян после посла короля и королевы испанских. Высокочтимые синьоры кардиналы, заметив совершившееся, удивлялись. Доискиваясь причины, я подумал, что это сделано из-за герцога Гандии, сына папы. Ибо не желал сказанный Гундислав, капитан, что-

бы герцог имел преимущество перед ним: однако в этом он держался не здравого рассудка, а плохого мнения.

В пятницу, 24 марта, приношения ко кресту в капелле достигли 71 дуката золотом и даже больше, из которых на свою долю я получил 11 дукатов и 9 карленов.

В пасху, 26 марта, первую воду для рук папы давал посол венецианский, вторую — посол короля неаполитанского, третью — Гундислав, капитан Фердинанда, четвертую — герцог Гандии, сын папы.

Воскресенье, 16 апреля. Какие-то крестьяне недавно ограбили несколько служителей Петра Палуцио, римского гражданина; Петр, получив сведения, где эти грабители собираются, подступил к ним с верными своими вооруженными друзьями; из 24 человек он захватил 9 и привел их связанными в Рим. Из них 4 в тот же день были повешены в ложах Капитолия и Палаццо Консерваторов; первый, уже повешенный, выпал из петли и, будучи послан к папе, был освобожден. Но в ту же ночь он умер в темнице; остальные четыре были отведены в тюрьму.

4 июня донна Лукреция Борджиа, жена вельможного синьора Джованни Сфорца, графа Котиньолы, Пезаро и пр., дочь папы, в сопровождении своих приближенных поехала в монастырь св. Сикста за городом, намереваясь там остаться. Это дало повод строить разного рода догадки.

В среду, 7 июня, было тайное заседание консистории, на котором святейший папа наш преобразовал город Беневент в герцогство и с согласия всех кардиналов, которые присутствовали, без чьего-либо противодействия или по крайней мере без словесного возражения, пожаловал сиятельному Джованни Борджиа Арагонскому, герцогу Гандии, святой римской церкви главному капитану, сыну своему возлюбленному, и всем его законным потомкам мужской линии в вечное владение герцогство Беневент и города Террачину и Понтекорво с их графствами или территориями. Единственный высокочтимый Сиенский кардинал мужественно и воодушевленно возражал против этого назначения и подтверждал свое мнение законными доводами и вполне ясными словами; однако он один не мог противодействовать и помешать этому делу.

В четверг, 8 июня, было тайное заседание консистории, на котором святейший папа наш объявил кардинала Валенсийского легатом *de latere* для помазания и коронования сиятельнейшего синьора Федерико Арагонского королем Сицилии; после этого все присутствующие в заседании кардиналы проводили его по обычному чину до его комнаты.

В среду, 14 июня, высокочтимый синьор кардинал Валенсийский и сиятельный синьор Хуан Борджиа Арагонский, возлюбленные сыновья святейшего папы нашего, ужинали в доме синьоры Ванотцы, своей матери. После ужина, ввиду наступления ночи и вследствие настойчивого желания высоко-

чтимого синьора кардинала Валенсийского возвратиться в апостолический дворец, оба сели на лошадей или мулов с немногими из своих слуг, которых имели очень мало, и поехали почти до палаццо высокочтимого синьора Асканио, вице-канцлера, в котором жил святейший папа наш, будучи вице-канцлером, и который сам построил. Там герцог, сославшись, что намерен пойти куда-то в другое место для развлечения, прежде чем вернуться во дворец, получил такое позволение от кардинала — брата и повернул назад, отпустив своих немногих слуг, за исключением вестового; затем он задержался с каким-то человеком, у которого лицо было закрыто; человек этот подходил к нему во время ужина и в течение месяца или дольше посещал его также и в апостолическом дворце почти каждый день. На своем муле герцог доехал в обратную сторону до площади Иудеев, где отпустил упомянутого вестового и послал его по направлению ко дворцу, приказав, чтобы он ожидал его на площади Иудеев около 23 часа, а если к тому времени он не вернется туда, то пусть сам идет прямо во дворец. Сказав это, герцог удалился от вестового, сядя на муле, вместе с тем, у которого было закрыто лицо. Он поехал в неведомое место, где был умерщвлен и брошен в реку возле странноприимного дома св. Иеронима, обычно называемого рабским, по дороге, которая идет с моста св. Ангела прямо к церкви, возле дома, расположенного близ источника, идущего из земли, по каковой дороге обычно свозят к самой реке навоз. Сказанный же вестовой, отпущенный на площади Иудеев, был тяжело ранен и почти досмерти изрезан. В каком-то (не знаю чьем) доме он был сердобольно и заботливо принят. Так пострадавши, он не мог ничего дать знать о поручении и поведении своего господина. С наступлением утра 15 июня, когда герцог во дворец все-таки не вернулся, наиболее близкие слуги заволновались, и один рассказал папе о позднем отбытии герцога и кардинала Валенсийского и об ожидаемом возвращении первого. Папа от этого тоже разволновался; но убежденный, что герцог куда-нибудь направился с женщиной и что ввиду этого самому герцогу нельзя среди дня выйти из этого дома, папа надеялся, что герцог вернется в этот же день попозже. Вследствие его отсутствия папа опечалился и, сильно взволнованный, начал всеми средствами доискиваться причины и спрашивал у всех через своих подходящих людей о герцоге. Среди допрошенных был некий Георгий Слав, у которого был возле указанного источника склад дров, разгруженных из судна на берегу Тибра; этот человек, карауля дрова, спокойно находился недалеко от своих дров в плавающем на Тибре суденышке; на расспросы, не видел ли он, чтобы в эту ночь что-нибудь бросали в реку, он, как говорят, ответил, что в эту ночь, когда он охранял дрова и находился в суденышке, пришли два пеших по левому переулку, смежному с сказанным странноприимным.

домом рабов, около пяти часов; стали они выше открытой дороги возле реки и внимательно смотрели здесь и там, не идет ли кто-нибудь; никого не видя, они возвратились назад тем же переулком. После небольшого промежутка времени из того же переулка вышли другие двое и делали то же, что первые два, и, никого не заметив, дали знак сотоварищам; тогда появился всадник на белом коне; он имел сзади себя труп мертвого человека, голова которого на плече свисала с одной стороны и ноги с другой; возле этого трупа шли два пешех, поддерживая труп, чтобы он не упал с лошади. Они ехали по тому месту, с которого сбрасывается в реку навоз, выше уже описанному; потом возле конца этого места они повернули остановившегося коня хвостом к реке, и оба упомянутые наблюдателя — один за руку и плечо, другой за ступню ноги — стащили труп с коня и, раскачав, сбросили в реку со всего размаха. Сидевший на коне приблизился и спросил, пошел ли труп ко дну; они ему ответили: «Да, сеньор». Тогда сидящий на коне посмотрел на реку, увидел плавающую в реке мантилью трупа и спросил пешех, что это черное, плавающее на реке. Они ответили: «Мантилья»; один из них бросил камни, чтобы мантилья погрузилась в глубину. После погружения мантильи все пятеро удалились, — два других пешех, которые вышли из второй улочки, высматривая, не проходил ли кто, присоединились к всаднику и к двум другим и пошли по другому переулку, который дает подход к странноприимному дому св. Якова, — и больше они не появлялись. Слуги папы спрашивали, почему он, дровяник Склав, не открыл этого правителю города. Он ответил, что за свою жизнь видел, как раз сто бросали в реку в сказанном месте в разные ночи убитых, и никогда за это не было никакого ответа, поэтому и данному случаю он не придавал значения. На основании этих сведений были призваны рыбаки и корабельщики города: им было поручено выловить этого человека из воды, и обещана была лучшая плата за труды. Триста рыбаков и корабельщиков, как я узнал, согласились; все они своими снастями, погруженными в нечистоты реки, ловили утопленника. Около того времени, когда служится вечерня, — скорее немного раньше, — они нашли герцога в полном его костюме: в сапогах со шпорами, в диплоиде, в вестителло и мантилло, под поясом его перчатки с 30 дукатами; на нем было девять ран, из коих одна в шею через горло, остальные восемь в голову, туловище и ноги. Найденный герцог был положен в суденышко и доставлен в замок св. Ангела, где был раздет. Труп его был вымыт и одет в военные доспехи исключительно по распоряжению моего сотоварища, чиновника церемоний Бернардино Гуттиери.

Поздно вечером в тот же день, около 24 часа, труп отнесен был его близкими, насколько мне помнится, из сказанного замка в церковь блаженной Марии дель Пополо, в предше-

ствии 120 светильников и в сопровождении всех придворных прелатов, спальничих и оруженосцев папы с большим плачем и беспорядочными выкриками. Тело несли открыто на почетных носилках, и казалось оно не мертвым, а спящим.

Когда папа узнал, что герцог убит и брошен в реку, как дрянь, и опознан, он от печали и сердечной горечи заперся в комнате и горько плакал. Высокочитимый синьор кардинал Сегобрийский с другими верными слугами его святейшества подходили к дверям его комнаты и увещаниями, просьбами, мольбами и убеждениями после целых восьми часов, наконец, побудили его святейшество, чтобы он, открыв двери, впустил их. Папа не ел и не пил от позднего вечера 14-го до первой следующей субботы и с утра четверга до следующего воскресенья не спал ни одной минутки: однако, поддавшись постоянному и всяческому убеждению вышеназванных людей, он несколько успокоился, учитывая большой ущерб и опасность, которые отсюда могут произойти для его личности.

В пятницу, 14 сентября, около 5 часов ночи святейший папа наш, позвав к себе почитаемого во Христе отца нашего Бартоломео Флоридо, архиепископа Козенцы ⁴⁰, своего секретаря, приказал его схватить и посадить в темницу замка св. Ангела, а в девятую башню — служителей сказанного епископа, а именно: Джованни, Бенедитто, также его камерария, потом приказал самого архиепископа по переходу, который имеется в стене между замком и апостолическим дворцом, отвести под стражей дворцовой охраны и вооруженных людей в указанный замок и стеречь самым тщательным образом.

Причина такова: его святейшество узнал, что Флоридо отправил много писем коварно и обманно, с ложным содержанием и ложным внесением в архив без ведома и вопреки воле его; некоторые из этих обманных писем были засвидетельствованы его служителями. Среди писем одно было о диспенсации ⁴¹, в силу чего одна монахиня королевства Португальского, сняв духовные одежды и невзирая на обеты, заключила брак с незаконным сыном последнего почившего короля. Точно таким же образом, на основании диспенсации, кто-то, состоящий в диаконате, получил право заключить брак, а другие могли изменить денежные взносы за экспектанцию или быть изъятыми из подсудности и многое другое; общее число таких документов, как говорили, достигало 3000. Сверх вышеизложенного, тот же святейший папа наш поручил правителю города и аудитору камеры произвести следствие и предать виновных суду.

9 октября было тайное заседание консистории, на котором было зачитано дело против синьора Бартоломео, архиепископа Козенцы, секретаря святейшего папы нашего, и сделанное им признание относительно множества документов, отправленных, как говорилось, без ведома и воли святейшего папы нашего.

11 октября, во вторник, в секретном заседании, в присутствии весьма многих прелатов и высокочтимых отцов, святейший папа наш вынес решение против отсутствующего синьора архиепископа Козенцы, заключенного в темнице св. Ангела; папа лишил своего секретаря архиепископства и всех других бенефиций; он лишил его также всякого сана, разжаловал, передал его в распоряжение гражданской власти и поручил присутствующим комиссарам возбудить против него дело по закону, как против светского лица.

Эти комиссары 13 октября сообщили виновному вынесенное за день раньше решение папы и сейчас же вручили и передали его присутствующему баргелло города. После этого почитаемый отец наш Джованни Марадес, святейшего папы нашего личный постельничий, вошел в залу замка, где присутствовали все вышесказанные лица, и по особому указанию святейшего папы нашего деланным громким голосом указал баргелло, чтобы он козенцкого расстригу из замка не уводил, но оставил в той же комнате, в которой он прежде до сего времени обычно пребывал. Так и было сделано.

В этот же день, после всего этого, все добро козенцкого расстриги было по указанию папы вынесено из его комнаты, которую он обычно занимал в апостолическом дворце, и помещено в железную комнату папы.

Потом, 28 октября, этот расстрига был отведен из комнаты, которую он по указанию папы занимал в апостолическом замке, в другое, грязное и тесное помещение, чтобы он там постоянно искупал свою вину в хлебе скорби и воде печали, как ниже будет сказано.

Во вторник, 17 октября, на заре святейший папа наш поехал в Остию Тибрскую и с ним высокочтимые синьоры кардиналы Агригентинский и Валенсийский в сопровождении 400 всадников и 600 пехотинцев; он оставался там до субботы 21 октября, когда поздно вечером вернулся в Рим. В Остию ездил он для охоты и развлечения.

28 октября поздно Бартоломео Флоридо, бывший архиепископ Козенцы, теперь лишенный всякой чести, достоинства, сана и бенефиций, был одет поверх своей рубашки, вместо снятых прежних его одежд, в малую гонну двойную из белого грубейшего рублища на полпяди выше колен, в грубейшие сапоги, в габан из зеленого сукна длиною почти до земли также двойной толщины; в толстом белом двойном берете; и дано было ему в руки довольно большое изображение распятия, вырезанное из дерева и прикрепленное ко кресту. Так одетый, он был отведен из комнаты, в которой до сих пор содержался, к месту погребения императора Адриана, где в общепитии, называемом Саммароко, назначено было ему жить в вечной тюрьме; там ему была приготовлена кровать из досок, сделанная по-обычному с изголовьем, защищающим голову от влажной стены, сверх были положены одеяло и матрац и две

самых дешевых рубахи и даны были ему breviарий, библия и послания св. Петра. Также были даны ему одна чашка воды и три булки хлеба, одна посуда масла и факел. Заключение намеревались там держать до смерти. Было распоряжение и указание папы, насколько мне известно, чтобы каждый день или каждые три дня сей заключенный посещался начальником сказанного замка лично или кем-либо по его приказанию и чтобы он снабжаем был хлебом и водою для пропитания и маслом для освещения. Всемогуший бог да ниспошлет этому крайнему бедняку дар терпения и прощения, посредством которых он мог бы исцелить душу свою. Говорили, что несколько времени тому назад святейший папа наш посылал каждый день почитаемого синьора Джованни Марадеса и синьора Петра Солиса, архидиакона от Бакха, и некоторых своих придворных к заключенному в замок св. Ангела; они с ним играли в шахматы и другие игры, всяческими убеждениями добивались у него признания, много ли писем он отправил без приказания папы, чтобы на основании этого он повинился в прочих письмах, отправленных по его велению, а также если они были отправлены без его ведома. Они обещали, если архиепископ Козенцы это сделает, папа намерен возвысить его и снова наградить большими должностями; вследствие этих убеждений признание было сделано, но после признания ни Джованни Марадес, ни другие больше никогда к нему не приходили.

Около четырех часов ночи 8 декабря в Риме, в месте обычного пребывания возвратил свой дух создателю высокочтимый во Христе отец Джованни, пресвитер-кардинал. Матрацы, подушки и прочее, что было на носилках, взяли я и мой товарищ, поскольку по обычаю они должны принадлежать нам. Братья св. Августина дали нам также ковер, на котором почивший был принесен в церковь. Скороходы получили десять факелов, по праву им принадлежащих.

1498 ГОД

В лето от рождества господня 1498, в понедельник 25 декабря в праздник рождества господа нашего спасителя, святейший папа наш в обычном облачении вошел в храм св. Петра, где совершил торжественную литургию. Первую воду для рук папы давал синьор Иероним Донато, посол правительства венецианского, вторую — синьор Сперандео, посол короля римского, третью — синьор города, четвертую — сиятельнейший синьор Богуслав, князь Штетинский, который имел место после высокочтимого кардинала Борджиа, на скамье кардиналов-диаконов.

В среду, 10 января, почитаемый во Христе отец синьор Джованни, епископ Интерамны⁴² совершал открытую литургию за усопших о душе бывшего первородного принца короля испанского, в присутствии папы в мантиях и всех кардиналов, бывших на отпевании кардинала Пармского. Хотя не было в обычае папской капеллы совершать такую литургию о первородных сыновьях королей, однако папа желал это сделать, чтобы он казался особенно благосклонным к королю и королевѣ Испании, откуда он был родом.

В понедельник, 2 апреля, совершалось отпевание доброй памяти кардинала Генуэзского. На отпевании, которое совершалось в этот день, были свечи по следующему расписанию:

литые свечи шестифунтовые для кардиналов	
и для совершающего службу	32
литые свечи четырехфунтовые для других . . .	140
свечи двухфунтовые	300
свечи однофунтовые	300
свечи полуфунтовые	300
свечи по 4 унции	500
свечи для тайных литургий по 20 на фунт . .	20

Эти свечи были сложены в большой капелле, которая после арки, налево от входа.

Во вторник, 10 апреля, пришло в город известие, что в последнюю субботу, 7 апреля, был приготовлен на главной площади Флоренции костер для испытания и определения истины известных мнений брата Джироламо Савонаролы⁴³ из Феррары, главного викария конгрегации св. Марка Флорентийского ордена проповедников, по предложению верных братьев, которые себя к этому обрekli. Но дело осталось не оконченным. Дело же заключается в следующем.

Брат Иероним (Джироламо) после прибытия французского короля Карла VIII в Италию открыто проповедывал во Флоренции много ошибочного и ложного, а также придерживался одной партии в указанном городе и ей покровительствовал, надеясь таким путем стать великим. В своих проповедях Иероним открыто говорил, что наш спаситель Христос часто с ним беседует и многое ему открывает. Он обладал неким способом познания человеческих грехов через своих братьев, которых у него шесть человек из своего же ордена и известных в народе с хорошей стороны, проживавших в различных городах и во Флоренции. Если кто-нибудь исповедывался им в чем-либо тяжком и исключительном, они открывали это брату Иерониму с указанием имени и состояния исповедывавшегося. На основании этих откровений он проповедывал о грехах народа: люди считали, что ему открывает все бог. Этим и другими способами он так привлек народ, что многие верили, будто он — пророк и блаженный муж. Его приглашали на всякое совещание, где обсуждались важные дела, и по его указаниям управлялось государство. Святейший папа наш, сознавая такую власть человека и его злостность, озаботился

через начальника его ордена запретить ему такого рода проповеди. Однако Савонарола не пожелал подчиниться запрещению. Вследствие этого святейший папа наш под угрозой отлучения сам дал ему такое же распоряжение, чему он также не повиновался, говоря, что богу подобает подчиняться больше, чем людям; наконец, Савонарола обнародовал и провозгласил известные еретические мнения, относительно которых он говорил, что готов их отстаивать. Противился этим мнениям некий брат минорит⁴⁴ Цокколи, который открыто во Флоренции проповедывал, что мнения этого рода суть еретические. Брат же Иероним и другие братья его ордена утверждали, что мнения эти истинные и что они желают крепко их поддерживать; вследствие этого между братьями проповедниками и миноритами было условлено, что в разных местах будет объявлено о том, что проповедники желают публично защищать свои мнения, минориты же намерены эти мнения опровергать под страхом смерти перед нелицеприятным судьей, приемлемым для миноритов.

Суд и лучшие люди флорентийского народа, увидав и поняв писания и предложения проповедников и миноритов, решили с согласия совета дать место испытанию, так как в дело был вовлечен весь народ; постановили поэтому на большой главной площади сделать 7 апреля два больших вызвышения: одно для правителей и главных начальников государства, а другое для участников прения, а вблизи развести большой огонь, а также известить об этом братию обоих орденов, чтобы они в три часа заранее указанного дня явились в вышеназванное место, чтобы подтвердить свою готовность к жертве.

7-го числа ранее назначенного часа пришел брат Франческо Пулья из ордена миноритов с единственным сотоварищем на вышеназванную площадь; он взошел на возвышение, сел здесь, как бы ожидая здесь мессию. Потом после установленного часа прибыл торжественным шествием с крестом и причастием брат Доминико да Пешиа из ордена проповедников, сопровождаемый к той же площади братией своего ордена и братом Иеронимом из Феррары, а также громадной толпой народа; они в порядке взошли на устроенное возвышение; вышли также из дворца флорентийские правители и взошли на свое возвышение. Когда они уселись, встал брат Франческо из ордена миноритов и произнес краткую речь, в которой утверждал, что он здесь находится для того, чтобы выполнить предложенное испытание, то-есть, что он намерен сгореть на огне, потому что человек—грешник; просил он также правителей обещать ему, чтобы после его сожжения брат Доминико никоим образом не считался свободным и победителем, но чтобы он лично тоже сделал испытание на огне; если огонь не повредит ему, он будет считаться победителем, а иначе нет. Правители после совета между собою обещали брату, что

они намерены сделать то, что он просит. А так как у некоторых было подозрение, что братья, намеренные выполнить испытание, или кто-нибудь из них, может быть, имеет какое-нибудь заклинание или волшебство у себя в шляпе ли, или где-нибудь в другом месте, — волшебство, которое сохраняет их неприкосновенными от огненной силы, — то сказанные правители потребовали, чтобы они сняли те шапки, которые принесли с собою, и надели новые шапки. Брат Франческо из ордена миноритов не только принял указание названных правителей, но даже предложил, что он совсем без шапки и даже голым пойдет в огонь, чтобы было меньше подозрений. Брат Доминико словами и ухищрениями отказывался сменить свою шапку или снять ее. Услышав это, сказанный брат Франческо просил всех, чтобы о снятии шапки не препирались с сказанным братом Доминико, но позволили ему сохранить какую угодно, потому что она из сукна и без сомнения сгорит вместе с ним. Итак, они с согласия брата минорита позволили брату Доминико удержать шляпу; Доминико сказал, что он никогда не намеревался войти в огонь иначе, как с изображением распятия, о чем, когда указанные правители совещались, брат Франческо просил правителей, чтобы они и это разрешили брату Доминико; ведь распятие деревянное и от огня его не защитит; наоборот, он тем скорее с ним сгорит. Вследствие сего и это было разрешено брату Доминико. Но так как этого ему было недостаточно и он продолжал бояться огня, то сверх всего он просил третье, а именно, чтобы ему было дозволено войти в огонь с телом христовым, иначе он не намерен подвергать себя такой опасности. Так как правителям показалось, что этого не должно допускать, зрелище закончилось, и каждый возвратился в свой дом и в свое местопребывание. От этого произошел ропот в народе, и зародилось против брата Иеронима немалое неудовольствие и подозрение до такой степени, что 9-го числа того же месяца вечером народ устремился с великой буйностью и яростью к монастырю св. Марка, в котором жил означенный брат Иероним.

Монастырь братия крепко заперла, и он был снабжен бомбардами и другими средствами обороны, которые они направили против народа. Наконец, народ силой ворвался в монастырь, потеряв при этом пять убитых, монахов же погибло трое, в том числе родной брат Иеронима. Захватили они самого Иеронима и с ним двух других братьев, а именно Доминико да Пешиа и брата Сильвестра из Флоренции; их отвели во двор флорентийских правителей и ввергли их там в темницу.

Потом народ устремился к домам Франческо Вальори и Паоло Антонио Содерини, брата синьора епископа Вольтерры, который по преимуществу покровительствовал брату Иерониму и защищал его. Сначала они направились к дому Фран-

ческо Валори; когда его там не нашли, то отправились ко дворцу правителей. На площади или около того места убили и надругались над трупом. Жена его, которая пыталась защитить дом, была подобным же образом прикончена, и вынесено было все его добро, и каждый взял себе то, чем смог завладеть. Оттуда они побежали к дому сказанного Содерини, где решили действовать подобным же образом. Но правительство предвидело это и оказало помощь Содерини и его дому своими войсками; народу же обещаниями и угрозами было внушено, чтобы он разошелся, что и произошло.

Об этом было дано знать папе послом флорентийским в святой четверг утром. Посол просил папу удостоить указать, чтобы была отправлена разрешительная булла флорентийскому народу, уже отлученному за то, что он наложил в своей ярости руки на монастырь св. Марка и на самих братьев, а на иных напал, других убил, даже пресвитеров и прочих тяжело обидел. Святейший папа наш тотчас же указал позвать секретаря и поручил ему, чтобы булла была отправлена без промедления; в тот же день, 12 апреля, она была изготовлена и передана послу вечером того же дня; он послал ее во Флоренцию; прибыла она туда на следующий день — 13-го около 18 часов.

В четверг великой седмицы высокочтимый синьор кардинал Лиссабонский служил торжественную литургию в большой капелле с соблюдением обычных обрядов. Папа омыл ноги бедным по обычному чину. После чтения евангелия синьор Маркезин Станга, посол миланского князя, подал воду для рук папы.

Поздно 21 апреля или даже ночью был арестован в своей комнате во дворце апостолическом почтенный во Христе отец наш Петр Аранда, епископ Калаоры, заведующий апостолическим дворцом, и приставлена была к епископу стража, чтобы он не выходил из своей комнаты, вплоть до четверга 26 апреля, когда он был приведен к святейшему папе нашему и после продолжительного разговора был отведен в комнаты между двумя личными садами папы, недалеко от перехода, который идет к замку св. Ангела от сказанного дворца; там этот епископ усердно охранялся конюшими и другими почти до середины сентября. Причина ареста заключалась в том, что сказанный епископ был заподозрен в ереси, в маранстве и тому подобном. У него было много домашних врагов.

В четверг, 10 мая, совершалось отпевание короля французов в церкви их странноприимного дома; литургию совершал Иеремия, епископ Ассизский, в присутствии пяти кардиналов. После служения высокочтимый кардинал св. Дионисия устроил обед служившему, нам, чиновникам и певчим папы, которые пели службу: нам за своим столом, а певчим за другим столом, однако в той же палате. Свечи в церкви были плохо сработанные, как обычно бывает при отпевании.

Выше я говорил об аресте брата Иеронима во Флоренции с двумя другими братьями его по ордену, но из-за моих дел не мог хорошо следить, поэтому добавлю то, что тогда не мог выяснить. Брат Иероним, заключенный в тюрьму после того, как был подвергнут семи вопросам и пыткам, умолял о милосердии, предлагал сказать и написать все, в чем согрешил. Снятый с пыток и помещенный снова в тюрьму, он получил бумагу и чернила и изложил на 80 листах с лишним, как говорили, свои преступления и провинности.

В понедельник, 23 июля, Бартоломео Флоридо, бывший архиепископ Флорентийский, домашний секретарь святейшего папы нашего, скончался в замке св. Ангела в том месте, где был арестован, прося с великой, как я узнал, искренностью и преданностью у спасителя нашего милосердия и прощения, говоря: «тебе одному согрешил и перед тобою зло совершил», и отрицал, таким образом, вину перед папой. Поздно в тот же день он был отнесен в церковь блаженной Марии Траспонтинна, без всяких свечей, без провожатых, и там сразу погребен без обрядов или какого-либо церковного чинопоследования. Да упокоится он в мире.

На этих днях состоялось примирение между Орсини и Колонна при посредничестве высокочтимого кардинала св. Северино. И для большего упрочения этого мира были совершены и заключены взаимные браки между обоими этими родами.

В воскресенье, 29 июля, было установлено большое и просторное возвышение перед портиком церкви первоверховного апостола. На это возвышение были допущены 180 маранов для примирения с церковью. Один магистр богословия из ордена проповедников произнес речь на итальянском народном языке о вере сказанных маранов, которые все были испанской нации; среди них был один исповедник св. Франциска, одежду коего он открыто носил. Этот магистр обличал их во всех известных их ошибках, укорял их и наставлял. По окончании этой речи мараны просили прощения и оправдания. Затем управляющий дворцом в латинской речи увещевал их вернуться к правильной вере и доброму житию и рассказал им о наказании, соответственном их поступкам; это увещание он изложил им в нескольких словах по-испански. Потом, когда они стали на колени, им было назначено наказание, чтобы они в порядке попарно отправились в одежду, на них надетой и для этого специально придуманной, к церкви св. Петра для совершения там молитвы; оттуда в том же порядке они должны были идти к церкви монастыря блаженной Марии sopra Минерва, откуда, снявши одежды, каждый мог идти в свое место.

В пятницу, 17 августа, было тайное заседание консистории, в котором высокочтимый кардинал Валенсийский докладывал, что, с наступлением соответствующего возраста, он чувствует

в душе склонность к светскому званию; святейший же папа наш желал, чтобы он отдался и возлюбил звание церковное, вследствие чего он и одарил его церковными званиями и бенефициями по мере их освобождения, также выдвинул его на диаконский сан; этой воле папы он не противился. Но так как душа, желание и склонность кардинала Валенсийского постоянно лежали у него к светскому званию, то он просил святейшего папу нашего отнестись особенно благосклонно и разрешить ему, по снятии церковных одежд и сана, возвратиться к светскому званию и вступить в брак; и просил он также высокочтимых кардиналов, чтобы они согласились на это. Вследствие сего и за это он отказывается от церквей, монастырей и каких бы то ни было церковных бенефиций, которыми он обладал, с оставлением всего этого его святейшеству. Все кардиналы общим и единогласным мнением предоставили это освобождение воле и решению святейшего папы нашего.

В тот же день пришел в город вельможный синьор Людовик Вильнев, барон де Транс, камергер, с поручением от имени французского короля сопровождать высокочтимого кардинала Валенсийского во Французское королевство. Он был принят и отведен придворными нашего папы и высокочтимых кардиналов по обычному чину для послов, прибывающих принести покорность святейшему папе нашему.

На этих днях прибыл в город сиятельнейший синьор Альфонс Арагонский, герцог Бишелья, законнорожденный сын принца Салернского божественной памяти Альфонса II Арагонского, в возрасте 17 лет или около того, будущий супруг Лукреции Борджиа, возлюбленной дочери святейшего папы нашего, жены сиятельнейшего некогда дона Джованни Сфорца, властителя Пезаро. Герцогу не был устроен торжественный прием; его встречали только несколько частных людей, посланных ему навстречу святейшим папой нашим. Он ехал верхом в палаццо высокочтимого кардинала св. Марии в Портике, в котором жила донна Лукреция, где он и был гостеприимно встречен. Спустя немного дней он заключил брак с Лукрецией и закончил его плотской связью. Свадьба была совершена в сказанном палаццо без помолвки, не торжественно, а тайно, хотя об этом все знали. В капелле святейший папа наш указал предоставить место синьору Альфонсу на самом возвышении и высказал пожелание, чтобы он все время вечерни и литургии стоял, а не сидел; это место он и сохранил за собой впоследствии по желанию папы.

В понедельник, 1 октября, поутру отбыл из города тайно и без пышности высокочтимый во Христе отец и владыка, синьор Чезаре, кардинал Валенсийский, отправляясь морем во Францию. С ним уезжали вельможный синьор Людовик Вильнев, барон де Транс, камергер короля Франции, посланный ко-

ролем именно за ним, и Джованни Джордано Орсини, взявший с собой много молодых людей. Говорили, как мне известно, что отправлены большие сокровища; между прочим сообщалось, что очень многие или большинство его коней были в серебряных кольчугах.

1499 ГОД

В лето от рождества господа нашего Иисуса Христа 1499, в 25-й день декабря, по окончании литургии по обычному обряду, папа, до выхода из тайной палаты, созвавши к себе кардиналов, определил меч и шляпу послать христианнейшему королю Франции Людовику XII. Первую воду для рук папы дал посол флорентийский, вторую — посол венецианский, третью — первый из тех двух послов короля и королевы испанских, которые только-что прибыли в город, четвертую воду — сиятельнейший Альфонс Арагонский, князь Бишелья, супруг донны Лукреции.

В понедельник, 28 января, синьор Джерардо, генуэзский купец, супруг донны Теодорины, дочери счастливой памяти папы Иннокентия VIII, еще вчера ужинавший с высокочтимым кардиналом Беневента, здоровый и веселый, найден утром в своей постели мертвым и лишившимся жизни от удара, и был он в часы вечерни похоронен с величайшим почетом прелатами и придворными кардиналами, и сопровождали его до сказанной церкви многие из принадлежащих к курии.

В этом году состоялись все карнавальные празднества римлян. В воскресенье, 3 февраля, евреи бежали от Кампо ди Фиоре до замка св. Ангела около ворот Бурго на приз — плащ красного сукна, который в тот день дан не был, потому что, как говорили, пробег не был правильным. Поэтому бежали 4 февраля снова перед вечером от Кампо ди Фиоре или от сточного канала между домами высокочтимого синьора вице-канцлера и синьора Короната Планки к площади св. Петра, и завладел плащом тот, кто вчера был первым. Бежали также подростки в тот же день на приз — шелковый зеленый плащ — от капеллы возле моста замка св. Ангела до капеллы св. Петра.

5 февраля, во вторник, после обеда бежали юноши за розовый плащ от вышеназванного канала до первой площади св. Петра.

6 февраля, в среду, бежали старики за плащ красного сукна от капеллы до площади.

7 февраля, в четверг, был праздник, устроенный по обряду римлян: был верхом в маске епископ Туля, вернее — выбранный только быть таковым епископом, синьор Джованни Марадес, тайный постельничий святейшего папы нашего. Его

конь слегка задел нескольких римлян; вследствие этого он едва не подвергся нападению, так как его не узнали под маской; однако благодаря вмешательству окружающих пострадавшие договорились с епископом и успокоились. Вследствие этого на следующий день, под страхом тяжкого наказания, было приказано, чтобы впредь никто не пользовался масками, что все-таки не соблюдалось. В тот же день, в четверг или в пятницу, какими-то замаскированными людьми был убит испанский пресвитер, который в Испании убил брата одного из них. По городу распространилась молва, что убили меня, потому что он, может быть, одеждою или чем-нибудь другим был схож со мною. Поэтому очень многие из высокочтимых кардиналов, а именно: Неаполитанский, Александрийский, Санта Кроче, Сиенский и Фарнезе, послали узнать правду, а также и многие другие из придворных. Продолжалась эта молва обо мне вплоть до третьего дня. Да удостоит всемогущий бог по своей милости сохранить меня не пострадавшим в этой и всякой другой опасности.

В воскресенье, 10 февраля, после обеда в Тестаччио бежали варвары, испанские лошади достались синьору кардиналу св. Северино; второй приз попал бы ему же, если бы едущий на испанской лошади не свалился с нее. Второй плащ получил Джованни Франческо. Потом состоялся праздник быков и кабанов по принятому обычаю; однако без шума и скандала.

Вчера донна Лукреция, дочь святейшего папы нашего, гуляя для развлечения по какому-то винограднику, упала на ровном месте. Она испугалась, и поэтому произошел весьма тяжелый выкидыш зародыша девочки.

В пятницу, 22 февраля, вошли в город через Виридарские ворота около 21 часа почитаемый во Христе отец Роберт, епископ Трекоренский⁴⁵, вельможный муж Иоанн Цетман (Coetman), воин, великий правитель и почитаемый во Христе отец Жан дю Боше (Bochet), обоих прав доктор, протонотарий апостолического престола, посланные в качестве послов сиятельнойшей госпожи Анны⁴⁶, королевы Франции, герцогини Бретани, для принесения покорности святейшему папе нашему от имени королевы по линии ее герцогства Бретани; послы были приняты и сопровождаемы придворными святейшего папы нашего и высокочтимых кардиналов по обычному чину. Епископ ехал между архиепископом Реджио, правителем города, справа и архиепископом Арелатским⁴⁷ слева; воин ехал после них между архиепископом Рагузским справа и послом короля Франции слева; протонотарий на третьем месте между епископом Саморы справа и послом короля неаполитанского слева. Послы миланского и флорентийского герцогов пошли им навстречу и были вместе до дома Пьетро Романо, в котором обычно жил синьор кардинал Гриманы и который отвели для их обитания.

Прибытию этих синьоров послов и их приему противились в течение многих дней высокочтимые кардиналы св. Дионисия и Гуркский, ссылаясь на то, что ни в коем случае не удобно, чтобы королева без короля приносила покорность, что этого по правилам не должно быть и ничего не стоит, что сама королева, вдова божественной памяти Карла, французского короля, вступила после отхода послов из Бретани в брачную связь с сиятельнейшим Людовиком, новым французским королем, без согласия коего означенные послы не должны быть приняты. Поэтому указанные послы ранее открытого вступления были призваны к святейшему папе нашему, коему показали, что все делается с согласия короля французов. Когда об этом узнали, то их приняли и оказали им почет.

Предыдущей ночью, 22 февраля, прибыл скороход, через которого было возведено святейшему папе нашему, что заключен союз между его святейшеством, королем Франции и правительством Венеции. Было также сообщено некоторыми, что Чезаре, сын папы, бывший кардинал Валенсийский, заключил брак с находившейся во Франции дочерью короля неаполитанского и что он его завершил следовавшей плотской связью, однако уверенности в этом не было.

Святейший папа наш ожидал до 10 марта, чтобы Чезаре, некогда кардинал Валенсийский, его сын, заключил и завершил брак с дочерью неаполитанского короля и чтобы о том ему было возведено; поэтому благословенную во время литургии розу он определил во славу и честь Чезаре, некогда кардинала Валенсийского, сына его святейшества папы нашего.

31 марта, в пасхальное воскресенье, святейший папа наш, облачившись по обычному чину, прибыл торжественным шествием в церковь, намереваясь торжественно служить. Присутствовало 25 кардиналов. Высокочтимый кардинал Сегобрийский сидел последним в ряду кардиналов, епископов и пресвитеров, то-есть непосредственно после высокочтимого кардинала св. Дионисия, хотя его место было не там, а после высокочтимого кардинала Гуркского. Это допущено было вследствие его французской болезни, которой он сильно страдал и вследствие которой он не засвидетельствовал папе обычного почитания.

В субботу, 20 апреля, святейший папа наш получил письма из Франции, уведомляющие его святейшество, что брак между бывшим кардиналом Валенсийским и дочерью синьора д'Альбрэ⁴⁸ заключен с договором, в котором значилось, между прочим, как говорили, что его святейшество должен дать в приданое 200 000 дукатов и что брак не будет завершен до тех пор, пока его святейшество не назначит брата невесты кардиналом и не объявит об этом.

23 мая прибыл из Франции скороход, который возвестил святейшему папе нашему, что его сын, некогда кардинал Валенсийский, заключил брак с вельможною госпожою д'Альбрэ

12-го числа настоящего месяца и завершил его в воскресенье того же месяца. Прибыл другой вестник с тем, что в троицу, 19-го сего месяца, король Франции принял этого герцога в члены братства св. Михаила, которое является королевским и весьма почетным. Вследствие этого, по указанию и поручению святейшего папы нашего, поздно вечером было зажжено много огней перед домами высокочтимых кардиналов Орсини, св. Дионисия, дочери папы и многих испанцев в знак радости, но и к большому бесчестью и в укор святейшему папе нашему и его святому престолу.

В субботу, 20 июля, около 23 часов сообщено было святейшему папе нашему, что управляющий дворцом бывшего кардинала Валенсийского, который 12 июля, пока было тайное заседание, ходил по залам дворца для развлечения и будто бы от нечего делать, по окончании заседания сел на коня с намерением спешно отбыть через ворота к своему патрону от имени папы с тайными, важными вестями, но был схвачен в Милане герцогом и допрошен, и все тайны были открыты герцогу. Взволнованный этим папа распорядился, чтобы ворота города были заперты и охранялись, а также чтобы впредь никто не выпускался без разрешения правителя города. Близкие же высокочтимого синьора вице-канцлера и посол миланского князя были предупреждены о вышеизложенном письмами самого герцога, которые они получили в это утро или днем. Вследствие этого они убежали из дома вице-канцлера; все слуги и прелаты вывезли свое добро в то же утро. Архиепископ Генуи, епископы Сутри и Алатри, протонотарий Марини и Сфорца вместе убежали в дом высокочтимого кардинала Колонна. Был схвачен и отведен в замок св. Ангела некий Варфоломей, камерарий вице-канцлера. Он был подвергнут наказанию и через некоторое время освобожден. Взволнованный святейший папа наш послал правителя города к кардиналу Колонна и с ним синьора Адриана, протонотария, своего секретаря, с требованием от кардинала, чтобы прелатов и Марини, протонотария, и Сфорца, которые, как прежде сказано было, все вместе убежали к Колонна, он отослал к его святейшеству. Кардинал в вежливых словах отказался это сделать. Относительно этого между кардиналом и правителем города длилась речь весьма много часов: ответ кардинала был возведен папе, и возражение папы было сообщено ему. Наконец, видя, что острая опасность уменьшается, кардинал, когда правитель и Адриан были в его комнате, незаметно вышел с прелатами и всеми, кто к нему убежал, и отбыл из города около пяти часов той ночи; он направился в один из своих замков и прибыл в полном здоровье со всеми туда, где был высокочтимый синьор вице-канцлер. Правитель города и Адриан подождали с некоторым недоумением кардинала; поняв, что обмануты, они возвратились к папе, который в возмущении приказал около полуночи позвать во дво-

рец почтенного отца Алоизия, епископа Пезаро, правящего апостолической канцелярией и замещающего высокочтимого синьора вице-канцлера, и с почетом задержать в комнате также епископа Мутинского⁴⁹; папа распорядился стелить и самого синьора казначея; только в воскресенье, 21 июля, после обеда он освободил и отпустил его к себе домой. В то же воскресенье с утра правитель города, по приказу папы, со своим отрядом вошел в дом вице-канцлера и тщательно его обыскал; наконец, после двух часов или около того, ничего в нем не тронув, возвратился в дом свой.

7 августа. Каноники церкви св. Петра за городом желали, чтобы почивший кардинал св. Дионисия был принесен в их ризницу для охраны там, пока удалится народ, чтобы тем временем снять с него новые облачения и одеть в другие — старые. Я запретил это делать и приказал отнести его прямой дорогой в капеллу св. Петронилы, где он был во всем своем облачении и в совершенно новой митре, которую я смог защитить с величайшим трудом. Каноники и бенефициаты желали ее снять и надеть ему другую, не кардинальскую, а старую — епископскую; даже новый ковер, который он имел под собою, остался под ним только вследствие моей охраны. Много помогло мне присутствие высокочтимого кардинала Гуркского, который присутствовал при этом и которого я призывал на помощь, когда это было нужно. Впереди покойного несли его близкие и близкие их близких и друзья 100 свечей, которые я распорядился для этого сделать, и факелы по полфунта и 60 фунтов свечей по 20 и 30 штук в фунте. Из всего этого, как я узнал, ничего не осталось. Достались мне за наше служение прекрасный матрац с подушкой, мыло, а также кусок сукна, положенные сверху ложа.

В четверг, 8 августа, отбыла из Рима через ворота дель Пополо донна Лукреция Борджиа Арагонская, святейшего папы нашего возлюбленная дочь, направляясь в Сполето, в замок, правительницей коего она была назначена святейшим папой нашим, и с нею, слева от нее, Хоффредо Борджиа, герцог Арагонский. Впереди шло много повозок добра, которые папа рассматривал через ворота дворца с верхней галереи. Сама же она и брат, после того как на лошадях подъехали к подножию лестницы церкви св. Петра, низко кланялись с лошадей папе, находившемуся вверху, испрашивая от него прощальное благословение. После того как папа через окно трижды их благословил, они отбыли. Впереди них двигались полным порядком вся придворная стража папы и правитель города со всем своим отрядом. Впереди один мул, на котором была постель с матрацами и покрывалом из кремонского сукна, украшенная цветами и с двумя подушками из белой камки, имеющая сверху прекраснейший навес, который должны нести люди, когда под ним отдыхала донна Лукреция, утомившись на лошади или на муле. Другой мул нес седло, на

котором сверху было высокое комнатное красиво убранное кресло со спинкой и подножной скамейкой, покрытыми шелком, чтобы донна Лукреция, сидя там, покойнее ехала. От площади св. Петра до моста св. Ангела сопровождал ее справа посол короля неаполитанского, потом правитель города; за ней следовали попарно прелаты и большая толпа во хвалу и славу святого престола.

В пятницу, 9 августа, было тайное заседание консистории, в котором высокочтимый кардинал Борджиа был провозглашен и объявлен легатом всего христианского мира; после заседания его сопровождали все кардиналы до места его жительства, которое находится в верхней части дворца. В этом помещении ранее жил великий турок, а после него бывший кардинал Валенсийский.

В пятницу, 16 августа, почитаемый отец Андрей из Витербо, протонотарий апостолического престола, направляясь во дворец и апостолическую палату, подвергся нападению возле моста св. Ангела на площади св. Целия со стороны одного витербийского всадника с обнаженным кинжалом в правой руке, острие которого он многократно подносил к протонотарию, слегка ранив его в грудь. Когда стоявшие рядом закричали, то нападавший с криком: «Орсо! Орсо!» умчался и вошел в палаццо высокочтимого кардинала Орсини. Святейший папа наш, выслушав его, покраснел, — видно было, что он очень сожелел, что дело было сделано так неловко.

Несколько дней тому назад святейший папа наш за какое-то бесчинство приказал заключить почитаемого отца нашего синьора Джованни, протонотария Сермонеты, в замок св. Ангела, а город Сермонету со всем принадлежащим к нему подчинил непосредственно римской церкви.

14 октября в позднее время вернулась в город донна Лукреция Борджиа Арагонская, дорогая дочь святейшего папы нашего, с родным братом, принцем, и герцогом, своим супругом; навстречу им вышло очень много шутов и забавников папского дома и другие, кого назначил его святейшество.

На этих днях святейший папа наш по причине того, что синьоры или викарии Ариано, Пезаро, Имола, Форли, Каме-рино и Фаэнцы, а также урбинский герцог, вассалы церкви римской, не заплатили ему и апостолической камере ежегодного обязательного дохода, лишил всех их звания — апостольской властью, а не в заседании — и объявил об этом.

Республика Миланская дала взаймы апостолической камере 45 000 дукатов на этих же днях на отправку вооруженных людей для приведения твердой рукой к покорности означенных городов. Получил означенные деньги от имени римской церкви синьор Чезаре Борджиа, герцог Валенсийский, сын папы, капитан вооруженных сил; относительно возвращения их Миланскому государству дали обязательство высокочтимые кардиналы Борджиа и Санто Пьетро в Винколи.

В воскресенье, 27 октября, в монастыре миноритов умер брат Самсон, главный начальник ордена миноритов, который, как говорили, оставил после себя серебряную утварь, то-есть серебряные вазы, ценою в 1 000 дукатов. В одном месте у него нашли 11 000, в другом — 8 000 и в третьем — 1 080 дукатов. В последнее время сообщали папе, что почивший согласен был за кардинальство пожертвовать 30 000 или 35 000, даже 50 000 дукатов.

В следующую за 31 октября ночь около 9 часов донна Лукреция Борджиа родила ребенка — мальчика; об этом, как говорят, по указанию папы, было возведено на-дом на рас-свете всем кардиналам, послам и всем друзьям.

Каждым кардиналом и послом было дано возвещавшему по два дуката, а также и больше или меньше, как угодно было дающему.

В воскресенье, 3 ноября, около полудня почитаемый отец синьор Лодовико Аньелло (он же Анджело), архиепископ Козенцы, заразившись моровой язвой, расстался с жизнью; наследовал архиепископу Лодовико, который был также и клириком апостольской камеры, по службе клирика синьор Вентура Бенассай сиенский, бывший купец, обслуживающий римскую церковь, который за это назначение заплатил 5 000 дукатов.

В среду, 6 ноября, около 17 часов почитаемый во Христе отец Эггерд Дюркооп, шлезвигский епископ, в моем присутствии испустил дух. По окончании заседания я вошел к папе, умоляя его святейшество в присутствии высокочтимых кардиналов Лиссабонского и Сиенского, чтобы он одобрил составленное завещание епископа своей апостолической властью, на что его святейшество согласился. И так как я узнал, что высокочтимый архиепископ, правитель родного города, присутствовавший там же, приказал составить перечень всего добра, оставленного почившим епископом, то сказал об этом его святейшеству, умоляя его удостоить приказать правителю города, чтобы он убрал руки и ни в чем бы не препятствовал завещанию. Ответил мне его святейшество, что правитель города хорошо сделал; он подозвал его к себе и тайно на ухо поручил ему поискать денег и каких-либо других ценностей, а найденное передать самому папе. Правитель города, возвращаясь из дворца в свой дом, указал исполнителям банка Ульриха Фуггера и братьев, обслуживающего римскую курию, под угрозой тяжелой кары, без позволения его святейшества никому никаких денег, принадлежащих умершему епископу, не давать и не вручать. То же было сделано по отношению к большинству купцов. По истечении многих дней его святейшество ясно понял, что никаких денег епископа в банках нет в виде вложения, но я получил некоторую сумму денег по векселям, которыми завладеть без насилия правитель города не мог.

В понедельник, 11 ноября, был крещен в базилике св. Петра в капелле Сикста IV высокочтимым кардиналом Неаполитанским рожденный от Лукреции Борджиа, дочери святейшего папы нашего, сын Родриго⁵⁰.

Во вторник, 12 ноября, почитаемый во Христе отец (Бруни) Генри, архиепископ Тарента, и Аккурсий де Петра, чиновник коллегии высокочтимых кардиналов, подарили от имени этой коллегии ребенку Лукреции две серебряных конфетницы с 1200 дукатами, то-есть в каждой конфетнице по 600 дукатов, хотя никто из кардиналов в этом не участвовал, за исключением одного Неаполитанского.

Несколько дней тому назад турки вторглись в патриаршество Аквилейское венецианского владения и обезлюдили его, деревни сожгли и нанесли большой ущерб; то же они сделали с двумя деревнями, подвластными королю римскому.

В понедельник, 18 ноября, Чезаре Борджиа Арагонский, герцог Валенсийский, сын папы, некогда кардинал Валенсийский, тайно с одним только камерарием и братом синьора Джованни Марадеса вернулся в город во дворец папы, с которым оставался до четверга, 21 числа, когда поутру отбыл и тайно сопровождаемый войсками папы поехал к Имоле, которую немного спустя взял приступом вместе с замком, а сыновей бывшего графа Джироламо Риарио⁵¹, родственников высокочтимого кардинала св. Георгия, владельцев того города, насильственно обобрал.

Поздно вечером в тот же день некий Томазий из Форли, музыкант папы, был взят вместе со своим сотоварищем и были отведены в замок св. Ангела, где подверглись заключению. Этот Томазий пришел в Рим с отравленными письмами, которые положил в тростник для представления папе под предлогом, что они от Форлийской общины, просящей соглашения с папой. Если бы папа их взял, то получил бы яд и был бы отравлен настолько, что без всякой надежды исцеления через немного дней или часов был бы мертвым. Для получения доступа к папе Томазий послал принца Скиллаче, сына папы, за своим другом из Форли, музыкантом Хоффредо Борджиа, а потом и за кем-то другим, очередным стражем ворот папского дворца, которым он и сообщил о своем предположении. Это дошло до ушей папы, по приказанию коего все они были заключены в тюрьму и тотчас же, допрошенные полностью, сознались во всем. На вопрос о том, думал ли он, что по совершении такого злодеяния ему никак нельзя будет избежать смерти, он ответил, что у него была сильная вера, что в случае смерти папы города Имола и Форли освободятся от Чезаре, герцога Валенсийского, сына папы, и что была бы умиротворена госпожа этих городов, вдова графа Джироламо, его покровительница, питавшая его с юности; вследствие этого, если бы он мог десять раз умереть, он готов был бы без боязни подвергнуться смерти.

В пятницу, 29 ноября, утром донна Лукреция, дочь папы, вышла после родов из своего дома, вошла в церковь св. Петра; Петр, епископ Кариньолы, поддерживал ее за левое плечо, когда она шла к церкви и когда оттуда возвращалась домой. Литургию ей совершал он. Я узнал также, что донна Лукреция была поздно вчера с папой, своим родителем.

В воскресенье, 8 декабря, почитаемый во Христе отец Стефано, епископ Катанцо, служил торжественную литургию в большой капелле. На эту литургию с папой пришел высокочтимый кардинал Монтереале, который имел французскую болезнь и в течение двух лет или более не показывался открыто.

В среду, 11 декабря, ночью пришли новости к его святейшеству, что Чезаре, герцог Валенсийский, занял замок Имола и силой подчинил его себе.

1500 ГОД

В лето 1500, 1 января, в среду, торжественная литургия была совершена в большой капелле дворца кардиналом Александрийским в присутствии папы. Слово было произнесено Микаэле Ферно из Милана довольно посредственно. После литургии его святейшество отец наш подозвал к себе преосвященного брата во Христе архиепископа Рагузы; воздав хвалу его добродетелям, он назначил его заведывающим апостолической канцелярией и заместителем вице-канцлера. Архиепископ благодарил его святейшество и поцеловал его ногу.

После трапезы папа отправился, точнее — был вынесен, из своего дворца по аллее в замок Ангела. Там он увидел свою дочь Лукрецию Борджиа, проезжавшую верхом мимо замка и направлявшуюся, как я думаю, в латеранскую церковь. Ее сопровождало около сотни всадников, из которых пятьдесят находились впереди нее. Последним из них, непосредственно перед ней, был Петр, епископ Кариньолы, по правую сторону которого находился некий барон, а по левую — одноглазый Орсини, муж Юлии Фарнезе⁵², сестры достопочтенного кардинала Фарнезе, за которым следовала донна Лукреция, имея по левую от себя руку Альфонса Арагонского, своего мужа. Позади них ехал брат достопочтенного кардинала Борджиа, комендант папского дворца, имея с правой и левой стороны по женщине, за которыми следовало много других женщин, из которых каждая имела слева от себя кого-либо из дворян или военных. Все сие — во славу и честь святой римской церкви.

Позже, 12 февраля, в среду, апостолическая палата продала донне Лукреции укрепленный город Сермонету, с замком

и всеми угодиями, за сумму в восемьдесят тысяч дукатов, каковую сумму названная палата и получила непосредственно от донны Лукреции.

Во вторник ночью, 14 января, в город пришло известие, что крепость Форли, вследствие военной хитрости, после приступа перешла во власть герцога Валенсийского, а графиня, жена графа Джироламо Риарио, была взята в плен. Все остальные были перебиты.

В понедельник, 27 января, в первой зале апостолического дворца состоялось открытое заседание консистории для принятия верноподданности от послов короля и королевы наваррских. Посол назвал папу родственником своего короля. Я не знаю, откуда происходит это родство. В своем ответе папа признал себя родственником короля; он добавил, что волей providения суждено укрепить это родство новым браком.

Папа был перенесен в консисторию на престоле и таким же образом был отнесен в свои палаты. Говорят, что супруга валенсийского герцога, сына папы, приходится сестрой названному королю.

26 февраля все кардиналы, по приказанию папы, получили извещение — выслать сегодня в 19 часов их свиты к воротам Санта Мариа дель Пополо навстречу сиятельнейшему валенсийскому герцогу, возвращавшемуся в город.

В среду, 25 марта, его святейшество решил даровать в четвертое воскресенье поста сиятельнейшему Чезаре Борджиа, валенсийскому герцогу, розу, назначив его главнокомандующим и знаменосцем святой римской церкви. Посему он поручил нам, моему сотруднику Бернардино и мне, сделать соответствующие приготовления. Но он заранее письменно сделал моему сотруднику предписания, которыми мы должны руководствоваться.

За последние дни месяца мая святейший отец наш установил особый налог с дохода: с евреев — двадцатую часть, уплачиваемую ежегодно в течение трех лет, с духовенства — десятую часть, уплачиваемую на тех же условиях. Это мероприятие он провел апостолическими грамотами, прибитыми на дверях канцелярии и опубликованными затем в городе. Вот содержание этих грамот:

«Епископ Александр, раб рабов, в память во веки веков. Имею непрестанное попечение о процветании всех церквей, наше постоянное желание — видеть всех верующих во Христа восходящими от силы в силу. Но бедствия нашего времени и жестокое преследование, коему подвергают верующих во Христа вероломные турки, враги христианского имени, побуждают нас принять новые мероприятия, которые — всемогущий господь бог, испытующий сердца, тому свидетель — противны нашим обычаям и намерениям. Мы верим, что духовные лица и все верующие во Христа окажут не только без ропота, но и со участливым свое великодушное содействие в защите веры,

которую они исповедали при святом крещении, и для спасения христианства. Вероломнейшие турки, враги христианского имени, жаждущие крови верующих во Христа и желающие подчинить христианские земли под свое иго, бросили могущественный флот и многочисленную армию против Венеции и нашего возлюбленного сына Августина Барбадиго, ее дожа. Они вторглись во многие города, увели тысячи душ в жестокое пленение и предали множество мест опустошению огнем и мечом. Если мы не искореним этого зла быстрыми мерами, то можно опасаться, что вероломнейшие турки, возгордившись своими победами и видя, что католические государства заняты лишь собственными интересами, не думая об общем благе, причинят нам еще большие бедствия. Вот почему мы, замещающие на земле того, кто сошел с неба для спасения мира, готовы, для защиты веры и спасения христианства, не только пожертвовать нашим имуществом и имуществом апостольского престола, доверенным нашему управлению, но и пойти на личные жертвы — о чем объявили в различных грамотах многим королям и католическим принцам — и, если то необходимо, пролить нашу кровь. Но так как наши средства и средства нашей церкви недостаточны для столь большого предприятия, то, желая содействовать по мере наших сил сему святому делу, мы, зрело обдумав с кардиналами святой римской церкви, выслушав их мнение и получив согласие, установили особый налог в десятую часть доходов в течение трех лет начиная с опубликования сих грамот; налог этот должен быть выплачиваем ежегодно от всех продуктов и доходов монастырей, бенефиций, вне зависимости от состояния, ранга и достоинства их владельцев. Этот налог будут получать легаты, нунции и сборщики, уполномоченные нами на сей предмет. И мы заявляем, что все те, кои откажутся платить полностью сию десятину, какого бы они ни были состояния, ранга или достоинства, они тем самым подлежат отлучению от церкви и лишению своих доходов».

Ведомость доходов досточтимых отцов кардиналов, в силу которой взимается десятая часть для похода против турок.

Досточтимые отцы:

Кардинал Неаполитанский	10 000 дукатов	Кардинал Беневента .	10 000 дукатов
Кардинал Санто Пьетро в Винколи .	20 000 "	Кардинал Санта Пракседа	10 000 "
Кардинал Санта Мариа в Портике . . .	15 000 "	Кардинал Монтереале	10 000 "
Кардинал Сант Анджели	12 000 "	Кардинал Орсини . .	10 000 "
Кардинал Уликсбоненский ⁵³	12 000 "	Кардинал Александрийский	8 000 "
Кардинал Реканати .	12 000 "	Кардинал Санта Кроче	10 000 "
Кардинал св. Климента	10 000 "	Кардинал Гуркский .	3 000 "
		Кардинал Агригентинский ⁵⁴	2 000 "
		Кардинал Этский . .	13 000 "

Кардинал Цезарин ⁵⁵	2 000	дукатов
Кардинал Фарнезе . .	2 000	"
Кардинал Борджиа . .	10 000	"
Кардинал Корнаро, не имеющий ника- ких доходов — ни- чего		
Кардинал Макловиен- ский ⁵⁶	12 000	"
Кардинал Цепоманен- ский	9 000	"
Кардинал Руанский . .	9 000	"
Кардинал святых Вен- цанских	8 000	"
Кардинал св. Николай in carcere Fullano (в Риме)	2 000	"
Кардинал Испалец- ский (Гиспальский) ⁵⁷	14 000	"
Кардинал Арагонии . .	2 000	"
Кардинал Капуанский	10 000	"
Кардинал Гримани . .	7 000	"
Кардинал Арборен- ский	2 000	"
Кардинал Регинский (Реджио)	2 000	"
Кардинал Кузентин- ский	2 000	"
Кардинал Салерно . .	3 000	"
Кардинал Канутак- венский ⁵⁸	2 000	"
Кардинал Моденский	3 000	"
Кардинал Сиенский . .	9 000	"
Кардинал Санто Джор- джо	18 000	"
Кардинал Колонна . .	3 000	"
Кардинал Асканьо . .	30 000	"
Кардинал Медичи . .	6 000	"
Кардинал Сан Севе- рино	13 000	"
Кардинал Родосский	находящиеся	
Кардинал Польский	на войне	
Кардинал Стриго- нийский (Гран, Венгрия)	ничего не уплачивают	

*Генрих, архиепископ, епископ Та-
рентинский,*

*клирик и секретарь священной кол-
легии и сборщик десятины, собствен-
ной рукою.*

Апостолические палаты (налог)		
Вице-канцлер	50	дукатов
его нотарии	40	"
Аудитор генеральный	100	"
его нотарии	100	"
Казначей генеральный	70	"
его нотарии	30	"
его клирики	300	"
его же нотарии	200	"

Адвокат казны	8	дукатов
Прокурор казны	8	"
Аббревиатор	8	"
его помощник	4	"
Хранитель генеральный	100	"
Аббревиаторы млад- шие	812	"
Ходатаи	200	"
Протоотариин	300	"
Экзаминатор	10	"
Писцы апостолические	2 000	"
Клирики палаты	60	"
Экзекутор палаты . . .	12	"

Секретариата

Секретари	1 200	"
Сумматор булл	30	"

Печати

Хранители	150	"
Пломбаторы	60	"
Сборщики	1 248	"

Дворца

Вооруженная охрана .	150	"
Начальники приврат- ников	64	"
Скороходы папы	100	"
Хранители железных ворот	18	"
Хранитель цепи	4	"
Начальники священно- го дворца	8	"
Спальничии	20	"
Щитоносцы почетные	60	"
Библиотекарь	10	"

Капеллы

Ризничий	8	"
Ассистенты	50	"
Иподиаконы	200	"
Аколуфы	40	"
Церемониймейстеры .	30	"
Начальник капеллы . .	10	"
Певчие	100	"
Капелланы	8	"

Канцелярии

Правитель ее	40	"
Корректор	70	"
Привратник	20	"
Нотарий	40	"
Аббревиаторы старшие	300	"

Регистратуры прошений

Начальники	60	"
Клирики	24	"
Писцы	80	"

<i>Регистратуры булл</i>			
Начальники	120	дукатов	Нотарий ее . . . . . 10 дукатов
Писцы на содержании	60	"	Аудитор . . . . . 8 "
Писцы без содержания	100	"	Барселло . . . . . 100 "
			Комендант Новой баш- ни . . . . . 5 "
<i>Суда</i>			Сенатор города . . . . . 100 "
Нотарии	500	"	Госпиталь св. Иакова возле Колизея . . . . . 5 "
Аудитор	40	"	Госпиталь св. Альберта . . . . . 5 "
Лекторы	24	"	Госпиталь св. Иеронима . . . . . 2 "
Прокуроры	140	"	Госпиталь св. Иоанна Британского . . . . . 4 "
<i>Пенитенциарии</i>			Госпиталь св. духа . . . . . 400 "
Правитель	25	"	Госпиталь св. ангела . . . . . 6 "
Аудитор	20	"	Госпиталь богемцев . . . . . 10 "
Писцы	224	"	Госпиталь португаль- цев . . . . . 6 "
Прокуроры	144	"	Госпиталь фламандский . . . . . 6 "
Пенитенциарии старшие	10	"	Госпиталь тевтонский с капеллами . . . . . 30 "
<i>Города</i>			Госпиталь английский . . . . . 30 "
Викарий папы	40	"	Госпиталь французский . . . . . 10 "
Нотарии	24	"	Госпиталь св. Евста- фия . . . . . 30 "
Аудитор	20	"	Два госпиталя по ту сто- рону Тибра . . . . . 12 "
Комендант Савеллиев- ской курии	30	"	

15 сего июля, около часа ночи, было совершено нападение со стороны нескольких лиц на Альфонса, герцога Арагонского, мужа Лукреции, дочери папы; герцог находился на паперти храма св. Петра, перед первым входом в церковь; он был тяжело ранен в голову, правую руку и ногу. Покушавшиеся бежали по ступеням лестницы св. Петра, внизу коей их ждало около сорока всадников, с которыми они, сев на лошадей, выехали через Пертузианские ворота.

Во вторник, 18 августа, сиятельный Альфонс Арагонский, герцог Салерно, который вечером 15 сего июля был тяжело ранен и перенесен в башню Нуова над погребом папы, в большом саду дворца св. Петра, где за ним был установлен внимательный уход, около восемнадцати часов был задушен в своей постели. В час ночи его труп был перенесен в церковь св. Петра и поставлен в капелле Санта Мариа. Достопочтенный отец Франческо Борджиа⁶⁹, архиепископ Козенцы, казначей папы, со своей свитой сопровождал его тело. Врачи покойного и один горбатый, ухаживавшие за ним, были арестованы и препровождены в замок Ангела. Против них начато было следствие. Затем их освободили, как невиновных, что прекрасно знали те, кто дал приказ об их аресте.

В понедельник, в последний день месяца августа, велико-лепная донна Лукреция, бывшая Арагонская, дочь папы, выехала из города, направляясь в место Непи, в сопровождении около шестисот всадников, дабы получить некоторое утеше-

ние и отдохновение, по причине скорби и волнений, перенесенных ею за последние дни вследствие смерти ее мужа, сиятельного Альфонса Арагонского, герцога Салерно.

В пятницу, 18 сентября, в тайном заседании консистории его святейшество предложил к назначению новых кардиналов. Было решено, что необходимо пригласить отсутствующих кардиналов. Чезарини, не присутствовавший на заседании, и Лиссабонский, который был болен, написали папе, что они присоединяют свои голоса к его решению. Сиенский, извиняясь, что его удерживает дома подагра, написал папе обычные любезности.

В пятницу, 25 того же месяца, в тайном заседании консистории вторично поднят был вопрос о назначении новых кардиналов; никакого решения принято не было. Наконец, в понедельник, 28 того же месяца, в тайном заседании консистории, в присутствии пятнадцати кардиналов, были назначены двенадцать новых кардиналов, именно:

Диего, архиепископ Испаленский (Севильский)	за 25 000	лукатов
Якопо (Серра), архиепископ Арборенский (Ористано)	за 5 000	"
Томас, архиепископ Стригонийский (Гран, Венгрия)	за 20 000	"
Пьетро, архиепископ Регинский (Реджио), правитель города	за 7 000	"
Франческо Борджиа, архиепископ Кузентийский (Козенцы), главный казначей	за 12 000	"
Иоганн (Джованни Вера), архиепископ Салерно	за 4 000	"
Лодовико (Борджиа), епископ Капутаквен- ский (Капаччио), секретарь папы	за 5 000	"
Антонио, епископ Куманский (Комо)	за 20 000	"
Джованни Баттиста, епископ Мутинский (Модены), датарий	за 22 000	"
Амедео д'Альбрэ, зять герцога Валенсий- ского	за 10 000	"
Марко Корнаро из Венеции	за 20 000	"
Пьетро Борджиа, Иерусалимский рыцарь .	—	—

1501 ГОД

В субботу пасхальной недели, 17 апреля, Маттен, епископ Умбриатико, совершил торжественную литургию в большой капелле; папа отсутствовал. Все совершено было обычным чином. Говорят, что папа не явился потому, что прошел слух о больших потерях, понесенных валенсийским герцогом перед Фаэнцой.

В понедельник, 20 апреля, поздно вечером в Рим пришло известие, что город Фаэнца взят. Владелец этого города вынужден был сдаться вследствие измены двух своих команди-

ров, отказавшихся сражаться за него. По договору владельцу обещана была свобода, но это обещание не было выполнено, так как его привезли в Рим и заключили в замок Ангела, несмотря на то, что ему было около семнадцати лет. С двух с половиной часов ночи до утра в замке Ангела раздавалась стрельба. Граф Скиллаче, брат валенсийского герцога, и Карло Орсини большую часть ночи скакали по городу; их сопровождало множество народа с факелами. Люди кричали: «Герцог! Герцог! Орсо! Орсо!» В Борго были зажжены многочисленные костры.

Во вторник было объявлено в городе предписание зажечь всюду огни в ознаменование этой победы. Вечером зазвонили в большой колокол Капитолия; был зажжен костер на площади Капитолия; зажжены свечи в окнах дворцов сенатора и правителей; зажжены огни перед домами кардиналов и многих римлян и на площади Кампо ди Фиоре. Проявлено было больше торжественности, чем в праздник апостолов Петра и Павла.

В пятницу, 7 мая, в Падуе скончался достопочтенный кардинал Санта Мариа в Портике. Да почиет душа его в мире! Говорят, что с разрешения верховных первосвященников он составил завещание, в силу которого сумма в двадцать пять тысяч дукатов предназначалась на благотворительные дела; из остального своего состояния он половину передал верховному первосвященнику или римской церкви, а другую половину, которая, как говорят, превышала сто тысяч дукатов, — правительству Венеции на ведение войны против турок. Но папа дал знать правительству, что он отказывается от своего согласия одобрить завещание указанного кардинала. Вследствие сего завещание было признано недействительным, и все состояние, оставленное покойным кардиналом, было передано его святейшеству. Помимо сего, было предписано, чтобы все, у кого имеется названное имущество, под страхом немедленного отлучения, в известный срок вернули его папе. Я не знаю последствий этого дела, но думаю, что папа на этом деле ничего не потерял.

Покойный кардинал имел камердинера родом из Анконы, весьма преданного ему, за что кардинал его очень любил. Он отослал в монастырь монахов Анконы два сундука, содержащих, между прочими вещами, двадцать тысяч золотых дукатов. Эти сундуки были переданы в монастырь на хранение и, в случае смерти кардинала, должны были быть переданы его камердинеру. Но камердинер умер раньше кардинала, которому он служил. Кардинал — нето по забывчивости, нето по какой-либо другой причине — не сделал новых распоряжений. Папа, узнав об этих сундуках, приказал вывезти их из Анконы и присвоил себе их содержимое.

26 июля в пять часов ночи папа получил известие о взятии валенсийским герцогом Капуи. Приблизительно за десять

дней перед тем он узнал, что Аверса, Нола и многие другие крупные местности заняты французами; тогда же он узнал, что в Калабрии и Апулии подняты знамена испанского короля, сделавшегося господином этих герцогств. Взятие Капуи произошло благодаря измене обитателя этого города по имени Фабрицио, который тайно ввел отряды герцога. Он был убит этими отрядами. После него погибло около трех тысяч пехотинцев и двухсот всадников. Убиты были также без всякой жалости священники, монахи, монахини, даже в церквях и монастырях, и все оказавшиеся здесь женщины. Что касается молодых женщин, то их хватили и грубо насиловали. Число убитых доходит до шести тысяч.

В лето 1501, 27 июля, во вторник, его святейшество отец наш выехал из города в сопровождении пятидесяти всадников, сотни пехотинцев, своих придворных и кардиналов, направляясь в Сермонету и поместья Колонна.

Перед отъездом из города, отправляясь в одно из обычных путешествий, его святейшество наш отец доверил свои палаты, весь дворец и текущие дела своей дочери Лукреции, которая, в отсутствие своего отца, проживала в папских палатах. Папа поручил ей вскрывать письма, адресованные его святейшеству. Он сказал ей, что, в случае затруднений, она может советоваться с достопочтенным кардиналом Лиссабонским и другими кардиналами, которых она может вызывать к себе. Я не знаю, что было за дело, требовавшее решения, но донна Лукреция послала за кардиналом Лиссабонским. Она сказала ему о поручении, данном ей папой, и о деле, которое она должна решить. Кардинал, разобрав дело и видя, что оно не представляет большой важности, сказал ей: «Когда папа излагает какое-либо дело в консистории, то вице-канцлер или, за его отсутствием, другой кардинал скрепляют своей подписью предложенные решения или принятые постановления. Следовательно, кто-то должен подписать принятое нами решение». Лукреция на это ответила, что она умеет хорошо писать. Тогда кардинал спросил: «Где ваше перо?» Лукреция поняла намек и насмешку кардинала, улыбнулась, и на этом их разговор закончился.

В лето 1501, 4 сентября, в субботу во время вечерни пришло известие о заключении брака в Ферраре между Альфонсом, старшим сыном феррарского герцога, и Лукрецией Борджиа, бывшей Лукрецией Арагонской и еще раньше бывшей Лукрецией Сфорца, дочерью папы. По сему случаю в замке Ангела от названного часа до ночи непрерывно стреляли из бомбард. В настоящее воскресенье, 5-го названного месяца, Лукреция отправилась верхом из дворца, где она пребывала, к церкви Санта Мариа дель Пополо, одетая в парчевое платье из золотистого плюша. Ее сопровождало около трехсот всадников, перед ней ехали, по двое, четыре епископа, за ними она одна, за нею шли пешком ее приближенные и придвор-

ные. В сопровождении тех же лиц в том же порядке она вернулась обратно, к себе во дворец.

В тот же день, от часа ужина до трех часов ночи, звонили в большой колокол Капитолия, были зажжены многочисленные огни над замком Ангела и по всему городу. Иллюминированы были башни названного замка, Капитолия и другие здания. Все это сделано, чтобы вызвать радость по тому случаю, который скорее должен бы вызывать стыд.

В пятницу, 17 сентября, состоялось секретное заседание консистории, на котором его святейшество, с согласия всех присутствовавших кардиналов, разрешил герцогу Феррары и его наследникам до третьего поколения уплачивать в апостольскую палату ежегодно сто дукатов налога, вместо четырех тысяч, которые герцог был обязан вносить туда ежегодно. Кардинал Неаполитанский дал свое согласие при голосовании за сиятельнейшего герцога Феррары, побывавшего два раза в Риме. Достопочтенный кардинал Лиссабонский дал свое согласие за сиятельнейшую герцогиню Лукрецию.

В среду, 27 октября, состоялось секретное заседание консистории, на котором, по предложению его святейшества отца нашего, постановлено было передать роду Борджиа право патроната над аббатством Субиако; если мне передали верно, право патроната и представительства передано названному роду на вечные времена.

В воскресенье, последний день месяца октября, в навечерие праздника всех святых, достопочтенным кардиналом дано было знать, что его святейшество отец наш не прибудет к вечерне.

Вечером происходил пир у валенсийского герцога в папском дворце. В нем приняли участие пятьдесят почстных блудниц, обычно называемых куртизанками. После пиршества они плясали с услужающими и другими там присутствовавшими — сначала в своем одеянии, а затем нагие. После обеда свечи в серебряных подсвечниках со стола были поставлены на пол, между ними были разбросаны каштаны, и блудницы, нагие, на руках и ногах, переступая подсвечники, подбирали каштаны. Пала, герцог, его сестра донна Лукреция присутствовали при сем и наблюдали сие. Наконец, были выложены подарки, шелковые плащи, обувь, береты и другие вещи, которые обещаны были тем, кто более других познает плотски названных блудниц. Затем присутствовавшие при сем, в качестве судей, рсздали подарки победителям.

В четверг, 11 ноября, некий крестьянин прошел через ворота Виридарские, ведя за собой двух кобылиц, нагруженных дровами. Когда он вошел на площадь св. Петра, к нему подбежали конюхи папы, обрезали сбрую, сбросили дрова и привели кобылиц на небольшой двор, находящийся во дворце возле ворот. Там они выпустили без поводьев четырех дворцовых жеребцов, которые, кусаясь, лягаясь и издавая неистовое ржанье, подбежали к кобылицам и, искусав и ранив их,

покрыли их. Папа из своей комнаты, расположенной над воротами дворца, и донна Лукреция созерцали сие, смеялись и были весьма довольны сим зрелищем.

За последние дни его святейшество разделил на две части поместья Колонна. Город Непи он возвел в герцогство; то же он сделал с Сермонетой. Родриго Арагонскому, сыну донны Лукреции, было пожаловано герцогство Сермонета. Джованни Борджиа⁶⁰, сыну, прижитому папой от одной римлянки за время своего папства, он пожаловал герцогство Непи. Достопочтенные кардиналы Александрийский, Козенцы и четыре других апостолическими посланиями были назначены опекунами названных детей.

В субботу, 13 ноября, скончался Пьетро Каранга, тайный камердинер его святейшества папы. После него осталось восемь тысяч дукатов серебром и много других вещей. Папа завладел всем. Донна Лукреция попросила у папы, чтобы он передал ей это имущество; однако она его не получила.

5 декабря вечером некий человек в маске высказал несколько оскорбительных слов по адресу валенсийского герцога. Когда герцог узнал об этих словах, он приказал схватить его и привести в курию Санта Кроче, некогда тюрьма Савелло. В девять часов ночи ему отрубили руку и конец языка, который привязали к мизинцу отрубленной руки. Руку вывесили на окне курии, где она и оставалась до следующего дня.

1502 ГОД

В лето господне 1502, в субботу, 25 декабря, в праздник рождества господа нашего Иисуса Христа, его святейшество торжественно проследовал в церковь св. Петра, где и совершил божественную литургию.

В понедельник, 27 декабря, в праздник святого евангелиста Иоанна, его святейшество отец наш, прежде чем выйти из своих палат, призвал к себе досточтимых отцов кардиналов, которым заявил, что он хочет послать в Феррару Альфонсу, старшему сыну феррарского герцога, мужу Лукреции, меч. Затем, облачившись, папа, в моем присутствии, сказал, что, по мнению некоторых ученых, брак, заключенный в Ферраре, должен быть снова перезаклучен здесь в Риме. Досточтимый кардинал Сиенский на это ответил, что брак, как таинство, не должен быть повторяем.

В четверг, 30 декабря, на площади св. Петра собрались флейтисты и прочие музыканты, которые начали на своих инструментах шумную игру. В это время донна Лукреция, одетая в платье из золотой парчи, по испанской моде, с длинным шлейфом, который сзади нее несли девочки, вышла из своего жилища, находящегося рядом с храмом св. Петра. Ее сопровождали два брата ее мужа, дон Фердинандо с правой сторо-

ны и дон Сигизмундо с левой, затем в великолепных одеяниях следовали пятьдесят римских женщин, за которыми парами шли служанки Лукреции. Процессия проследовала в первую Паулинскую залу над воротами дворца. Там находился папа, окруженный тридцатью кардиналами. Валенсийский герцог находился там же. Кардинал Борджиа тотчас же удалился, остальные остались.

Епископ Адрии произнес слово, при этом папа несколько раз сказал ему, чтобы он поторопился. По окончании речи перед папой был поставлен стол значительной величины. Дон Фердинандо, брат жениха и его опекун, и Лукреция, подойдя к столу, предстали перед папой. Дон Фердинандо, от имени своего брата, надел Лукреции золотое кольцо, украшенное камнем, как о том поведал мне мой сотрудник, находившийся близко. Затем кардинал Эстский, брат жениха, принес четыре других кольца большой ценности, в которых находились алмаз, рубин и изумруд. Затем на стол поставлена была шкатулка. По знаку, данному названным кардиналом, она была открыта, и он извлек оттуда берет или головное украшение с шестнадцатью алмазами, таким же количеством рубинов и со ста пятидесятью жемчугами и четыре ожерелья с прекраснейшими драгоценными камнями. Все это оценивалось в восемь тысяч дукатов, о чем в любезных выражениях осторожно сказал кардинал Эстский, передавший эти подарки, заявив, что в Ферраре у герцога имеются другие. Папа удалился в следующую залу, сопровождаемый Лукрецией, многими женщинами и прочими, которые оставались во дворце до двенадцати часов ночи или около того; кардиналы и другие, кто хотел, удалились.

В пятницу, последний день декабря, вечерня была отслужена в большой капелле дворца, в присутствии папы. В субботу, первого января, торжественную литургию совершил кардинал Александрийский в присутствии папы. Поучение не было произнесено. После обеда площадь св. Петра была местом празднества, каковое обычно бывает только в четверг карнавала на Агоне. Прибыло двенадцать римских колесниц, напоминавших старые римские времена. Ночью в палатах папы было разыграно несколько комедий. Устроены были также мавританские и другие танцы.

В эти последние дни было напечатано в Германии и дошло до Рима некое письмо, попавшее в руки кардинала Модены и, как я узнал, прочитанное папой, нижеследующего содержания ⁶¹:

«Благороднейшему господину Сильвио Савелли (имеющему пребывание) у его величества Римского императора.

Благороднейший господин Сильвио, шлю привет. Из писем наших друзей мы узнали, как ты, сделавшись жертвой вероломства и лишившись всего твоего имущества, удалясь из Рима, избежал неистовства и ярости этих разбойников. По

справедливости мы сочувствовали твоим несчастьям; но радуемся тому, что, несмотря на все беды, ты цел и невредим и находишься под покровительством императора. Поэтому, узнав, что ты теперь пытаешься через рекомендательные письма и влиятельных лиц восстановить свое положение, мы все-ма дивимся легковерию и легкомыслию, проявленным тобой. От человека, вероломство которого распространяется на весь человеческий род, жизнь которого, запятнанная убийствами и грабежами, прошла в постоянном обмане людей, — ты надеешься выполнения акта справедливости, не угрожая ему и не принуждая его! Ты заблуждаешься, дорогой друг, ты очень заблуждаешься, если воображаешь, что можешь притти к какому-либо примирению с этим чудовищем! После того как он тебе изменил, осудил на изгнание, предал разорению и смерти, не имея никакой для сего причины, кроме собственного вероломства и жадности, тебе ничего другого не остается, как объявить ему вечную войну, внушаемую тебе бесконечной к нему ненавистью. Тебе следует итти другими путями. Рану, нанесенную тебе римским бичом, следует показать истинным врачам. Император и другие принцы Римской империи должны быть осведомлены о том, какие бедствия терпит христианский мир от этого омерзительного чудовища. Они должны знать о гнусных преступлениях, совершаемых им, преступлениях, ведущих к ниспровержению религии, преступлениях, столь жестоких и ужасных, что даже извращенные люди приходят в изумление. Тебе следует рассказать об этом на собраниях принцев, твой рассказ размножить и распространить. Когда-то злейшим врагом христианской религии считался Магомет, оторвавший от нее бесчисленное количество верующих; теперь появился новый Магомет, далеко превзошедший первого количеством своих преступлений. Следует сказать, что наступило время антихриста, столь часто предсказанное многими пророками, потому что трудно себе представить более откровенного безбожника, врага Христа и остервенелого разрушителя веры и религии христианской.

Теперь церковные доходы и звания, когда-то, согласно правилам, установленным святыми отцами церкви, передававшиеся лицам испытанной душевной чистоты, открыто продаются с торга, и их обычно передают тем, кто за них больше заплатит. Идут во дворец с золотом в руках и там покупают таинства веры. Там находится кардинал Модены, глава преступников, торговец бенефициями для удовлетворения алчности папы. Как Цербер у врат преисподней, он лает на всех тех, кто туда является, и без всякого стыда спрашивает, сколько у них денег. Только богатые туда допускаются, бедные презрительно изгоняются вон. Все продается у папы: церковные звания, чины, заключение браков и отмена их, разводы супругов и многое другое, чего наши отцы не знали и чего христианские обычаи не допускали. Образуется новая

секта, распространяющая новые догматы, глумящаяся над Христом. Нет преступления, нет бесчестия, которые не творились бы открыто в Риме во дворце папы. Превзойдены скифы, превзойдено вероломство карфагенян, превзойдены жестокость и кровожадность Нерона и Калигулы. Исчислить убийства, разбой, насилия, кровосмешения, кои совершены, было бы безнадежным предприятием. Благородный юноша Альфонс Арагонский, зять папы, был покрыт тягчайшими ранами и, так сказать, дважды убит. Спальничий папы Пиеротто⁶² был убит у него на руках. Почитаемое здание Ватикана замарано кровью. Служащие курии, придя в ужас, обратились в бегство. Многие убиты, ранены, брошены живыми в Тибр, отравлены. Число таковых жертв бесконечно, злодеяния растут изо дня в день. Ни власть, ни влияние не служат гарантией. Нет человека в Риме, даже самого скромного положения, который не боялся бы за себя и за своих. Кто не боится рассказывать о чудовищных сценах, которые разыгрываются в этом обиталище без стыда перед богом и людьми? Даже распущенность непотребных домов далека от тех насилий и гнусностей, кои происходят во дворце св. Петра, того мерзкого обращения с юношами и девушками, какие там допускаются, того количества блудниц, что там бывает, тех состязаний в разврате, какие там устраиваются. В ноябре месяце в торжественный праздник всех святых во дворец было созвано на пир пятьдесят городских блудниц, и устроено было зрелище, совершенно неслыханное по своей омерзительности. И чтобы не было недостатка в подобного рода зрелищах, в ближайший же день устроена была открытая сцена с кобылицей; на глазах у папы, окруженного своими детьми, были выпущены жеребцы, устремившиеся к кобылице, и, яростно борясь между собою, старались овладеть ею. К каким только средствам не прибегают, чтобы выманить у христианского населения золото для поддержания расточительности этого семейства! Под предлогом ведения войны с турками во всех церквях мира верующим, введенным в заблуждение, продавались индульгенции; на полученные таким образом средства продолжалась еще более широкая жизнь; дочь папы могла предстать перед своим мужем украшенной драгоценными камнями и золотом и принести ему неслыханной роскоши приданое, оплаченное римской церковью; наконец, на эти деньги можно было вести войны со старинными городами и их действительными владельцами. Обитатели были изгнаны из своих жилищ. Большая часть римской знати была казнена или выслана, старые владельцы Кампаньи были лишены своих поместий, и на их несчастье строилось благополучие детей и внуков папы, рожденных от кровосмешения, делавшихся еще в колыбели владельцами королевств и богатств.

Всем известно о разорении провинции Фламинии⁶³, о несчастиях Форли и Имолы, о судьбе Фаэнцы, Римини, Пезаро,

которые были взяты приступом, а их владетельные принцы изгнаны. К государству, таким образом построенному, были присоединены города Чезена, Фано, Бертиноро, отторгнутые от Церковной области, дабы сын папы мог предаваться разврату с большими средствами, чем его отец, которому он подобен. Сын, намерения которого идут еще дальше, ведет войну с Камерино и Урбино, чтобы таким путем стать единственным владетелем, с согласия папы, всего Пичено⁶⁴ и чтобы присвоить себе все права и все владения римской церкви. Говорят, что более сильные крепости Церковной области: Сполето, Чивитавеккиа, Непи, Террачина, мол Адриана, находятся уже в его власти. Все совершается по воле этого человека, который, вместо того чтобы быть вождем и покровителем этой области, является ее открытым врагом и разорителем. Отец его любит, потому что он отличается тою же порочностью и такою же жестокостью. Трудно сказать, кто из этих двух существ наиболее омерзителен.

В последний год, отправляясь со своими отрядами в Фламинию, он опустошил на своем пути земли Церковной области, ведя себя как в неприютельской стране. Предав грабежу несколько городов, он прибыл в Фаэнцу. Опустошил Умбрию, часть Пичено и всю Фламинию. На обратном пути было сделано то же. Отряды были приведены в Пиомбино, а затем во Флоренцию. В то время как там все были мирно настроены и не подозревали ничего, был дан приказ грабить все, что можно. Верные исполнители этого приказа — солдаты предались грабежу, насилиям, убийствам и поджогам. Это зло, как зараза, охватило население других городов: Тоди, Витербо, Риети, Тиволи, и вместо того чтобы обратить свое оружие против врага, затеяли междоусобную войну. Отряды герцога, воспользовавшись этим положением, все предали огню и мечу; большое количество граждан было убито; дети, едва увидевшие свет, были заколоты. Папа, всецело преданный своим страстям, поглощенный мыслями, как достать драгоценные камни и ожерелья для украшения своей дочери, с которой он имеет преступную связь, и мечтая лишь о выдаче ее замуж, вместо того чтобы воспретить эти преступления и наказать преступников, подстрекает их и покровительствует им. Уничтожение им своих противников, тех, кто был предан императору и Римской империи, чьи владения были отобраны, дало ему возможность передать владения своих жертв детям и внукам, рожденным от кровосмешения. Если среди кардиналов есть еще такие, которые не пали слишком низко, то они молчат, так как теперь, когда наиболее влиятельные либо изгнаны, либо убиты, никто не осмеливается открыть рта. Некоторые, обязанные своим возвышением преступлению и бесчестию, прибегают к лести, дабы сохранить звания, купленные ими за золото и злодеяния. Они льстят папе, восхваляют его, восхищаются им. Но они все боятся его, особенно они боят-

ся его сына, братоубийцы, который из кардинала сделался убийцей. Этот человек — полновластный господин, он может удовлетворять свои страсти, как хочет. Он живет, окруженный стадом блудниц, наподобие турка, охраняемый своими вооруженными солдатами. По его приказу убивают, ранят, бросают в Тибр, отравляют, разоряют. Эти люди не могут достаточно насытиться человеческой кровью. Чтобы избежать их жестокости, большинство знатных семейств принуждено было покинуть город, лучшие граждане вынуждены скрываться. Если император не примет скорейшим образом мер для искоренения этого зла, то каждый должен думать лишь о том, как бы скрыться и бежать.

О, ужасные времена! Как мы далеки от святости древних верховных первосвященников! Как мы удалились от справедливости! Будущее потомство едва ли поверит тому пожару, какой пожирает народы! И однако христианские принцы еще мечтают о расширении христианских областей! Как они смогут вести войну с турками и арабами, пока эта внутренняя язва еще не изжита? Некогда знаменитые христианские принцы давали обет служить своим оружием распространению христианской веры и возвращению града Иерусалима; для сей цели многочисленные славные мученики проливали свою кровь. Все сии труды предприняты были, чтобы Родриго Борджиа, величайший преступник всех веков, купил преступным способом папство и поправил все божеские и человеческие законы. Пусть принцы придут на помощь церкви в ее нужде. Да спасут они корабль св. Петра от бури и введут его в пристань! Да возродят они в Риме справедливость и мир! Да уничтожат они в Риме язву, которая его разъедает, и пусть они примерами докажут, что отныне добрые граждане могут жить спокойно и мирно пользоваться своим имуществом.

Все сие сушая правда и изложено в форме речи, чтобы ты, о Сильвио, изложил это в собрании принцев или — если это невозможно — чтобы ты произнес это во всю силу своего голоса верующим, собравшимся за литургией. Затем ты сделай несколько списков сего, передай их для прочтения всем принцам и разошли королям дальних стран.

Прощай! Помни, что, при исполнении сего поручения, ты — наш, что ты — римлянин. Еще раз, прощай. Дано в Таренте, в королевском лагере. 15 ноября 1501 г.»

В воскресенье, 2 января, на площади св. Петра, забаррикадированной бревнами и досками от угла дома дворцовой охраны до нового фонтана, а поперек до таверн, были убиты шесть быков и один буйвол. Один буйвол и четыре быка, оставшиеся вследствие наступления ночи, были сохранены на следующий день, понедельник. В этот день они были убиты. Это был обычный великий праздник в Риме.

В среду, 5 января, в навечерие крещения господня, в большой капелле было совершено торжественное вечернее бого-

служение в присутствии папы. На другой день, в праздник крещения, 6 января, торжественная литургия была совершена кардиналом Беневента. По приказу папы, поучение не было произнесено ввиду отъезда Лукреции с консерваторами палаты из города.

Я узнал, что вчера вечером папа отсчитал сто тысяч дука-тов золотом в приданое донне Лукреции и вручил их наличными дону Фердинандо и дону Сигизмундо, братьям нового жениха. В то время, когда он отсчитывал эту сумму, он узнал через письма из Франции, что французский король дал полную свободу досточтимому кардиналу Асканио.

Сегодня, в двадцать часов или около того, донна Лукреция вышла из апостолического дворца, дабы проследовать в Феррару к своему мужу. Она ехала верхом. Сначала она прямо проследовала к мосту св. Ангела. Затем около дома, в котором некогда обитал кардинал Пармский, она свернула через ворота Пополо налево. С ней следовало около пятисот всадников. На ней не было драгоценных одеяний, так как шел снег. Свита, находившаяся впереди верхом, следовала в обычном порядке до телохранителей. Позади них ехал верхом достопочтенный кардинал Козенцы, которого его святейшество назначил недавно легатом для сопровождения донны Лукреции на территории святой римской церкви. Два брата вновь нареченного мужа следовали: один — Фердинандо — по правую сторону кардинала Козенцы, другой — Сигизмундо — по левую сторону кардинала Борджиа; оба верхом. За ними следовала донна Лукреция, имевшая по правую сторону от себя кардинала Эстского⁶⁵, а по левую — валенсийского герцога. За ними следовали их свиты. Не было ни епископа, ни протонотария, ни аббата! Оруженосцы папы и знатных римлян посланы были сопровождать Лукрецию за свой счет. Каждый из них обязан был изготовить новое платье из золотой, серебряной или шелковой парчи. За эти последние дни его святейшество приказал известить через моего сотрудника, начальника церемоний, кардиналов, чтобы каждый из них приготовил двух лошадей и двух мулов. Более двадцати епископов также получили приказ приготовить по лошади или по мулу для сопровождающих донну Лукрецию в Феррару. Каждый выполнил приказание. Однако некоторые кардиналы поставили только одну лошадь или одного мула. Ни одно из указанных животных не было возвращено.

Недавно, перед прибытием в Рим кардинала Эстского с его свитой, его святейшество захотел почтить тех, кто, помимо его близких, сопровождал в путешествии кардинала и прибыл для сопровождения донны Лукреции в Феррару, дав этим лицам жилище у чиновников курии. Клерки палаты имели возможность поместить каждый двенадцать человек и столько же лошадей. Клерки коллегии — столько же. Другие чиновники получили больше. Каждый обязан был содержать своих

иждивенцев, не получая никакой поддержки ни со стороны папы, ни со стороны апостолической палаты. Говорят, что его святейшество отсрочил для Феррары воздержание до четвертого воскресенья поста, разрешив до сего дня вкушать мясо, и что по случаю прибытия донны Лукреции там устроены были празднества.

В понедельник, 24 января, состоялось тайное заседание консистории, на котором досточтимый кардинал Лиссабонский, поверенный досточтимого кардинала Санто Пьетро в Винколи, постоянного правителя церкви в Болонье, от имени сего последнего отказался от управления названной церковью. Его святейшество принял это отречение. Затем он предложил отторгнуть от епископства Болоньи два замка Ченто и делла Пиеве, принадлежавшие этому епископату. Эти замки расположены возле границы территории феррарского герцога, и его святейшество господин наш даровал их феррарскому герцогу как приданое за донной Лукрецией. Затем он назначил, по обычному чину, главой церкви в Болонье Жана Этшена, сына казначея французского короля в Милане. В тот же день вечером досточтимый кардинал Козенцы, сопровождавший в качестве легата донну Лукрецию до границ области святой римской церкви, вернулся обратно в город.

Во вторник, 21 июня, вечером, досточтимый кардинал Алибретто ⁶⁶, секретарь папы Франческо Трокиа (Троччио) и валенсийский герцог, если мне верно передали, вошли на барку, приготовленную для них и стоявшую у берега. С ними прибыли две красивых итальянских куртизанки Тамасина и Магдалена. Они намерены были отправиться морем к королю Франции.

В пятницу, 24 июня, в праздник св. Иоанна Крестителя, папа получил извещение, что валенсийский герцог овладел Урбино. Дело произошло следующим образом. По просьбе валенсийского герцога герцог Урбино передал свои бомбарды Вителоццо Вителли, приготовившемуся вести войну с флорентийцами, он передал ему также и свои отряды. Затем валенсийский герцог под предлогом, что он отправляется на войну с владельцем Камерино, просил герцога Урбино дать своим людям приказание, чтобы они в такой-то определенный день устроили обед в Евгубии (Губбио). Герцог Урбино выполнил это, но никто не явился. Дней через восемь валенсийский герцог подошел на две мили, или около того, к Урбино и известил герцога, что он хотел бы, чтобы тот прибыл к нему немедленно. Подозревая план захвата, не имея ни бомбард, ни войска, герцог Урбино созвал преданных ему подданных. Доверив им Урбино и его территорию, он тайно удалился, сел на лошадь и отправился в Мантую. Обитатели Урбино, видя, что они не в силах противостоять валенсийскому герцогу, передали ему город Урбино и всю область Урбино. Некоторые добавляют, что кардинал Алибретто вместе

с Трокиа 21 сего июня имели из Рима такое поручение. По их прибытии в Савону, где пребывал досточтимый кардинал Санто Пьетро в Винколи, некто, находившийся вместе с ними и хорошо знавший кардинала Санто Пьетро в Винколи, должен был сойти с галеры в лодку и объявить кардиналу о прибытии кардинала Алибретто и Трокиа и пригласить его прибыть к ним на барку. Если бы кардинал Санто Пьетро в Винколи принял приглашение, то, по его прибытии на барку, его бы задержали и скорейшим образом доставили в Рим и представили бы папе. Все это делалось с целью помешать дать советы герцогу Урбино, его родственнику, и, особенно, помешать заинтересовать в этом деле короля Франции для восстановления этого герцогства; все это делалось в целях осуществления плана папы и его сына.

Во вторник, 12 июля, кардинал Алибретто и Франческо Трокиа в сопровождении своих куртизанок вернулись в Рим так же тайно, как и выехали. Они не сумели выполнить поручение, возложенное на них: господь сберег от рук нечестивых досточтимого кардинала Санто Пьетро в Винколи.

В тайном заседании консистории его святейшество предоставил церковь Капуи за смертью кардинала досточтимому кардиналу Эстскому. Церковь Модены, освободившуюся по той же причине, его святейшество предоставил Франческо Феррари, человеку грубому и невежественному, брату покойного кардинала, прибывшему в город 18-го сего месяца, когда он узнал о болезни кардинала. Его святейшество поручил моему сотруднику сделать для покойника то, что было сделано в предшествующий год для другого кардинала Капуи, умершего 15 августа. Каноники св. Петра с тридцатью свечами вынесли покойного из его жилища к месту его погребения. Посредине храма отпевание произошло обычным чином. Гроб, в который положили покойного, оказался слишком тесен, столяр нажал своими коленками на тело, чтобы насильно втиснуть его туда. Зарыли его меньше чем на две пяди под землей около стены между алтарем Санта Мариа и алтарем папы Каликста. После похорон не было ни свечей, ни других знаков внимания, какие полагаются кардиналам. Через несколько дней поставили гробницу. Враги выгравировали на ней две виселицы, к одной из которых была прикреплена веревка с запиской следующего содержания: «Господь требует от тебя прошения (*supplicationes*) верующих, и ты должен будешь дать в них отчет, если не дашь, то будешь осужден на муку (*supplicio*) вечную». Будучи безжалостен по отношению к бедным и крайне жесток по отношению ко всем, продавая церковные бенефиции и должности в угоду папе по самой дорогой цене, он сделался предметом всеобщей ненависти и оскорблений. Памяти его были посвящены многочисленные эпитафии, из которых до меня дошло двадцать шесть.

Мне передали, что на-днях утром на дверях первой комнаты жилища бывшего кардинала Модены в апостолическом дворце нашли записку следующего содержания:

«Бык (на гербе папы значился бык) взял достояние, земля взяла тело, ад взял душу».

Мне становится тяжело на сердце при мысли, что этот человек, оказывавший мне всегда добрые чувства и благосклонность, был столь жестоким по отношению к бедным и мало заботился о собственном спасении. Да удостоит его душу всемогущий господь своей милостью!

Говорят, что он оставил после себя тридцать тысяч двойных дукатов и десять тысяч в другой монете, золотые и серебряные сосуды, стоимостью в десять тысяч дукатов, кроме ковров и другого имущества. Такое количество дукатов мне кажется невероятным.

В субботу, 23 июля, около двадцати двух часов папа был извещен, что валенсийский герцог овладел Камерино путем переговоров. По сему случаю в замке Ангела продолжительное время стреляла бомбарда. Вечером была иллюминация, бросали ракеты, и на площади св. Петра состоялось большое празднество.

На другой день, в воскресенье, звонили в большой колокол в Капитолии, было еще больше огней и устроены были еще большие празднества, чем вчера вечером. Победа же была вот какова. Валенсийский герцог и владетель Камерино пришли к соглашению о перемирии на определенный срок. Владетель Камерино доверился и не был настороже, герцог же ринулся в город и овладел им.

Как сам синьор Камерино, так и его дети, законные и незаконные, были взяты в плен.

В среду, 3 августа, валенсийский герцог, переодетый в платье кавалера ордена св. Иоанна Иерусалимского, с крестом на плаще, выехал из города в сопровождении кардинала Борджиа, Франческо Трокиа и еще некоего лица и отправился в Феррару, откуда выехал в четверг 24-го. В пятницу, 25 августа, они обедали в замке Санто Доннино, съели большое количество цыплят и голубей к большому смущению народа и собственному стыду. Оттуда они направились в Милан к королю Франции, в свите которого находились герцог Урбино, синьор Пезаро, маркиз Мантуи и все власти Италии.

В эти последние дни все Орсини, Вителоццо Вителли из Чивитакастелли, Джованни Паоло из Перуджии, Либеротто из Фермо и Пандольфо Петуччи (из Сиены) объединились против валенсийского герцога, находившегося в Имоле. Собрал около пятисот всадников и двух тысяч пехотинцев, они передали город и всю территорию герцогства Урбино сиятельному Убальдо, настоящему герцогу Урбино, изгнанному недавно валенсийским герцогом. Затем они окружили Имолу, привели

в большое смятение герцога и папу Александра, обратившегося немедленно за помощью к французскому королю; тем не менее папа послал посредников, дабы склонить союзников заключить мир и согласие с его святейшеством и валенсийским герцогом. Между тем все отряды французского короля, находившиеся в Милане, прибыли в Имолу. В течение этого времени шли переговоры о соглашении, которое и было подписано в начале настоящего месяца. Цель папы в этом деле была единственная — отомстить союзникам за себя и своего сына и полностью уничтожить их. Их неразумная доверчивость позволила ему достигнуть этой цели. Хотя множество лиц, даже дети, предупреждали кардинала Орсини не доверяться папе, однако он не считался с этими предупреждениями. Он часто улыбаясь говорил, что переговоры с папой дадут ему некоторые преимущества. Судя по тому, что я узнал, папа в видах наиболее легкого способа склонить на свою сторону кардинала признался ему, что без поддержки Орсини он не может чувствовать себя в безопасности ни в Риме, ни в Церковной области, а валенсийский герцог не может сохранить свои области и пользоваться ими. Папа предложил также названному кардиналу уступить в его пользу папский престол при условии, что он примет на себя обязательство покровительствовать герцогу и защищать его. Таким образом он обманул кардинала Орсини и всех прочих. Союз распался, а мир был заключен и подписан в начале этого месяца.

В понедельник, 13 ноября, было перенесено в церковь Санта Мариа дель Пополо тело Кристофо, блаженной памяти епископа Кортонь, секретаря и ассистента его святейшества папы; он скончался вчера вечером в своем доме между названной церковью и больницей рабов, возле реки; тело его сопровождали придворные кардиналов и многие прелаты. Его похоронили в гробнице. Он составил завещание, исполнение которого он поручил досточтимым кардиналам Неаполитанскому, Беневента и Санта Пракседа. Но папа, считая себя самого наследником, поручил исполнение своей воли правителю города. Последний вывез все, без исключения, имущество, оставленное епископом, и завладел им. Он приказал также продать епископу пшеницу, находившуюся в Кортоне, и Кортонскую церковь за две тысячи дукатов некоему флорентийцу.

В пятницу, 9 декабря, в два часа ночи было сообщено папе, что валенсийский герцог снова сделался владельцем Урбино со всей принадлежащей ему территорией вследствие соглашения с ситательным Убальдо д'Урбино, в силу которого последнему разрешалось удалиться со всем своим имуществом, что он и сделал. По сему случаю в замке Ангела состоялось большое торжество с многочисленными выстрелами из ружей.

В лето от рождества господня 1503, в воскресенье, 25 декабря, в праздник рождества спасителя нашего Иисуса Христа торжественную литургию в храме князя апостолов совершил досточтимый кардинал Беневента; папа отсутствовал, поучения не было; остальное — обычным чином.

После обеда на площадь св. Петра прибыло тридцать маскированных; большая часть из них имела длинные и толстые носы в форме Приапа⁶⁷, то-есть мужского члена. Впереди шествия несли кардинальский щит, затем следовали щитоносцы, а за этими булавоносцы, за ними ехал верхом человек в длинной одежде и старинной кардинальской шляпе. Булавоносцы также ехали на ослах, столь небольших, что ноги всадников касались земли и шагали с ослами. Шествие вышло на небольшую площадь, находящуюся между воротами дворца и местом аудиенций. Там они показали папе, стоявшему у окна в Паулинской галлерее над воротами. Затем проехали по всему городу.

3 января валенсийский герцог приказал арестовать в Синигалье Вителоццо Вителли, Паоло Орсини, Франческо, герцога Гравины, синьора Орсини и Либеротто. Двое их этих арестованных — Вителоццо и Либеротто — спустя несколько часов после ареста были задушены Микелотто. Герцог Гравины и Франческо содержались под строжайшей охраной. Фабио Орсини, сын Паоло, узнав об аресте отца и других, благоразумно скрылся.

Когда кардинал Орсини был заточен, по городу прошел слух, что папа умер и что Неаполь подпал под власть испанцев. Но то и другое оказалось неверным.

В среду, 4 января, правитель города, прибыв в дом флорентийского архиепископа и пообедав там, приказал погрузить все имущество кардинала и архиепископа на мулов, среди которых находились и их собственные, и перевезти его во дворец к папе, а то, что ему понравилось, к нему.

Многое из этого добра было похищено и растаскано солдатами.

В четверг, 5 января, после вечерни все кардиналы направились к папе ходатайствовать за кардинала Орсини. Папа рассказал им о заговоре Вителоццо, Орсини, Джованни Паоло, Пандольфо и других, целью которых было убить герцога; последний решил отомстить. От папы кардиналы не добились ничего.

В пятницу, 6 января, после обеда, правитель города отправился верхом к жилищу досточтимого отца епископа Чезены, аудитора палаты. Вызвав его к себе, несмотря на то, что тот был болен, он препроводил его в замок св. Ангела, где и приказал заключить его в темницу.

В среду, 18 января, в замке делла Пиеве в Сиенском государстве, по приказанию валенсийского герцога были задушены герцог Гравины, Паоло Орсини и синьор Орсини, захваченные недавно в Синигалье.

В понедельник, 23 января, в городе передавали, что валенсийский герцог за последние дни овладел Киузи, Пиэнцой, крепостями Сартеано, Кастель делла Пиеве, Сан Квирино. В последнем месте нашли только двух стариков и девять престарелых женщин. Солдаты герцога повесили этих несчастных за руки и подожгли под их ногами огонь, дабы принудить их открыть, где спрятаны сокровища. Бедные женщины, не знавшие ничего или во всяком случае не пожелавшие ничего открыть, умерли в муках. Сняв с домов крыши, балки, окна, двери, взяв сундуки, бочки, из которых вино было заранее выпито, солдатчина все сожгла. Всюду, где только ни проходили солдаты, все было расхищено и разграблено, как в Аквапенденте, Монте Фиасконе, Витербо и других местах.

Среда, 1 февраля 1503 г. За эти последние дни был запрещен к кардиналу Орсини доступ Антонио де Писторио и его товарищу, через которых мать кардинала ежедневно передавала ему пищу и питье. Причина этого запрещения, как говорят, заключается в том, что папа потребовал у кардинала Орсини две тысячи дукатов, полученных им от одного из своих братьев от продажи какого-то своего поместья. Передают также, что папа потребовал крупный жемчуг, купленный кардиналом Орсини за две тысячи дукатов у Вирджинио Орсини или его наследников. Узнав об этом, мать кардинала предоставила папе две тысячи дукатов, и наложница кардинала, у которой находился указанный жемчуг, принесла его папе, переодевшись в мужской костюм. Получив дукаты и жемчуг, папа разрешил двум названным посредникам передавать кардиналу пищу и питье.

В среду, 15 февраля, кардинал Эстский после заседания консистории, на котором он присутствовал, выехал из города и направился в Феррару, опасаясь злобы валенсийского герцога, которую последний против него имел. Причина та, что кардинал любил и имел плотскую связь с женой брата названного герцога, с которой последний также имел плотскую связь.

В понедельник, 20-го того же месяца, состоялось тайное заседание консистории, на котором его святейшество наш отец доложил кардиналам о кознях, затеянных Орсини, дабы внезапно овладеть городом и предать разграблению дома кардиналов и служащих папского двора. Папа предупредил кардиналов, чтобы они завели в своих домах стражу и оружие.

Папа жаловался на валенсийского герцога, который, несмотря на приказы его святейшества, до сих пор не занял крепости Браччиано, ни других крепостей Орсини и, состоя главным командующим церкви, слушает советы французов. Его

святейшество выразил пожелание, чтобы герцог занял названные крепости. Он доложил также, что кардинал Орсини предложил вручить его святейшеству двадцать пять тысяч дукатов за свое освобождение; но он ответил кардиналу, чтобы тот сохранял мужество и заботился о своем здоровье, остальное — не существенно; наконец, он предложил врачам самым серьезным образом охранять здоровье кардинала.

Во вторник, 21 февраля, после обеда, состоялся бег евреев от стока вице-канцелярии до площади св. Петра на получение обычного приза. На другой день, в среду, бег детей от замка св. Ангела до той же площади на получение приза.

В субботу, 12 августа, утром папа почувствовал себя плохо. В двадцать один или двадцать два часа лихорадка возобновилась и продолжалась. 15 августа, во вторник, у него взяли около четырнадцати унций крови, и обнаружилась перемежающаяся лихорадка. В четверг, 17-го, в двадцать часов, он принял лекарство. В пятницу, 18-го, в двенадцать или тринадцать часов, он исповедывался у епископа Кариньола Пьетро, который отслужил затем литургию в его присутствии. Во время литургии он дал папе, сидевшему на постели, святое причастие. Совершив сие, он закончил литургию, на которой присутствовало пять кардиналов: Ористано, Козенцы, Монтереале, Казановы и Константинопольский. Папа потом сказал им, что он чувствует себя плохо. В часы вечерни епископом Кариньола над ним было совершено таинство елеосвящения, и он скончался. При этом присутствовали только датарий, названный епископ Кариньола и несколько слуг папы. Герцог, будучи больным, прислал синьора Микелотто с сильным отрядом. Эти люди закрыли все выходные двери; затем один из них, вынув кинжал, угрожал кардиналу Казановы заколоть его и выбросить за окно, если он откажется выдать ключи от сокровищницы папы. Напуганный кардинал выдал ключи. Тогда прибывшие один за другим вошли в помещение, расположенное позади комнаты папы. Они захватили оттуда все серебро и две шкатулки, в которых было около ста тысяч дукатов. В двадцать три часа они открыли выходы, и было объявлено о смерти папы. В это время слуги утащили все, что оставалось в гардеробах и комнатах; они оставили только папские троны, несколько подушек и ковры, прикрепленные к стенам. Герцог не приходил повидаться с папой, когда он был болен, не пришел также и после его смерти. Папа в течение своей болезни также ни разу ни словом не вспомнил ни о нем, ни о Лукреции. Мой сотрудник пришел во дворец в двадцать два часа и тотчас же был пропущен. Он нашел папу мертвым, отдал ему последний долг, приказал вымыть его помощнику ризничего Бальтазаро при помощи одного из папских слуг. Они одели его в обыкновенное белье, а также бедную сутану, без шлейфа, каковой папа никогда не носил при своей жизни, а затем стихарь и положили его в соседней комнате рядом

с той, где он умер; они положили его на помост, покрытый шелковой материей малинового цвета и дорогим ковром. В двадцать три часа мой сотрудник позвал меня. Я пришел, когда кардиналы, находившиеся в городе, еще не получили извещения о смерти папы. Они узнали об этом, когда я находился уже во дворце. Но никто из них не обеспокоился, и между ними не произошло встречи. Узнав об этом, я известил кардинала Неаполитанского об опасности, могущей из сего возникнуть. В двадцать четыре часа кардинал послал двух своих секретарей просить кардиналов явиться завтра утром в церковь Минервы, где среди ризницы приготовлены были для них четыре скамьи квадратом.

Придя к папе, я облачил его в церковные одеяния из красной парчи и занялся также его обувью; так как башмаки не имели креста, то я надел на него обыкновенные бархатные туфли малинового цвета с золотым крестом и подвязал их ему к пяткам. Кольца я не мог достать. Когда все было готово, мы перенесли его в палату Папагалли, положили на красивый стол, покрытый материей и дорогим ковром. Там он и оставался ночь при двух подсвечниках. Возле него никого не было, несмотря на то, что позваны были священники для служения литургии по усопшем. В три часа я вернулся в город в сопровождении восьми человек дворцовой охраны. Затем от имени вице-канцлера я дал приказ скороходу Карло, чтобы он, под страхом увольнения, со своими товарищами обошел всех членов черного и белого духовенства города, сзывая их на завтра к двенадцати часам в папский дворец для сопровождения тела папы в большую капеллу св. Петра. Двести свечей приготовлено было для сопровождения папы.

На другой день в указанный час мы положили папу в большой капелле. Монахи города, клир св. Петра и каноники с крестом сопровождали его из большой капеллы до середины храма св. Петра.

Когда достигли середины храма, тело положили. Надо было читать: «Да не внидеси на суд» и т. д. Но не оказалось книги. После некоторого ожидания клир запел: «Избави мя, господи». В это время несколько человек из пешей охраны дворца схватили несколько свечей. Клер стал отнимать их, тогда вооруженные солдаты напали на клириков, и последние бежали в ризницу, прекратив пение, и папа остался почти один. При помощи трех лиц я поставил носилки с папой между главным алтарем и папским тронем, головою к алтарю, после чего закрыл хоры. Епископ Сессы, опасаясь скандала (кто-нибудь из обиженных мог мстить), если народ будет приходить в церковь, велел поставить носилки у входа в капеллу между лестницами. Ноги были продвинуты к решетке и двери, так что можно было касаться их рукой через решетку. Тело оставалось там целый день за хорошо запертой решеткой.

В это время в церкви Минервы около двенадцати часов собралось шестнадцать кардиналов. Они назначили Джованни, епископа Рагузы, правителем города и предоставили в его распоряжение две сотни пехотинцев. Должность камерленго поручили кардиналу Салерно. Эти два прелата, по обычаю, обязаны были вести наблюдения за воротами города, обеспечить безопасность римлян и служащих. Печать Александра VI была сломана в их присутствии мастерами этого дела; кольцо Рыбака решено было передать датарии, каковую должность выполнял кардинал Казановы. Кардиналам Монте-реале и Козенцы поручено было составить список папского имущества. Заседание закончилось около восемнадцати часов.

После обеда названные кардиналы в сопровождении служащих палаты и нотариусов составили список серебра и наиболее ценной мебели. Они нашли весьма ценные тиару и две митры, все кольца, которыми пользовался папа при богослужении, и священные сосуды; этими вещами заполнили восемь ящиков. Они нашли также серебряные вазы в первой комнате от комнаты папы, которые Микелотто позабыл вчера захватить. Там же находилась кипарисовая шкатулка, покрытая зеленым ковром, которой он также не заметил. В ней находились драгоценные камни и дорогие перстни, ценностью приблизительно в двадцать пять тысяч дукатов, многочисленные документы, клятвенные обещания кардиналов, булла об инвеституре неаполитанского короля и другие подобные вещи. Синьор Понцетто, служащий палаты, вел переговоры в моем присутствии с мастерами столярного дела Микелем и Баччио о возведении катафалка среди трех длинных плит, лежащих в храме св. Петра; постройка будет стоить сто пятьдесят дукатов и должна быть выполнена в течение завтрашнего дня.

В это время папа продолжал оставаться там, куда его положили, за решетками главного алтаря, четыре свечи горели возле него. Лицо папы обезобразилось и почернело; через двадцать три часа после того, как я его в последний раз видел, оно распухло и стало похожим на черное сукно, как у мавра. Рот широко открылся, и вздувшийся язык заполнил его. Все говорили, что никогда чего-либо более ужасного не видели. Вечером в двадцать четыре часа тело было перенесено в капеллу Фебрибус и положено возле стены в углу с левой стороны алтаря. Это было сделано шестью носильщиками, которые глумились над папой и оскорбляли его труп, и двумя столярами, сделавшими гроб слишком тесным и слишком узким; они помяли митру, покрыли его старым покрывалом и впихнули в гроб ударами кулака. При этом не было ни свечей, ни лампад, не было священного или другого лица, кто бы позаботился о его теле. Об этом мне передал синьор Кризополит из церкви св. Петра.

Сильвио Савелли сегодня вошел во владение своим домом и тюрьмой Савелла и выпустил на свободу всех заключенных.

29 октября досточтимый кардинал Санто Пьетро в Винколи, избранный затем 30 ноября 1503 г. папой и названный Юлием II, прибыл в апостолический дворец с валенсийским герцогом и испанскими кардиналами. Они заключили договор, в силу которого кардинал Санто Пьетро в Винколи, в случае если он будет папой, между прочим обязуется назначить герцога главнокомандующим церкви, покровительствовать ему и оставить его в его званиях. Герцог принял обязательства в отношении папы. Все испанские кардиналы обещали при выборе папы голосовать за кардинала Санто Пьетро в Винколи.

Во вторник, 31 октября, около часа ночи кардиналы пришли к соглашению, что кардинал Санто Пьетро в Винколи будет папой. Все, кроме кардинала Александрийского, направились к нему и передали ему, что выбор пал на него. Я был также у него, и он обещал мне церковь в Орта, мула с упряжкой, шляпу и мантию.

В пятницу, 3 ноября, по приказанию папы, валенсийский герцог получил помещение во дворце. Он занял девять комнат над залой аудиенций. 14 ноября папа совместно с кардиналами постановил удалить из города валенсийского герцога. В воскресенье, 19 ноября, около полуночи валенсийский герцог выбыл из города, направляясь в Остию Тибрскую, а оттуда морем во Францию, в сопровождении синьора Бартоломео де Ровере, племянника папы. Но затем, по получении новых известий, был вызван в город.

26 ноября первым из всех послов принес покорность папе посол французский, затем посол римского императора и посол венецианский.

Во вторник, 19 декабря, прибыл в город спальничий папы Карло Монкавельере. Он был послан папой с Пьетро де Овиедо. Последний, также спальничий, а раньше камергер Александра VI и валенсийского герцога послан был герцогом к Пьетро, коменданту крепости Чезены, с приказом сдать названную крепость Карло, который примет ее от имени папы. Но комендант в то же время получил от герцога противоположный приказ. Прочитав письмо и контрприказ, комендант крепости 15 декабря повесил Пьетро де Овиедо, не давшего никакого признания. Получив об этом известие, папа призвал к себе кардиналов Лиссабонского и св. Георгия и по соглашению с ними, решил отправить в замок св. Ангела валенсийского герцога, проживавшего до того с кардиналом Руанским в помещении, расположенном над жилищем папы. Однако это решение не было приведено в исполнение, и герцог был отправлен в верхнюю камеру башни Ноно папы Александра VI, где и был заключен. Кардиналы Сорренте и Борджиа, которые сегодня, выйдя из своего жилища во дворец, отправились верхом к другому своему дому и, узнав об аресте герцога и

других им близких, между которыми был Микаэле Ремолино, брат кардинала Сорренте, тайно покинули город и направились в Марино.

В понедельник, 22 января 1504 г., было тайное заседание консистории; прежде чем явиться на заседание, папа в тайной комнате в присутствии кардиналов св. Георгия и св. Креста заключил соглашение с валенсийским герцогом, там же присутствовавшим, о чем была немедленно составлена булла, и к ней была приложена печать. Соглашение было таково. Герцог обязуется в течение пятидесяти дней беспрепятственно и полностью сдать крепости Чезены и Форли. Папа должен в безопасности доставить герцога в Остию, где последний и должен пребывать в замке. Кардинал св. Креста берет на себя попечение о герцоге, обещая, что тот не сбежит, и после того, как он сдаст названные крепости, отпустит его на свободу со всем его имуществом; от лица папы кардинал обещает это герцогу. И если герцог после сорока дней не озабочится сдать названные крепости, папа приказывает привести его в Рим и подвергнуть постоянному заключению. В тот же день кардинал св. Креста вместе с валенсийским герцогом отправились в Остию Тибрскую. 19 апреля валенсийский герцог отбыл из Остии в Неаполь.

В среду, 6 марта, во время заседания консистории Аскино де Коллоредо, клирик из Аквилеи, убийца блаженной памяти кардинала св. Ангела, был лишен сана на эстраде, воздвигнутой на площади св. Петра возле лестницы. Епископ Чивиты получил от папы поручение выполнить обряд лишения сана. Присутствовали аудитор палаты, его помощник и я. Сенатор также находился там со своими чиновниками. Эстрада имела около двух канн ширины и трех длины. Аскино, бывший иподиаконом, имел на себе отличия своего сана. Агабито де Черритани, нотариус аудиторов палаты, изложил содержание процесса и приказа о низложении. Чтение было выполнено согласно обычаю. После своего низложения Аскино был передан сенатору, который, видя, что он не в состоянии идти, приказал довести его на лошади до тюрьмы Капитолия. Аскино часто прерывал чтение обвинительного акта, заявляя, что он принужден был к совершению своего проступка папой Александром и валенсийским герцогом, но что он отказался от всякой платы за содеянное.

В субботу, 16 марта, Аскино был обезглавлен на площади Капитолия. Эта милость была получена от его святейства благодаря ходатайству нашего посла (германского).

В тот же день в город прибыли через Виридарские ворота новые послы: три посла короля Англии, двадцатого числа выразившие папе покорность в третьей зале. Посол представил верительные грамоты, в которых было написано: Генрих, божьею милостью король Англии и Франции, герцог Ирландии.

Господин Роберт, епископ Реннский, посол короля Франции, сидевший на ступенях папского трона, поднялся и, преклонив колени, попросил у папы разрешения сказать несколько слов в защиту прав своего короля. Получив разрешение, он, с непокрытой головой, обратился ко всем и сказал:

«Сиятельные послы, христианнейший король Франции, преданный сын святейшего престола, поручил своим послам передать свидетельство надлежащей покорности. Перед тем как ее засвидетельствовать, вы не должны брать на себя сие обязательство».

После сего, став на колени и обратившись к папе, он просил его святейшество не принимать покорности от тех, кто ее предлагал за короля Франции. Тогда папа ответил послам Англии. Английский посол, державший речь, стал отвечать послу Франции. Но видя, что папа начал говорить, он замолчал, а папа продолжал свой ответ. Когда речь была закончена, прокурор фиска попросил изъявления покорности. Но английские послы более ничего не прибавили. Они и их свита ограничились тем, что поднялись к папе для целования его ноги. Затем папа вернулся в свои покои, и (барон) Тальбот (английский посол) нес за ним конец его мантии; сняв с себя священные одежды, папа указал на другой день утром время, когда названные послы должны были явиться к нему на особую аудиенцию.

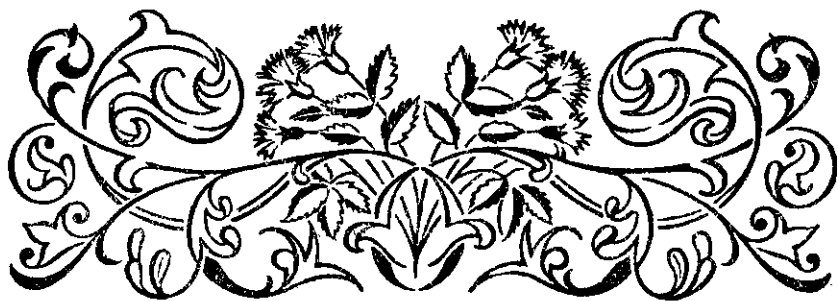
29 мая пришли известия к папе, что Гвидо Феррари, командующий, заключил в Неаполитанский замок валенсийского герцога с Ромелино и тремя другими.

В понедельник, 1 декабря (1505 г.), было тайное заседание консистории, на котором должна была идти речь о назначении десяти новых кардиналов, именно: Шарля (Карретто), маркиза Финаль и архиепископа Фив; Марка, епископа Синигальи, коменданта замка св. Ангела и племянника папы, из ордена миноритов; Леонарда, епископа Ажанского⁶⁸, племянника папы; Роберта, епископа Реннского, посла короля Франции; Сигизмунда Мантуйского, протонотария и брата герцога Мантуи; Антонио, епископа Губбио, мажордома папы; Франческо, епископа Павии, казначея папы; Габриэло де Фано, епископа Урбинского, секретаря папы; Фацио, епископа Чезены, датария, и Бандинелли де Салис, протонотария и апостолического секретаря. Папа вышел к семнадцати часам и направился в залу аудиенций. Он вызвал туда из залы Папагалли, то-есть из залы заседаний консистории, сначала кардинала Неаполитанского, затем других кардиналов поодиночке. С каждым из них он беседовал частно по поводу назначений, которые он хотел провести. Эти беседы, включая время последовавшего затем заседания консистории, продлились до двадцати четырех часов. Во время этих бесед папа не мог склонить кардиналов к своим намерениям. Переговорив со всеми частно, папа явился на заседание консистории. Он обратился ко всем с об-

суждением того же дела. Но тем не менее, он не мог сломить сопротивление кардиналов. Тогда он перешел к угрозам. Напомнил, что было сделано Евгением IV. Кончилось тем, что согласились на назначение девяти вышеупомянутых. Но кардиналы потребовали, чтобы обнародование этих назначений было задержано, а не произведено в сей же день. Папа согласился, чтобы обнародование произошло после следующего заседания консистории. До заседания консистории было одиннадцать кардиналов, противившихся пале и бывших против назначения кардиналов. Наконец, все уступили, когда папа пригрозил назначить тридцать кардиналов, среди них шесть аудиторов, которые сумели бы защитить себя, своих сотоварищей и двух испанцев. Папа был недоволен, видя, что кардиналы Ористано, Реджио, Фиеско и Болоньи, несмотря на обещание на заседании консистории отдать свои голоса ему, были против него. Он был также недоволен Сан Северино, который захотел за свой голос получить замки. У епископа Ористано папа отнял помещение, которое тот занимал во дворце, и легатство в Перуджии, переданное папой назначенному 9 декабря в числе девяти кардиналу Губбио (то-есть Франческо делла Ровере).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рукопись «Дневника» Бурхарда, находящаяся в Риме в библиотеке Киджи, начинается с момента избрания папой Александра VI — длинной выпиской из «Дневника» Инфессуры, которая служит как бы введением к понтификату Александра VI. Выписка эта начинается (в нашем переводе Инфессуры) словами: «В лето господне 1492, 11-го месяца августа, рано утром в субботу избран был папой Родерико Борджиа, родственник папы Каликста, вице-канцлер, испанец; назвал себя Александром VI». Затем идет дословная передача текста Инфессуры до конца его «Дневника». — В той же библиотеке Киджи имеются рукописи (все они — копии), в количестве двух экземпляров, которые начинают выписку из Инфессуры не от 11 августа, а от 25 июля, т. е. делают еще более длинное вступление к «Дневнику» Бурхарда, используя дословно целые страницы Инфессуры. Так как нами даются Инфессура и Бурхард вместе, то нецелесообразно дублировать несколько страниц, и мы ограничиваемся указанием, что изложение правления Александра VI Бурхард начинает дословной многостраничной ссылкой на Инфессуру. Следует, однако, указать, что две рукописи Бурхарда, находящиеся в библиотеке Флоренции, начинают изложение правления Александра VI со 2 декабря 1492 года, т. е. так, как начинается наш перевод: «В воскресенье, 2 декабря, около 23 часов» и т. д.

² Доктор обоих прав — ученая степень, свидетельствующая, что данное лицо обладает специальными знаниями в области как канонического права, так и римского, что оно имеет право самостоятельного преподавания и что оно одновременно является и теологом, и юристом. Обозначалась эта ученая степень латинским выражением — *doctor utriusque juris* или *utriusque legis*. Еврейских ученых в средние века называли *doctores thalmudici* (талмудические доктора).

³ Флиско (Fliscus, Flisco) — под этой латинизированной формой разумеется известная генуэзская семья Фиеско или Фиески (Fiesco, Fieschi), графы Лаванья. Род Фиески можно по памятникам проследить еще в X в.; повидимому, он германского происхождения. Особенно много представителей этого рода встречается среди крупнейших генуэзских купцов; в политическом отношении большинство деятелей этой семьи участвовало в габеллинской феодальной группировке и боролось против чрезвычайных претензий папства. Однако и церковь насчитывала в своих рядах несколько кардиналов и епископов. Из этого рода вышел и папа Иннокентий IV, оказавшийся одним из самых ярых противников императора Фридриха II Гогенштауфена. Из борьбы между Иннокентием IV и императором победителем вышло папство, которое фактически тогда окончательно уничтожило династию Гогенштауфенов и привело к страшному ослаблению в Германии центральной власти. Из других деятелей рода Фиеско назовем: Бартоломео Фиески, который был ближайшим сотрудником Христофора Колумба при открытии Америки; Джованни Фиеско, известный политический деятель, герой драмы Фр. Шиллера «Заговор Фиески в Генуе». Ему же посвящены трагедия «Fieschi» Ансело и роман «Il conte di Lavagna» Дж. Кампильо.

⁴ Джованни Галеаццо Сфорца — четвертый представитель известного итальянского рода Сфорца (Sforza), в течение XV и XVI вв. господствовавшего в Миланском герцогстве. Родоначальником Сфорца был Джакомоццо Атендоло (1369—1424), сын крестьянина из Котиньолы (в Романье), в качестве кондотьера сражавшийся то за интересы Флоренции, то Неаполя, то других итальянских городов. Его сын Франческо Алессандро (1401—1466) приобрел известность в качестве счастливого кондотьера и отнял у папы Евгения IV Анжонскую область («Марку») и превратил ее в «независимую» область. Женясь на дочери миланского герцога Филиппа Мариа Висконти, он после смерти тестя стал в 1450 г. герцогом Милана. Счастливые войны округлили его владения и дали ему возможность играть большую роль в судьбах многих итальянских городов. Сын его Галеаццо Мариа был миланским тираном (1466—1476) и сторонником коммунальной независимости Милана, был убит, оставив наследником трехлетнего сына Джованни Галеаццо, о котором упоминается в нашем тексте. Фактически Миланом стал управлять дядя его Лодовико Моро, который отправил малолетнего Джованни Галеаццо в Павию, где он в 1424 г. был отравлен не без содействия Лодовико Моро, захватившего Милан и ставшего вождем антиарагонской (антииспанской) партии в северной Италии. Опасаясь наступления со стороны Арагона и феодально-реакционных элементов, стоявших на стороне Испании, Лодовико Моро обратился за помощью к французскому королю Карлу VIII и в значительной степени явился ответственным за нашествие французов на Италию. Однако вскоре он порвал с Карлом VIII, так как не мирился с ролью орудия в руках французского короля; он стал одним из наиболее деятельных инициаторов Венецианской лиги, в которую входил и папа и острие которой было направлено против Франции. Но внутри лиги немедленно началась измена: Лодовико Моро переметнулся на сторону нового французского короля Людовика XII, затем снова изменил Франции, переходя то на одну, то на другую сторону и играя по отношению к папству очень двусмысленную игру. Он умер в 1510 г. в французской тюрьме Лош (Loches). — Видным представителем рода Сфорца был и кардинал Асканио (см. прим. 7).

⁵ Фердинанд I (в силу своего испанского происхождения известен и под именем Ферранте I) — неаполитанский король (король Сицилии). Он царствовал с 1458 г. по 1494 г. (см. прим. 26 к «Дневнику» Инфессуры). Неаполитанское королевство он получил от своего предшественника Альфонса Арагонского, отнявшего Неаполь у Анжуйского дома. В лице Каликста III (из рода Борджиа) папство предъявляло претензии на Неаполь, считая его своим леном; но в 1460 г. папа (Пий II) признал Ферранте неаполитанским королем. Однако французский король продолжал отстаивать интересы родственного ему дома Анжу. Царствование Ферранте I протекало в непрерывных войнах, продолжавшихся и после его смерти. Его сын Альфонс II процарствовал лишь несколько месяцев в 1494 г., а следующий король Ферранте II умер в 1496 г., причем 1½ года его правления представляли сплошную борьбу с Францией и с внутренними врагами Ферранте II.

⁶ Архиепископом Монтереале и кардиналом был тогда Иоанн (Хуан) Борджиа, сын сестры папы Александра VI. Монтереале (латинское название Mons Regalis) — небольшой город в бывшем Неаполитанском королевстве; ныне в округе Аквилия дельи Абруцци (южная Италия), около 15 тысяч жителей.

⁷ Кардинал Мариа Асканио был родным братом Лодовико Моро (см. прим. 4) и играл активнейшую роль при избрании Александра VI (Родриго Борджиа) в папы. Недаром близкие к кардинальской коллегии лица тогда писали из Рима, что главным выборщиком Александра VI был кардинал Асканио Сфорца. В благодарность за его энергичную работу новый папа с самого начала стал относиться к нему не только с доверием, но и подпал даже под его влияние. Он вскоре был назначен легатом в Болонье, а затем вице-канцлером. Кардинал использовал благорасположение Александра и женил своего близкого род-

ственника Джованни Сфорца, графа Когиньолы и владельца Пезаро, папской дочери Лукреции. Так как Асканио политически был тесно связан со своим братом Лодовико Моро и фактически защищал его интересы в Риме, то он, естественно, стал объектом политической ненависти со стороны неаполитанского короля, опасавшегося франко-миланского союза, направленного против независимости Неаполя. Когда Лодовико Моро официально стал вождем антиарагонского движения, то кардинал Асканио попал в положение человека, о котором говорили, что он не столько кардинал, сколько политический агент авантюристского герцога. Зигзагообразная, полная коварства, предательства и измены политика Лодовико Моро бросала и брата его в объятия то одной, то другой стороны; в конце-концов все видели в нем опасного интригана и — кто открыто, а кто тайно — его ненавидели. Особенно резко выступал против кардинала Асканио кардинал Джулиано делла Ровере, будущий папа Юлий II. К концу 1498 г. отношения между Александром VI и Асканио настолько обострились, что кардинал бросил папе в лицо упрек, что его сын Чезаре, сидящий во Франции, замышляет гибель Италии; на это папа Александр ответил, что не следует забывать о том, что брат Асканио Лодовико Моро призвал французов в Италию. Асканио стал угрожать папе созывом конвента; в ночь на 14 июля 1499 г. Асканио тайно покинул Рим и отправился в Геную, чтобы оттуда идти в Милан. Папа угрожал кардиналу конфискацией имущества, лишением звания и должностей; но это мало повлияло на Асканио; за ним последовали кардиналы Колонна, Сан Северино и даже Альфонс, муж Лукреции.

⁸ Альтамура — итальянский город близ Бари; был построен в XIII в. императором Фридрихом II Гогенштауфеном на развалинах древней Лупатии (Lupatia), старинные университет и кафедральный собор; ныне около 30 тыс. жителей.

⁹ Джулиано Орсини — синьор Монтеротондо, герцог Асколи, брат кардинала Орсини; при вступлении французской армии в Италию Джулиано оказался на стороне французского короля Карла VIII.

¹⁰ Кардинал Баттиста Орсини, известный своим богатством и распутством, получил от папы Александра VI за то, что голосовал в его пользу во время папских выборов, значительные и укрепленные города Монтичелли и Саризано, легатство в Анконе (Анконская марка) и епископство Картагену. Во время борьбы Александра VI вместе с сыном Чезаре (Чезаре) против рода Орсини кардинал Баттиста, наравне с некоторыми другими членами этого рода, был арестован и заключен в тюрьму Torre di Nona; его имущество было конфисковано в пользу папы и его сына Чезаре. В заключении кардинал Орсини пробыл несколько дней и в феврале 1503 г. умер в тюрьме, как предполагают, от яда, поднесенного ему кем-либо из рода Борджиа, т. е. родственником папы Александра VI.

¹¹ Джерардо Узодимаре — богатый генуэзский купец. В 1489 г. папа Иннокентий VIII с большой пышностью праздновал в Ватикане бракосочетание своей внучки Перетта (от папской дочери Теодорины) с Узодимаре; на бракосочетании присутствовали папа и многочисленные кардиналы и другие высокопоставленные лица. Узодимаре стал «знатым синьором», и с ним породнился дядя неаполитанского короля дон Луке Арагонский.

¹² Сегобрия (древняя Segobria, ныне Segorbia — Сегорбе) — испанский город в провинции Валенсия; старинное епископство.

¹³ Кардиналом св. Климента (в Риме) был тогда Доминико делла Ровере, родственник Сикста IV и Юлия II. Род делла Ровере дал ряд кардиналов и разных других деятелей Папской области.

¹⁴ Кардиналом св. Анастасии был Антонио Джентиле Паллавичини; он же был епископом Вентимильи и Оренсе (Augea, в Испании), впоследствии кардиналом св. Пракседы (в Риме).

¹⁵ Душельмский от города Dunelm — так назывался на латинском языке английский город Дергем (Durham); этим же именем называлось и графство Дергем.

¹⁶ Следует разуместь английского короля Генриха VII, царствовавшего с 1485 г. по 1509 г. Он, однако, не носил титула короля Франции и Англии; он назывался только английским королем. Этот двойной титул имел Генрих VI, когда восьмимесячным ребенком был в 1422 г. провозглашен королем одновременно и Англии и Франции. Генрих VI был убит в Туэре в 1471 г., и о нем в описываемое Бурхардом время не может быть и речи. Следует поэтому считать ошибочным выражение: сиятельныйшии Генрих, король Англии и Франции (можно лишь сказать: претендент на титул обоих королевств).

¹⁷ Хофре Борджиа (Бурхард пишет Хоффредо) был не племянником папы Александра VI, а его сыном; впрочем, сам Бурхард в другом месте называет Хоффредо сыном, показывая тем, что в данном случае он впал в ошибку. Хофре род. в 1480 г. и в раннем возрасте стал архидиаконом кафедрального собора в Валенсии; в 1493 г. он женился на Санции, дочери калабрийского герцога Альфонса, которая в виде приданого принесла ему княжество Скиллаче и графство Кориата; Скиллаче давало ежегодно доход в 40 000 дукатов.

¹⁸ Сюра (Sora) — итальянский город в б. Неаполитанском королевстве. Герцогом Соры в описываемое Бурхардом время был Франческо Чибо, сын Иннокентия VIII, муж Магдалены (Мадалены) Медичи.

¹⁹ Филипп, сын императора Максимилиана I, прозванный Красивым, женился на инфанте испанской Хуане (Хуана Ла Лока, Безумная Хуана), дочери Фердинанда и Изабеллы Католических. Брак между Филиппом Красивым Габсбургским и Хуаной состоялся в 1495 г., и от этого брака родился в Генте в 1500 г. Карл, будущий император Карл V, он же испанский король Карл I; второй сын от этого брака — Фердинанд (род. в 1503 г.), также император германский. Филипп, известный под именем Филиппа Красивого, умер в 1506 г., и Хуана, проявлявшая признаки сумасшествия еще до этого, впала в 1506 г. в полное мрачное безумие. Ее сын Карл стал испанским королем и германским императором, будучи наследником в качестве внука императора Максимилиана I и наследником испанской царственной четы, как сын их единственной, притом безумной дочери. Так оказалась испано-германская корона на голове Карла V Габсбургского.

²⁰ Максимилиан I — император германский (1459—1519), сын и преемник Фридриха III, в 1486 г. был избран римским королем, а в 1493 г. германским императором. В 1495 г. он организовал первую священную лигу с папой, Неаполем и Миланом против французского короля Карла VIII.

²¹ Владислав-Ягеллон, царствовавший в это время в Венгрии (1490—1516), в действительности не одержал победы над турками и как раз в 1493 г. понес крупное поражение на Крбавском поле, несмотря на поддержку императора Максимилиана и Венеции; победа, о которой говорится в тексте, была небольшой стычкой, благоприятной для Венгрии, но не решившей судьбы битвы 1493 г.

²² Сутри (древнее Sutrium) и Непи (древнее Nepetum) — два итальянских города, расположенные у города Витербо и находящиеся в соседстве один с другим. В обоих были епископы; Сутри считалось древнейшей епископской резиденцией (с V века). Епископство Непи иногда называлось Непи-Витербо-Сутри, т. е. под одним именем объединялись три епископства.

²³ Просперо Колонна — кондотьер на службе папы; брат кардинала Джованни Колонна, полководец, участвовавший в битвах против французского короля Карла VIII при его вторжении в Неаполитанское королевство. В 1495 г. одержал ряд крупных побед над французами, но в 1515 г. потерпел под Виллафранкой (Пьемонт) поражение от тех же французов. Просперо Колонна — родственник папы Мартина V.

²⁴ Фара (Phara, древнее название Siculum fretum) — пролив между Сицилией и Апеннинским полуостровом, называющийся ныне Мессинским. Бурное его течение создало легенду о шаходящихся в нем Сицле и Харибде. Название Фара — от знаменитого маяка на острове Фаросе; латинское же название: Siculum (Сицилия) fretum (пролив).

²⁵ Легаты *de latere*, или *a latere*, — так назывались кардиналы, посылавшиеся папой со специальным поручением в какую-либо местность и снабжавшиеся чрезвычайными полномочиями; по существу они были чрезвычайными папскими посланцами и находились на положении дипломатов, не имея никаких определенных церковных полномочий. Если такой чрезвычайный папский представитель не был кардиналом, а был лишь епископом, то назывался нунцием (редко посол имел менее высокое звание, он тогда назывался интернунций); если же говорилось вообще о чрезвычайном папском представителе без указания его церковного звания, то употреблялось выражение — *legatus datus*, т. е. получивший специальное поручение легат.

²⁶ Гиракский (*Giracensis*) от итальянского города Джераче (*Gerace*, древнее *Giracum*), около 12½ тысяч жителей, в провинции Реджио ди Калабрия; предполагают, что античный город Локри находился там, где выросло Джераче, называвшееся долгое время *Hieracium*; Луис (Алонзий) Арагонский носил титул маркграфа (*Giracensis*) Гиракского.

²⁷ Аскания, или Ашария (*Askanien, Ascharien*) — старинное немецкое графство, получившее свое название от замка Аскани, вблизи города Ашерслебена, на латинском языке называвшегося Асканией и расположенного в нынешнем Магдебургском округе. Родоначалником Асканийского дома, известного также под именем Ангальтского, был граф Адальберг Балленштеттский около 1000 года. Разные ветви Асканийского дома многократно утасали, и их владения объединялись в руках одной какой-либо семьи, а потом вновь делились, переходили в виде брачного дара, продавались и т. п. Около середины XIV в. Аскания перешла во владение гальберштадтского епископа. Замок Аскании был снесен в 1444 г. По Вестфальскому миру 1648 г. епископство Гальберштадт было секуляризовано, и асканские земли были включены в Бранденбург.

²⁸ Храбрость папы Александра VI была чисто словесной: в действительности он очень боялся успехов французского короля Карла VIII и намеревался бежать в Венецию, где тайно наводились справки, можно ли будет для папы в ней найти убежище.

²⁹ Баргелло — название начальника городской полиции; городской префект был начальником военных сил, а губернатор был начальником административного ведомства; в XV в. губернатор был в то же время и вице-камерленго. Все эти чиновники были подчинены папе. Во главе же коммунальной власти находился сенатор, при котором были три консерватора, а также совет из 13 районных префектов.

³⁰ Антифон — в церковном католическом богослужении попеременное пение двух хоров.

³¹ Лукреция Борджиа — см. прим. 57 к «Дневнику» Инфессуры.

³² Разумеется Франческо Гонзаго, маркграф Мантуи. Основателем семьи Гонзаго (*Gonzaga*), правившей Мантуей с 1328 г. до 1768 г., был Лодовико Гонзаго, капитан Мантуи, округливший свои владения в 1335 г. городом Реджио с его окрестностями. Франческо Гонзаго был папой Александром VI, Испанией, Венецией и Миланом назначен в 1495 г. главнокомандующим армиями этих государств против французского короля Карла VIII. В 1503 г. он, однако, перешел на сторону Франции и впоследствии вел борьбу против Венеции.

³³ Экспектанцией называлось назначение на церковную службу, когда место службы еще было занято и назначенный кандидат должен был ждать того момента, когда это место освободится в его пользу. Срок ожидания не указывался, и старый службист вовсе не собирался уходить или совершенно не намечался в качестве человека, которому упрощает удаление с места. Все создавало неопределенность вокруг экспектанций, этих своеобразных документов, имевших отметку *cum spe succedendi* (с надеждой на предстоящее назначение). Для продавцов этих экспектанций — а продавцами были папы, капитулы и епископы — их неопределенность была очень выгодна, так как на одно место, — раньше или позже подлежащее освобождению, — назначалось подчас несколько лиц, из которых каждое вносило деньги в папскую или епископскую кассу в надежде, что оно ока-

жестя наиболее счастливым кандидатом. Практика экспектанций началась при Иоанне XXII и давала курии обильный доход; этот же папа страшно злоупотреблял правом выдачи экспектанций, и на каждую, более или менее выгодную должность имелось подчас до десятка и более экспектантов, между которыми происходили горячие споры и конфликты за первую очередь на «имеющее освободиться» место. Тридентский собор отменил продажу экспектанций; он оставил право выдачи подобных документов только на имя коадьютора (помощника) епископа и аббата; помощники того и другого могли иметь в руках назначение, когда еще епископ и аббат вовсе не собирались уходить; но так как ничто не вечно, то их преемники покупали экспектанцию на потенциальную вакансию. Эта мера подорвала доход курии от продажи экспектанций, но полностью не уничтожила этой практики, и Рим продолжал и в XVII—XVIII вв. злоупотреблять этими назначениями на неосвободившиеся церковные места.

³⁴ Под кардиналом Валенсийским здесь разумеется сын Александра VI Чезаре (Цезарь) Борджиа (1475—1507). Александр предназначал Чезаре к духовной карьере, и препятствия, вытекавшие из его происхождения (сын вдовы и кардинала), были устранены Сикстом IV, так что в 1482 г. семилетний Чезаре был назначен протонотарием. Иннокентий VIII дал ему епископство Памплону, а Александр VI в 1492 г. — Валенсию, приносящую 16 тысяч дукатов дохода. Чезаре, мечтавший о политической карьере и военной славе, тяготился своим духовным званием и, несмотря на канонический запрет, снял с себя в 1498 г. кардинальскую шляпу с согласия всей кардинальской коллегии, действовавшей по указке Александра VI. Через несколько месяцев Чезаре сделался герцогом Валантинуа (Нижнее Дофинэ, Франция), и так как епископство Валенсии (Valencia) и герцогство Валантинуа (Valentinois) на латинском языке передавались одним и тем же словом, то бывший епископ, ставший герцогом, был известен под латинским именем Valentinus, что по-русски передается «Валенсийский», хотя к испанскому епископству Валенсии Чезаре уже более не имел отношения и был герцогом специально французским королем Людовиком XII созданного в 1498 г. перства-герцогства Валантинуа, имевшего главным городом Валанс. Герцогство было дано Чезаре, так как он женился на Шарлотте д'Альбрэ. Вместе с Людовиком XII Чезаре начинает завоевание Романьи и захватывает ряд городов. За эти победы он получил от своего отца титул знаменосца римской церкви и стал во главе всех военных сил Папской области. С этого момента Чезаре начинает сильно увеличивать территорию своего отца и ведет определенную политику создания могущественного среднеитальянского княжества, главой которого должен был стать он сам. Внутри государства Чезаре действует как самодержавный монарх и жестоко расправляется со всеми противниками его абсолютизма. Однако со смертью Александра VI значение Чезаре быстро стало падать; новый папа не был на его стороне, а против него поднялись многочисленные его политические противники, как Орсини, Савелли, и некоторые города, во главе с могущественной Венецией.

³⁵ Ангиллара (Anguillara) — небольшое местечко в Церковной области, расположенное в 30 километрах от Рима. В 1758 г. Бенедикт XIV превратил его в епископство.

³⁶ Браччиано (Bracciano) — древний Арценум (Arscenum), территория, входившая в состав Церковной области, вокруг озера того же имени, некогда называвшегося Sabatinus locus. Ныне Браччиано — популярный в Италии курорт, расположенный на расстоянии 35 километров от Рима.

³⁷ Аколудфы — дословно означает «проводящие, прислужники» — одна из низших церковных должностей; помощники диаконов, соответствуют иподиаконам. Число аколудфов не было ограничено.

³⁸ В папской канцелярии существовал особый департамент по казенным делам, называвшийся пенитенциарием, имевший разных служителей.

³⁹ Урбино в качестве герцогства было организовано в 1213 г. и принадлежало фамилии Монтефельтро. Сын папы Александра VI Чезаре Борджиа захватил его в 1502 г.; в 1508 г. герцогом Урбино стал племян-

ник папы Юлия II Франческо Мариа дела Ровере, убивший кардинала Франческо Алидоза и искупивший преступление завоеванием Феррары и передачей ее папскому престолю. Герцогство Урбино окончательно вошло в состав Церковной области лишь в 1631 г.

⁴⁰ Козенца (Cosenza, древн. Consentia) — итальянский город в бывш. Неаполитанском королевстве, архиепископская резиденция.

⁴¹ Диспенсация — отрицательная привилегия, в силу которой папа может освободить человека от запрещения, установленного законом для всех. Основанием диспенсации служило утверждение, что тот, кто имеет власть издавать законы, властен также и освобождать от их действия, при этом освобождение распространялось и на так называемые божеские законы. Богословы умышленно смешивали диспенсацию с обычной огменой закона. Диспенсация служила обильным источником доходов для курии; нападки на злоупотребление ею пестрят страницы противников папства, в особенности из протестантского лагеря.

⁴² Интерамна («между водами») — название нескольких итальянских городов в античную эпоху. Ныне — Терни, родина Тацита; Терамо среди отрогов Абруцци.

⁴³ Савонарола, Иероним (Джироламо) — знаменитый флорентинский проповедник, род. в 1452 г. «Грехи Италии, — говорил он, — силою делают меня пророком». И действительно, главным содержанием его речей было резкое обличение испорченности нравов, духовенства в первую очередь. В своих проповедях Савонарола часто смешивал свои мысли с текстами св. писания, и постепенно как народ, так и сам он стали верить в его пророчества. Папа Александр VI ввиду огромной популярности Савонаролы пытался привлечь его на свою сторону и предлагал ему кардинальскую шляпу; однако Савонарола отвергал всякого рода сделки с совестью, и так как считал, что французский король Карл VIII может оказаться полезным союзником в деле борьбы с «итальянской испорченностью» и тираническими приемами господствовавших во Флоренции Медичи, то стал главой так называемой французской партии. Тем самым его проповедь получила определенно политический характер и восстановила против него все те слои общества, которые по социально-экономическим и политическим мотивам были враждебно настроены против Франции и стояли на стороне Испании. К этим феодальным и реакционным элементам, силой вещей выступавшим против «революционера»-доминиканца, следует прибавить и те буржуазные, но отнюдь не реакционно настроенные слои общества, которые были недовольны чрезмерно ригористическими требованиями сурового проповедника, преследовавшего всякие проявления роскоши, а также все виды удовольствия и наслаждения. Однако сила Савонаролы была в бедных слоях Флоренции, в тех, которые были жертвами нарождавшегося в Италии крупного торгового капитала; они получили кличку «плакс», потому что вечно оплакивали и свою судьбу, и тот несправедливый режим, при котором одни роскошествуют, а другие умирают с голоду. Против суровостей Савонаролы, фактически управлявшего Флоренцией, образовались разные общества, из которых «беснующиеся» и «разнузданная молодежь» проявляли особую энергию. Их поддерживали бежавшие из Флоренции Медичи, кардинал Асканио Сфорца и все духовенство, во главе с Александром VI, который 12 мая 1497 г. отлучил Савонаролу от церкви, найдя и еретические мысли в его проповедях, и неповиновение в отношении высшего духовного авторитета. Так как Савонарола «сжег анафемную буллу», то папа угрожал Флоренции интердиктом, и городом настолько овладела паника, что многие даже из поклонников Савонаролы поколебались. Для испытания справедливости учения Савонаролы предложено было устроить суд божий — испытание огнем. Это была ловушка, задуманная «беснующимися» и францисканцами. Савонарола должен был пройти среди костров; однако огненная проба не состоялась, и против Савонаролы началась сильная агитация: его обвиняли в трусости, и его былая популярность быстро стала падать. А когда от него отвернулись народные массы, то «беснующиеся» энергично взялись за преследования: Савонарола вместе с ближайшими его друзьями был арестован, а папа

снарядил особое следствие для выяснения его преступлений. Его пытали помногу раз в день, угрозами заставляли впадать в противоречия и вынудили у него признание, что все его пророчества имели целью обманывать народ и вводить его в самые жалкие заблуждения. 23 мая 1498 г. Савонарола, по постановлению суда, был повешен, и тут же тело его было сожжено на одной из центральных площадей Флоренции.

⁴⁴ Минориты — одно из подразделений ордена нищенствующих, или францисканцев.

⁴⁵ Трекоренский — от французского города Трегье (Trèguier), в средние века называвшегося Lanttriguet, а по-латыни Trecoга или Treco-gium; вырос из монастыря, основанного в начале VI в. Готический собор IX века.

⁴⁶ Анна из Бретани (1476—1514) — дочь и наследная герцогиня Франциска II Бретонского; замужество за Максимилианом Габсбургским расстроилось, и она в 1491 г. вышла за французского короля Карла VIII, а в 1499 г. за Людовика XII. Славилась красотой и остроумием.

⁴⁷ Арелатский — от французского города Арль (Arles, старинное название Арелате — от кельтского Ar-lait, т. е. у моря), некогда столица Прованса, затем обеих Бургундий, получивших название Арелатского королевства.

⁴⁸ Д'Альбрэ (Albret) — выдающийся южнофранцузский род. В 1494 г. Жан д'Альбрэ стал королем Наварры.

⁴⁹ Мутинский (Mutinensis) — от итальянского города Модены, называвшегося по-латыни Mutina.

⁶⁰ Малолетний Родриго, буллой от 17 сентября 1501 г., т. е. когда ему было два года, получил герцогство Сермонету с городами Нинфа, Чистерна, Неттуно, Ардеа, Неми, Альбаио и некоторые другие местечки. В 1503 г. Александр VI передал Родриго еще город Фермо. Через год, однако, Родриго лишился всех своих владений, так как папа Улиий II относился чрезвычайно враждебно ко всем членам семьи Борджиа.

⁶¹ Риарио Пьетро женился на сестре Сикста IV, получил от него кардинальскую шляпу, стал флорентийским архиепископом и папским легатом, приобрел Имолу и всю ее область и сделался одним из богатейших людей того времени. Его брат Джироламо получил по наследству Имолу, захватил в 1480 г. Форли и вел счастливые войны против Колонна. Он был убит в 1488 г. Видным папским деятелем этой семьи был Рафаэлло Риарио, камерленго и кардинал св. Георгия *ad vetum aurum*.

⁶² Джулия (Юлия) Фарнезе — сестра папы Павла III (Алессандро Фарнезе). Она славилась красотой и была известна под именем La Bella (красавица); в течение нескольких лет между нею и Александром VI была интимная связь, которой Алессандро Фарнезе обязан своей кардинальской шляпой. В папском дворце, у входа в комнату Борджиа, висела картина художника Пинтурикио, изображавшая деву Марию с лицом, крайне похожим на синьору Джулию Фарнезе. Джулия была замужем за Орсо Орсини, синьором Монтеротондо; единственной наследницей Орсо Орсини была Лаура, дочь от его брака с Джулией. Лаура вышла замуж за Никколо делла Ровере, племянника папы Юлия II.

⁶³ Уликсбоненский, т. е. лиссабонский.

⁶⁴ Агригентинский, т. е. епископ Агридженте, кардинал Санта Приска.

⁶⁵ Под названием Цезарии следует, повидимому, разуметь Цезарию, кардинала святых Сергия и Бакха в Риме; полный титул этого кардинала таков: Джулиано Цезарии, кардинал-диакон *de ss. Sergii et Bacchi*.

⁶⁶ Макловиенский — от французского города Сен-Мало (S.-Malo), первым епископом которого считают Маклу; отсюда старинное название города Macloviopolis (город Макло или Маклу).

⁶⁷ Испаленский, или Гиспальский (Hispalensis от Hispalis), — так называлась нынешняя Севилья (Испания) у древних римлян. Легенда считает Геркулеса основателем Испалиса — Севильи.

⁶⁸ Капутаква, т. е. Капаччо, город в бывшем Неаполитанском королевстве, недалеко от Салерно; древний — Caput Aqueum.

⁵⁹ Франческо Борджиа был двоюродным братом Александра VI; в сентябре 1500 г., в момент острой финансовой нужды, Чезаре Борджиа сразу продал 12 кардинальских шляп, т. е. заставил назначить 12 новых кардиналов; среди них были Франческо и Лодовико Борджиа. Франческо Борджиа был архиепископом Козенцы и имел ежегодный доход в 3 000 дукатов, а Лодовико, как валенсийский епископ, получал 10 000 дукатов дохода.

⁶⁰ Джованни (Хуан) Борджиа, двухлетний ребенок, получивший герцогство Неппи с Палестриной, Фраскатти, Олевано, Палиано, Антиколи и некоторыми другими местами, назван в двух буллах от 1 сентября 1501 г. то незаконным сыном Чезаре Борджиа, то сыном самого Александра VI. Хуан получил от папы в дар Камерино (древний Камеринум, значительный город Умбрии).

⁶¹ Некое письмо, о котором говорит Бурхард, было не чем иным, как памфлетом, будто бы исходившим из лагеря в Таренте и адресованным в виде письма на имя барона Сильвио Савелли, жившего в качестве эмигранта при дворе императора Максимилиана I. Автором этого памфлета был, вероятно, какой-либо гуманист или человек, близко стоящий к гуманистическим кругам. По мнению Грегоровиуса, автора многотомной истории города Рима, сочинителя этого памфлета-письма следует искать среди лиц, близких роду Колонна.

⁶² Убийство Чезаре в присутствии Александра VI его постельничего Пиеротто впервые стало известно благодаря донесению венецианского посла Паоло Капелло своему правительству от 28 сентября 1500 г. В течение долгого времени некоторые историки (Гаген, Брош, Реймонт и др.) относились с недоверием к донесению Капелло; однако новейший историк папства — Людвиг Пастор, правоверный католик, на основании изученных им архивных материалов в Мантуе, пришел к выводу, что убийство Пиеротто при прямом участии Чезаре «представляется весьма вероятным» (*sehr wahrscheinlich*).

⁶³ Фламения — одна из семи итальянских провинций эпохи Римской империи, соответствует приблизительно легатствам Болоньи, Феррары, Равенны и Форли.

⁶⁴ Пичено (*Pisenum*) — ныне Анконская марка; это название употребляется сравнительно редко, как и Пичемини.

⁶⁵ Эстский — от города Эсте (древн. *Ateste*) недалеко от Падуи, епископство, красивый кафедральный собор. Знаменитый род Эсте правил Падуей, Феррарой, Моденой и Реджио; от него ведет происхождение Брауншвейгский герцогский дом, связанный с Ганноверским (царствующая в Англии династия).

⁶⁶ Под Алибретто следует разуместь Амедея д'Альбрэ (прим. 48), апостолического протонотария, шурина Чезаре Борджиа, кардинала святого Николая *in carcere Tulliano* (в Риме).

⁶⁷ Приап — по греческой мифологии — бог садов и полей, покровитель сладострастия и чувственных наслаждений. Изображения Приапа представляли мужчину в состоянии полового возбуждения.

⁶⁸ Ажан (*Agen*, древн. *Aginum*) — южнофранцузский город на Гаронне; старый епископский город, известный кафедральный собор, место собрания многих средневековых синодов.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Лозинский

Стр.

«Дневники» Инфессуры и Бурхарда как памятники итальянского Возрождения	5
--	---

Стефано Инфессура

Дневники о современных римских делах

I.	33
II. Папский двор во Франции	35
III. События по возвращении папского двора из Авиньона	—
IV. История Рима во время папства Мартина V	40
V. Папа Евгений потерял власть	43
VI. О войне, которую вели папа Сикст и синьор Роберто Малатеста Римини против короля Ферранте и герцога Калабрии, и о смерти названного Роберто в 1482 г.	61
VII. Лето 1484	70

Примечания <i>С. Лозинского</i>	144
---	-----

Иоганн Бурхард

Дневник о римских городских делах

1492 год	155
1493 год	161
1494 год	164
1495 год	175
1496 год	180
1497 год	183
1498 год	190
1499 год	197
1500 год	205
1501 год	210
1502 год	214
1503—1505 годы	225

Примечания <i>С. Лозинского</i>	234
---	-----

Инфессура и Бурхард — Дневники. 1939 г. Первое издание. Редактор *С. Г. Лозинский*. Рисунков переплета, форзаца и титульного листа худ. *В. А. Селенгинского*. Уполномоченный Мособлгорлита № Б-11052. Художественный и технический редактор *М. С. Смелянов*. Корректор *Е. А. Шаров*.

Сдано в набор 9 января 1939 г. Подписано к печати 26 ноября 1939 г. Индекс Б—2. Тираж 5.000 экз. Учебно-издательских листов 18,18. Формат $60 \times 92 \frac{1}{16}$. Бумажных листов $7 \frac{5}{8}$. Печатных листов 15,25 + 0,75 — вклейки. Цена книги 3 р. 65 к. Переплет 1 р. 75 к.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка текста	Напечатано	Надо читать
22	15 снизу	Белонью	Болоню
95	22 сверху	пезванными	названными
128	17 снизу	исполнение	неисполнение
168	13 снизу	нета требовал себе место старше. Упомянутый Сермонета раз-	нета требовал себе место старше, упомянутый Сермонета раз-
170	11 сверху	Хоффердо	Хоффредо

15-5-40

СИНТЕСОВА
И БУХАРА

АЛЕВНИКИ

